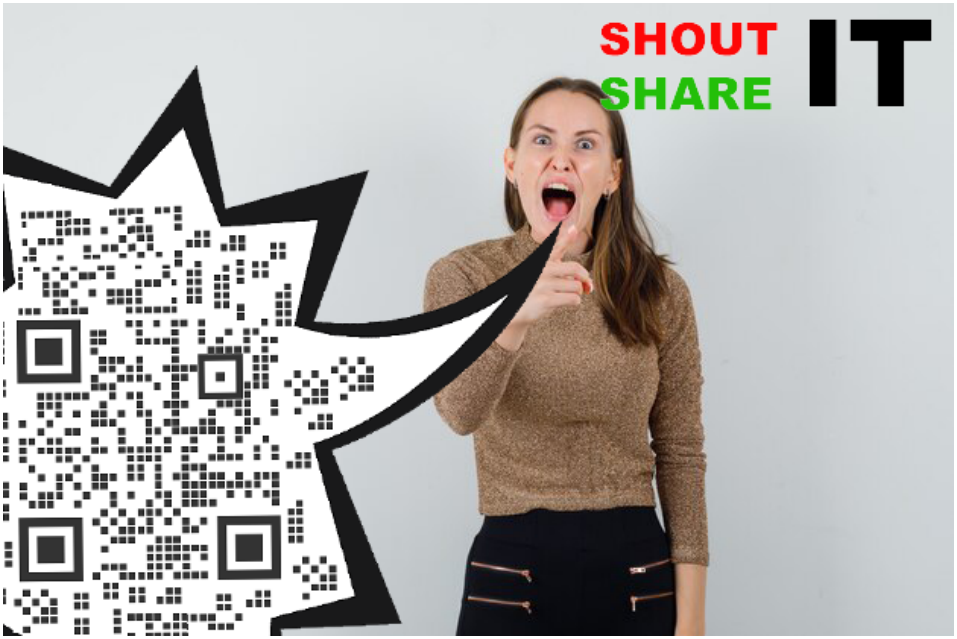
ПОРТРЕТЫ

А. ДЮМА

Книга первая


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Подробная биография — настоящий путеводитель по творчеству Александра Дюма-старшего (1802–1870) — принадлежит перу известного современного романиста, лауреата многочисленных литературных премий Даниеля Циммермана.

-
- Даниель Циммерман
  - БЛАГОДАРНОСТИ
  - ЭПОС О ГЕНЕРАЛЕ
  - МАТЕРИНСКИЙ ЛЕС
  - ДОЛГАЯ ОХОТА
  - БИТВА ЗА «ГЕНРИХА III»
  - БАСТАРД БЕРЕТ РЕВАНШ
  - ПРОФЕССИЯ: НОВАТОР
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114

- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158

○ 159
○ 160
○ 161
○ 162
○ 163
○ 164
○ 165
○ 166
○ 167
○ 168
○ 169
○ 170
○ 171
○ 172
○ 173
○ 174
○ 175
○ 176
○ 177
○ 178
○ 179

Издание книги осуществлено в рамках программы «Пушкин» при содействии посольства Франции в Российской Федерации

На переплете портрет Александра Дюма из французского издания: Daniel Zimmermann. Alexandre Dumas le Grand. Julliard, 1993.

Даниель Циммерман
АЛЕКСАНДР ДЮМА ВЕЛИКИЙ
Биография
Книга 1

БЛАГОДАРНОСТИ

Какое счастье иметь друзей, которых можно эксплуатировать без стыда и совести!

Прежде всего я бесконечно благодарен МИШЕЛЮ БРЕТОНУ, главному хранителю города Парижа, с которым я консультировался изо дня в день то в том, что касалось фундаментальных исследований в Национальной библиотеке и Библиотеке Арсенала, то в конкретных уточнениях. И вслед за ним отдали в мое распоряжение свою огромную культуру, источники информации и свое посредничество в общении с коллегами по всей Франции библиотекарь Муниципальной библиотеки города Ганьи ДЛНИЕЛЬ ДЮБАН, директор той же библиотеки ЖЕРАР ОБЕР и директор Муниципальной библиотеки в Сен-Кентен-ан-Пикарди АЛЕН ПЕКЕ.

Когда я обратился к хранителю старого фонда Библиотеки Дьеппа МИШЕЛЮ ЛЕНЕ за справкой о пребывании Александра в этом городе и его окрестностях, он не только предоставил в мое распоряжение книги, брошюры и газеты, имеющие отношение к интересующему меня вопросу, но и был настолько любезен, что подготовил непосредственно к моей работе каждую из них.

Доктор ЖАК АЛЛУШ и доктор МАРТЕН ВИНКЛЕР, тоже писатель, были моими постоянными консультантами в судебно-медицинско-литературных вопросах. Основываясь на клинических заключениях эпохи, они сумели уточнить диагноз и сформулировать новые гипотезы относительно заболеваний Александра и его родственников.

Мой учитель, а затем выдающийся коллега по университету профессор ЖАН ВИАЛЬ, к тому же и искушенный библиофил, сообщил мне о существовании неизданного текста Александра «Жак Простак». Я смог приобрести эту рукопись, благодаря ЖЕНЕВЬЕВЕ КАЛЬВЕЙРАК и ее глубочайшим знаниям мира аукционов. Она же сумела сделать и машинописную копию с рукописи.

КОЛЕТТ КЕРБЕР из книжного магазина «Colliers de Colette» в Париже сделала невозможное, чтобы обеспечить меня всеми книгами Александра, которые оказались в продаже, и даже теми, что были уже распроданы. ПЬЕР ДРАКЛИН навел меня на след изумительного издания Полного собрания сочинений Александра, осуществленного издательством Le Vasseur в 1907 году, а ЖОРДИ ВУИТА из книжного магазина «Griphe» в Париже сумел достать мне это издание.

МАРИ-ЛАУРА ФИЛЬОЛЬ и КЛЕР ЦИММЕРМАН помогли мне

собрать все, что касалось трудов, посвященных Дюма.

АЛЕН КУЛОН, ЖАКЛИН РОБЕР и АННИ СОМОН сделали так, чтобы я не впадал в отчаяние от моего незнания английского языка.

Аналогичную роль в отношении итальянского языка сыграла МИРИАМ ПЕНАЦЦИ, которая, кроме того, преобразила мои каракули в превосходный машинописный текст. Она была одной из первых моих читательниц, внимательных и критичных.

Неусыпными, эффективными и всегда остроумными литературными редакторами оказались ЭЛИЗАБЕТ САМАМА и ЛОРАН ТЕИС.

А еще друзья из группы «Nouvelles Nouvelles», которые постоянно интересовались долгим моим путешествием в компании с Александром: ДАНИЕЛЬ АПРУЦ, ЖИЗЕЛЬ БУЛЬЗАГЕ, МИШЕЛЬ ГАЗЬЕ, МАРИ ГУДО, ЮГО МАРСАН, ПЬЕР ЛЕПАП, ЕВА СЕБОЛЬ-ГАЛЛАН, АНИТА ВАЛЬЕХО, не говоря уже о названных выше ЖЕРАРЕ ОБЕРЕ, МИШЕЛЕ БРЕТОНЕ, МАРИ-ЛАУРЕ ФИЛЬОЛЬ и МИРИАМ ПЕНАЦЦИ. Их постоянная терпеливая готовность к разговору на единственный интересующий меня сюжет и чуть ироничное сочувствие к бесконечно долгим срокам моей работы были мощным стимулом к завершению этой работы.

Зато нет никакого смысла благодарить здесь КЛОД ПЮЖАД-РЕНО. Если она и не всегда была довольна этой постоянной жизнью втроем с Александром, она никогда этого недовольства не проявляла и, возможно, даже получала свою долю удовольствия. Поэтому ограничусь тем, что посвящу ей эту книгу.

Посвящается Клод
Пюжад-Рено

ЭПОС О ГЕНЕРАЛЕ
(1762–1802)

Генерал умирает. Александру три с половиной года. Его отсылают спать к дяде. Ровно в полночь он просыпается от сильного удара в дверь. Вскакивает, чтобы открыть. Кузина удерживает его, силой укладывает обратно в постель. Он отбивается, вопит, рыдает: это отец пришел проститься с ним.

В действительности генерал умер за две минуты до полуночи. Утром Александру сообщают печальную весть. Он не понимает. Что означает смерть? Что он больше никогда не увидит отца. Почему же? Потому что боженька забрал его. А где живет боженька? На небе. Мальчик задумывается. Удрав из дома дяди, он бежит домой, забирается в комнату, где хранится оружие, берет ружье, которое отец обещал подарить ему со временем, и поднимается по лестнице. На площадке он сталкивается с матерью. Она выходит из траурной комнаты, плачет.

«— Ты куда, — спрашивает она меня в удивлении: она-то думала, что я у дяди.

— Иду на небо, — ответил я.

— Вот как, прямо на небо?

— Да, пусти меня.

— И что же ты собираешься делать там, бедненький мой?

— Собираюсь убить боженьку, за то, что он папу убил».

Этот отрывок из «Моих мемуаров», сообщающий отныне детскому слову литературную ценность, свидетельствует о необычайной близости между Александром и его матерью Мари-Луизой. Вдова не столько безутешная, сколько верная памяти эпического романтического героя — красавца, силача, пылкого смельчака безукоризненной честности, но неуравновешенного, человека в высшей степени незаурядного, она все детство своего сына посвятит культу отца, основным ритуалом которого станет ежедневное посещение кладбища, на котором похоронили Генерала.

С годами эпос, в основу которого легли воспоминания Мари-Луизы, родственников и друзей, а также личные архивы Генерала, обогатится показаниями старых солдат или товарищей по оружию, в частности, рассказами Дермонкура, его адъютанта. Так общий труд матери и сына испробует себя в устной форме, прежде чем будет зафиксирован письменно. Что за беда, если то там, то здесь возникнут пробелы, которые надо будет как-то заполнять, или искажения, или неточности: истинны лишь

легенды, в которые по-настоящему верят.

Пройдет почти полвека, пока Александр последовательно изложит праисторию своей семьи, но прежде он наделит многими чертами и свойствами своего отца персонажей романов и пьес. И, без сомнения, бессмертием своим «Мушкетеры» в значительной степени обязаны бессмертию этого пламенного героя, которому в трудах лучшего рассказчика всех времен никогда не суждено ни состариться, ни вернуться в детство.

Многие из генералов Революции весьма скромного происхождения. Во времена Империи некоторые превратятся в королей или баронов. Первый из Дюма не так уж плохо кончил. Хотя и начал с самого низа, ниже, чем бастард или полукровка, начал с раба.

Отец его Александр Антуан Дави — маркизик де ля Пайетри. В 1760 году в возрасте сорока шести лет он приезжает в Сан-Доминго к брату своему Шарлю, управляющему сахарным заводом и крупному работорговцу. Братья не находят общего языка и вскоре расстаются. Дабы не унизить своего титула несовместимыми с ним занятиями, маркизик берет псевдоним Антуан Делиль и приобретает плантацию «Гиноде» в Тру-Жереми на юго-западном берегу будущего Гаити. Там он выбирает себе наложницу из числа самых хорошеньких рабынь. Поскольку Мария Сессета исполняет также функции хозяйки в доме Антуана, она получает прозвище «Мария из дома» («La Marie du mas»). Она производит на свет двух мальчиков и двух девочек. Старший, родившийся 25 марта 1762 года и крещенный именем Тома Александр, станет Генералом.

Само собой разумеется, что маркизик на прекрасной Марии Дюма не женился. Что, впрочем, он мог бы и сделать, как разрешал ему «Черный кодекс», составленный Кольбером и обнародованный Людовиком XIV[1]. В самом деле, в своих морализаторских усилиях и в попытках пресечь чрезмерное вольнодумство поселенцев, которые царили в настоящих гаремах, статья 9 этого Кодекса делала возможным брак между белым и его рабыней, принесшей ему детей. Брак давал свободу как детям, так и матери. И, следовательно, продать их было уже нельзя.

В 1772 году остров был опустошен циклоном. Тысячи мертвых и раненых, гибель скота и урожая. А вслед за тем еще и эпидемия дизентерии. Мария Дюма пала ее жертвой. Плантация была разорена, большая часть рабов умерла или сбежала — головокружительное падение человеческого капитала. Дабы ничто не мешало возвращению во Францию, где он мог получить наследство благополучно почивших братьев, маркизик продает четверых своих детей.

И все же из этого вовсе не следует, что он был бесчеловечным отцом. Он даже питал определенную слабость к своему первенцу, которого он уступает с правом выкупа, то есть оставляя за собой возможность вернуть его через пять лет. И, преисполненный деликатности и чуть ли не стыдливости, акт продажи идентифицирует Тома Александра как Тома Реторе, опуская «Александра», наследственное имя семьи, и со всей определенностью свидетельствуя, что речь идет не о торговле отца сыном, но о продаже владельцем своего имущества.

По возвращении во Францию маркизик, почти шестидесятилетний, проводит мирные дни свои в объятиях юности, которую воплощает Франсуаза Элизабет Рету, именуемая экономкой. По временам он чувствует уколы ностальгии: ах, колониальная жизнь, неплохое было время, почему бы не иметь при себе маленький живой сувенир? И в 1776 году он выкупает Тома Реторе, выписывает его во Францию и признает своим внебрачным сыном. Отныне юный вольноотпущенник зовется Тома Александр Дави де ля Пайетри. Но по нормам эпохи незаконнорожденность его остается всегда при нем. Живет он вместе с отцом в местечке Сен-Жермен-ан-Лэ, где позднее Александр станет полковником Национальной гвардии. Но совершенно ничего не известно о четырех годах рабства Тома Реторе. Ровно ничего не известно и о судьбе его брата и сестер, о ней можно только догадываться.

В отличие от героев истекающего XX века, романтические герои не имеют привычки постоянно твердить о своем детстве. Поэтому эпос, сочиненный Мари-Луизой и Александром, приносит в жертву главному то, что ему предшествует. Его начало относится лишь к 1784 году, когда маркизик, его экономка и внебрачный сын переезжают в Париж. Тома Александр ведет в столице жизнь «истинного отпрыска семьи», как с некоторой завистью отметит другой Александр, которому рано пришлось начать трудовую жизнь. Тома Александр вполне равномерно чередует посещение салонов и притонов. Он нравится женщинам. Их привлекает представительность этого молодца, его высокий рост — «пять футов девять дюймов», то есть метр восемьдесят шесть, а вовсе не метр девяносто пять и не два метра, как иногда говорят. Рост неординарный для того времени и сверх того Тома «хорош лицом, хотя кожа мулата придавала его физиономии некую странность, элегантен, как креол, восхитительно скроенный по меркам эпохи, когда полагалось иметь представительную фигуру и маленькие, как у женщины, руки и ноги; необычайно ловок во всех физических упражнениях, один из лучших учеников Лабуасьера, первого фехтовальщика своего

времени; соперник в ловкости и живости самому Сен-Жоржу, тоже, кстати, мулату, но гораздо старше, сочинителю музыки, столь же великому соблазнителю, с тем же экзотическим очарованием, не упускающему шанса использовать в свою пользу лестные слухи о сексуальных достижениях цветных мужчин.

Однако обратной стороной эстетического преимущества был расизм. Тусклые аристократы плохо переносят, когда им предпочитают негра. Таков был мушкетер, бесцеремонно вторгшийся в ложу театра Монтансье, где находился Тома Александр в сопровождении очаровательной молодой дамы:

«— Простите, сударь, — прервала его [мушкетера] дама, едва он начал говорить, — но вы как будто не заметили, что я не одна.

— И с кем же вы? — спросил мушкетер.

— Думаю, что с этим господином, — ответила дама, указывая на моего отца.

— Ах, простите! — сказал молодой человек, — я принял господина за вашего лакея».

Дворянин благородных кровей отхлестал бы нахала по щекам. Но у сына Марии Дюма другие явные преимущества перед мушкетером, он хватает его и выбрасывает через барьер ложи прямо в зал. Мушкетер приземляется в партере. Следует дуэль, и справедливости угодно, чтобы Тома Александр был победителем. Физическая сила побуждает к уважению, бывший раб немало делает, чтобы это уважение внушить. Александр младший прекрасно помнит, как он, «держа двух человек на согнутой ноге и еще двух на закорках, скачет через комнату на одной ножке». Или детскую игру, которую нетрудно приравнять к подвигу и которая состоит в том, чтобы, просунув по пальцу одной руки в четыре ружейных дула, приподнять их в горизонтальном положении. Но где геройство становится поистине сверхчеловеческим, так это в момент, когда, сидя в седле и зажав лошадь в шенкелях, Тома Александр цепляется за балку и подтягивается вместе с животным, поднимая вес в шестьсот килограмм по меньшей мере. Здесь становится понятным, почему в Олимпийских играх не предусмотрено конных соревнований: Геракл от них бы отказался.

Столь мощная конституция могла привести только в армию. Тем более, что в 1786 году семидесятидвухлетний маркизик сочетается законным браком со своей тридцатидвухлетней экономкой. Тома Александр не принимает этого брака, он полон упреков: ведь его мать тоже была экономкой, но на ней не женились и при четверых детях. Возмущенный этим напоминанием о колониальных порядках, маркизик лишает сына Марии Дюма пропитания. «Парижская жизнь без денег — большая

глупость», и Тома Александр решает поступить в простые солдаты.

— Но только не под моей фамилией, — изрыгает маркизик на грани апоплексического удара.

— Не стоит беспокоиться! Я возьму лишь то, что мне принадлежит: мое второе имя и фамилию моей матери.

Старый маркизик хлопает дверью, и четырнадцать дней спустя умирает: сказались перегрузки, связанные со свадьбой и ссорой. «С этой смертью оборвалась последняя ниточка, которая связывала моего отца с аристократией». Явился на свет первый из Александров Дюма.

Жизнь в драгунском полку Ее Величества, постоянные дуэли с драгунами Его Величества по поводу чрезвычайно серьезной проблемы: кто кого употребляет, король королеву или наоборот. В результате одной из таких дискуссий драгун Дюма получает колющий удар в лоб. «Эта рана, которой он в тот момент не придал никакого значения, повлечет за собой серьезнейшие последствия и едва не приведет его к безумию».

Взятие Бастилии счастливо нарушит монотонность каждодневных забав скучающих от безделья военных. В деревнях царит ужас перед разбойниками, крестьяне восстают против феодального права, горят замки и архивы, что, в свою очередь, пугает провинциальную буржуазию, и она взывает к силам порядка.

15 августа 1789 года под приветственные клики драгуны королевы высаживаются в Виллер-Котре. Они размещаются у одного из местных жителей. Хозяин трактира «Экю дю Франс», любитель экзотики и командир местного отряда Национальной гвардии Клод Лабуре, обращает свое особое внимание на драгуна Дюма: в этой местности цветных людей не видели, и почему бы не развлечь этим знакомством жену и дочь Мари-Луизу! Одного лишь он не мог предвидеть, что уже через два дня Мари-Луиза напишет подруге: «Он очень мил. Его зовут Дюма, но это не настоящее его имя. Его отец будто бы помещик в Сан-Доминго или где-то в этом районе, он такой же большой, как кузен Прево, но только манеры у него получше. Ты увидишь, милая моя и добрая Жюли, как он хорош»[2].

Ветер романтизма нарушил спокойствие постоялого двора. В двадцать лет почему бы не помечтать дочери именитого гражданина, даже если она и обещана в жены кому-то из себе подобных! Влюбленность была обоюдной. Великий соблазнитель думает лишь о честном браке. Добряк Лабуре принимает его предложение при одном лишь скромном условии, что прежде он получит чин бригадира, самый низкий в кавалерии,

соответствующий капралу в пехоте. Это даже не унтер-офицер, зарплата бригадира не выше, чем у простого драгуна. Таким образом, в Виллер-Котре в 1789 году еще не существует расовых предрассудков. Хозяйка процветающей гостиницы с улыбкой соглашается отдать руку своей единственной дочери мулату без всякого состояния, незаконному сыну хотя и маркиза, но без всяких шансов на богатство и славу.

Не следует, однако, забывать, что почти полтора предшествующих века и вплоть до 1788 года бригадир был командиром бригады, то есть офицером высокого ранга, промежуточным звеном между полковником и унтер-офицером, и в таком виде этот чин сохранился в английской армии. Кстати, о бригадире именно в этом смысле идет речь у Конан Дойла в «Приключениях бригадира Джерарда», близкого и верного сподвижника Наполеона. Более того, как мы увидим, в 1801 году Бонапарт как раз в связи с генералом употребит этот термин в его первоначальном значении. И это значение еще поддерживается в сознании людей несколько месяцев спустя после «развенчания» чина бригадира, даже если предположить, что новое звание, соответствующее званию капрала, уже существовало в августе 1789 года[3]. И если даже хитрый трактирщик был в курсе этой ситуации, он мог бы сыграть на двусмысленности названия, что и не замедлил сделать в нужный момент, вместо того, чтобы воспрепятствовать воле своей дочери и ее чернооkого гиганта.

Любовь это всегда долготерпение. Через два с половиной года, 16 февраля 1792 года драгун Дюма, наконец, назначен бригадиром, но свадьбы все еще не было видно, поскольку папаша Лабуре, сожалея о своей ошибке, осознал, что один бригадир другому не пара. Потребовалось падение монархии и счастливое стечение многих обстоятельств, чтобы бывший раб смог, наконец, жениться на дочке буржуа. 20 апреля 1792 года Франция объявляет войну Австрии. Бригадир Дюма вместе со своим полком отправляется на север и на границе попадает в перестрелку. Он командует дозором из трех драгунов. Встретившись с тринадцатью тирольскими стрелками, он один берет их в плен. За это он произведен в следующий чин — унтер-офицера, что уже неплохо, но недостаточно для папаши Лабуре. Мари-Луиза чахнет. Отечество в опасности, идет вербовка волонтеров. Сен-Жорж собирает вольный кавалерийский легион из американцев, преимущественно цветных, как он сам. Он предлагает место лейтенанта сыну Марии Дюма. Другой мулат, Буайе, полковник, предводитель гусар Свободы и Равенства, сманивает его к себе, обещая чин повыше. У влюбленного в Мари-Луизу появляется некая надежда. Тем временем Сен-Жорж решает

продолжить аукцион: может, дорогой Дюма не прочь стать капитаном или даже майором? В конце концов бьют по рукам, и свежеиспеченный подполковник[4] вскакивает в седло и галопом мчит в Виллер-Котре.

Папаша Лабуре почесал в голове. В эти смутные времена герцог Орлеанский, вскорости Филипп-Эгалите, в замке не появляется. С ним вместе исчезла и многочисленная клиентура, в частности, и клиентура «Экю де Франс». Трактир в упадке, Мари-Луизе только что исполнилось двадцать три года, почти старая дева, и никаких прежних претендентов на ее руку, поскольку все они — свидетели ее разорения. В конечном итоге этот… этот гигант с горделивой выправкой, в мундире высшего офицера и к тому же на жаловании заслуживает внимания. В чем в чем, а в мужчинах-то папаша Лабуре отлично понимает, потому и поставил планку так высоко. Задетый за живое, его будущий зять проскочил вверх через несколько ступенек враз, начав с нуля, и вот теперь он почти бригадир, то бишь бригадный генерал. Свадьбу сыграли 28 ноября 1792 года, одним из свидетелей был кузен Мари-Луизы Жан-Мишель Девиолен, инспектор вод и лесов.

Почти генерал заделывает жене ребеночка и галопом же возвращается назад в вольный американский легион. «Поставленный в сущности во главу полка, поскольку Сен-Жорж, не большой любитель стрельбы, остался в Лилле под предлогом формирования своего войска; поставленный, повторяю, во главу полка, мой отец находит для своего мужества и ума обширное поле деятельности. Обученные им военные эскадроны хвалят за выправку и патриотизм». Бурное восхождение между тем продолжается: 30 июля он уже бригадный генерал, месяц спустя — дивизионный, а пятью днями позже — командующий армией в западных Пиренеях. Далее события ускоряются еще больше, а 17 сентября Мари-Луиза производит на свет девочку, Мари Александрину Эме.

Теперь эпос желает показать, что Генерал — не какой-нибудь тупой и кровавый драчун. Действие переносится в Байонну. Прибытие Генерала не слишком приветствовалось полномочными народными представителями, которым его антиаристократические взгляды кажутся слишком уж умеренными. Они хотят прогнать его из города. Он же решает остаться. Дом его фасадом выходит на площадь, где происходят казни. Они внушают ему отвращение, и он держит окна и ставни закрытыми. Это не нравится яростным сторонникам высшей меры. В насмешку, как они считают, они называют его «господин Человеколюбец». Через год, войдя в одну альпийскую деревню, он видит на площади гильотину, готовую к употреблению. Он

наводит справки и узнает, что будут казнить четверых мужчин, которые попытались спасти церковный колокол от переплавки. Генерал находит наказание чрезмерным и приказывает капитану Дермонкуру, своему адъютанту, изрубить гильотину на дрова для отопления. Лишенный своего инвентаря палач получает от него расписку, а пленников отпускают на волю. Отныне «прозвище «господин Человеколюбец» применимо к нему как нельзя больше и как нельзя чаще к нему применяется».

Вернемся назад, в октябрь 1793 года, когда из Пиренеев он был послан в Вандею во главе западной армии. Он изучает ситуацию, катастрофическую, ставит об этом в известность Комитет общественного спасения: «С Вандеей обошлись, как с городом после штурма. Все здесь разорено, разграблено, сожжено». Он же ратует как раз за противоположное, для чего требует обновления армии и прежде всего ее генералов. Не найдя сочувствия, он уклоняется от действий. Страшный Комитет общественного спасения идет Генералу навстречу: ладно, не хочешь усмирять Вандею, принимай командование Альпийской армией.

Новый пост, на который он вступил в январе 1794-го, подходил ему совершенно. Очень скоро он становится непревзойденным охотником на серн. В промежутке между двумя засадами он отбивает у пьемонтцев Валезан, в то время как генерал Багделон трудится над маленьким Сен-Бернаром. К счастью, Генерал вовремя является ему подсобить. Остается Мон-Сени, которую возможно атаковать со стороны трех склонов, но они мощно укреплены, у четвертого же склона репутация такого неприступного, что пьемонтцы укрепили его только одним рядом изгороди. Само собой разумеется, что именно четвертый склон был избран Генералом, который штурмовал его ночью во главе отряда в триста человек». Добравшись до изгороди, солдаты начали через нее перелезать; однако отец мой с его геркулесовой силой нашел другой способ — более простой и менее шумный: он брал каждого за штаны ниже пояса и за воротник мундира и перебрасывал через забор. Снег смягчал одновременно и шум, и боль».

Хорошенько разогревшись в результате этих трехсот бросков, Генерал и сам проник через ограду. Застигнутые во сне, пьемонтцы оказали лишь слабое сопротивление.

Комитет общественного спасения отзывает его в Париж, по обвинению в преступлении против гильотины, совершенном ранее. Блестящий послужной список его спас в результате, но Конвент заставил его покрутиться: с августа по ноябрь 1794 года он получает четыре разных назначения. Эпос сообщает, что,

поскольку «все эти фальшивые приказы ему не понравились, он подал в отставку и вернулся в Виллер-Котре». Этот уход на покой в семейную палатку можно объяснить всяко. Во-первых, последствиями ранения в лоб, которое «чуть не довело его до безумия». Началось это со «страшных головных болей», в следующий год продолжилось «разрастанием плоти над левым глазом, [которое] поглощает его мысли, нарушая их ясность и точность»[5]. Ему делают операцию. Опухоль исчезает, а странности на грани безумия остаются, но не больше и не меньше, чем у многих легендарных героев от Идоменея до Роланда.

Психиатр сказал бы так о его маниакально-депрессивных приступах: «Мой отец был креол; стало быть, в нем соединялись беспечность, пылкость и непостоянство. Глубокое отвращение к вещам, еще недавно так страстно желаемым, охватывало его тотчас же по исполнении желаний. И тогда активность, которую он проявлял, чтобы достичь цели, внезапно угасала; он снова впадал в свое обычное состояние беспечности и скуки».

Психоаналитик вероятнее всего искал бы причины в детских травмах, в потере матери, в годах рабства, выпадении из среды, нескончаемой печали, откуда чередование состояний «меланхолии» и гиперактивности. Пренебрежение же опасностью, постоянно проявляемое Генералом, можно было бы квалифицировать как суицид.

Социолог не без оснований упомянул бы незаконнорожденность, негритюд и бедность. Генерал должен был вести постоянную борьбу, чтобы заставить об этом забыть и других, и самого себя. Он не принадлежал ни к какому классу: ни к рабам, ни к аристократам, ни к буржуазии, так как у него не было состояния, ни к народу, несмотря на свои республиканские воззрения.

Психолог искал бы в области перегрузок, раздвоения личности, что также нетрудно понять. Генерал мог стать лучшим, храбрейшим, непобедимым, грозным и т. д. лишь в своем воображаемом еще, то есть в пылу сражений, где он был, как известно, буквально вне себя. В бездействии, в гарнизонной жизни с ее интригами, соперничеством, скудостью, в бюрократическом управлении людьми и хозяйством вымышленные ориентиры исчезают, и Генерал предпочитает бежать от реальности и укрыться в собственных сновидениях.

Последнее слово принадлежит все же писателю: «Блестящая атака, дерзкий маневр, увенчавшийся заслуженным успехом, возрождали энтузиазм в глубине этого сердца, наполненного стремлением к невозможному». Поиски Абсолюта со всем

сопутствующим риском остаются на самом деле самой правдоподобной разгадкой Генерала.

Его политические убеждения устойчивы и очевидны. 5 октября 1795 года Конвент призывает его в Париж, чтобы усмирить роялистскую смуту. Он выезжает из Виллер-Котре тотчас же, но в Париже появляется только 14-го. Слишком поздно, чтобы стать главнокомандующим внутренними войсками. Место оказалось занятым неким Бонапартом, который накануне расстрелял у церкви Сен-Рош граждан, тоскующих по Людовику XVI.

Итак, Генерал возобновляет свою службу то в Арденнах, то на Рейне. В феврале 1796 года он берет месячный отпуск, чтобы присутствовать при рождении второй своей дочери Луизы Александрины. Через год она умрет. В июне он снова назначен в Альпийскую армию, куда прибывает вместе со своим адъютантом Дермонкуром. В октябре он получает приказ отправиться в Италию в распоряжение Бонапарта. Последний встречает его дружески, так же, как и Жозефина, «которая, будучи креолкой, страстно любила все, что напоминала ей о любимых колониях».

Итальянская эпопея и Бонапарта, и Генерала расхвалена сверх всякой меры. Первый отдавал приказ начать бой, второй этот бой выигрывал или позволял его выиграть начальнику, даже если История и не признает за ним этой заслуги. Семейный эпос искупает несправедливость, смешивая жанры, чередуя смешное и трагическое, что близко сердцу романтиков, предшественниками которых во Франции оказываются уже в начале XIX века Александр и Мари-Луиза.

Захвачен австрийский шпион. «Обыск, включая самые потаенные места, ничего не дал». Тогда Генерал выдвигает идею заглянуть в места, еще более потаенные. Насмешник, он приказывает расстрелять шпиона и вскрыть ему живот. Несчастный в ужасе признается, что проглотил донесение, которое должен был доставить. Перед Генералом серьезнейшая дилемма: дать шпиону рвотное или слабительное? Аптекарь помогает ему найти ответ и снабжает слабительным отличного качества. В восковом шарике оказывается депеша, представляющая чрезвычайный интерес. В ней император Австрии приказывает маршалу Вюрмсеру удержаться в Мантуе, чего бы это ни стоило, поскольку сам он сможет прибыть на плато Риволи не раньше, чем через три-четыре недели. Генерал посылает Дермонкура с документом к Бонапарту. Тот зовет Бертье.

«Явился Бертье со своей обычной важностью и значительностью.

— Ну-ка, Бертье, — говорит Бонапарт, — понюхай это и скажи, чем пахнет.

— Генерал, — отвечает Бертье, — это пахнет дерьмом».

И Бонапарт одержал победу при Риволи. Забавно представить себе, как могло бы измениться лицо мира, если бы, вместо слабительного, невежественный аптекарь прописал бы рвотное.

На следующий день без чьей-либо помощи Генерал одерживает победу над самим Вюрмсером при Ля Фаворите. Одну лошадь под ним убило, «вторая была врыта в землю пушечным ядром, и всадник, которого сочли уже мертвым, со славой восстал из этой могилы, лишь отряхнувшись». Сверх того, он взял в бою шесть вражеских знамен, но Бонапарт даже не назвал его имени во время раздачи наград за храбрость. Гнев Генерала, дерзкое послание Бонапарту: «Мне стало известно, что олух, которому был поручен рапорт о битве 27-го, причислил меня к находящимся во время битвы на наблюдательном пункте. Не желал бы я ему подобных наблюдений, опасаясь, как бы он при этом не наложил в штаны». Олухом оказался не кто иной, как Бертье, и не исключено, что ему и Бонапарту снова случилось принюхаться.

В 1797 году мы находим нашего героя в Тироле, где господин Человеколюбец получил от врага другое прозвище — Schwarz Teufel, Черный дьявол, прежде чем навеки обессмертить себя в качестве Горация Коклеса Тирольского, что звучит куда лучше, чем Баярд дю Тироль, слишком отдающий аристократом. Как и прежде и подобно двум своим знаменитым предшественникам, он в одиночку останавливает целый австрийский эскадрон на мосту Клаузена. «Вследствие малой ширины моста солдаты могли продвигаться по нему лишь по два-три человека в шеренге, и он сражал их саблей одного за другим, по мере того, как они к нему приближались». На этот раз он и сам получил три сабельных удара, а потом и семь пуль, которые застряли в шинели, по счастливой случайности не достигнув главной цели. Однако верный Дермонкур тяжело ранен.

Оставив адъютанта в постели, Генерал, менее всего склонный обращать внимание на собственные болячки, снова атакует во главе своего войска. Он скачет слишком быстро и вскоре оказывается совершенно один перед новым мостом, с которого австрийцы сняли все доски, оставив лишь поперечные балки. Лошадь под ним пала, но поведение его в этой ситуации было ошеломляющим. Вместо того, чтобы обратиться в бегство, он собирает ружья, брошенные дезертирами, устраивается за елкой и начинает стрелять. Стрельба была искусной: когда его люди, наконец, появились, они обнаружили двадцать пять вражеских

трупов. Здесь уместно напомнить, дабы оправдать цветистость стиля, что, по определению, полубог на пятьдесят процентов человеческое существо. Отсюда этот маленький эпизод, без всякой задней мысли рассказанный Дермонкуром. Когда Генерал вернулся в дом.

«Он был так слаб и бледен, что я воскликнул:

— Боже мой, вы ранены, генерал?

— Нет, — сказал он мне, — но я столько убил, столько убил!

И упал без чувств».

Бонапарт требует его в Италию и назначает губернатором провинции Тревизо. Вскоре Генерал совершенно очаровал итальянцев своей непоколебимой честностью. Муниципалитет Тревизо предлагает ему триста франков в день на личные расходы. Он соглашается лишь на сто. Посланец Директории предлагает ему изъять из ломбарда все имеющиеся там ценности. Так принято повсюду, где стоят французские оккупационные войска. Разумеется, Генерал получит свою долю. Посланец Директории почувствовал в тот же миг, что взят за ворот, донесен на вытянутой руке до двери и выброшен наружу с предупреждением под угрозой расстрела не появляться в этих краях. Неудивительно, что при прощании с Генералом благодарный Тревизо дарит ему экипаж с четверкой лошадей. Как только 18 октября 1797 года подписан Кампоформийский мир, Генерал возвращается к своим пенатам.

У воина никогда нет времени отдохнуть. Бонапарт готовит экспедицию в Египет и хочет, чтобы Генерал командовал кавалерией. Он принимает его в спальне, лежа в кровати вместе с Жозефиной. Дермонкур присутствует при этой сцене. Молодая женщина в слезах: она не вынесет разлуки, она хочет следовать повсюду за своим любимым Наполеоном. Одной рукой Наполеон осушает ей слезы, а другой отбивает на ягодицах будущей императрицы военный марш — полезное упражнение на несогласованность двигательных функций. Он обращается за поддержкой к Генералу: разве Генерал берет с собой в Египет госпожу Дюма? Генерал полагает, что, пожалуй, это будет обременительно. Наполеон обещает, что жены приедут к ним в Египет в случае, если армия останется там на длительное время. Тогда Наполеон и Генерал произведут на свет по сыну, будут держать их при себе и станут крестными отцами каждый для сына другого. Разумеется, Генерал не дал себя одурачить этой демонстрацией дружбы. Выходя от Бонапарта, он обращается к Клеберу, который собирается к нему войти.

«— Не знаешь, что мы там будем делать? — спрашивает он.

— Будем делать колонию.

— Нет, создадим королевство.

— Ну-ну, посмотрим.

— Вот увидишь».

Не без лукавства эпос отмечает, что Жозефина утешилась очень быстро, даже слишком быстро. Французский флот покидает Тулон 19 мая 1798 года. Завоевание острова Мальты, высадка в Египте, взятие Александрии. Генерал всегда впереди. Армия идет на Каир. Голод, жажда, усталость, ропот деморализованных людей. Генерал приглашает к себе в палатку нескольких генералов — разделить с ним три арбуза. Очень скоро разговор принимает политический оборот. Задаются вопросом об истинной цели экспедиции. Намерен ли Бонапарт сделаться проконсулом Востока? «В таком случае следовало по крайней мере спросить других генералов, согласны ли они довольствоваться ролью командиров у нового сатрапа; подобные прожекты могли бы пройти в античной армии, состоящей из рабов и вольноотпущенников, но не сейчас, не с патриотами 1792 года, которые служат не отдельно взятому человеку, но нации».

Битва у Пирамид, вступление в Каир, доносчики, которые случаются даже среди оппозиционных генералов. Бонапарт призывает Генерала объясниться по существу. Генерал прямо в лицо повторяет ему, что во имя чести Франции он готов пройти весь мир, но что он не сделает и шага ради славы одного человека. Бонапарт возражает: Франция и он — неделимое целое. Генерал повышает голос, он не приемлет никакой диктатуры — ни Суллы, ни Цезаря (бывший раб вполне мог иметь классическое образование). В заключение он требует при первой же возможности отослать его обратно во Францию. Бонапарт не возражает, но затаивает вражду. Отныне он станет упоминать о Генерале не иначе, как о «негре Дюма»[6].

В доме, коий он занимает, Генерал находит клад, который прежний владелец, спасаясь бегством, не успел увезти с собой. Он отправляет клад Бонапарту со следующими словами:

«Леопард не меняет кожу, а честный человек — собственную совесть.

Посылаю вам клад, который я нашел и который оценен в два миллиона.

Если меня убьют или я умру здесь от печали, вспомните, что я беден, и что во Франции я оставил жену с ребенком».

«Печаль» — это эвфемизм для определения нового приступа депрессии. Он целые дни проводит в постели, безмолвный и недвижный. Как ураган, в комнату врывается однажды Дермонкур: в Каире мятеж. Отличный случай, чтобы навсегда покончить с жизнью. Голый по пояс он прыгает в седло и

ввязывается в драку «с тем небрежением к смерти, которое всегда было ему свойственно, но в данном случае усугублено поразившим его состоянием некоего сплина. Перед арабами он явился карающим ангелом с огненным мечом». Именно так и назовут его последние мятежники, когда он, конный, ворвется в большую мечеть, где они укрывались. Бонапарт поздравляет его, обещает заказать картину об этом подвиге, в центре которой будет изображен Генерал. И позднее Жироде выполнит этот заказ, но только «негр Дюма» будет заменен на картине простым гусаром — чистокровным белокурым арийцем.

Тотчас Генерал впадает «в глубокое отвращение к чему бы то ни было, [которое] овладевает им вместе с глубоким отвращением к жизни как таковой». У него только одна навязчивая идея — вернуться во Францию, увидеть жену и дочь. Отвращение постоянно подпитывается его республиканским сознанием и тем фактом, что он понижен в чине. Теперь он не командует даже дивизионом, он тот, кто командовал армиями. Герой его склада не мог согласиться с положением слуги ни за галуны, ни за нашивки, полученные хоть бы и от будущего короля или даже императора, который создаст вскоре свое новое дворянство, смехотворное для того, кто отказался от имени Тома Александр Дави де Пайетри ради Александра Дюма.

Наконец Бонапарт разрешает ему отставку. 3 мая 1799 года он вступает на борт «Прекрасной мальтийки» вместе с генералом Манскуром, ученым Доломьё и другими военными и штатскими французами. Поднимается буря. Корабль вынужден бросить якорь в Таранто, в Калабрии. Пассажиры не знали, что между Францией и Неаполитанским королевством началась война, их интернируют. Два года пленения в ужасающих условиях. Несколько раз Генерала и Манскура пытаются отравить мышьяком, подмешивая его в пищу. К счастью, калабрийским патриотам удается, как в романе, преодолеть затворы и засовы и передать медикаменты, продовольствие и учебник доктора Тиссо «Сельский врач», который окажется пленникам чрезвычайно полезным, чтобы лечиться собственными силами. Это единственный способ, ибо присланные им врачи оказываются убийцами. Однажды, когда Генерал попросил пустить ему кровь, хирург воспользовался этим, чтобы повредить ему нерв на ноге.

Всеми силами Генерал сопротивляется преступным действиям лекарей. Он и не прочь умереть, но только тогда, когда сам захочет. Предупрежденный калабрийскими патриотами о том, что во время переезда в другую тюрьму его попытаются убить, Генерал отказывается трогаться с места. Он сам опишет эту сцену в своем рапорте французскому правительству о пленении.

Когда его тюремщик маркиз де ля Скиав явился во главе полусотни полицейских, «я схватил мою трость и, спрыгнув с постели, устремился на маркиза и всю эту сволочь так яростно, что маркиз бросил саблю и бежал, а все эти презренные негодяи вслед за ним, побросав ножи и кинжалы и испуская страшные крики, да так резво, что менее чем за десять секунд комната моя полностью опустела». Черный дьявол заодно с Горацием Коклесом еще жив.

Но порядком потерял в жизненной силе. По освобождении в апреле 1801 года в результате перемирия в Фолиньо у Генерала «изувечена правая нога, не слышит правое ухо, парализована левая щека и почти потерян правый глаз, плюс страшные головные боли и постоянный шум в ушах». Сверх того, он страдает и язвой желудка[7]. Почти инвалид, герой может, наконец, вернуться в Виллер-Котре.

Между тем Бонапарт стал Первым Консулом. Он не простил Генералу его непреданности в отношении своей персоны. Он пишет главному врачу Деженетту, который только что обследовал бывшего пленника: «Поскольку вы говорите, что здоровье его не позволит ему больше спать шесть недель подряд на песке или в медвежьей шкуре, мне он больше не нужен в качестве командира кавалерии. Первый бригадир [слава богу, хоть не тот, который соответствует капралу] сможет его заменить[8]. Наказание продолжается и со стороны финансов. Несмотря на неоднократные просьбы, Генералу не удалось получить ни компенсации за плен, ни даже недовыплаченного жалованья.

Дабы как-то совладать с материальными затруднениями, в июне 1802 года Генерал просит о возвращении на службу. Бонапарт размышляет. Конвент имел глупость отменить рабство в колониях. Он же только что восстановил его в Гваделупе. Эта новость заставила Сан-Доминго, будущее Гаити, поднять восстание, и главарь мятежников некто Туссен-Лувертюр осмелился написать «Первейшему из Белых от Первейшего из Черных». Было бы пикантно послать «негра Дюма» усмирять себе подобных. Ответ сына Марии Дюма был резким: «Гражданин Консул, вы забываете, что моя мать была негритянкой. Как могу я подчиниться вашим приказам? Я негр по происхождению, и я не принесу цепей и бесчестия на мою родную землю, людям моей расы»[9]. К которой принадлежат две его сестры и брат.

Здесь заканчивается Песнь о Генерале и начинается история Александра Великого.

МАТЕРИНСКИЙ ЛЕС
(1802–1819)

24 июля 1802 года в доме 46 на улице Лорме в Виллер-Котре родился Александр под двойным знаком — негритюда и ретроспективной незаконнорожденности.

Двумя месяцами раньше его мать вместе с соседкой, как и она сама беременной, ходила на представление Полишинеля. Дьявола в спектакле звали Берлик. «Появление Берлика в особенности поразило мою мать. Берлик был черен как дьявол. С ярко-красными языком и хвостом. И говорил, будто хрюкал». Мари-Луиза едва не лишилась чувств: теперь уж точно у нее родится Берлик. Соседка ее успокаивает, шутит. «Подружки возвратились домой посмеиваясь; однако смех моей матери не был искренним, и она продолжала пребывать в уверенности, что произведет на свет младенца с черным лицом, красным хвостом и огненным языком». И чем ближе к родам, тем больше крепла эта уверенность. Ребенок во чреве, она не сомневалась, что это мальчик, брыкался не хуже дьявола, и когда он бил ножкой, она ясно чувствовала когти.

Александр родился лиловым от удушья: пуповина обернулась вокруг горла. Акушерка вскрикнула.

«— Боже! — прошептала моя мать, — он черный, не так ли?»

Акушерка не осмелилась возразить, ибо разница между черным и лиловым не слишком велика. Александр попытался заорать, но получилось только хрюканье.

«— Берлик! — вскричала она в отчаянии. — Берлик!..»

Присутствующий при родах врач освободил шею, перерезал пуповину, и Александр смог горланить по-человечески. Прекрасный мальчик девяти фунтов веса, сорока девяти сантиметров роста, с голубыми, как у матери, глазами, блондин с локонами, каковым он и останется вплоть до половой зрелости, когда волосы потемнеют и станут курчавыми, «с безупречно белой кожей, которой, как считала моя мать, я был обязан водке, употребляемой ею по настоянию отца во время беременности, и которая превратится в смуглую, когда локоны завьются мелким бесом». И, кроме того, не от «дьявольских» ли своих предков получит он чуть толстоватые губы. Прозвище Берлик сохранится за ним несколько лет.

Забавно, что жена столь ярко выраженного мулата, дважды уже рожавшая, впала вдруг в подобную фантазию. Младшая из ее дочерей умерла, однако старшей было уже девять, и ее никак

нельзя было сравнить с моделями Рубенса. В письме к будущему маршалу Брюну Генерал пишет, что она «посылает ему тысячи воздушных поцелуев, сдувая их со своих черненьких пальчиков». Черненьких, надо думать, не от грязи. И тогда откуда этот ужас перед тем, что новорожденный мальчик будет походить на Берлика, черного дьявола с огненным языком и красным хвостом? Не идет же речь, по крайней мере (я едва осмеливаюсь это предположить), о тех же атрибутах применительно к другому Черному дьяволу — Schwarz Teufel? Предположение слишком богохульное, чтобы анализировать его далее. Ибо это означало бы, что весь романтизм пущен побоку, что полубог, воспеваемый во время столь долгих своих отсутствий, но ныне превратившийся в полуинвалида, здоровье которого и характер продолжали ухудшаться, а жизнь попросту убывать, и он цеплялся за нее вовсе не когтями, а мыслями о том, как бы ему не наставили рога, что этот банальный муж в плавном течении будней вдруг обнаружил бы какую-то невероятную свою гнусность, вот уж что никак не вяжется с прекрасным образом неутешной вдовы, ткущей ради воспитания сына эпическое полотно «Песни о Генерале», пересказанное выше и полное любви. Поэтому лучше предположить, что Мари-Луиза просто опасалась неких постоянных затруднений, связанных с цветом кожи как знака некоего дьявольского или дикарского происхождения и плохо преодолеваемых матерью и сыном в маленьком городе, если к тому же сидишь без копейки.

Что касается незаконнорожденности, то точка зрения Александра на этот предмет еще более удивительна. Он родился почти десять лет спустя после вступления его родителей в брак и через пятнадцать месяцев после возвращения его отца из плена. Когда же начал он писать свои Мемуары в 1847 году, на вершине славы, ему исполнилось сорок пять лет, то есть на год больше того, что прожил его отец. Тоскливо стареть, когда родитель твой остается в памяти молодым, отсюда и потребность вернуться к своим корням. С первых же страниц Александр защищается от клеветы своих хулителей, которых он не называет, о его будто бы незаконном рождении. «Я один из тех людей нашего времени, у которых оспаривают множество вещей. Вплоть до имени моего — Дави де ля Пайетри, которым я не слишком дорожу, поскольку никогда его не носил, и которое рядом с моим именем Дюма можно найти лишь в официальных документах, хранящихся у нотариуса, или же в гражданских актах, где я фигурирую как главное лицо или как свидетель».

Отсюда и потребность полностью обнародовать свое свидетельство о рождении, которое он приказывает доставить из

Виллер-Котре. Здесь требуется одно уточнение. Дитя своих трудов, Генерал гордился именем, которое сам себе выковал. Поэтому в 1802 году Александр был записан просто Дюма. И только в 1813 он становится Дюма-Дави де ля Пайетри по просьбе его матери[10]. Пустяк, но зато теперь он может с полным правом торжествовать победу:

«Если бы я был бастардом, я бы просто-напросто смирился с прочерком, как это сделали самые знаменитые из бастардов, к каковым я никогда не принадлежал, и, подобно им, достиг бы такого физического и духовного совершенства, что имя мое приобрело бы собственную значимость. Но что делать, господа! Я не бастард, и публике вслед за мной следует смириться с фактом моей законности».

Затем он попытается отринуть и отцовскую незаконнорожденность. С этой целью он полностью воспроизводит и свидетельство о браке своих родителей, подчеркнув имя Тома Александр Дави де ля Пайетри, сын покойного Александра Антуана Дави де ля Пайетри, а также слова: «принимая также во внимание извлечения из их метрик», которых, однако, он не обнародует. Была ли в его распоряжении метрика отца? Знал ли он правду о первых его годах в Сан-Доминго? Все это не имело бы ни малейшего значения, если бы тема незаконнорожденности — расовой, социальной или семейной — не присутствовала бы с такой настойчивой очевидностью в его жизни и творчестве.

Вполне вероятно, что Александр никогда не сомневался в том, что был сыном своего отца, но, возможно, как у каждого, в его детстве или отрочестве был момент сочинения некоего «семейного романа», в котором видишь себя найденышем, а настоящий отец твой — король. Или раб. Писателю же «семейный роман» может послужить основой для многих книг. И Александру к 1847 году уже послужил для двух, и каких! Для «Антони», одной из лучших его пьес, о герое которой, бастарде по рождению, он скажет: «Антони — это я». И для одного из первых его больших романов «Жорж» — о мулате, бастарде в том смысле, в котором и в наши дни говорит о полукровках язык обыкновенного расизма.

К концу своей жизни Александр признается, что сделал «пятьсот детей»[11]. Если предположить, что речь идет не о книгах его, то к 1847 году он должен был уже произвести на свет примерно двести пятьдесят бастардов. Из них он признает лишь двух. И не узаконит больше никого. Что касается сына его Александра, то и тот должен был дожидаться сознательного возраста, чтобы обрести отца. Не следовал ли он безотчетно модели своего дедушки? Разумеется, нет! Ведь маркизик дал свое

имя Генералу, когда тому исполнилось четырнадцать, а Александр срок сократил вдвое и, кроме того, детьми своими никогда не торговал, благодаря чему сын его получил возможность самолично продаться Второй Империи и ее нравственному порядку. И еще одна пикантная подробность: автор слезливого «Побочного сына» не нашел ничего лучше, как поторопиться сделать такого же русской княгине, на которой, правда, он потом женится, когда она овдовеет. В числе других — существенное различие между отцом и сыном: единственная супруга Александра Великого была бесплодна.

В июле 1802 года Генерал в Виллер-Котре совершенно не беспокоился ни по поводу негритюда, ни по поводу незаконности рождения. Явление на свет долгожданного сына он воспринимает под знаком мужественности. В письме к Брюну, которого он просит быть крестным отцом, рядом с сестрой Александра — крестной матерью, он расхваливает сложение младенца, восхищается его размерами. «Знаешь, если он и теперь будет продолжать расти с такой же быстротой, как во чреве матери, он, пожалуй, достигнет неплохих результатов». И дальше в постскриптуме: «Возвращаюсь к моему письму, чтобы сообщить тебе, что парень только что выдал струю выше своей головы. Добрый знак, не так ли?!» Это проявление мощи не становится менее достоверным, оттого что им пользуются в качестве апокрифа[12]. Так же, как тот факт, что, отказавшись вначале быть крестным отцом под предлогом, что все его прежние крестники умирали, а на самом деле из опасения прогневить Первого Консула, у которого Генерал по-прежнему был в немилости, Брюн в конце концов соглашается крестить по доверенности. Возможно, факты не идеально точны[13], но отнюдь не лишены политической значимости для момента, когда Александр их излагает, выбирая себе в крестные отцы одного из тех, кто будет убит роялистами в 1815 году во время Белого Террора.

Вскорости после рождения Александра Генерал официально получает отставку как следствие своего отказа Бонапарту отправиться в Сан-Доминго, чтобы восстановить там рабовладельческий порядок. Напрасно будет требовать он недополученные двадцать восемь тысяч пятьсот франков жалования плюс пять тысяч франков компенсации за плен, пожизненный консул и в скором времени император злопамятен, мелочен и скуп. На содержание семьи у Генерала имеются отныне четыре тысячи франков в год, из которых следует вычесть тысячу двести — плату за шикарный пансион Эме в Париже. Конечно, это еще не нищета, да и кое-какие сбережения Генералу удалось сделать, судя по тому, что он переезжает из Виллер-Котре в

расположенный неподалеку замок Фоссе, который он снимает у хозяев.

Отсюда начинаются воспоминания Александра. У него большая черная собака по имени Трюфель, которая служит ему для верховой езды. И первое в жизни горе он испытывает от смерти собаки. Генерал не отступает от прежнего образа жизни. Он держит четырех слуг: кухарку, садовника, который снабжает Александра лягушками и ужами, сторожа по имени Моке, которого «замучила» соседка: сначала сглазила, а теперь каждую ночь является и топчется у него на груди когда в галошах, а когда в сабо, что даст сюжет одной из самых смешных новелл, включенных в Мемуары[14]. Четвертый слуга в доме — «негр, лакей моего отца по имени Ипполит, черный дурень, глупости которого становились пословицами». Так однажды, когда Мари-Луиза попросила его внести в дом цветочные горшки из страха, что цветы могут замерзнуть, он выкинул цветы, а горшки сложил на кухне. Или упустил птичку, открыв дверцу, чтобы проветрить клетку. Итак, «Ипполит, превосходный пловец и бегун, неплохой наездник, был, как я уже сказал, далек от того, чтобы умственные его способности соответствовали физическим качествам». Но как бы черны и глупы они ни были, Александр по примеру отца всегда будет держать слуг, отвечающих потребностям малой негритянской доли своей натуры.

Однако и Ипполит не всегда делал одни лишь глупости. Однажды трое молодых людей попросили у Генерала разрешения искупаться в канале, который окружал замок. Плавать они не умели и, оказавшись на глубине, стали тонуть. Ипполит и Генерал бросились в воду. Глупейший выудил двоих, а умнейший довольствовался оставшимся. Мари-Луиза, мать-наседка, воспользовалась происшествием, чтобы предостеречь Александра от игр на берегу канала. Послушный сын урок запомнит. Но что более всего поразило его в этой сцене, так это «изумительные, особенно в сравнении с тщедушным и невыразительным Ипполитом, формы моего отца, формы, для создания которых, казалось, сплавили воедино статуи Геракла и Антиноя». Отныне Александр без устали будет моделировать собственное тело по образцу и подобию своего отца. И уже в юности в этом преуспеет, если верить свидетельству Виктора Пави: «Я восхищался этой гибкой и мощной мускулатурой, столь редко сочетающейся с преимуществами рассудка и духа»[15]. В июне 1805 года Генерал, «страдая и нигде не находя себе места, гонимый этой потребностью к перемене мест, которая преследует тех, кого торопит смерть», покидает замок Фоссе и поселяется в Антий, в загородном доме значительно более скромных размеров. Охота к

перемене мест неотделима от финансовой ситуации, которая не перестает ухудшаться. Ухудшается и здоровье. Он посещает доктора в Санлисе, который рекомендует ему проконсультироваться у Корвисара в Париже. Он едет вместе с семьей.

Об этом первом приезде в Париж Александр сохранит самые живые воспоминания. Во-первых, о посещении сестры в пансионе. Это был час перемены, и, заметив хорошенького малыша, «весь пансионат обрушился на меня, как стая птиц». Привычное общество Ипполита и Моке, а также ужей и лягушек, не слишком хорошо подготовило Александра к полученной порции поцелуев и ласк. Он отбивался руками и ногами, пока барышни не отступили. За всю его жизнь это был единственный приступ женоненавистничества. Была мода на серьги, и ему прокололи уши — операция, почти столь же неприятная, как оказанный ему барышнями прием в пансионате. Родители ведут его в Комическую оперу на «Поля и Вирджинию». Кроме перемен декораций, более всего поразила его то, что «Вирджиния была глубоко беременна».

На следующий день Мюрат и Брюн пришли обедать. Оба стали маршалами Империи. Завидовал ли им Генерал, сожалел ли о своей непричастности к удаче Бонапарта? Ничто не позволяет это утверждать. Он чувствовал, что умирает, вопреки утешительным словам Корвисара, который его консультировал. Вскоре его жена и дети познают нужду, поскольку перестанут получать пенсию. И он отрекомендует их «Брюну, который ничуть не изменился, но и Мюрату, вовсе охладевшему». Оба обещали сделать все, что в их власти. Прежде чем они уйдут, и, как бы рассчитывая тронуть того и другого, Генерал сажает Александра верхом на саблю Брюна, и тот скачет вокруг стола со шляпой Мюрата на голове. Через десять лет обоих маршалов расстреляют.

В эти парижские дни Дюма нашли приют у Долезов. Жену звали Манет, и поскольку она в прошлом была красавица, Александр заподозрил, что его отец «был другом жены до того, как стал другом мужа». Когда же? Мишель Серафен Долез служил хирургом в Северной армии[16], которой командовал Генерал. Но не означает ли это тогда, что новоиспеченный супруг, так страстно влюбленный в Мари-Луизу, наставлял ей рога? И со сколькими же женщинами? Об этом эпос, как известно, умалчивает. За исключением того периода, когда «истинный сын семьи», перебесившись, предстанет героем чистым и целомудренным, верным Даме своей мечты. В действительности все было иначе, и последующие события засвидетельствуют, что полубог полностью обнаружит свою человеческую сущность.

Возвращение, но уже не в Антий, а снова в Виллер-Котре. Генерал снова в старой гостинице, где вынужденные расстаться с ней родители Мари-Луизы тоже живут в качестве постояльцев. Вопреки язве желудка, которая его терзает, Генерал выглядит совсем недурно и намерен извлечь максимальную пользу из последних дней своей жизни. Иногда без участия Мари-Луизы и, следовательно, за пределами эпоса. Однажды в октябре 1805 года за ним прислали кабриолет. Он сажает Александра с собой. Они едут через парк Виллер-Котре и останавливаются у шлагбаума, запертого на ключ. Генерал выходит из экипажа, хватает шлагбаум и в доказательство того, что он сохранил свою силу, одним движением отдирает его от каменной тумбы. Кабриолет едет дальше и прибывает в Монгобер. Их ведут к красивой молодой женщине лет двадцати пяти — Полине Бонапарт, принцессе Боргезе, уже расставшейся со своим мужем.

«Она не встала навстречу моему отцу. Протянула руку и чуть приподняла голову, вот и все. Отец хотел сесть на стул рядом с ней, но она усадила его у своих ног, положила ноги ему на колени и кончиком своей туфли играла пуговицами на его платье.

Эта нога, и рука, и вся эта очаровательная маленькая женщина, белокожая и пухленькая, рядом со смуглым Геркулесом, все еще красивым и мощным, несмотря на испытываемые им страдания, представляли собой самую восхитительную картину, которую когда-либо можно было увидеть».

Александр засмеялся от удовольствия. Полина Бонапарт подзывает его и дарит черепаховую бонбоньерку, инкрустированную золотом. Прежде она вынула из нее конфеты, и не без умысла. Генерал тоже заметил эту предосторожность Полины и «высказал ей свое замечание. Она склонилась к его уху, шепотом проговорила несколько слов, после чего оба принялись хохотать. В этот момент бело-розовая щечка принцессы коснулась темной щеки моего отца; он показался еще смуглее, она — еще белей. Оба были великолепны». Полина оказалась совершенно права, лишив Александра возбуждающего лакомства: ни в этом возрасте и ни в каком другом у него не будет никогда потребности в стимуляторах.

Трубят рога, псовая охота несется по парку. Принцесса просит Генерала поднести ее к окну, ей не хочется ходить. Он берет ее на руки. Мимо пробегает олень. Она делает охотникам знак платком. Они ее приветствуют. И Генерал относит ее на канапе. Концовка подана весьма деликатно: «Не знаю, что происходило за моей спиной. Всем моим существом я был вместе с оленем,

который только что промчался по аллее, с собаками, с охотниками; все это было мне гораздо интересней, чем принцесса» и чем любимый папочка. Говорят, Наполеон питал к Полине более чем слабость, и Генерал мог утешить себя тем, что, вместо денег, которые был должен ему брат, смог добиться бесценных сокровищ сестры.

При всем при том последние месяцы печальны. Последняя стадия анемии не позволяет Генералу больше ездить верхом, характер его катастрофически портится, он не выносит ничего и никого. За одним лишь исключением. Нет, это не Мари-Луиза, это Александр, которого он по-прежнему любит брать на колени. Он умирает 26 февраля 1806 года. Но до смерти расизма еще далеко. Тьебо, генерал, получивший от Империи баронство, но не переставший быть пустомелей («Лично я, случись мне произвести на свет черномазого, предпочел бы вместо этого проделать операцию, прямо противоположную той, что связана со Святым Духом»), так вот, этот баронишка берется за написание надгробного слова для Генерала[17]. Перечислив с достаточной объективностью кое-какие из подвигов Генерала, он добавляет: «Но при всем рвении и отваге бедного Дюма, при всем том, что ему смело можно дать звание лучшего солдата в мире, он не был создан, чтобы быть генералом; со времен консулата его масть сослужила ему такую же дурную службу, как сослужила бы неспособность к военному делу, по возвращении из Египта он был освобожден от воинской повинности». К счастью, заключительная часть речи обнаруживает, что даже у самого ничтожного барона могут сохраниться человеческие чувства и в порыве благодарности он может вскричать с истинным благородством: «Я узнал о его смерти с глубокой печалью; я был привязан к нему по причине той доброты и изящества обращения, Которые он проявил ко мне во время нашей общей экспедиции в Тироль. Он единственный цветной, которому я готов простить его кожу».

В 1838 году Александр напишет «дорогим соотечественникам» на Гаити, предлагая им воздвигнуть памятник во славу своего отца. Ответ неизвестен, возможно, его и не было вовсе. И Александру не останется ничего другого, кроме как переписывать и выделывать эпос, созданный вместе с матерью, целый том, единственный мавзолей, который сохраняет свою ценность в веках.

После смерти отца смерть бабушки Лабуре спустя неделю проходит почти незамеченной, Александр не сохранит о ней ни малейшего воспоминания. Сестра возвращается из пансионата, за который Мари-Луиза не может больше платить. У нее нет никаких средств. Она обращается ко всем старым друзьям

Генерала — Брюну, Мюрату, Ожеро, Ланну, Журдану с просьбами вступиться за нее, помочь добиться пенсии. Наполеон отказывает наотрез и грубо одергивает Брюна, когда тот позволяет себе настаивать. Мари-Луиза едет в Париж просить аудиенции у императора, тот отказывается ее принять. Она возвращается в Виллер-Котре и поселяется вместе с детьми в бывшем родительском отеле, рядом с отцом, в комнате, где жил Генерал. Поскольку она не работает ни по дому, ни вне дома, можно предположить, что дедушка Лабуре раскошелился.

Итак, Александр спит в одной комнате с двумя женщинами. И если и выходит из материнской спальни, то для того, чтобы идти либо к одной из кузин Фортье — Мари-Анне и Мари-Франсуазе (последнюю он называет «мама Зин»), либо к мадам Даркур, дочь которой Элеонора «почти вырастила» его. Вот, по крайней мере, три матери, признанные им в качестве законных. Любопытно то, что Мари-Луиза, столь одержимая во всем, что касалось ее обожаемого сына, делит таким образом свое материнство с другими женщинами. Наиболее вероятное объяснение заключается в свойственных ей, как и Генералу, состояниях депрессии, во время которых она не в силах им заниматься.

Фортье, как и Даркуры, принадлежали к местной мелкой буржуазии. Навещая время от времени Девиоленов, их бедные родственники Дюма оказывались в социальной среде, расположенной гораздо выше на иерархической лестнице. Прекрасный дом, большой сад, разбитый частично на французский, частично на английский манер. Здесь тоже нет недостатка в женском обществе: четыре дамы на две особи мужского пола. Глава семьи — Жан-Мишель Девиолен, вторым браком женатый на кузине Мари-Луизы. Это, как пишет Александр, «человек, которого я более всего боялся и тем не менее более всего любил после отца». Папаша Кнут как будто того же возраста и такого же роста, как Генерал, сложен, стало быть, «как Геракл, одет, как вепрь, и столь же общителен, как животное, с которым мы позволили себе его сравнить». Он исполняет функции лесничего Виллер-Котре и царствует на пространстве примерно в двадцать пять тысяч гектаров крупного строевого леса, «прекрасных буков в блестящей серебристой обертке, прекрасных дубов с темной шершавой корой!» Папаша Кнут, разумеется, домашний тиран, ни тени улыбки, всегда чертыхающийся, бранящийся, пугающий семью и слуг. Этот терроризм сочетается с черным юмором. Когда его супруга сделала его отцом в седьмой раз и снова принесла девочку, он спросил, указывая на младенца, не потому ли так вопила мадам Девиолен, что производила на свет этот «эмбрион». Получив от

акушерки утвердительный ответ, он пожал плечами: «Когда у меня кончится запор, результаты моих стараний будут куда больше».

Рядом с достойной буржуазией — аристократия. Мягкий нрав, улыбающееся лицо, жена — прекрасная хозяйка, сын, три дочери, — все это принадлежит Жаку Коллару, персонажу менее живописному, чем Девиолен, его близкий друг. Близким другом был ему и Генерал. Отсюда его назначение официальным опекуном Александра, которого он охотно принимает у себя в замке Виллер-Элон. Это любимый дом Александра, у которого от рождения прекрасный вкус. Хотя Коллар и был опекуном, Александр никогда не считал его заменой отцу. По принадлежавшей ему великолепной Библии Александр досконально изучит Священную историю из чистого удовольствия.

С пяти лет мать учит его читать, а сестра — писать. Успехи в своем раннем обучении Александр приписывает своему желанию узнать, что написано в прекрасно изданном томе Бюффона с цветными гравюрами, который принадлежал мадам Даркур. Его воспитание дополнено «Робинзоном Крузо», «Письмами Эмилии о мифологии» Демустье (уроженца Виллер-Котре) и «Мифологией юношества». В результате на пороге отрочества Александр предстанет почти совсем непросвещенным. Конечно, это не совсем точное определение, поскольку его детство было вскормлено всевозможными мифами — еврейскими, греческими, латинскими и христианскими, питающими основные темы западной литературы. Он запомнит главное, благодаря удивительной памяти, а также постоянному и беспорядочному чтению всего, что под руку попадет, в частности, «Дневника Империи» («Journal de l’Empire») с его бесконечными сводками военных побед, и очень рано приобретет «странное самомнение». Он болтает и судит обо всем. Ему семь лет, он у Девиоленов.

За завтраком папаша Кнут звонит слуге:

«— Мас, — говорит он (слугу звали Мас), — раздобудьте газету и принесите нам.

— Ах, мой кузен, не стоит труда, — говорю я, скрещивая руки за спиной, — я читал газету, нет ничего интересного, кроме заседания в Законодательном корпусе».

Ответная реплика папаши Кнута была молниеносной — ногой под зад, единственное телесное наказание, которое получил Александр за всю свою жизнь. Правда, он быстро нашел утешение в безграничном восхищении женщин. Их глаза помогли ему научиться одновременно искусству рассказчика и искусству нравиться женщинам с помощью рассказываемых им историй.

Тогда-то их и не оторвать от губ рассказчика, и они, хоть святые, хоть светские, будут требовать все новых историй. Среди его первых обожательниц оказалось несколько благочестивых дам третьего возраста, и среди них почтенная госпожа Пивер. Она не только с восторгом слушала рассказы вундеркинда, но захотела и почитать его книжки. Он решил ее разыграть. И принес ей «Волшебную лампу Аладдина». Через неделю она вернула книгу и потребовала другую. На следующий день он снова принес ей «Волшебную лампу», и так в течение года мадемуазель Пивер пятьдесят два раза кряду читала все ту же «Лампу». В конце концов Александр спросил, хочет ли она и дальше знакомиться со сказками «Тысячи и одной ночи». Нет, она была удовлетворена вполне, но только поинтересовалась, почему всех персонажей зовут одинаково — Аладдин.

Сыну Генерала положено было пройти полный курс аристократического воспитания, пусть хоть со скидкой. За десять франков в месяц Мари-Луиза добывает ему скрипача-учителя. «Папаша Гиро <…> был настоящий гофмановский музыкант, высокий и худой, в коричневом сюртуке и в парике, который имел обыкновение следовать за шляпой мэтра всякий раз, когда он снимал ее, здороваясь. Поэтому Гиро, дабы устранить эту незадачу, решил пользоваться париком лишь по воскресным и праздничным дням. В обычные дни парик заменялся на черный шелковый колпак, который Гиро яростно натягивал на уши, когда его ученики играли слишком уж фальшиво». Что постоянно происходило во время игры Александра, который по истечении трех лет не научился даже настраивать инструмент. И папаша Гиро отказывается продолжать уроки, у него совести не хватает тянуть деньги с бедняжки мадам Дюма.

Освободившись от скрипки, Александр раздобывает себе учителя фехтования в лице некоего обитателя дома призрения нищих. Папаша Мунье осел там по причине неумеренной любви к бутылке, а также потому, что некогда ему проткнули горло рапирой. Не имеет значения: в фехтовании натощак важен показ, а не речи.

«Среди всего этого, мечтая лишь о саблях, шпагах, пистолетах и ружьях, я оставался трусишкой». На самом деле он просто был подвержен головокружениям, что стоило ему насмешек и шуток со стороны сестры и кузин Девиолен, в особенности Сесили, настоящего сорванца, которая предсказывала ему, что «самое лучшее, что он может сделать, так это стать семинаристом».

Кроме этого недуга — страха перед пустым пространством — на самом деле, были у Александра страхи и пострашней, следствие его слишком богатого воображения. Странно то, что,

если совсем маленьким он играл с лягушками и ужами (правда, при этом всегда присутствовал Генерал, чтобы защитить его в случае возникновения малейшей опасности), то теперь им овладел настоящий ужас перед змеями. Гигантский удав удирает с одной из гравюр Бюффона, чтобы сожрать его, если он один в комнате. В саду у Девиоленов два безобидных ужа в стойке на хвостах кажутся ему гидрами. И в панике он бежит от них. К счастью, папаша Кнут приходит на выручку и ударом трости сражает несчастных рептилий. С этого часа он представляется Александру «Гераклом, укротителем монстров», удачнейшей из реинкарнаций Генерала.

Кроме того, случаются долгие приступы слез, без причины, из чистого удовольствия. Когда у матери это вызывает беспокойство, он представляет ей единственный логический довод, говоря о себе в своем «странном самодовольстве» в третьем лице: «Дюма плачет, потому что у Дюма есть слезы». И между тем он не проронит и слезинки на похоронах матушки Зин в 1807 году, равно как и на похоронах деда своего Лабуре в 1809 году»[18]. Кроме смерти моего отца, ни одна из последующих смертей не произвела на меня ни малейшего реального эффекта. Все претворялось в обычную каждодневную прогулку на кладбище. И еще один холмик прибавлялся к уже имевшимся, которые моя мать называла своим садом», имея в виду, что сад, прилегавший к их новому жилищу на улице Лорме, неподалеку от родного дома, ей не принадлежал. Теперь они живут не так тесно, как в гостинице. У Александра могла бы быть отдельная комната, однако Мари-Луиза не соглашается оставлять спящего сына без присмотра и проводит ночи не просто в той же комнате, но «в том же алькове», то есть можно предположить — в двуспальной кровати. Эта физическая близость к матери продлится еще долго, и Александр получит право на отдельную комнату уже будучи молодым человеком, накануне вступления в первый свой любовный роман, ибо страсть его к матери мы в расчет не принимаем.

Недурно было бы спросить, на что живут Дюма. После смерти отца Мари-Луиза унаследовала пятнадцать гектаров земли, но «на доход от этих земель невозможно было существовать; они приносили не более двух процентов». Ей приходится заложить их очень быстро, что также было невыгодно. Сверх того, в надежде на дом и сад надо было платить пожизненную ренту некоему бессмертному старику, который умрет лишь в 1820 году в возрасте девяноста трех лет, получив за свой дом в четыре раза больше его стоимости. Неизвестно, оставил ли папаша Лабуре своей дочери какие-то сбережения, которые, будучи хорошо

помещены хотя бы у нотариуса напротив по имени Арман Жюльен Максимильен Меннесон, могли бы при строгой экономии спасти положение. Но никакого другого варианта для вдовы Генерала не существовало, если не считать дружеского гостеприимства Девиоленов и Колларов и получаемой от них денежной милостыни. Еще меньше можно представить себе жизнь ее без материальной помощи (бескорыстной или нет — неизвестно) нотариуса Меннесона. Последний вовсе не был филантропом, а Мари-Луиза хранила безутешность, хотя и была очень мила в свои сорок лет. И потом при ней всегда «дуэнья» в лице Александра, живущего в том же алькове. И, следовательно, последняя гипотеза зла, глупа и безосновательна.

Как бы то ни было Александр не голодает, хотя он «высок и худ, как жердь». В 1812 году Наполеон предпринимает русскую кампанию, и Мари-Луиза мечтает дополнить моральное воспитание Александра. Все ее просьбы о стипендии в императорском лицее были отклонены. Тут как раз она получает от одного из своих кузенов, аббата Консей, наследство в сумме полутора тысяч франков. Покойный Консей оставил для любого из своих родственников, который этого пожелает, стипендию для обучения в семинарии Суассона[19]. Мать печется лишь о благе своего дитяти, и Мари-Луиза приносит себя в жертву: отныне она будет спать одна. Однако «надо было как-то уговорить меня поехать в эту семинарию, что было нелегко. Никаких доводов рассудка по отношению к кюре для меня не существовало». Мари-Луиза настаивала несколько недель подряд, просила, умоляла. В конце концов Александр уступил. Собрал вещи. Непосредственно при его отъезде мать не плачет. Он страшно удивлен и думает, что она счастлива от него освободиться. Замечает, что не взял чернильницу. Берет двенадцать су, заходит в магазин. И встречает там Сесиль Девиолен, зловещее предсказание которой (он кончит в семинарии) как раз и сбывается. «При виде меня она страшно обрадовалась. Наконец-то ей представился случай высказать мне прямо в лицо, что она желает всяческих успехов в избранной мною карьере и обещает, что, как только я буду посвящен, она устроит мне место директора этой семинарии».

Эти насмешки открывают ему глаза: стало быть, отныне он никогда не сможет нравиться женщинам вне мессы или исповеди; невыносимо. И, кроме того, надо ведь как-то наказать несносную мать, которая согнала его со своего ложа. На двенадцать су он покупает хлеба, колбасы и отправляется к Буду, хромому Геркулесу, безобразному Гаргантюа. Буду способен съесть дневной рацион сорока охотничьих собак, за которыми он присматривает, и бедные животные хиреют не солоно хлебавши,

он может с жадностью проглотить подряд двадцать четыре цыпленка, теленка целиком за отсутствием быка, но беглых маленьких детей он пожирать не склонен. Он принимает Александра в своей лесной хижине, обучает его искусству ловить птиц на смолу, когда они приходят пить из лужи. В три дня глухой лес примиряет Александра с матерью, и он возвращается спать с нею рядом. Урок достиг цели, и Мари-Луиза горячо принимает блудного сына, «злой», — только и говорит она ему, нежно целуя.

Учиться он будет в Виллер-Котре, в коллеже аббата Грегуара, «порядочного человека», «достойного человека», «святого человека». И, разумеется, не его страшится Александр, а того приема, который окажут ему однокашники. «В том возрасте, в каком я тогда пребывал, другие дети города не слишком-то меня жаловали; я был тщеславен, нахален, спесив, безмерно самоуверен и полон восхищения своей маленькой персоной». Прием «на новенького» был суров. При его появлении во дворе коллежа «все ученики расположились на бочках, подражая позе и действию брюссельского Манекена-пис. То был день пуска всех фонтанов по случаю моего прибытия». Вымокший и благоухающий с ног до головы, он принялся плакать. Появляется аббат Грегуар и осведомляется, в чем дело. Александр доносит. Батюшка бьет виновных железной линейкой по пальцам, задает им переписать на завтра по триста стихов и оставляет без обеда. К Александру это не относится, и он удручен, предчувствуя репрессии. Они умеренны. Против него выставляют лишь одного борца — Блиньи, сына торговца сукном, двумя годами старше Александра, но Александр выглядит гораздо старше своих лет. Его первая дуэль длится недолго: Блиньи обращается в бегство. Воспитанные по-спортивному, школьники аплодируют победителю. Убегая, Блиньи уронил книгу.

«Я считал, что победитель имеет полное право на трофеи, добытые у побежденного; я подобрал книжку и унес ее с собой.

Но, унося, я ее открыл.

Это был «Онанизм» М. Тиссо.

Ничего не понимая в этом названии, я спокойно позволил маме забрать книгу и спрятать ее.

Двумя годами позже я ее нашел и прочитал.

Если бы прочтение это состоялось в день моей победы, оно было бы бесполезным, потому что не достигло бы моего понимания.

Но двумя годами позже оно послано было Провидением».

Дело в том, что, по Тиссо, мастурбация производит ужасающий эффект. Она влечет за собой импотенцию и

бесплодие, глухоту и слепоту и кое-что еще похуже. Александр в результате прибегает к ней в умеренных дозах. Добрую службу сослужил ему некоторое время спустя сын оружейника, который «умер от изнурения. Меня привели к его смертному одру, и это видение продолжило мое излечение, начатое М. Тиссо». Что значит власть книг! Как достоин восхищения доктор Тиссо, чей «Сельский врач» спас в своей время Генерала от отравления мышьяком, а «Онанизм» предостерег Александра от смерти еще более ужасной.

Новый персонаж появляется в жизни Александра — Виктор Летелье, его будущий зять. Оказывается, можно быть налоговым инспектором и влюбиться в бесприданницу, да еще при этом стараться понравиться ее родственникам. С этой целью он дарит Александру карманный пистолет. Немедленная и вволю стрельба в городском парке под восхищенными взглядами сбежавшихся мальчишек, и Александр щедро отдает руку своей сестры Виктору. Что касается Мари-Луизы, то она становится еще осторожней: подарок глупый, и несчастный случай может произойти каждую минуту. «Всякий раз, как возникал вопрос о ружье, пистолете или каком-нибудь другом огнестрельном оружии, моя мать видела, как я возвращаюсь бледный и окровавленный, как господин Данре из Вути [который сам себя нечаянно ранил], и так пугалась, что мне самому становилось ее жаль». Александр отказывается расстаться с пистолетом, угрожает снова бегством в леса. Обычно Мари-Луиза выполняет все прихоти своего сына, но на этот раз — нет, ведь речь идет о его жизни. Она приказывает сельскому полицейскому Турнемолю разоружить запальщика. Александр защищает свою честь.

Испив чашу стыда до дна, Наполеон возвращается из России, оставив там замерзать Великую Армию. 1813 год, немецкая кампания, Наполеон отступает. В Виллер-Котре один из товарищей Александра Станислав Пико смертельно ранен на охоте, и этот несчастный случай, как никогда прежде, обострил мысль Мари-Луизы о том, что ее разъединственный сын может взять в руки огнестрельное оружие. 1814 год, французский поход, призывают шестнадцатилетних, матери начинают громко роптать на детоубивца, а Мари-Луиза в ужасе: через четыре года очередь Александра идти на смерть ради того, кто обрек их на нищету. Подходят пруссаки и русские со своими грозными казаками, грабителями и насильниками. Чтобы отвратить от себя несчастья, Мари-Луиза готовит им гигантский котел фасоли с бараниной, надеясь, что этого вкупе с бочкой суассонского вина будет достаточно для переключения их прежних намерений на гастрономические. Эти надежды не помешали ей зарыть в саду

тридцать золотых луидоров и оставить за собой два места в подземной каменоломне, куда уже спряталась половина населения.

Но подошли вовсе не казаки, а маршал Мортье, и французские солдаты с полным пониманием дела ели фасоль с бараниной. Услышав ночью перестрелку и увидев, что утром Мортье снял лагерь, Мари-Луиза принимается за приготовление нового котла фасоли с бараниной. Но и пять дней спустя — ничего похожего на казаков. Но нельзя же дать пище испортиться! В результате у Александра расстройство пищеварения. Идут бои за Бар-сюр-Об, Ля Фер, Мо, враг совсем рядом, и снова потихоньку сбирается третья фасоль с бараниной. Отряд казаков ураганом проносится по Виллер-Котре, сразив по дороге соседа — чулочника Дюкудрея. Похоже, фасоль с бараниной не слишком надежная защита, и Мари-Луиза оставляет ее на служанку (можно быть очень бедным и нанимать того, кто еще беднее тебя), берет Александра за руку, и оба бегут укрываться в каменоломне.

Сутки спустя самый смелый из беглецов идет на разведку. Казаки улетучились. Но Мари-Луиза не торопится вернуться в Виллер-Котре и просится погостить к фермеру Пико, тому самому, сын которого погиб на охоте. Проходит несколько дней. Слышна канонада. Ночью 20 марта Александр видит сон, будто бы казаки спускаются в каменоломню, продолжение истории видится смутно, а может быть, он просто проснулся. Мари-Луиза верит в плохие сны и решает бежать в Париж. Едва успев отрыть в саду луидоры, мать с сыном Дюма отправляются в конном экипаже в компании с неким приказчиком по имени Крете и его дамой сердца мадемуазель Аделаидой, немолодой и горбатенькой, с «лицом в несколько тысяч ливров годового дохода», утверждающим, что истинная красота может быть лишь внутренней. 21-го они ночуют в Нантёйе, 22 марта приезжают в Мениль-Амело и там остаются. Недолгая прогулка в Париж, чтобы увидеть парад Национальной гвардии. Издалека Александр видит трехлетнего сына Бонапарта, в пользу которого Наполеон вскоре подпишет отречение от престола. Он замечает также на улицах проституток и никак не может понять, с какой целью они пристают к прохожим. Поскольку враг продолжает продвигаться в сторону Парижа, Мари-Луиза решает вернуться в Виллер-Котре. По дороге домой она узнаёт, что город захвачен неприятелем. Казаки обнаружили каменоломню и сотворили «в темноте гнусности, которые, будь они совершены при свете дня, заставили бы солнце опустить вуаль из облаков». Так сон Александра спас честь Мари-Луизы.

Они сворачивают в сторону Крепи-ан-Валуа и

останавливаются у Милле, старший сын которого — врач. Появляются прусские кавалеристы. Но их атака отбита французскими гусарами. Александр наблюдает битву из первого ряда ложи — из мансарды. Он сохранит о ней такое сильное впечатление, что почти сорок лет спустя его рассказ похож на заметки военного корреспондента, отредактированные великим писателем:

«Первым в бою пал пруссак; он скакал, склонив голову к шее лошади и выгнув спину, когда удар клинком вскрыл ему спину от правого плеча к левому боку и на мгновение как бы опоясал его красной орденской лентой!

Рана была не меньше двенадцати — пятнадцати дюймов в длину.

Другие погибшие на моих глазах пали один от удара по голове, который рассек ему лоб, другие — от колющего оружия или от пистолетных выстрелов.

Затем пруссаки, наголову разбитые через десять минут от начала боя, снова доверились быстроте своих коней и ускакали во весь опор.

Началось преследование.

Вихрь закружился и умчался, оставив после себя на дороге троих-четверых поверженных».

Сейчас или никогда надо сказать о стиле изложения. Он весьма точно передает характер стычки и вместе с тем постоянно преобразует ее в хореографическое действие. Доктор Милле перевязывает раненых без различия национальной принадлежности. Александр держит тазик с водой — суровая школа для мальчика двенадцати лет. Мари-Луиза и другие женщины превращаются в сестер милосердия. Париж пал 31 марта. 20 апреля Наполеон отправляется на остров Эльбу, Людовик XVIII прибывает в Компьен в обозе неприятеля, а мать с сыном Дюма уже в дороге по направлению к Виллер-Котре.

Предсказывать будущее по снам — семейный обычай. В этом деле Мари-Луиза значительно превосходит Александра. За год до Реставрации она ее почуяла и поэтому в 1813 году официально прибавила к фамилии Дюма фамилию маркизика. Сыну республиканского генерала не на что было надеяться при новой власти, зато Александр Дави де ля Пайетри мог получить стипендию или стать пажем. Его опекун Коллар собирается в Париж для выражения своих верноподданнических чувств Людовику XVIII, у него такие знакомства — Талейран, герцог Орлеанский, уж он-то сможет добиться какого-нибудь местечка для своего питомца, да и для нее тоже. Однако с момента бегства Александра Мари-Луиза не намерена больше ничего решать, не

посоветовавшись со своим маленьким мужчиной, который, кстати, растет, к какой фамилии желал бы он быть причисленным. И пусть хорошенько подумает, прежде чем дать ответ.

«Ах, матушка, тут нечего и думать! — воскликнул я. — Меня зовут Александр Дюма и никак иначе. Я знал моего отца и вовсе не знал деда; что бы подумал отец, который пришел проститься со мной в самый момент своей смерти, если бы я отрекся от него ради имени, которое носил мой дед?»

Разумом Мари-Луиза страшилась такого ответа, но сердце ее оценило эту абсолютную верность, подобную ее собственной. Коллар возвращается из Парижа с табачной лавкой в кармане. Александр скрипит: «Чистая античность: вдова Горация Коклеса Тирольского, торгующая табаком!» Всю оставшуюся жизнь табак вызывал у него отвращение. Реставрация имела не только счастливые последствия, ибо аббат Грегуар лишился своего диплома хозяина пансиона. Зато он мог давать частные уроки. И Александр учится дома латыни. Чтобы не носить с собой каждый день Вергилия и прочих Тацитов вместе с переводами оригинального текста, батюшка (таких только и дурачить!) запирал тома на ключ в сундучке. Александр снимает петли, а потом аккуратно возвращает их на место. В результате он великолепен в вариации и абсолютно беспомощен в теме.

Сын табачника должен уметь считать. Обле, школьный учитель, принимает к тому меры, но очень мало вдохновляет Александра. Из четырех правил арифметики он сумел одолеть лишь три и в мемуарах настаивает на этом: «Да и сегодня я не способен ни к какому делению», и даже если речь идет об авторских правах и пропорциональном или обратно пропорциональном распределении между его сотрудниками, Александр как-то ухитряется жонглировать процентами, дробями с помощью трех правил.

Однако Обле оказался превосходным преподавателем каллиграфии. Ученик не замедлил сравняться с учителем в пяти видах прописей: гусиным пером, с нажимом, тонким штрихом, с завитушками, с сердечками и розетками.

Александру тринадцать лет. Он мало прилежен в катехизисе, но поразительно современен в религии, прежде чем станет столь же современен в литературе: за полтора века до Второго Ватиканского собора он потребовал и добился от своей матери разрешения читать молитву по-французски. Несмотря на этот галликанский авангардизм, батюшка договаривается с местным кюре, чтобы именно Александр публично произносил обеты Крещения. Он заучивает их наизусть, а вслед за тем благоговейно

погружается в «Письма Элоизы и Абеляра». Мари-Луиза прямо-таки вырывает у него из рук злополучный том, видя в нем странный способ подготовки к первому причастию. При всем том одевает его к причастию во все новое.

«На мне были нанкиновые кюлоты, жилет из белого пике и сюртук василькового цвета с металлическими пуговицами — всё в исполнении Дюлоруа, лучшего портного в Виллер-Котре.

Белый галстук, батистовая сорочка и восковая свеча за два ливра дополняли мой туалет».

Он был сшит «на вырост», поскольку бережливая Мари-Луиза предвидела, что этот наряд сослужит ему в скором времени добрую службу. В ночь накануне церемонии он так и не сумел заснуть, как всегда — от избытка воображения и естественной склонности к преувеличению: «Мысль о том, что я причащусь к телу Господню, вызывала во мне сильнейшие эмоции, сопровождаемые внезапными приступами удушья и постоянным желанием заплакать». В церкви ему сделалось дурно, когда облатка коснулась его губ. Он зарыдал и упал без чувств. И потребовалось три дня, чтобы чувства к нему вернулись снова. Когда батюшка пришел его навестить, Александр бросился к нему на грудь и заплакал.

«Мой милый друг, — сказал он мне, — я бы предпочел, чтобы это было менее пылко и дольше бы длилось.

Аббат Грегуар был человеком рассудительным».

Больше никогда не случится Александру ни впасть в экстаз, ни испытать метафизическую тоску. До самой смерти Мари-Луизы он верит, что Бог существует, и не будет испытывать никакой потребности в том, чтобы выдумывать его вновь для каждодневных нужд каких бы то ни было религиозных отправлений. В случае необходимости недостаток веры он будет восполнять культом охоты, позднее — культом женщины. После посвящения его в фирменный способ ловли птиц он много раз возвращался к Буду со своим друзьями Сонье и Арпеном. Подростки практиковали также манок, или искусство ловить пернатых на живую приманку — сову или сойку, распятую на стволе дерева.

Мать с сыном Дюма переезжают с улицы Лорме на площадь Ля Фонтен. Медник Лафарж сдает им свою лавочку с двумя прилавками, один для продажи табака, другой для продажи соли. Мари-Луиза и Александр занимают также квартиру на втором этаже, слишком большую, и по-прежнему спят вместе на двуспальной кровати. Поскольку у них остается много свободного места, медник просит их приютить на несколько дней его сына, приехавшего из Парижа погостить. Огюст Лафарж — красивый

белокурый молодой человек, старший клерк, одетый по последней моде. Он знаком с Беранже и Арманом Гуффе, он сочиняет песни и сорит деньгами по-барски. Александр млеет от восхищения и ходит за Огюстом по пятам. Молодой человек благосклонно относится к его заигрываниям и предлагает гигантскую ловлю птиц с помощью Буду и двух тысяч ловушек на клею. Ради такой компании Мари-Луиза готова примириться с отсутствием сына на ее ложе.

Не только ночь перед первым причастием была у Александра бессонной, бессонными были у него и все ночи накануне охоты. «Ожидание удовольствия возбуждает почти так же, как и само удовольствие. <…> Впрочем, эти одинокие бдения не были для меня вовсе потеряны. Если в сердце моем сохранилась некоторая склонность к одиночеству, тишине и безграничности, я этим обязан ночам, проведенным в лесу, у подножья дерева, звездам, проглядывающим сквозь свод листвы, возведенный между мною и небом, и таинственным, незнакомым звукам, которые пробуждались в недрах деревьев, как только природа засыпала».

Добыча была богатой сойками, дроздами всех видов, малиновками, синицами, славками. Зато с приданым, на которое позарился Огюст Лафарж, надеясь с его помощью стать нотариусом, ему не повезло: Элеонора Пико, дочка богатого фермера, отказала ему. Весь Виллер-Котре насмехался над незадачливым парижанином, но очень быстро Огюст сделал насмешников своими сторонниками. Прежде чем вернуться в столицу, он щедро распространил в городке эпиграмму на Элеонору. И неделю спустя после его отъезда она все еще ходит по рукам и заучивается. Это открывает перед Александром новые горизонты. «Признаюсь, этот шум вокруг имени человека отсутствующего меня ошеломил. Я страстно желал такой славы: заставить говорить обо мне там, где меня нет. <…> Стихи Огюста Лафаржа были первым лучом света, проникшим в мою жизнь; он высветил желания, еще неясные, скорее мечту, чем образ, скорее устремленность, чем волю». В результате он требует, чтобы аббат Грегуар научил его французскому стихосложению. Батюшка пожимает плечами, он бы и не прочь, да только Александру быстро это надоест, как и все остальное, не пройдет и недели. И в самом деле, промучившись неделю над буриме, он отступается, он никогда не будет большим поэтом.

Кроме двух — четырех часов школьных занятий в день, он абсолютно волен распоряжаться своим временем. Частично он использует его, чтобы изготовить кастет для борьбы с молодыми роялистами, которыми Виллер-Котре был переполнен и которые считали Александра бонапартистом, предел глупости, если знать,

какую ненависть испытывал Наполеон к республиканцу по имени «негр Дюма». Александр никогда не говорил, был ли он в детстве жертвой расистских оскорблений, но это весьма вероятно, поскольку они преследовали его в течение всей жизни, В крайнем случае он отвечал на это с помощью закона, но никогда не опускался до того, чтобы сделать это на бумаге. Мари-Луиза залечивает раны и шишки, разбитый нос и подбитый глаз и страшно волнуется: «В этом обвинении она усматривала злобу или даже скорее корыстолюбие, направленные к тому, чтобы лишить ее табачной лавочки, которую, разумеется, у нее не замедлили бы отобрать, подтвердись это обвинение в бонапартизме».

Когда он не дерется, Александр убегает к соседу, оружейнику Монтаньону, тому самому, несчастный сын которого «умер от изнурения». По-отечески Монтаньон учит Александра собирать, разбирать, содержать в порядке и чинить оружие. Поскольку, когда он этого хочет, Александр может быть блестящим учеником, Монтаньон заявляет, что готов взять его в обучение бесплатно, однако амбиции Александра идут куда дальше, хотя пока что непонятно, куда именно. За теорией должна последовать практика, и Монтаньон снабжает ученика одноствольным ружьем, боеприпасами и, дабы обмануть бдительность Мари-Луизы, выпускает его через черный ход. С улыбкой на устах или со слезами на глазах наблюдает Монтаньон удаляющуюся в сторону леса фигуру своего приемного сына: увы, ружье он сделал для собственного ребенка, но вовремя не додумался связать ему руки.

То было ружье-трость со съемным прикладом, который можно было засунуть в карман. «Видишь птицу, поднимаешь ружье и становишься охотником. Видишь людей, разбираешь ружье и снова чувствуешь себя на прогулке». Очень скоро Александр приходит к выводу, что он в лесу не более, чем любитель. И если способам ловли птиц Буду его научил, то теперь следовало бы найти мастера по делу браконьерства. По общему мнению, непревзойденным специалистом в районе был некто Аннике, такой заядлый браконьер, что позднее ему предложат место лесника, чтобы уберечь дичь от полного исчезновения. Александр вертится вокруг Аннике, льстит ему, старается понравиться, и Аннике обучает его своему искусству. «От него я узнал все хитрости, не охотничьи, а звериные; однако на каждую из них у него была ответная, иногда даже две».

Жажда знаний приводит к неосторожности. В конце февраля 1815 года старший лесник Кретон застает его на месте преступления и пытается догнать. Александр прыгает через ров, Кретон за ним, но неудачно. Дело кончается растяжением связок

и жалобой Девиолену. Папаша Кнут хмурит брови и направляется к табачной лавочке. При виде его Александр спешит укрыться у мадам Даркур. Она отправляется на разведку, и когда опасность минует, подает Александру знак. Но этот визит влечет за собой условное осуждение и штраф в пятьдесят франков, если только Александру не удастся вымолить прощение у Кретона. Браконьеру не положено отказываться от содеянного, а леснику положено в погоне за ним растягивать сухожилие. Мари-Луиза вздыхает: где достать пятьдесят франков? Александр надевает маску отчаяния: никто его не любит. Ни одной женщине перед ним не устоять, и мадам Даркур обещает, что они с дочерью заплатят штраф пополам. Это не нравится папаше Кнуту: нарушитель должен понимать, что лесные законы существуют и для него тоже. А между тем Бонапарт высаживается в Гольф-Жуане, идет на Париж и единственный раз в жизни спасает деньги Александру: у Девиолена оказываются заботы поважнее. А может быть, Бонапарт только прекрасный предлог, чтобы не наказывать пострела, который вполне мог быть его сыном. Разве не был Девиолен влюблен в Мари-Луизу?

Виллер-Котре — город роялистских традиций. Вследствие того факта, что до Революции замок и главным образом лес принадлежали семье герцога Орлеанского, «лес, которым живет добрая половина рабочего населения, ибо лес дает им работу, и три четверти бедного люда, добывающего там дрова и плоды». Таким образом, сообщение о возвращении корсиканского разбойника воспринято неблагожелательно. Угрозы, проклятья, в которых особенно полна энтузиазма шляпница Корню. Ватаги молодых людей бегают по улицам с криками «Да здравствует король». Вечерами они собираются в подозрительных домах и принуждают «людей кричать вслед за ними. По десяти раз за вечер наша дверь, которая выходила на улицу, оказывалась открытой из-за этих сборищ». Можно, следовательно, сделать вывод, что Мари-Луиза и Александр обязаны были желать долгой жизни тому, кто, в милой формулировке Гейне, сгниет на троне своем.

14 марта через город следует процессия. Жандармы сопровождают двух пленников, братьев Лаллеман, бонапартистских генералов, которые пытались собрать войско своему императору. Молва говорит, что их везут в Ля Фер, чтобы расстрелять, но заночуют они прежде в Суассоне. Народ собирается вокруг, клянет пленных, а шляпница Корню плюет в лицо одному из них. Мари-Луиза не в силах вынести, что «подобным оскорблениям подвергаются люди, которые носят тот же мундир и те же эполеты, что носил мой отец».

Она велит Александру надеть лучшее платье, они тотчас же отправятся в Суассон, и Мари-Луиза нанимает конный экипаж. За стенами замка их поджидает нотариус Меннесон, общеизвестный республиканец. Империя представляется ему все же меньшим злом, чем королевство. Поэтому он передает с Мари-Луизой пакет, и этим его полезность ограничивается. В Суассоне Мари-Луиза и Александр снимают комнату, одну на двоих, в Отеле трех дев. Мари-Луиза справляется о Лаллеманах и узнает, что они не в военной тюрьме, а в гражданской. Это удача, потому что приятель Александра, с которым он играет всякий раз, как мать с сыном Дюма приезжают в Суассон, сын привратника. В комнате Мари-Луиза вскрывает пакет нотариуса и достает столбик монет из пятидесяти луидоров. Александр прячет монеты под мышку, а пару заряженных двуствольных пистолетов рассовывает по карманам, и Мари-Луиза следит, чтобы рукоятки не высовывались. Она стучит у ворот тюрьмы. Окошечко отворяется. Привратник Ришар узнает ее и просит войти. Она благодарит, у нее дела, она торопится, она оставит Александра поиграть с другом, а через полчаса его заберет. Этого времени Александру более чем достаточно. Приятель Шарль Ришар без всяких сложностей ведет Александра посмотреть на пленных. Александр называет себя. Генералы о Генерале слыхали, как услыхали и шепот его сына с просьбой отослать Шарля. Старший из Лаллеманов гасит свечу, делая вид, что снимает нагар, чертыхается на свою неловкость и просит Шарля сбегать ее зажечь. Как только они остались одни, Александр достал принесенное. Лаллеман отказывается от даров. Подкупать стражей, так же, как угрожать им, бесполезно. Еще глупей пустить себе пулю в лоб, поскольку император будет в Париже до окончания их процесса. Но за труды его они целуют в лоб героического мальчугана. Возвращение в Виллер-Котре. «Мы вернули пятьдесят луидоров тому, от кого их получили; но в память о мужестве, которое я проявил в экспедиции, мне оставили пистолеты». Они, кстати, весьма пригодятся ему в том же Суассоне через пятнадцать лет. Наполеон ночует в Тюильри. Освобожденные Лаллеманы возвращаются через Виллер-Котре. Шляпница Корню стоит на пороге своего дома. Тот, кого она оскорбила неделю назад, бросает ей в лицо, но не плевок — свою иронию: «Вот и мы, мадам, целы и невредимы; каждому свой черед». И ни слова, ни дружеского жеста в сторону Дюма. Александр на них за это не рассердился. Потом конец и эпилог. Четверть века спустя он ужинал вместе с Лаллеманом у герцога Деказа и напомнил ему о пистолетах, деньгах и поцелуе в лоб. Лаллеман берет его за обе руки, смотрит прямо в глаза и

произносит:

— Черт побери! Так поцелуемся еще раз!

Самое примечательное в этой новелле — не столько мужское мужество сына Генерала, сколько психологический поворот в поведении вдовы. Когда нежная, трепещущая Мари-Луиза превратилась в заговорщицу, в львицу. Она, готовая упасть в обморок при слове пистолет, вечно воображающая Александра изувеченным, смертельно раненным, лично вручает сыну два заряженных пистолета. Она, всю зиму страшившаяся потерять свой жалкий заработок, без колебаний ставит на карту все ради спасения двух генералов Империи, которым Генерал Республики нужен был, как прошлогодний снег, и которые, кстати, носили совсем другую форму. Особенно бесстрашным кажется ее поведение ввиду многих лет тюрьмы, которые ожидали ее любимого сына в случае провала предприятия. А что говорить тогда о филантропе Меннесоне? Где это видано, чтобы ради идей, которых он не разделял, нотариус доверил бы тринадцатилетнему мальчику не только пистолеты, но место свое и тысячу франков золотом в придачу?!

Два предположения немедленно приходят на ум. Одно — отвратительное. Меннесону нравится участвовать в заговоре, потому что его ненависть к Людовику XVIII больше, чем его любовь к деньгам. Ему требуются исполнители, которые не выдадут его в случае провала предприятия. Мари-Луиза ни в чем не может ему отказать и подчиняется беспрекословно, свобода же и жизнь Александра, по мнению нотариуса, ничего не стоят рядом с возвращением романтизма в его усеченную жизнь.

Вторая гипотеза кажется правдоподобнее и зиждется на избыточном воображении того, кто еще не знает о своем будущем романиста и новеллиста. 14 марта он видит, как проходят пленники. Шляпница Корню плюет в лицо одному из них. Александр тем сильней воспринимает это оскорбление, что в продолжение всей зимы он и его мать непрестанно подвергались обидам и унижению, их заставляли кричать «Да здравствует король!» Возможно, и ему кто-то плевал в лицо или в ноги, как это обычно практикуется у молодых во время выяснения отношений, предваряющего драку. Он идентифицирует себя с пленником. Ах, если бы он мог их спасти! Он и в самом деле знаком с сыном тюремного привратника, и на основе этого выстраивает свой сценарий. Лишь один из политических оппозиционеров в городе — Меннесон может снабдить его деньгами и оружием, и только Мари-Луиза может проводить его в Суассон. Продолжение напоминает детскую игру, но результат станет окончательным, лишь когда Лаллеманы вновь пройдут

через Виллер-Котре, уже свободные. Если бы их расстреляли, следовало бы придумать другие, соответствующие этому результату обстоятельства. А раз они не сбежали, то, стало быть, отказались от его предложения. А как же быть с пистолетами, которые он сохранил как доказательство приключения? Он их купил позднее. А ужин у Деказа? Он, без сомнения, имел место. Александр напомнил Лаллеману его двойной проход через Виллер-Котре и шляпницу Корню. В память об этом великом моменте двое мужчин расцеловались, в то время целовались много и охотно. Впрочем, возможно, что финальный поцелуй — из того же теста, что и основная часть новеллы — отказ от побега. Писателем не становятся, если не верят безоговорочно в реальность собственных фантазий. В конце концов десятки миллионов читателей принимали, принимают и будут принимать за действительность бегство Эдмона Дантеса из замка Иф в «Графе Монте-Кристо» и бегство герцога Бофора из Венсеннского замка в романе «Двадцать лет спустя».

Путь из Ватерлоо проходит через городок, где живут Дюма. Войска идут строем: впереди старая Гвардия, затем двести мамелюков, воспоминание о Египте, и, наконец, Наполеон собственной персоной. Александр ждет его на почтовой станции. В его явлении нет ничего потрясающего:

«Его бледное и болезненное лицо, как будто с нажимом вырезанное из куска слоновой кости, было слегка склонено на грудь. <…>

Он поднял голову, взглянул окрест и спросил:

— Где мы?

— В Виллер-Котре, сир, — ответил голос.

— Стало быть, в шести лье от Суассона? — спросил он.

— В шести лье от Суассона, точно так, сир».

Битва при Ватерлоо состоялась 18 июня. 20-го появляются первые беглецы, поляки. Им не хотят верить, бросают их в тюрьму. Но и Наполеон не замедлил себя ждать:

«Да, это тот же человек, с тем же бледным и болезненным, невозмутимым лицом.

Только голова опущена ниже на грудь.

Усталость ли это? Или горе, оттого что, выиграв весь мир, он его проиграл теперь? <…>

— Где мы? — спрашивает он.

— В Виллер-Котре, сир.

— То есть в восемнадцати лье от Парижа?

— Да, сир».

Юмор Дюма нередко восходит на вторую ступень. От того, кто выиграл и проиграл целый мир, ждут либо благородного

молчания, либо исторических слов. Вместо этого, как на пути туда, так и обратно, банальности путешествующего пошляка. Этой императорской тривиальности противопоставляется апокалипсическая картина его разгромленной армии.

«Сначала прошли, все вперемешку, без строя и без барабана, почти без оружия, те, кто вышел цел и невредим или же с легкими ранениями из этой ужасной бойни.

Затем настал черед тех, кто был ранен более серьезно, но кто был еще в состоянии либо идти, либо держаться в седле.

И, наконец, явились те, кто не мог ни идти, ни сидеть в седле. Несчастные без рук, с раздробленными ногами, насквозь пробитыми телами лежали на телегах, едва перевязанные или неперевязанные вовсе».

Из двухсот мамелюков выжило лишь пятнадцать.

Прибытие объединенных войск, размещение по квартирам, Дюма принимают двух англичан, и Мари-Луиза снова принимается за фасоль с бараниной. Английские офицеры не говорят по-французски, а Александр не знает английского. Один из офицеров обращается к нему на латыни, идея плодотворная, но Александр считает, что гость по-прежнему говорит по-английски. Тогда офицер наполняет стакан вином и протягивает Александру — Международный язык. «Крестный» Брюн убит роялистами в Авиньоне 2 августа. Александр клянется за него отомстить. Он сдержит слово[20] с помощью своего неотразимого оружия — пера.

В продолжение тринадцати прожитых лет Александр стремится выбраться из материнского лона. Его мечта — стать законным членом мужественного братства охотников, господ и истинных хозяев леса. Он познал все хитрости ловли птиц и мелкого браконьерства. Но, кроме того, что эти злостные занятия содержат элемент настоящего риска, он находит в них некое предвкушение социального самоутверждения, компенсацию своего бедного сиротства, незаконнорожденности, темной кожи, принадлежности к стану побежденных бонапартистов, над которыми насмехаются и издеваются. Даже такой ловкий браконьер, каким был Аннике, не мог претендовать на общественное признание, вместо того, чтобы хвастаться своими трофеями, он вынужден был их скрывать, и в маленьком городе, каким был Виллер-Котре, его участь была — оставаться маргиналом. Александр не был намерен преуспеть в этом качестве больше, чем уже преуспел. Он размышляет, высчитывает скорость прохождения дистанции, которая приведет его к посвящению в Мужчину и Гражданина в облике охотника. Еще не пришло время обратиться за помощью к Девиолену, ибо папаша

Кнут продолжал считать его «сопляком». Зять, который подарил ему пистолет? Но с этим оружием у него уже были неприятности, и потом, чтобы освободиться от Мари-Луизы, ему следовало бы вначале обойтись без помощи семьи.

Он останавливает свой выбор на друге своей матери Пико, стряпчем, имеющем брата-фермера. Этот Пико ведает охотой как раз в тех районах Виллер-Котре, которые более всего богаты дичью. «Я понял, что нельзя ограничиться тем, что Пико был из числа наших друзей, куда важнее мне сделаться его другом. И как только я утвердился в этой мысли, в ход пошли всякие нежности». Первые портреты Александра, появившиеся, когда ему было около тридцати, обнаруживают красивое лицо, с тонкими чертами и удлиненным овалом, несколько женоподобное. Можно предположить, что неуверенный в себе подросток, каковым он являлся, долговязый и нескладный, вполне мог быть носителем особого, двусмысленного очарования. Добавим к этой физической привлекательности талант краснобая, с помощью которого он обаял стольких пожилых дам, а еще хитрую игру в неловкость и наивность. Немудрено, что он казался привлекательным также и мужчинам, делая ставку на отеческие и братские чувства одновременно. И точно так, как это уже однажды сработало с Огюстом Лафаржем, предложившим ему в свое время большую ловлю птиц, так и «через месяц стараний г-н Пико предложил мне сопровождать его на охоте».

Самым сложным остается получить согласие Мари-Луизы. При первых же словах относительно охоты она побледнела: «И у вас хватает смелости забрать его у меня?» Но стряпчий знал свое дело. Пожав плечами, Пико заявил, что не имеет никакого желания совращать малолетних, и, пожалуйста, не будем больше об этом говорить, раз она не хочет, чтобы ее сын немного развеялся и вместе с тем усилил свое сходство с Генералом, который так любил охоту. Мари-Луиза не в состоянии вынести подозрений в подобных преступных намерениях, она уступает. Александр бросается ей на шею, начинаются сборы. Ружье у Монтаньона, пороховницу — у Генерала, который привез ее из Египта. Ей в пару еще одну — из прозрачного рога, всю оправленную в серебро — прелестный подарок Генералу от щедрой принцессы Полины Бонапарт. Накануне охоты Александр притащил все свое снаряжение в комнату матери. Когда король Марк застиг врасплох Тристана и Изольду, любовники спали по обе стороны обоюдоострой шпаги. Александр же поместил между собой и матерью свое ружье. Разумеется, он не сомкнул и глаз, все время проверяя, на месте ли его оружие. Мари-Луиза тоже не спала. «Она поднялась вместе со мной, веселая и грустная в одно

и то же время; веселая, потому что был весел я, грустная потому, что впервые я покидал пределы ее материнского могущества, если можно так сказать».

То была охота с зеркалом. Ласточки прилетали полюбоваться на себя, Александр убил шесть. Он возвращается с ружьем под мышкой, скромно неся гирлянду ласточек на шее, и если рискнуть аналогией с рыбной ловлей, то был отличный улов пескарей. В следующее воскресенье он принес уже куропатку, аналог уклейки. Он демонстрирует свою добычу зятю. Тот пальцем, смоченным кровью жертвы (что было бы невозможно, будь это рыба), рисует на лбу Александра крест в честь святого Юбера. Теперь, после крещения, он может за отсутствием кроликов атаковать зайца, приравниваемого к карпу. Зять приглашает его на облаву. Неблагодарный соблазнитель, Александр оставляет стряпчего Пико изучать повадки воробьев.

Мари-Луиза вздыхает, глаза полны слез. Александр снова не ночует дома, он должен быть на месте в канун облавы. Это в Брассуаре, на землях богатого фермера Моке. «Настоящая охота с участием лучших окрестных стрелков, и прежде всего — господина Девиолена». Папаша Кнут лично заедет за ним на своей охотничьей двуколке.

«О! Каким прекрасным казался мне лес, даже и без листьев! Будто бы он принадлежал мне как победителю. <…>

Господин Девиолен еще продолжал поругивать меня, но брань его казалась мне изящной и полной очарования».

Роскошный прием у Моке, одни мужчины. Александр легко проходит испытания «на новенького», состоящие в грубоватых шутках по поводу его сногсшибательных охотничьих трофеев — шести ласточек и одной куропатки. Ему удается снискать милость самого Моке, который на следующий день помещает его в исключительно выгодное местечко, где Александру и двигаться не нужно, зайцы сами к нему прибегут. В самом деле, при первых же криках загонщиков три зайца выскакивают прямо на него. Он подстреливает одного, второй продолжает свой путь, а третий оказывается прямо у него под ногами. Он бросает в зайца свое разряженное ружье, мимо. Тогда он пытается поймать первого, раненного, кидая в него камнями, вопя что есть силы, преследуя его, как в рэгби. В конце концов ему удается прикончить зайца. Но появляется новый. Александр стреляет, запал горит, но пуля не летит. И так продолжалось весь остаток дня. Зайцы сбегались, но ружье не стреляло, так как ствол был забит землей. За ужином шутки-прибаутки. «Вот варианты, которыми я пользовался в рассказах; все зайцы сбегались ко мне, интуитивно чувствуя, что мое ружье заряжено землей; ни один из зайцев не появился после

того, как ружье было исправлено; и все такое, плюс моя физиономия, расцарапанная зайцем в рукопашном единоборстве с ним». Тем не менее первые ступени инициации пройдены успешно, папаша Кнут им доволен и, наконец-то, приглашает Александра на королевскую охоту, облаву на кабана, то бишь лесную щуку.

По мере своего восхождения к более высокому статусу, Александр начинает навещать лесников. Это молчаливые люди, которых он сравнивает с моряками. «Поскольку на самом деле молчание их было ни чем иным, как долгим диалогом без слов, вы с удивлением обнаруживали, что в нужный момент им достаточно было одного слова, одного жеста, одного взгляда, чтобы с помощью этого слова, жеста и взгляда обменяться таким количеством мыслей, для которых иному не хватило бы и долгой дискуссии». Рядом с ними незамолкающий Александр учится искусству молчать. Что вовсе не мешает ему извлекать из общения с этими людьми материал для новых историй, комических ли, как рассказ о неудачливом охотнике Нике, или драматических, как история Шорона. Последний, стреляя на охоте в кабана, попал в собственного своего дядю и убил его. Уничтожив ружье, он поклялся, что отныне будет уничтожать свиней только ножом. И сдержит слово. Другие лесники дадут ему прозвище «колбасник». Смерть его будет трагической, но прежде символический отец Александра, бывший Кнут, даст мальчику возможность убить своего первого кабана.

В пятнадцать лет, уже признанный охотник, он все больше становится похож на Генерала. Волосы у него темнеют, начинают завиваться, цвет лица почти коричневый. Время обратить свой взор на Женщин, преимущественно молодых, а не богомолок «третьего возраста», как в детстве. Осталось прежде выполнить лишь маленькую формальность: найти способ зарабатывать деньги. Мари-Луиза находит ему место. Для этого она пересекает площадь по диагонали, стучит в дверь к нотариусу Меннесону и просит его взять Александра третьим клерком, то есть рассыльным. Решительно Меннесон ни в чем не может отказать неутешной вдове:

«— Ну что ж, дорогая мадам Дюма, раз это доставит вам удовольствие, пришлите мне его, а там будет видно».

Александр утверждает, что обучение у нотариуса было достаточно безболезненным. «В сущности, господин Меннесон был добрый малый, если избегать при нем похвалы священникам и Бурбонам» и если усердно аплодировать его исполнению самых пикантных пассажей из «Орлеанской девственницы» Вольтера. Должно быть, по всем этим пунктам у него с Александром

столкновений не было. В то же время Александр не пишет, случалось ли ему вспоминать с нотариусом их заговор во спасение братьев Лаллеман.

Первого клерка звали Ниге. Он был из семьи нотариусов, «один из тех людей, которые являются в мир с каракулями вместо почерка и с неразборчивой подписью с гигантской загогулиной на конце». Вторым клерком был Ронсен: «Он был жирный, он был желтый, с острым носом. Десять лет он учился быть нотариусом, а кончил лесником». Мы знаем и еще кое-кого, кто сменил первоначальную профессиональную ориентацию.

В качестве рассыльного Александра и вправду посылали с бумагами, которые должны были подписывать крестьяне в окрестных селах. Если сезон охоты уже начался, он брал с собой ружье. Если уже закончился, на всех придорожных лужах он оставлял веточки, намазанные клеем, для ловли птиц. Однажды он поехал на лошади в Крепи-ан-Валуа. Домой возвращался ночью, галопом. Вдруг лошадь резко отпрыгнула в сторону, сбросив Александра, и ускакала прочь. На дороге лежал труп, и теперь наступила очередь Александра перейти на галоп. Мари-Луиза дома страшно беспокоилась, ей уже сообщили, что лошадь вернулась без всадника. Он ей рассказывает о случившемся. Она велит ему молчать о своей находке, иначе ему придется фигурировать в качестве свидетеля на суде и во время следствия, а это лишние расходы и лишние враги. «Часть ночи мать и я провели без сна. Мы спали не только в одной комнате, но в одном алькове. Она была неистощима в своих вопросах, я же не уставал (так велико было потрясение) в десятый раз подряд описывать ей одни и те же детали». Если не считать момента изгнания злых духов от большого страха, то сцена выглядит вполне супружеской. Вечерком, в постели супружеская пара возвращается к важнейшим или мало заметным событиям прошедшего дня, и можно предположить, что этим ритуалом каждый раз сопровождался процесс засыпания. Однако Александр только и мечтал, чтобы разрушить ритуалы.

С первым жалованьем подвернулся учитель танцев, некто Брезет, бывший капрал волтижеров, полков, куда, вне всякого сомнения, брали лишь тех, кто умел танцевать вальс. Брезет запросил три франка в месяц, аббат Грегуар за свои уроки требовал вдвое больше, что говорит нам о рыночной иерархии культурных ценностей эпохи. Проявляя мало прилежания в изучении латыни, Александр перенял у Брезета «танец, довольно эксцентричный, но не лишенный ни ловкости, ни силы». Аббат Грегуар пожелал увидеть плоды просвещения. Александр показывает. С видом знатока святой просит Александра

потанцевать с его племянницей, которая приедет к нему на следующей неделе праздновать Троицу. Александр ни в чем не может отказать святому отцу и в поисках подходящего туалета поднимается на чердак, роется в одежде Генерала, которая ему еще великовата. Зато он находит спрятанные там Мари-Луизой «Похождения шевалье де Фоблаза», восемь томов, отданных на хранение зятем со специальной оговоркой — не показывать Александру. Тщетными оказались тогда предпринятые им поиски.

«Название не слишком обнадеживало, но гравюры — несколько больше.

Двадцать строчек, которые я тут же проглотил, оказались еще поучительней, чем гравюры».

Он завладевает первыми четырьмя томами, прячет их под курточкой, и вот пища для одинокого чтения в парке при замке. До сей поры кое-какие непристойные книги питали, разумеется, не переходя границ, ведущих к изнурению, то, против чего предостерегал некогда Тиссо. С помощью же либертинца Фоблаза он постигает целую «восхитительную теорию обольщения». Дабы опробовать ее на практике, под рукой не оказывается другого туалета, кроме того, что был сшит к первому причастию. Но если в 1815 году он утопал в нанкиновых штанах, белом пикейном жилете и васильковом сюртуке, то весной 1818-го все это ему явно мало и, более того, абсолютно вышло из моды: «Я был одет, как старик».

Горестным подтверждением тому был момент знакомства с племянницей аббата Грегуара мадемуазель Лоранс, высокой худенькой блондинкой. Она прибыла из Парижа вместе с подругой по имени Виттория, брюнеткой с пышной грудью. Девицы обменялись насмешливым взглядом, Александр совершенно сник. Помертвевший, онемевший, это он-то, уже проявивший себя как блестящий рассказчик, он неловко предлагает правую руку Лоранс. Горбатая сестра аббата Грегуара предлагает свою Виттории, и — в дорогу, на традиционную прогулку в парке при замке, превращенном после Революции в дом призрения нищих. Само собой разумеется, хорошенькие парижаночки, да еще в такой компании тут же стали мишенью для шуточек толпы, отправлявшейся на бал. Александр получал оплеуху за оплеухой:

«Молодой парижанин, состоявший на службе в замке года два-три и обладавший всеми качествами, коих я был лишен, то есть блондин, с розовой кожей, пухленький, одетый по последней моде, повстречался нам и, разглядывая нас в лорнет, висевший на тонкой стальной цепочке, воскликнул:

— А, вот и Дюма, снова идет на свое первое причастие,

только свеча другая».

У Александра одно желание — бежать как можно глубже в лес, но Лоранс удерживает его и спрашивает, что это был за молодой человек.

«Некий г-н Мио, служащий в доме призрения нищих». Александр считает, что отомстил обидчику этой фразой. Но Лоранс пропустила ее мимо ушей, она запомнила только одежду, но не должность. Забавно, но по костюму она приняла бы его за парижанина. Возможно, что и парижанин, однако перепрыгнуть, как Александр, канаву в четыре с половиной метра шириной он неспособен, и тут же, на месте, Александр доказывает это. «Когда я приземлялся на согнутых коленях, послышался зловещий треск; в нижней части своего существа я почувствовал сквозняк: кюлоты треснули по шву».

Он мчит что было силы домой, прибегает на последнем дыхании и предъявляет Мари-Луизе свой зад. Она сразу же смекнула, что дело тут вовсе не в отсутствии уважения, иголку, нитку в руки, и никаких следов катастрофы. Он мчит что было силы и на последнем дыхании прибегает на бал, как раз в тот момент, когда Лоранс танцует с Мио. Муки, которые претерпел Александр, станут со временем муками Анжа Питу в романе того же названия. Конец кадрили, Мио провожает Лоранс на ее место и, столкнувшись с Александром, снова отпускает остроту:

— Вот что значит носить кюлоты.

Лоранс говорит, что счастлива его снова видеть, что она волновалась, не случилось ли с ним чего, а он, наверное, бегал домой за перчатками, ведь без перчаток не танцуют. Он глядит на свои голые руки, засовывает их в карманы, замечает Фуркада, директора школы взаимного обучения. Это молодой человек, старше Александра, недавно прибывший в Виллер-Котре и успевший, конечно же, стать ему другом. Фуркад тоже одет в нанковые кюлоты и васильковый фрак, но у него есть еще и перчатки, которые он как раз натягивает. Александр просит ему их одолжить, и Фуркад спокойно достает из кармана вторую пару, взятую про запас, на случай, если первая порвется. Александр потрясен таким размахом. Они договариваются танцевать следующую кадриль визави. Фуркад приглашает Витторию, Александр — Лоранс. Обе парижаночки уже приготовились позабавиться тем, как танцуют их смешные кавалеры в кюлотах. Фуркад устремляется в атаку первым, антраша, фуэте, восхищенный шепот в зале. Способность к подражанию у Александра фантастическая, в одно мгновение он сумел воспринять в фигурах, показанных Фуркадом, «в сложном сплетении лодыжек, в сгибании и разгибании ног то, что при

некотором упрощении и сам смог бы исполнить, и когда настала моя очередь начинать, в тени огромного успеха моего партнера, благожелательный шумок засвидетельствовал мне, что я только что сделал лучше, чем от меня ожидали».

Рождается доверие, он приглашает Витторию на вальс и превосходно в нем отличается. Она делает ему комплимент. К нему возвращается дар речи, остроумие. Чтобы нравиться, надо заставить смеяться, и он начинает сочинять байки, сохраняя невозмутимую наивность. Вальсировать он научился в год своего первого причастия, но только аббат Грегуар запрещал ему танцевать с женщинами, и он танцевал со стулом, то есть учился безгрешно. Тяжкий вздох, все же со стулом танцевать куда менее приятно, чем с Витторией. Но он очарователен, этот мальчик, право же, он ей нравится, такой забавник! Жестокая Лоранс его не замечала. И здесь возникает желание сделать Александру отеческое внушение: мальчик мой, послушай, ты ведь не племяннице аббата нравишься, а Виттории, так продолжай развивать свой успех на этом поприще. Напрасный труд! Он и слушать бы не стал, и видеть никого, кроме Лоранс, не видел. Внезапно Виттория изменила поведение, подражая жестокой подруге, и Александр почувствовал себя «пустячной игрушкой, чем-то вроде волана, который совершенно безответственно можно перебрасывать с ракетки на ракетку и у которого от особенно сильных ударов повыпадали перышки». Однако от своей миссии провожатого Александр не отказался. «Остаток ночи представлял собой самое бурное времяпрепровождение, какое я когда-либо имел в своей жизни».

Поскольку, как оказалось, судят по одежке, он принял решение перейти в ранг хорошо обутых щеголей, как Мио. Ему нужна пара сапог и, кроме того, обтягивающие панталоны. Мари-Луиза вначале наотрез отказала: слишком дорого, но он ластился к ней, и, повздыхав, она решила заплатить сапожнику в рассрочку. Он продолжал свои неловкие ухаживания, вновь обдумывая вечером стратегию и тактику не без влияния своего нового самоучителя. Увы, с первыми лучами солнца ночной Фоблаз терял свою силу. Во время лесных прогулок он ограничивался вздыханиями и пожатием рук. В тот день, когда дерзость толкнула его поцеловать руку Лоранс, он чуть не упал в обморок. Вне всякого сомнения, кокетка шутки ради пожаловала его некими дополнительными маленькими милостями, сам бы он не сумел их добиться.

Полина Бонапарт подарила Генералу изумительную пороховницу. Дабы дать понять, что его успех у женщин сродни отцовскому, Александр похищает из прически Лоранс украшение,

демонстрирует его всем подряд с видом пресыщенного искателя любовных приключений. Через три дня он возвращает колье и признается в содеянном. Лоранс делает вид, что ей забавно это мальчишество, но на самом деле не простит ему бахвальства. Сапоги и облегающие панталоны наконец-то готовы, вот уж теперь-то он поразит воображение возлюбленной, и он устремляется к аббату Грегуару. Лоранс уехала, Александр ее больше не занимает, разве что забавно было бы видеть его лицо, когда он прочтет оставленное ею письмо:

> *«Мое дорогое дитя,*
>
> *две недели я упрекаю себя за то, что злоупотребляю той любезностью, которую, как вам кажется, вы оказываете моему дяде, весьма нескромно предложившему вам быть моим кавалером. Хотя вами и были сделаны некоторые усилия, чтобы скрыть скуку, вызванную занятиями, не свойственными вашему возрасту, я все же заметила, что являюсь причиной нарушения свойственных вам привычек, и упрекаю себя за это. Возвращайтесь же к вашим маленьким друзьям, которые ждут вас, чтобы бегать взапуски или играть в биту. Впрочем, обо мне можете не беспокоиться; на то небольшое время, что остается мне провести у дяди, я согласилась принять руку г-на Мио. Примите, милое дитя, мою глубокую благодарность за ваше участие вомне, признательная вам*
>
> *Лоранс».*

Слишком складно написано, чтобы не заподозрить, что Александр приложил к посланию руку. Разве что он восстановил его по памяти, ибо в шестнадцать лет пощечины в архив не складывают. Но нет сомнения, что основной смысл передан точно. Александру остается последнее средство, чтобы показать жестокой свои мужские качества: письмом он провоцирует Мио на дуэль, рыцарски оставив за ним право выбора оружия. В ответ он получает пучок розог с визитной карточкой соперника. Весь город в курсе, зубоскальству нет конца, и Меннесон вносит в него свою лепту. Терпеть эти унижения невозможно, и Александр заболевает. Воспаление мозга продлится до тех пор, пока парижанки не покинут Виллер-Котре.

Сын Генерала проиграл лишь одну битву. Едва поднявшись на ноги, он возвращается на охотничью тропу, предварительно поразмыслив о Фоблазе, введшем его в заблуждение. Теперь он будет применять на практике уроки благородного искусства. Прежде всего — начистить до блеска свое естественное оружие

вплоть до мельчайших деталей, строжайшая физическая чистота, постоянный уход за ногтями и зубами. Позаботиться об амуниции, ибо от предшествующего приключения у него остались лишь сапоги да панталоны в обтяжку, которым завидуют его товарищи. Тщательно изучать обстановку: в лесу и на равнине действуют по-разному. Крупная дичь — вне пределов его досягаемости, поскольку Александр не приглашен в соседние замки. Правда, его принимают у Колларов в Виллер-Элоне, где юные мирянки резвятся в обширном парке, но они бы разорвали на части своими острыми клыками или изгнали бы ударами кабаньего рыла ничтожного квартерона, посмей он погладить их против шерсти. У Девиоленов селятся время от времени зайчихи из числа доброй буржуазии, разумеется, рыжие, или блондинки, или брюнетки. Хорошеньких животных может отпугнуть всякая малость и уж конечно с большим основанием — верзила с курчавыми волосами и темным цветом лица, делающим особенно яркими пугающие «большие, но белые зубы». Хотя, если смотреть на него издалека, когда ростом он кажется меньше, это только маленький рассыльный без какого бы то ни было шанса приобрести когда-нибудь нотариальную контору. Что же остается? Ласточки-касаточки из народного меню? В настоящий момент Александр ими пренебрегает. Разумнее всего оставаться на своей собственной территории, в самой мелкой буржуазии, где в изобилии водятся куропатки из «этого третьего класса, очаровательного посредника между буржуазией и народом и не являющегося ни тем и ни другим, представительницы которого становились модистками, белошвейками, продавщицами».

Браконьер Аннике научил его распознавать хитрости животных, чтобы им противодействовать. И теперь Александр внимательно наблюдает повадки и обычаи своей потенциальной добычи, числом примерно в дюжину. Картина, настраивающая на оптимистический лад: «Одно удовольствие было наблюдать их по воскресеньям, в их весенних платьях с розовыми и голубыми кушаками, с их чепчиками, состряпанными собственноручно и кокетливо надетыми, у каждой — своим способом».

Опытным своим взглядом он сразу же выделил из общей массы самых аппетитных — Жозефину и Маннету Тьери, Луизу Брезет, племянницу своего учителя танцев, а также Альбину Арди и Аглаю Телье. Обе работают у «Барышень Риголо, торговля модными товарами», двух старых дев. Альбина брюнетка, Аглая «была розовой блондинкой. Никогда я не видел более прекрасных золотистых волос, более милых глаз, более очаровательной улыбки; скорее веселая, чем печальная, скорее маленькая, чем высокая, скорее пухленькая, чем худенькая, словом, нечто

напоминающее херувимов Мурильо». Проблема в том, что все девушки уже более или менее разобраны, и некоторые — лучшими друзьями Александра. Так, Фуркад строит глазки Жозефине Тьери. Сонье, получивший место клерка у нотариуса, вовсе не противен Маннете Тьери. Богатый торговец лесом Шолле не оставляет надежд добиться расположения Луизы Брезет. Александр же остается запасным игроком, практика довольно редкая в любовных отношениях, участвуя при этом в общих забавах и «терпеливо ожидая, чтобы какой-нибудь из завязавшихся узелков развязался или разорвался».

«Случай помог мне после полутора или двух месяцев внештатной службы». Аглая Телье бывала у одного землевладельца по имени Ришу. Родители молодого человека, более состоятельные, чем родители Аглаи, воспротивились их союзу. Аглая оказалась свободной. Ловчий сокол, хотя еще и не очень сведущий в этом жанре охоты, Александр устремляется к хорошенькой блондинке, четырьмя годами старше него. Она пытается отбиться, но он не выпускает добычи и в течение нескольких месяцев добивается кое-каких сдвигов, позволяющих надеяться на большее.

«Какая это была сладкая жизнь! Утром при пробуждении видеть мать с ее улыбчивым взором, вкушать ее долгие поцелуи; с девяти до четырех работа, работа, которая могла бы, правда, показаться скучной, если бы я должен был вникать в то, что пишу». Время с четырех до восьми он посвящал Мари-Луизе. Это летом, а зимой — только до шести. Вечера же оставались за Аглаей, но только не наедине, таково было общее условие, поставленное родителями барышень. Если погода была хорошей, они прогуливались парами в парке, чинно следуя друг за другом. Зимой, если шел дождь, собирались у Луизы Брезет. Ее мать и тетка удалялись в дальние комнаты, первая с вышиванием, вторая с книгой «Подражание Иисусу Христу», так что молодые имели возможность миловаться друг с другом, «почти всегда сидючи вдвоем на одном стуле», возможно, что бок о бок, но скорее всего девушки — на коленях у молодых людей, точно так, как это происходит и сегодня в пригородных поездах.

В десять вечера каждый провожал свою, с долгими остановками, все более нежными по мере приближения к родному дому. Александру семнадцать лет. Наконец-то он добивается разрешения матери спать в отдельной комнате. Со своей стороны, Аглая получает согласие родителей занять маленький павильон в глубине их сада, достаточно перескочить через ограду, и «безжалостная дверь, которая выталкивала меня и закрывалась ровно в одиннадцать, тихонько приоткрывалась в половине

двенадцатого». Александр возвращается домой в три часа ночи. Мари-Луиза поджидает его у окна, вся в слезах. Она огорчается совершенно напрасно: ни с одной женщиной Александр не проспит рядом столько лет, сколько с ней.

ДОЛГАЯ ОХОТА
(1819–1825)

Возвратимся назад, за несколько недель до первой любовной ночи Александра и Аглаи. Точнее говоря, в прекрасный летний день 27 июня 1819 года, когда любезный и внимательный читатель может увидеть их в веселой компании друзей в лесу, по дороге на праздник в Корси. Там Александр узнаёт, что у богатого фермера Леруа, старого друга Генерала, собирается светское общество. Следует, стало быть, срочно напомнить Леруа об этой дружбе. Александр оставляет Аглаю на площади, пусть она пока потанцует без него, а он сейчас вернется.

«Вдруг, как раз на повороте дороги, в солнечном луче, омывающем их светом, показались идущие мне навстречу три особы, две из коих были мне хорошо известны, но третья — абсолютно незнакома». Речь идет о Каролине Коллар, сделавшейся позднее баронессой Каппель, ее трехлетней дочери Марии, которая в 1840 году станет несчастной героиней дела Лафаржа, и мальчике в возрасте Александра. «Этот молодой человек, высокий, смуглый, поджарый, с черными волосами, остриженными бобриком, с чудесными глазами, четко очерченным носом, с белыми, как жемчуг, зубами, с аристократически беспечной походкой, был виконт Адольф Риббинг де Лёвен, будущий автор «Vert-Vert» и «Форейтора из Лонжюмо» и сын графа Адольфа Луи де Лёвена, одного из трех шведских вельмож, обвиненных в убийстве Густава III, короля Швеции».

Оно было совершено в 1792 году во время маскарада. В результате граф Лёвен удалился в изгнание во Францию, потом в Швейцарию. «Он был молод и так хорош собой, что его называли не иначе как, красавчик-цареубийца. Он был представлен мадам де Сталь, которая пожаловала ему особую часть своей дружбы», как говорилось тогда на галантном языке времени. После 9 термидора он возвращается во Францию, честно спекулирует на покупке по крайне низким ценам упраздненных аббатств и множества замков, пустующих по причине эмиграции их владельцев. Один из них — Виллер-Элон он перепродает своему другу Коллару, который хорошо заработал тогда на поставках оружия. При Наполеоне Лёвен тихо живет то в одном, то в другом своем поместье, но второе возвращение Бурбонов вынуждает его вновь отправиться в изгнание вместе с женой и ребенком. В Брюсселе вместе со ссыльными бонапартистами — драматургом

Арно, Экзельманом, Камбасересом, Кошуа-Лемером, Гарелем, будущим директором театров Одеон и Порт Сен-Мартен, он начинает издавать газету «Беглый желтый карлик»[21]. Король Пруссии, возмущенный одной из статей, требует, чтобы Лёвена либо выдали ему, либо он убрался бы во Францию, «подобно тому, как повар оставляет курице свободный выбор между вертелом и кастрюлей». Лёвен тем не менее остановился на втором рецепте и прибыл просить Коллара о гостеприимстве, не заботясь о последствиях и возлюбив Александра, «как своего второго сына». Наконец-то папа-аристократ: незаконнорожденные сиротки нуждаются во множественном числе папаш.

В настоящий момент Коллары, Лёвены и несколько мелких дворян из местных пребывают у фермера Леруа, совершая загородную прогулку. С первого взгляда во время их нечаянной встречи Александр испытывает самую живую симпатию к красавцу Адольфу де Лёвену. Чтобы поближе с ним познакомиться, а также, может быть, чтобы возобновить отношения с барышнями из хороших семей, он добивается от баронессы Каппель приглашения сначала к Леруа, а потом в Виллер-Элон. Александр с удовольствием остался бы и ночевать на ферме в тот же день, но ему надо предупредить об этому старенькую маму, а также проводить назад в Виллер-Котре докучливую плебейку Аглаю, «которой мне следовало с помощью дипломатических уловок дать понять необходимость сохранения моих отношений с семейством Коллар». Преодолевая законную ревность, Аглая предоставляет Александру трехдневный отпуск: он не должен из-за нее упускать возможность стать любимчиком всех этих хорошеньких аристократок. Неизвестно, удалось ли ему договориться о том же с мэтром Меннесоном и, если да, то был ли то оплачиваемый отпуск или без сохранения содержания.

Утром следующего дня мы видим его на дороге, большими быстрыми шагами он направляется к Корси. На берегу пруда он замечает жестикулирующего Адольфа и не удивляется: какой же поэт не жестикулирует, особенно если влюблен. Адольф, конечно же, влюблен, в Луизу Коллар, которая собирается замуж за русского. Дабы помешать этому мезальянсу, он сочинил четверостишие и собирается тайком записать его в альбом Луизы. Она прочтет, глаза ее откроются, в переносном смысле, разумеется, она отошлет русского назад к его снегам, и, кто знает… Александр умоляет Адольфа о чести первым услышать его стихи. Настоящий поэт никогда не заставит себя упрашивать:

Зачем в холодной Иберии, о, Луиза,
Укрыть столь милые черты?

Разве не поклялись нам в вечном мире
Русские, покидая нашу прекрасную родину!

Это дивно, как у Демустье, величайшего из поэтов Виллер-Котре. Александр в восторге, сам-то он стихов писать не умеет. Адольф скромно улыбается: стоит лишь влюбиться, и стихи польются сами собой. Но Александр влюблен, а у него не льются.

Обед на тридцать кувертов на лесной поляне, отъезд в Виллер-Элон. Барышни поручили врачу из замка по имени Мансо позаботиться о приятном ночлеге для Адольфа, Ипполита Леруа, двоюродного брата фермера, и Александра. В простынях у первого скрыты волоски, от которых все тело начинает чесаться; в постели второго резвятся лягушки. Поэтому Александр тщательно исследует свою кровать, прежде чем лечь. Но едва он задремал, как раздался крик петуха, заблаговременно спрятанного в шкафу, и эти вокальные упражнения не прекращались до самого утра. В семь часов утра Мансо с хитрым видом зашел справиться, все ли у них в порядке. Месть молодых людей соответствовала степени их недосыпания. Подстрекаемые Александром, они раздевают врача, завязывают его в простыню с волосками, от которых все тело начинает чесаться, и с кляпом во рту помещают по самое горло в речку на краю парка. И он мокнет там несколько часов, пока барышни его не обнаруживают. Некоторое время они дуются на любителей глупых шуток.

Пока они заняты поисками врача, Александр стоит на часах, а Адольф переписывает и подписывает свой шедевр в альбом Луизе. Довольный собой, он рассказывает обо всем отцу. Граф, пожевывая зубочистку, выслушивает четверостишие, на секунду вынимает ее, чтобы заметить, что Испания это не совсем Сибирь, а после продолжает свое занятие. Дабы не опозориться, Адольф ночной порой пробирается в спальню Луизы, берет альбом, чтобы исправить ошибку, но задевает впотьмах столик. Луиза вопит, думая, что к ней забрались воры; прибежавший на помощь ее отец вопит, думая, что обнаружил соблазнителя, Адольф жалобно оправдывается именем Поэзии. Наутро барышни все еще изволят дуться. Александр сыт по горло жизнью в замке, он удаляется, ни с кем не простившись, и ноги его больше не будет в Виллер-Элоне.

«Я возвратился в Виллер-Котре и, утомившись пребыванием в аристократических краях, откуда я так стремительно бежал, был счастлив снова оказаться в мире, который я предпочел тому, другому, и где я находил полное удовлетворение всех моих сердечных желаний и честолюбивых устремлений». С этими

последними он возьмет со временем потрясающий реванш, когда гений его и успех заставят сильных мира сего искать его общества или смиряться с ним. Что же касается «сердечных желаний», он будет придерживаться своего первоначального круга общения, и среди его многочисленных любовных связей никогда не мелькнет ни хвостика, ни даже тени самой последней маркизы.

Что вовсе не мешало ему проявлять чрезвычайный интерес к мужской красоте. Так, например, с самого момента появления в Виллер-Котре отставного офицера Амадея де Ля Понса, он не мог успокоиться, пока не стал его другом. Двенадцатью годами старше Александра, Ля Понс имел черты лица совершенно женственные, мужественность которым придавал лишь след от роскошного сабельного удара. Профессиональный рантье, он призывал Александра работать, по-отечески, как и положено:

— Поверьте, дитя мое, есть в жизни нечто большее, чем удовольствие, чем любовь, охота, танцы и все безумные запросы молодости! Есть работа. Научиться работать… значит научиться быть счастливым!

В конце концов Александр будет пользоваться этим уроком как одержимый. Монтескье говаривал, что не было такого огорчения, которое не исчезло бы после часа чтения. Точно так же Александр станет утверждать, что никогда не было у него такого горя, которое не исцелила бы работа. Та работа, которую предлагала педагогика Ля Понса, состояла в изучении немецкого и итальянского языков. Александр на первый язык не клюнул, но от второго получал удовольствие. Позднее он переведет и опубликует под именем Жака Ортиса одну из книг, по которым он выучил итальянский[22].

Девиолены переезжают в Сен-Реми и сдают свой дом в Виллер-Котре Лёвенам. Теперь Александр и Адольф каждый вечер встречаются у Ля Понса. Они упражняются в стрельбе из пистолета, превратив двор в полигон, и так преуспевают в этом искусстве, что «каждый из нас, бывало, держал в руке карту, которая служила мишенью для другого», невинная забава, едва ли менее опасная, чем русская рулетка. К столь же опасным упражнениям можно отнести новые стихи Адольфа, которые он время от времени читал, стараясь больше не путать Иберию с Сибирью. Менее отважный, Александр не рискует рифмовать. Погостить к Лёвенам приезжает вместе с семьей Антуан Венсан Арно, знаменитый автор «Германика» и «Мариуса в Ментюрне». Александр не был приглашен, но случайно знакомится с драматургом во время охоты. Увы, Арно уезжает, увозя с собой в Париж Адольфа, который останется там на всю зиму.

Тем временем Пайе стал старшим клерком, сменив Ниге.

Пайе богат, он не собирается становиться нотариусом и не столь мелочен, чтобы придираться к работе Александра. Более того, однажды, когда клиент оставил персоналу королевские чаевые, Пайе предлагает их проесть в «злачных местах» Суассона. Трое клерков садятся в ночной дилижанс. Пайе и Ронсен — в двухместное купе, а Александру достается «общее» место внутри экипажа. После нескольких остановок он остается наедине с мужчиной лет сорока, весьма элегантным, с обольстительными манерами, который, услыхав, что он кашляет, предлагает Александру пастилки от кашля. Завязывается беседа, мужчина спрашивает его о жизни, о работе — тема, на которую Александр вовсе не прочь поболтать перед сном, включая при этом свой шарм двуполого существа. Принял ли мужчина его непринужденную позу за приглашение? Как бы то ни было «мой дорожный товарищ от любезничанья перешел к более решительному изъявлению своих симпатий ко мне и сжал меня в своих объятьях». Александр отбивается, призывает на помощь, но дилижанс как раз катится под гору и не может остановиться. Минут через десять Александру удается прервать это странное объятие. Экипаж останавливается. Кондуктор строго препровождает мужчину на империал и, смеясь, рассказывает о произошедшем Пайе и Ронсену. Александр притворяется, что не понял, чего хотел от него пассажир вопреки предшествующему «любезничанию». В Суассоне оба клерка поднимают его на смех. Дабы доказать, что он истинный мужчина, остается лишь один способ: как следует наказать господина с пастилками от кашля. Александр ищет его, но не находит, однако волнение его не утихает: «Приключение произвело на меня столь сильное впечатление, что в продолжении целого дня я был не в себе». В его будущем творчестве для гомосексуалистов найдется место, они будут представлены жестокими или коварными, но никогда ни в карикатурном, ни в гротесковом ключе.

Он выходит из отупения лишь на «Гамлете» в бесцветной адаптации Дюси, автора, о существовании которого Александр не подозревал, так же как и о существовании Шекспира. То были провинциальные гастроли учеников парижской Консерватории драматического искусства. Главную роль играл некто по фамилии Кюдо. «У него были красивые глаза, сильный голос и такая хорошая память о Тальма, что, когда я увидел, как сам Тальма играет эту роль, у меня было большое искушение посчитать ее подражанием Кюдо». Александр зачарован. Явление отца, которого не видит никто, кроме Гамлета, «его борьба с матерью, <…> его монолог, мрачный допрос, который подозрение учиняло смерти», — все убеждало его в том, что он имеет дело с

шедевром. Возвратившись в Виллер-Котре, он все еще был в потрясении.

«У всех я спрашивал:

— Вы знаете «Гамлета»? Вы знаете Дюси?»

Он написал Фуркаду, который преподавал теперь в Париже, чтобы он прислал ему копию трагедии. В три дня он выучивает пьесу наизусть, с какой целью? Судьба Гамлета, явление призрака отца, борьба с матерью предопределяют еще неясное его решение не быть ни нотариусом (для этого дела у него нет призвания, да и денег), ни сборщиком налогов с годовым жалованьем в полторы тысячи франков, к чему склоняет его мать. Что же выбрать?

В Виллер-Котре появляется бродячая труппа бедных актеров под именем Робба. В их репертуаре лишь две мелодрамы — «Адольф и Клара» и «Дезертир», поскольку их слишком мало, чтобы играть пьесы с большим количеством ролей. Александр не пропускает ни одного представления, вертится вокруг актеров и, без сомнения, предлагает им свои услуги. Как бы то ни было, благодаря этому добровольцу, труппа может поставить «Hariadan Barberousse» с Александром в роли дона Рамира. Его имя большими буквами написано на афише, и в день спектакля люди «приезжают из всех соседних городов и деревень, даже из Суассона», горячие аплодисменты, легкое опьянение, и Робба покидают город с выручкой в восемьсот франков, на что можно жить несколько месяцев. Неизвестно, получил ли что-нибудь Александр.

Адольф возвращается из Парижа вместе с Огюстом Лафаржем. Последний так и не смог найти женщину, которая заплатила бы за его обучение. Уже старик, он полностью погрузился в литературу, без всякого успеха, но и без особой убежденности и планов, плохой пример для подражания. Возвращение Адольфа для Александра событие куда более значительное, чем убийство герцога Беррийского 13 февраля 1820 года. Лувель заколол последнего из Бурбонов, чтобы вместе с ним, еще способным к деторождению, угас род. Он промахнулся, если дозволено так сказать в подобном случае, ибо после смерти отца у герцогини родится сын, министерство Деказа падет, «поскользнувшись в крови», как отважно вещал Шатобриан, и через два года смертный автор «Гения христианства» станет министром иностранных дел. Но пока что распоясываются ультраправые, ужесточается цензура, выходит закон о двойном голосе для самых богатых избирателей, публикуются «Размышления» Ламартина.

У Арно Адольф видел Скриба на вершине его славы и множество других знаменитостей разных размеров — Жуи, Пиша,

Руссо, Ромье, Теалон, не говоря уже о художниках, скульпторах, актерах во главе с Тальма и мадемуазель Марс. Александр оглушен, удручен: он-то никого, кроме Рабба, не знает. Адольф заливается соловьем: он тоже написал пьесу и имел честь прочитать ее директору театра «Жимназ». Разумеется, ему отказали, но зато он побывал за кулисами, и это незабываемо. Александр поднимает голову. Пока они не завоевали Париж, почему бы не организовать здесь их собственный театр, играли бы «Гамлета», «Hariadan Barberousse», где он мог бы продолжать играть дона Рамира, и, само собой, пьесу Адольфа, может, и другие? Адольф заглатывает наживку: ну да, например, все пьесы, которые они напишут вместе. Он сказал то, чего не осмелился произнести Александр. Адольф же видит лишь выгоду в том, чтобы вынести свои первые опыты на суд жителей Виллер-Котре, прежде чем показывать их пресыщенной столичной публике. Многие, и среди них самые славные, имели смирение и мудрость поступать именно так. И Дюси? Насчет Дюси Адольф не знает, но зато абсолютно уверен в Мольере. Это имя смутно о чем-то говорит Александру, и все же он не удивился бы, если бы и карьера Дюси повторила их собственную.

Энтузиазм Александра заразителен. Аглая, Альбина Арди и Луиза Брезет быстро уверились в их врожденном таланте и неизбежной славе. Участие этих хорошеньких девушек заставило проявить активность и будущих актеров, прежде всего — Пайе. Театр устраивают на втором этаже дома, расположенного за гостиницей. Торговец лесом дает доски. Арпен изготавливает скамейки для зрителей, ближний лес поставляет элементы декораций, а семейные шкафы и чердаки — костюмы. «Дюма был незаменим. Исполнитель, режиссер, преподаватель манер и дикции. <…> Именно он задавал актерам верную интонацию, следил за выходами, подсказывал необходимые движения. Он указывал, какие именно слова должно выделить, уточнял направление взглядов, продолжительность улыбки, короче, всем нам давал понимание роли, которую каждый должен был выполнить»[23],— чувство мизансцены, удивительное для мальчика восемнадцати лет, который заявлял о своей необразованности и почти не бывал в театре. Обогащенные спектаклями, увиденными в Париже, Ля Понс и Адольф выполняют функции технических ассистентов. Поскольку в Виллер-Котре нет никаких развлечений, зал никогда не бывает пустым. Настроение Александра колеблется в зависимости от реакции публики. Если звучат аплодисменты, он похож на ангела. Если же их недостаточно, он обрекает своих актеров на адское существование.

И опять-таки именно он выбирает пьесы вне всякой зависимости от парижского влияния, от парижского эха. Так, например, либеральный поэт Казимир Делавинь торжествует в «Одеоне» со своей «Сицилийской вечерней». Александр заказывает текст, начинает читать его труппе, и ко второму акту все его очаровательные актрисы засыпают. Вывод из эксперимента: отныне играть только Дюма-Лёвена (авторы упоминаются в алфавитном порядке), хотя бы «Майора из Страсбурга», патриотический водевиль, трагическая, но возвышенная история старого служаки. Итак, майор, ставший после Ватерлоо простым хлебопашцем, бросает однажды свой плуг посреди борозды, чтобы погрузиться в чтение «Побед и Завоеваний». Увлеченный чтением, он не замечает графа и графского сына, которые случайно проходили мимо.

«**Граф:**

Смотри, дитя, я не ошибся:

В полях Германии витает его сердце!

Надеется он вновь французов победителями видеть…

Жюльен:

Отец! Читает о последнем он сраженье,

И потому из глаз его, я вижу, стекают слезы».

Второй водевиль — «Дружеский ужин» — не так патетичен, но от него, к несчастью, не осталось ни строчки. И, наконец, драма «Абенсерраги» на сюжет, заимствованный из «Gonzalve de Cordoue» Флориана, дополняет репертуар, который полностью заставляет забыть о смерти Наполеона, последовавшей 5 мая 1821 года.

Два-три раза в неделю Александр бывает у Аглаи в ее спальне. Собаку Муфти он приручил не без помощи куриных костей. Стоит ему появиться, как Муфти и Аглая в порядке очередности демонстрируют ему свою радость. Несколько месяцев проходит без сучка, без задоринки. Но однажды ночью на обратном пути какой-то человек с лицом, зачерненным сажей, нападает на него с палкой. Александр отнимает палку, бросает его на землю. Агрессор пытается достать свой нож. Александр скручивает ему руки, укладывает его на месте и уносит палку и нож в качестве трофеев.

«Событие это имело для особы, которая была к нему непричастна, последствия достаточно серьезные и привело меня к совершению единственного скверного поступка, в котором я мог бы себя упрекнуть за всю мою жизнь».

Нигде Александр своего обидчика не называет, а ограничивается лишь утверждением, что узнал его, несмотря на маску. С тех пор как Аглая стала его любовницей, она отказала

нескольким претендентам, и видимо, то был один из них. В целях обороны при новых засадах Александр одалживает у Ля Понса два пистолета, забыв, очевидно, что со времен дела братьев Лаллеман одной парой он уже обладает.

«Было нелегко их попросить, не объяснив причины. Я объяснил. Но чтобы перед ним предстал театр военных действий, следовало как-то, прямо или косвенно, назвать ему дом, из которого я вышел, и я назвал не тот». На самом деле, «случайно взятым» оказался переулок Виллер-Котре, где находились дома Ипполита Леруа, Лёвенов и Лебегов. Случай много чего творит. Поскольку из двух первых домов Александр не мог выйти в два часа ночи, Ля Понс и все, кому он не преминул рассказать об этом приключении, сделали вывод, что он — любовник Элеоноры Лебег.

Это дочь Девиолена, рожденная в первом браке папаши Кнута, и, следовательно, не состоящая ни в каком родстве с Александром. Жена нотариуса, она хороша, умна, кокетлива. Александр был влюблен в нее, хотя она не давала ему для этого ни малейшего повода. В маленьком городке слухи распространяются быстро. «Мне следовало немедленно с возмущением развеять этот слух; мне следовало обратить клевету в справедливость, которой она заслуживала. Я виноват, что боролся с клеветой не в полную силу, из-за чего как раз и получилось, что мои тщеславные запирательства обрели тяжесть признания».

Никогда Элеонора Лебег не простит ему этого бахвальства, напоминающего аналогичную историю с племянницей аббата Грегуара. И блистательный директор театра Виллер-Котре увидит вскоре, как одна за другой станут закрываться перед ним двери домов его детства. Дверь Девиоленов вслед за дверью замка Виллер-Элон. Напрасно Мари-Луиза будет просить о снисхождении папашу Кнута. Его только что назначили хранителем лесов герцога Орлеанского, и он вот-вот получит в Париже в управление весь лесной департамент. Он отказывается взять Александра к себе на работу, во всяком случае, не сейчас, когда дочь его пребывает в такой ярости, пусть пройдет время, потом посмотрим.

Все не складывается у Александра в этом 1821 году. Граф Лёвен, про которого Людовик XVIII как будто забыл, решает вернуться в Париж. Адольф прощается с Александром, увозя с собой их общие шедевры, вскоре все театры начнут оспаривать их друг у друга, и тогда перед писательской парой откроется «карьера, усыпанная лепестками роз и банковскими билетами». Медленно потекли недели. Каждый день Александр подстерегает

почтальоншу, матушку Коломб, отвратительную старушонку:

«Дружеский ужин» позаимствован у г-на Буйи, не предлагает достаточной интриги, «Майор из Страсбурга» напоминает «Солдата-хлебопашца», который только что с огромным успехом был поставлен в театре «Варьете».

Что касается «Абенсеррагов», то в каждом театре на Бульварах имеется мелодрама на ту же тему, в одном — вот уже десять лет, в другом — пятнадцать, а в третьем и целых двадцать».

Завершением черной серии была потеря Александром места рассыльного у Меннесона. Приятней было бы вообразить, что он вылетел оттуда с треском, но разумнее принять, что он был изгнан за лень и прогулы по неуважительным причинам.

Аглая печальна. В ее двадцать три года на какое будущее может рассчитывать она с Александром, неполных девятнадцати лет, краснобаем, деклассированным безработным, без копейки в кармане, таким… таким… чудным любовником, вот жестокая дилемма!

Мари-Луиза в отчаянии, но что же с ним делать?! Работая у Меннесона, он хоть что-то приносил, а теперь ничего, и ему все время нужны деньги, не говоря уже о скандалах, которые он постоянно вызывает. Соседки-кумушки сочувствуют бедненькой госпоже Дюма, такой доброй, такой набожной, право, она не заслужила, а сын у нее никудышный и готовит ей печальную старость, дай Бог нам ошибиться в наших предположениях!

Александр в Дрё, у сестры и зятя. Приглашение погостить принято, потому что «мы становимся так бедны, что экономия на моем отсутствии дома почти компенсировала страдания, которые принес мой отъезд матери». Может, Мари-Луиза надеется, что зять передаст сыну свою страсть к косвенным налогам? Или это благочестивый заговор: отправив Александра на подножный корм, уладить за это время дело с честным замужеством Аглаи? [24] Все три гипотезы не опровергают одна другую. Александр остается в Дрё два месяца, волочится за замужней дамой, впрочем, без видимых результатов, принимает участие в открытии охотничьего сезона, покрывает себя неувядаемой славой, убив трехлапого мифического зайца, почитаемого бессмертным. Об Аглае он ничего не знает, в Виллер-Котре возвращается 15 сентября, и там его встречают улыбочками:

— Ты знаешь, что Аглая выходит замуж?

За Николая Луи Себастьяна Аннике, кондитера-трактирщика, тринадцатью годами старше нее[25], лживого, человека из двух половинок, как называл его Александр, и слово отомстило сильнее, чем факты. Свадьбу сыграли 1 октября. Он две недели не

выходит из своей комнаты, отупевший, обессиленный, похожий на Генерала в моменты приступов депрессии. В воскресенье он решается пойти поиграть в лапту, надеясь, что упражнения на свежем воздухе подействуют на смену настроения. Рост его теперь метр восемьдесят, то есть на шесть сантиметров ниже Генерала. Это значит, что он никогда не сможет поднять лошадь, зажав ее в шенкелях, но тем не менее его физическая сила велика. И плюс досада на сердце. Он очень сильно ударяет по мячу и попадает в плечо Савару, сыну жандармского бригадира, который падает навзничь. Попади Александр чуть выше, ему бы не встать. Александр бросает ракетку и снова запирается в комнате.

Он не хочет показываться в Виллер-Котре в день свадьбы и предлагает Гарпену заняться ловлей птиц. Друзья детства ставят свои силки неподалеку от Арамона, откуда произойдут однажды «Анж Питу» и «Консьянс Простодушный». Они сооружают себе шалаш из ветвей для ночлега. С собой они принесли еду и питье. Солнце восходит, минует день, и охота приносит обильные плоды. Гарпен уважает молчание Александра. Внезапно «из моей задумчивости меня вывели пронзительные звуки скрипки и радостные взрывы смеха. Скрипка и смех приближались, и вскоре можно уже было видеть между деревьев деревенского скрипача и свадьбу, двигающуюся из Арамона в направлении Виллер-Котре. Они шли по боковой тропинке и должны были пройти в двадцати шагах от меня: барышни в белых платьях, молодые люди в синих или черных сюртуках с большими букетами и длинными лентами!» Это была свадьба Аглаи.

Около года мрачно и размеренно протекло в Виллер-Котре. Снова осмеянный, жалкий, то укоризненные, то презрительные взгляды добрых людей; такой большой и сильный, он по-прежнему живет за счет своей старой матери, бонапартистский (или республиканский) прощелыга, я же говорила вам, душенька, эти негритянские ублюдки все бездельники. Приглашают ли его на охоту? Маловероятно, учитывая, что папаша Кнут подверг его остракизму. Итак, кроме ловли птиц с маргиналом Буду (два маргинала-пара) или с шорником Арпеном, который, по крайней мере, себе на жизнь зарабатывает, Александр бесконечно совершенствует свое мастерство на бильярде в кафе Камберлен.

Ни любовницы, ни театра, ни друзей. Вести от Адольфа приходят редко, у него «много пьес в работе вместе с Теолоном, Сулье, Руссо. Он попытается их поставить, и когда они будут сыграны, использует влияние, которое получит вследствие их успеха, и потребует, чтобы приняли и одну из наших пьес». Александр этому не верит. Он пытается работать один, но ничего не выходит из-под его пера. Ему не хватает интеллектуальной

среды, стимула и поддержки, которую дает дружеское соучастие, когда ты лишь нащупываешь свой писательский путь. Ля Понс как будто перестал оказывать на него какое бы то ни было влияние. Бывший офицер — это просвещенный и добрый буржуа, а не какой-нибудь писака-авантюрист, он осмысленно потребляет творчество других, но не творит сам. Когда табачная лавочка закрывается, они на скорую руку обедают, Мари-Луиза принимается за домашнюю работу, а Александр читает или делает вид, что пишет. Она вздыхает: сил нет видеть его несчастным. Он вздыхает в унисон: скоро двадцать лет, и никакого будущего, сын недостойный, виновный, неспособный, тоскующий, не наследственная ли у него неврастения? Своими пьесами он завоевал весь Виллер-Котре. Конец аплодисментам и уважительным моментам, тщетны были все усилья, у него подрезаны крылья… Иногда он встряхивается, выныривает, бедная мама, пусть она немного развеселится, он готов на все, даже вернуться к нотариусу. Сам ли он или Мари-Луиза в конце июля 1822 года добивается у мэтра Пьера Николая Лефевра, нотариуса в Крепи-ан-Валуа, «места второго или третьего клерка, точно не помню». Начало положено, и можно уже заключать пари о финальных результатах.

«Господин Лефевр представлял собой в это время весьма привлекательного мужчину тридцати четырех — тридцати пяти лет, очень темного волосами, очень бледного лицом и очень истощенного телом. В нем нетрудно было узнать человека, который долго жил в Париже и много вкусил от его дозволенных радостей, но еще более — от запретных», и продолжал наслаждаться в ритме один раз в месяц. С этой целью он уезжал на несколько дней и возвращался всегда неожиданно, дабы его персонал был всегда настороже и не предавался недозволенным каникулам.

У Александра есть кров и пища. Есть очень милая комнатка, выходящая в сад, свободные вечера и о чем писать. Не хватает только вдохновения. На работе он томится, по Мари-Луизе скучает. В субботу он возвращается в Виллер-Котре, охотясь по дороге, две ночи проводит дома и возвращается к занятиям в понедельник утром. Свекровь его сестры живет в Крепи-ан-Валуа. Благодаря ей, он вхож в круг местных буржуа. Внимание его привлекает Атенаис Лекорнье, но без взаимности. У Александра нечего надеть, стало быть, причина столь удивительного безразличия по отношению к нему именно в поношенной одежде. Брат Атенаис — такого же роста, как Александр, и к тому же услужлив, он готов рекомендовать Александра вместе со своими мерками своему портному Бампу, 12, улица Эльдер, Париж.

Александр посылает двадцать франков задатка. В обмен Бамп отправляет фрак, жилет, панталоны и чек на сто пятьдесят франков, которые можно уплатить в рассрочку по двадцать франков в месяц.

Но свежая парижская элегантность Александра не более покорила Атенаис. И он отправляется развеять свою меланхолию в Эрманонвиль. «Поэтическая сторона паломничества чуть оживила мою бедную оцепенелую музу, бледную и полузадохшуюся бабочку, выпраставшуюся из куколки в январе, вместо мая». Полупрозой, полустихами он пишет подражание Демустье. «Окрестил я это принципиально новым названием «Паломничество в Эрманонвиль». Поскольку Атенаис тупица, он посылает рукопись Адольфу для издания. «Адольф, естественно, не смог найти ей никакого применения, в конце концов потерял, никогда уже не смог найти и хорошо сделал».

Зато в обмен Адольф прислал ему «Айвенго» Вальтера Скотта в переводе 1820 года[26]. Обескураженный поначалу этой новой для него литературой, Александр тем не менее перечитал роман и почувствовал себя «мало-помалу преображенным, и в конце месяца я уже пытался сделать мелодраму из «Айвенго»[27], «мелодраму в трех актах, пышно поставленную», написанную достаточно жестко и хорошо выстроенную. Что дальше? Снова прибегнуть к помощи Адольфа? Но предшествующий опыт в этом направлении был не из счастливых. Может быть, лучше сохранить рукопись, пока не представится самому случай пристроить ее в Париже.

Случай представился в начале ноября. Мэтр Лефевр собирается в Париж, в один из своих ежемесячных загулов. Появляется Пайе, бывший старший клерк у Меннесона, соучредитель театра в Виллер-Котре, а ныне только помещик, приехавший в город справиться о ценах на зерно. Александр поведал ему свою сердечную тоску, свои авторские горести, свое отвращение к нотариальному делу и отчаяние в замкнутом круге здешней жизни. И вдруг — идея:

«— Какая же?

— Поехали на три дня в Париж.

— А твои занятия?

— Господин Лефевр сам завтра отправляется в Париж; обычно он не возвращается раньше чем через два-три дня; к этому времени вернемся и мы».

Пайе не против неожиданных эскапад, но только: он порылся в карманах, при нем не больше двадцати восьми франков. У Александра семь. Пайе качает головой, один дилижанс обойдется им в тридцать. Но Александр никогда не отказывается от идеи. У

Пайе есть лошадь, у Александра ружье и собака. Если немножко побраконьерствовать дорогой, то вырученных за дичь денег хватит на жизнь. Если же появится лесник, то с лошади его легко заметить издалека, и тогда охотник с добычей успеет скрыться, а у пешего лесника не будет никаких оснований разбираться с прогуливающимся налегке. В крайнем случае достаточно монетки в двадцать су, чтобы его задобрить.

«— Ну! Ну! Ну! Недурно пущено… Мне говорили, ты пьесы сочиняешь?»

У Александра талант к плутовской комедии, осуществление этого паломничества в Париж соответствует первоначальному сценарию. Он взваливает на себя охотничье снаряжение, засовывает свое нарядное платье и рукопись «Айвенго» в чемодан, берет ружье, свистит своей собаке по имени Пирам и прыгает на круп лошади Пайе позади него. С наступлением ночи друзья останавливаются в гостинице «Круа» в Эрманонвиле. Никакой поэзии, плотный ужин, комната, все за шесть франков, остается двадцать девять. Рано утром в воскресенье они продолжают путь. В Даммартене обедают «за кролика и трех куропаток, и мы еще переплатили. Мы могли бы потребовать дать нам сдачу жаворонками». В Париж они прибывают поздно вечером с четырьмя кроликами, дюжиной куропаток, двумя перепелками и двадцатью семью франками, так как пришлось подкупить двух лесников.

В отеле «Вьё-Огюстен» Пайе известен как богатый землевладелец. Поэтому пришлось объяснить хозяину, будто он и Александр поспорили с англичанами, что доберутся до Парижа и обратно, не истратив ни единого су. Хозяин оценил дичь, дал стол и дом на два дня, на Центральном рынке он хорошо заработает. Осознав, что он, наконец-то, в Париже, Александр никак не мог уснуть и завидовал своему псу Пираму, у которого отсутствовало воображение. С семи утра он уже на ногах. Пайе отправляется по своим делам. Александр же с рукописью под мышкой бродит в поисках улицы Пигаль, где живут Лёвены. Перед Французским Театром он неожиданно останавливается: «Сулла», трагедия в стихах в пяти актах господина де Жуи» написано на афише. И огромными буквами: «Роль Суллы исполнит г-н Тальма». Александр решает, что непременно посмотрит пьесу, хоть бы и пришлось растратить остаток общих денег. Не пришлось, так как Адольф был вхож к Тальма и привел с собой Александра. Тальма занимался своим туалетом.

«Он мыл себе грудь; голова его была почти полностью выбрита, что чрезвычайно меня занимало, ибо десятки раз я слышал что в «Гамлете» при появлении призрака отца видно

было, как волосы на его голове вставали дыбом».

К счастью, актер вслед за тем достаточно театрально задрапировался в плащ, что помогло Александру забыть предшествующую тривиальную сцену. Тальма ничего не стоило устроить им две контрамарки: в качестве акционера театра он имел на это право. Адольф представляет Александра как сына Генерала. Тальма смутно вспоминает отца и протягивает сыну руку. «У меня было страшное искушение поцеловать ему руку». Но он не осмелился. Этот приступ скромности, без сомнения, помешал Тальма спросить его, что же он такое драгоценное прижимает к своему сердцу.

От Тальма друзья отправляются в «Амбигю», Адольф вхож и туда по рекомендации мадемуазель Левек, «известной мелодраматической актрисы, участвующей в управлении театром»[28]. Неизвестно, поцеловал ли Александр руку ей, но она отказалась даже послушать, как он прочтет свою рукопись:

«В настоящий момент мы ставим две пьесы Пиксерекура, мы переполнены пьесами».

Обескураженный Александр оставляет «Айвенго» Адольфу на всякий случай и идет прогуляться, чтобы поразмышлять. Неутомимый ходок, Александр за полдня прошагал по всем обязательным туристическим маршрутам провинциала в Париже: Музей, Нотр-Дам, Ботанический и Люксембургский сад. Свидание с Адольфом было назначено на семь вечера в кафе «дю Руа», где собирались в основном писатели. Пришел он гораздо раньше назначенного срока, сел, заказал то, что, по его мнению, должно было стоить дешевле всего, а именно стакан водки, которую он в жизни не пробовал. Какой-то завсегдатай, судя по тому, что он ничего не заказывал, поднимается и идет к нему. Это совершенно не узнаваемый, жалкий и голодный Огюст Лафарж выпрашивает у него выпивку. Александр щедро отдает ему свой собственный стакан. Алкоголь несколько проясняет рассудок Лафаржа, типичного парижского пересмешника. Жуи — большой поэт, но только для провинциалов, и, кстати, он только подписывает то, что пишут за него его «негры». Тальма обрюзг. Не лучшего мнения Лафарж и о присутствующих в кафе современных авторах Теалоне или Фердинанде Лангле, например. Александр тяжело воспринимает поношение тех, кем он восхищается. К счастью, наконец является Адольф, быстрее в театр!

В «Сулле» есть некоторые аналогии с историей жизни Наполеона, и Тальма пользуется своим физическим сходством с императором. «Как только Тальма вышел на сцену, я испустил крик удивления. О, да! То была та самая мрачная маска человека, которого я видел проезжающим в экипаже, с головой, склоненной

на грудь, за неделю до Линьи, а потом — на следующий день после Ватерлоо». Чисто литературные достоинства обеспечивают пьесе успех. В тот период активно действующей цензуры либеральная оппозиция, то есть конгломерат бонапартистов, весьма умеренных республиканцев и орлеанистов, устраивала овации при малейшем антибурбонском намеке. Александр же глаз не отводил от Тальма.

Когда занавес опустился, Адольф повел Александра в ложу к Тальма, переполненную толпящимися знаменитостями дня. Здесь были Казимир Делавинь, Люсьен Арно, Суме, Непомюсен Лемерсье, Дельрьё, Вьенне и Жуи, второй триумфатор. Весьма непринужденно Адольф пролагает себе путь к Тальма, чтобы его поблагодарить. Александр следует за ним, готовый сыграть свою роль отсталого подростка, ранимого, неловкого, наивного, потрясенного. Подобная степень восхищения не могла не растрогать Тальма, пусть юноша приходит еще, он закажет места.

«— Невозможно! Я должен вернуться в провинцию.

— Что же вы делаете в провинции?

— Стыдно сказать, я клерк у нотариуса…

И я глубоко вздохнул.

— Ба! — сказал Тальма. — По этому поводу не следует отчаиваться! Корнель был клерком у прокурора! Господа, позвольте представить вам будущего Корнеля».

И Александр еле выговорил:

«— Коснитесь моего лба, — говорю я Тальма, — это принесет мне счастье!

Тальма кладет мне руку на голову.

— Да будет так! — говорит он. — Именем Шекспира, Корнеля и Шиллера крещается раб божий Александр Дюма!»

Второй раз Александр промашки не допускает. Преодолев свою болезненную застенчивость, он хватает руку Тальма и осмеливается ее поцеловать. Актер, посмеиваясь, отбирает руку, полно, полно, «этот юноша полон энтузиазма, из него что-то обязательно получится».

На площади Пале-Рояль Александр и Адольф расстаются. Время за полночь, темно, пустынно. Александр не может сориентироваться, он не спокоен. В Виллер-Котре он слышал множество ужасных историй о ночных опасностях Парижа. И было чего бояться! Подсчитали, что так называемые опасные классы — безработные рабочие, снявшиеся с мест сельские жители без крова и без средств — составляли большинство среди сорока тысяч мошенников, пятнадцати тысяч мелких правонарушителей, десяти тысяч воров-домушников и сорока тысяч проституток, которые насчитывались тогда в столице[29]. Поэтому, увидев

фиакр, Александр немедленно им воспользовался и попросил отвезти себя на улицу Вьё-Огюстен. Извозчик как будто удивился, но поскольку наш буржуа был абсолютно уверен, что его нужно отвезти именно туда, он щелкнул кнутом. Через двадцать секунд Александр был на месте и должен был, согласно ночному тарифу, заплатить пятьдесят су.

Обратная дорога в Крепи-ан-Валуа в точности повторяла обстоятельства путешествия в Париж. Александр весел, он уверен, что вернется в Париж, и, возможно, очень скоро. Адольф обещал, что добьется места для него в конторе у банкира Лаффита. В среду, сразу после обеда Пайе и Александр были на месте с добычей из двух кроликов и шести куропаток. У них еще осталось двадцать су, и они подали милостыню нищему. Однако красота жеста не рассеяла некоторого беспокойства, которое испытывал Александр. И он беспокоился не напрасно: мэтр Лефевр возвратился домой накануне. Вечером, после ужина, приняв величественный вид, он дает своему рассыльному потрясающий урок механики: «Чтобы какая бы то ни было машина функционировала регулярно, нельзя допустить остановки даже самого маленького колесика». Это простое предупреждение Александр расценил как окончательное решение. Хорошенько все взвесив, он счел, что сжег свои корабли, что теперь ни один нотариус в округе не примет его на службу, и ему остается только поискать счастья в Париже.

На следующий день он возвращается в Виллер-Котре. Что ждет его? Может, Господь поможет ему, и Лаффиту срочно понадобятся его услуги. А если нет, какой позор! Что подумает о нем мать?! По мере приближения к табачной лавочке шаги его все замедляются. Пирам же, напротив, со всех ног кидается в дом. Предупрежденная собакой, Мари-Луиза встречает его у порога. Счастливая, взволнованная. Александр не оставляет ей времени задать вопросы: просто сейчас в конторе нет работы, и он взял отпуск на несколько дней. Мари-Луиза воспринимает версию скептически. К счастью, Пирам производит отвлекающий маневр. По поводу Пирама надо сказать, что, если Буду, мастер по ловле птиц, весьма напоминал Гаргантюа, то Пирам был Пантагрюэлем среди собак. Едва вернувшись в родной город, он тут же принялся бродить вокруг лавки соседа-мясника. Телячье легкое на крюке привлекло его внимание, и он подпрыгнул, чтобы его сорвать, но зацепился за тот же крюк и повис. Александр снял с крючка эту собаку-рыбу с совершенно окровавленной мордой.

Через какое-то время Александр вынужден во всем сознаться матери. Она ни словом его не упрекнула, но прекрасно отдавала себе отчет в том, что мнение о ее обожаемом сыне как о лентяе

снова подтвердилось. Он же по-прежнему подстерегает почтальона матушку Коломб, все такую же ужасную старушонку: «Я получил письмо от Адольфа. Все просьбы оказались напрасными, в конторах господина Лаффита прошло сокращение служащих; говорят, что необходимо было произвести там чистку».

Александр решил сменить тактику жизни. В архиве своего отца он берет дюжину писем нескольких маршалов из числа живущих — Журдана, Виктора, Себастьяни, с которыми у Генерала были достаточно устойчивые отношения. План у него простой: «Поехать в Париж, обойти прежних друзей отца с просьбой о нем похлопотать: не может быть, чтобы четыре или пять маршалов, в числе которых — военный министр, не сумели общими усилиями найти работу на тысячу двести франков сыну их старого товарища по оружию».

Плохо то, что на первое время жизни в Париже нужны какие-то деньги. Мари-Луиза их дать не может, она сама в отчаянном положении, ее долг поставщику составляет двести франков, а она сумела собрать только сто пятьдесят. Изголодавшийся Пирам вынужден побираться, и добивает Александра портной Бамп, специально прибывший парижским дилижансом, поскольку Александр ничего ему не платил вот уже два месяца. В самых изысканных выражениях вежливости на смеси эльзасского с идишем Бамп требует вернуть ему долг. Хотя Александр и принадлежал к донжуанской породе, но Мольера не читал и потому не смог заставить портного сыграть роль господина Диманша. Оставалось положиться на чудо. И Провидение принимает облик Пирама с его доброй мордой и благородным шрамом. Одному толстому и прожорливому англичанину, остановившемуся в гостинице «Золотой шар», уж больно приглянулась собака, которая составляла ему компанию во время бесконечных его застолий, и он теперь любой ценой хотел иметь этого *dog*. Большой барин, Александр уступает собаку за кругленькую сумму в сто франков, хотя англичанин явно был готов дать ему в три раза больше. Бамп отбывает со своими сорока франками. Оставшиеся шестьдесят Александр отдает Мари-Луизе в обмен на гравюры Пиранезе, некогда привезенные Генералом из Италии. Эти офорты стоят приблизительно шестьсот франков, и ими интересуется Уде, архитектор из замка. Александру удается выручить за них лишь пятьдесят, половину цены охотничьей собаки.

Два с половиной луидора в кармане — слишком ничтожная сумма, чтобы предпринять с ней решающую экспедицию в Париж. Александр предпочитает подождать, пока будут проданы отданные в наем земли и дом, полученный в пожизненную ренту,

под которые Мари-Луиза постоянно занимала деньги. Может, операция принесет какие-то деньги, чтобы он смог пополнить свою кубышку? Свободного времени у него предостаточно, и он использует его частично, чтобы утешить Луизу Брезет, которую бросил Шолле, оставив ей, впрочем, кое-какие знаки своей любви. В русском бильярде он стал так силен, что папаша Картье, хозяин «Золотого шара», а также почты, в ярости и вызывает его на смертельную партию по образцу рулетки, тоже русской. И хотя при игре в бильярд случай роли не играет, за пять часов кряду Александр выигрывает шестьсот стаканов абсента. Он терпеть не может этого напитка и конвертирует абсент у папаши Картье в двенадцать бесплатных поездок в дилижансе. Таким образом он сможет достаточно регулярно навещать Мари-Луизу. Она продает земли с аукциона и полюбовно расстается с домом. Александр разочарован: «Погасив долги, за все расплатившись, мать располагала лишь двумястами пятьюдесятью тремя франками». Это значит, что Александр должен завоевать Париж со своим первоначальным капиталом в пятьдесят франков.

Весной 1823 года он собирает свой нехитрый багаж, не раз проверив, на месте ли все письма, с которыми связано столько надежд. Одно сомнение мучит его и заставляет хмурить брови: все эти маршалы Империи, ставшие легитимистами, то есть белыми, захотят ли они позаботиться о сыне Генерала-республиканца? Браконьер Аннике говаривал, что на каждого зверя лучше иметь не по одной, а по две хитрости, и Александр отправляется к фермеру Данре, тому, с которым произошел несчастный случай на охоте и он тогда явился к Дюма «бледный и окровавленный». Мари-Луиза оказала ему первую помощь, и Данре этого не забыл. Благодарность, которую он испытывает к Дюма, делает ему честь, но, кроме того, он еще и богат и принадлежит к той категории людей, участвующих в голосовании, которые платят более трехсот франков налогов, он — главное доверенное лицо генерала Фуа во время избирательной кампании, запевала в либеральной оппозиции, депутат от округа Виллер-Котре… Данре не заставил себя упрашивать и тут же написал Александру письмо «с самыми настоятельными» рекомендациями.

Настает час прощания. Александр начинает обход с Меннесона, с которым он «остался в сносных отношениях» с тех пор, как его выставили за дверь, и которого он не прочь поставить в известность о честолюбивых намерениях его бывшего рассыльного. Меннесон никогда не скупится на отличные советы:

«— Не доверяй священникам, отвратись от Бурбонов и помни, что единственное государство, достойное великого народа, это

государство республиканское».

Очередь аббата Грегуара. Святой отец не забудет будущего блудного сына в своих молитвах, а пока дарит ему старинную максиму: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе». Расставание с Мари-Луизой и Луизой Брезет носило менее евангелический характер, но зато куда более нежный, в разных проявлениях этой нежности.

В Париже он бросает багаж в гостинице «Вьё-Огюстен» и летит к Лёвенам. «Было воскресное утро. При Бурбонах Париж по воскресеньям был очень печален. Чрезвычайно строгие указы предписывали закрытие магазинов и нарушить предписание значило совершить преступление не только против религии, но и против королевского величества». Граф Лёвен принял его горячо и предложил свое гостеприимство. Александр начинает охоту на военного министра Виктора, чтобы добиться у него аудиенции. Тот отвечает, что у него нет времени его принять. Журдан притворился, что не поверил, будто Александр — сын Генерала. Себастьяни циркулировал между четырьмя секретарями, разместившимися в четырех углах его канцелярии. Каждый писал под его диктовку, и когда генерал подходил, предлагал ему золотую табакерку. Совершенно очевидно, что пятая табакерка ему не нужна, и потом разве возможно прямоугольной комнате иметь больше четырех углов?! Не падая духом, Александр исследует «Альманах 25 000 адресов», светский справочник того времени, и находит там имя генерала Вердье, который служил в Египте под началом его отца. Дружеский прием, приглашение на обед, но Вердье не обладает никаким весом. Скомпрометированный вместе с Дермонкуром участием в карбонаристском заговоре, он получил отставку и занимался описанием битв. Остался только генерал Фуа. Александр протягивает ему письмо Данре. Депутат читает его, качает головой: дорогой Данре как будто очень сильно привязан к Александру? Скромная мина последнего: «Почти как к сыну», по меньшей мере. Фуа приходит в еще лучшее расположение духа, ну-ну, посмотрим:

«— Сначала мне надо понять, что вы умеете лучше всего.

— О! Ничего особенного!

— Ба! Вы, разумеется, немного знаете математику?

— Нет, генерал.

— У вас есть хотя бы минимальные понятия об алгебре, геометрии, физике?

Он останавливался на каждом слове, и при каждом слове я чувствовал, что снова и снова краснею, и пот крупными каплями все быстрее катился со лба. <…>

— А правом вы сколько-нибудь занимались?

— Нет, генерал.

— Вы знаете латынь, греческий?

— Латынь немного, греческого не знаю вовсе.

— Знакома ли вам бухгалтерия?

— Меньше всего на свете.

Я испытывал невыносимые муки, и он тоже явно страдал за меня».

Кончилось тем, что у Фуа опустились руки. Ладно, он подумает, пусть Александр оставит ему свой адрес на всякий случай, мало ли что… Он протягивает ему свое гусиное перо. Испуганная гримаса Александра: ни за что он не осмелится воспользоваться личным пером генерала, «это значило бы его осквернить». Фуа скромно улыбается, он падок на лесть, да и почерк у протеже его доверенного лица потрясающий. Александр принят сверхштатным переписчиком в секретариат герцога Орлеанского с жалованьем в тысячу двести франков в год, уроки каллиграфии, взятые у Обле, принесли свои плоды.

Молниеносный визит Александра домой — значительное событие в Виллер-Котре апреля 1823 года. Знаете новость? Сын Дюма устроился в Париже. Об этом рано говорить, сверхштатный — очень шаткая позиция, нужно пройти испытательный срок, и не хочу быть вестником бедствия, но увидите, его уволят от господина герцога, как увольняли от всех нотариусов Франции и Наварры. Увы, я очень боюсь за бедную мадам Дюма, хоть бы вы ошиблись, но эти негритянские ублюдки все бездельники, у них это в крови, они работают лишь из-под палки.

И только несколько постоянных друзей искренне порадовались чудесной судьбе, которую обещает Александру столица. А Мари-Луиза и Луиза Брезет льют горькие слезы перед неизбежным теперь расставанием. Он вытаскивает несчастливый номер при рекрутском наборе, но ему это безразлично: как сын вдовы он от военной службы освобожден. В обмен на хлеб за восемь ливров Буду подает ему мысль превратить его несчастливый номер в счастливый, сыграв в лотерею. Александр ставит тридцать су и выигрывает сто пятьдесят франков, удача продолжает ему улыбаться, и вот уже он обладает суммой, равной его первому жалованью. В качестве чаевых Буду получает второй хлеб за восемь ливров. Александр хочет, чтобы мать продала мебель и табачную лавку и поехала с ним в Париж, разумеется, чтобы не разлучаться, но также и для того, чтобы окончательно порвать все связи с городком, где его так много унижали. Однако бедность располагает к осторожности, и Мари-Луиза, прежде чем приехать, предпочитает подождать, пока сына включат в штат.

Он доверяет экспедитору немного белья, два серебряных прибора, свою кровать, стол, четыре стула, комод, и все же он менее обездолен, чем это кажется на первый взгляд. Двусмысленная красота, перед которой не могут устоять женщины и которая привлекает также и мужчин, тело атлета и атлетическое же здоровье, необыкновенные интеллектуальные способности, фантастическая память и пылкое воображение, которое при первом же столкновении с реальностью волшебно преобразует ее в историю. Ну и плюс к тому терпение, упорство, наблюдательность профессионального охотника, амбиции и воля бедного юноши, вынужденного пробиваться, — все это в совокупности с неутоленной жаждой реванша, которая томит расового и социального отверженного. Если в его литературной культуре ощущаются большие пробелы, то у нее тем не менее весьма солидная база — библейская, мифологическая и латинская. Не достигнув двадцати одного года, он пробует себя в поэзии и театре. У него три законченных пьесы, пусть в соавторстве и не доведенные до совершенства, но представляющие очень важный для драматурга период ученичества. Главное, он прекрасно владеет искусством общения, которое он умеет модулировать с завидным чувством юмора в зависимости от того, какова социальная позиция собеседника, от народной среды до аристократии. Непринужденность его речи и манер не соответствуют классическому образу неотесанного и наивного провинциала в Париже, образу, который ему обычно приписывают, и утверждению которого он сам позднее много способствовал.

Через Лёвенов и генерала Фуа он уже принят в разношерстный клан оппозиции, где более или менее мирно союзничают бонапартисты и орлеанисты. Холодный расчет подсказывает ему, что было бы уместным выбрать себе жилье вблизи от их территорий и от своего места работы. Спекуляция недвижимостью процветала как никогда, и в центре Парижа стоимость квартир сильно подскочила, но ему удается отыскать за сто двадцать франков в год, то есть за десятую долю своего жалованья, маленькую комнатку на пятом этаже в номере 1 на площади дез Итальен, ныне Буальдьё. Стратегическая позиция на соединении квартала Пуасоньер, владений банкира Лаффита, и Пале-Рояль, поместья герцога Орлеанского.

Пока не пришла его мебель, он живет в отеле Вьё-Огюстен. Воскресенье, он выходит пройтись по бульварам в поисках кафе, которое держит сын Гиро, бывшего его учителя музыки, которому когда-то так досаждали звуки скрипки юного Дюма. Сын Гиро тоже не стал музыкантом, но он очень гостеприимен и оставляет

своего земляка обедать. Прежде у Александра было время просматривать газеты. Диапазон их воззрений чрезвычайно широк, и хозяин бистро должен пребывать в согласии с политическими взглядами всех своих клиентов, от либералов с их «Constitutionnel» и «Courrier francais», где граф Лёвен вел рубрику, посвященную иностранной политике, до «La Foudre», органа ультраправых, не забывая о таких правительственных изданиях, как «Journal des Debats» и «Drapeau blanc». Александр не интересуется военной экспедицией в Испанию, начатой под давлением министра иностранных дел, благочестивого автора «Гения христианства», в целях восстановления Фердинанда VII в качестве абсолютного монарха и предания смерти Риего. В то время Александра интересуют лишь литературные новости.

Возможно, что именно у Гиро прочел он одобрительную статью, посвященную первому роману некоего Виктора Гюго «Han d'Islande», ранее известного лишь в качестве получателя тысячефранковой пенсии, назначенной ему Людовиком-Загнивающим-на-своем-Троне за благонамеренные «Оды и различные стихотворения». Через несколько месяцев Александр страстно увлечется «Воспоминаниями о Святой Елене» Лас Казеса и «Новыми поэтическими размышлениями» Ламартина. Но в это воскресенье 6 апреля 1823 года вряд ли ему попалось что-нибудь, касающееся трактата «О любви», вышедшего в прошлом году, или же «Расина и Шекспира» того же Стендаля, совсем новой брошюре[30], содержащей следующее точное определение: *«Романтизм* — это искусство представить публике литературные произведения, от которых она, учитывая ее нынешние привычки и верования, могла бы получить сегодня максимальное удовольствие. *Классицизм,* напротив, дает ей литературу, от которой максимальное удовольствие получали ее прадеды». Тот самый романтизм, который уже начинает беспокоить власти и о существовании которого Александр во время вкусного обеда с сыном Гиро вовсе не подозревал.

Чтобы весело завершить этот вечер, назавтра его ждала работа, Александр решает преподнести себе в подарок мрачную мелодраму «Вампир» в театре «Порт Сен-Мартен»[31]. Перед театром огромная очередь, ясно, что билета ему не получить. Какой-то человек предлагает ему продать за 20 су свое место у кассы. Александр платит, не понимая, что это плата не за место в зале, а только за очередь. За билет пришлось платить второй раз. Его появление в партере вызвало веселый смех группы мужчин.

«Вероятно, или вернее будет признать безусловность этого утверждения, я был неимоверно смешон. У меня были длинные волосы, и, поскольку они круто завивались, вокруг моей головы

образовался довольно комичный ореол.

Кроме того, рединготы носили тогда выше колен, мой же ниспадал до лодыжек. Все революции совершались в Париже и не доходили до Виллер-Котре. Я был одет по последней моде Виллер-Котре, но для Парижа то была уже предпоследняя мода».

Александр решительными шагами двинулся к тому, кто только что произнес: «Ну и башка!» Секунда колебаний, в аналогичных обстоятельствах Генерал, как мы помним, катапультировал мушкетера, но сверху вниз, здесь же нужно было послать обидчика в обратном направлении, что нелегко, но все же ему удается с помощью сильной пощечины. Вслед за тем громко и внятно Александр называет свое имя, адрес, ясно, что это вызов на дуэль. В ответ эти трусы лишь выкинули его из зала. Но кто, однако, мог помешать Дюма пойти в театр, когда ему вздумается? Кресло в партере, пожалуйста, и он платит в третий раз.

Рядом с ним сидит человек лет сорока, «с приятным, доброжелательным и симпатичным лицом; у него черные волосы, серо-голубые глаза, чуть скошенный на левую сторону нос, тонкий, насмешливый, умный рот, настоящий рот рассказчика». Человек погружен в чтение «Французского кондитера», а именно в *средство приготовления всякого сорта яиц в постные и иные дни шестьюдесятью разными способами.* Чтобы завязать разговор, Александр принимает вид простака: ах, мсье так сильно любит яйца! У него тоже есть дядюшка, который способен съесть сотню зараз, хотя ему известно лишь двадцать способов приспособить их для этого дела. С сильным акцентом жителя Франш-Контэ незнакомец любезно отвечает дебилу, что он не столько гурман, сколько любитель редких книг, а это издание Эльзевира 1655 года. Тогда Александр задает новый, теперь уже вполне уместный вопрос, а для педагога, который до поры до времени дремлет в каждом, нет ничего приятнее преподать урок способному и любознательному, но непросвещенному ученику, дабы почувствовать себя Сократом. Прежде чем поднялся занавес, незнакомец был завоеван. Однако Александр чуть было все не испортил, когда в продолжение беседы о высоких ценах на эльзевировские издания он рассказал историю мадам Мешен, супруги префекта в Эне, которая, разглядывая демонстрируемые ей пушки, все время спрашивала, сколько стоит каждая. От восьми до десяти тысяч.

«— Ну, нет, — отвечала мадам Мешен, — свои деньги я бы в них не вложила.

Мой сосед взглянул на меня, не понимая, рассказал я мой анекдот со всей наивностью или же с насмешкой».

Уже пролог «Вампира» заставил незнакомца чертыхаться,

пьеса отвратительно написана, у автора плохо с согласованием времен, интрига нелепа. В антракте Александр спросил, приемлет ли он участие в драме сверхъестественных существ. Разумеется, был ответ, если речь идет о «Гамлете», «Каменном госте» или «Фаусте». Тем более что он и сам верит в чудеса. И завязалась восхитительная беседа о доказанном существовании сильфов, гномов и прочей нечисти, а совсем недавно в микроскопе он лично видел коловратку, «странное существо, имеющее форму велосипеда с двумя колесами, которые оно шустро вращает», разновидность бессмертной поденки! Здесь он встает, чтобы уйти, так как второй акт смотреть не желает. Александр умоляет его остаться, он хотел бы иметь удовольствие продолжить беседу в следующем антракте. Франшконтинец соглашается и продолжает свой критический комментарий пьесы и рассказ с множеством подробностей о том, как он встречал настоящих вампиров в Иллирии. Попутно он вводит Александра в театральные нравы и объясняет, например, что во время своей ссоры в партере Александр «угодил в гнездо клакеров», которым платят, чтобы они обеспечили успех этой скверной мелодраме. На этом он ушел, и Александр не смог его удержать. Однако, вместо того, чтобы выйти из зала, франшконтинец принялся яростно свистеть в ключ, пока его не выставила полиция. На следующий день Александр прочел в газетах, что возмутителем спокойствия был не кто иной, как знаменитый Шарль Нодье, соавтор «Вампира», который пришел освистать свою собственную пьесу».

На расстоянии пьеса кажется Александру не такой уж плохой: «Какой бы несовершенной она ни была, тем не менее речь все же шла о попытке романтизма, то есть чего-то совершенно не известного в то время. Вмешательство нематериальных и высших существ в человеческую судьбу составляло фантастическую ее сторону, которая импонировала моему воображению, и, может быть, именно этот вечер заронил в мой разум зерно «Дон Жуана из Манары», которое прорастет лишь одиннадцать лет спустя».

Утром он напрасно прождал секундантов отшлепанного хлопальщика. Свой редингот он отдает укоротить портному и аналогичных услуг просит и у парикмахера относительно своей прически. Результаты не слишком удачны: «Когда у меня были длинные волосы, я был похож на торговцев львиной помадой, делающих рекламу своему зелью с помощью собственной головы; с короткими волосами я был похож просто на тюленя».

Ровно в десять часов пятнадцать минут, то есть за четверть часа до назначенного срока, он является в Пале-Рояль. Вместе с другими молодыми людьми из конторы ждет прибытия начальства. Там был Эрнест Бассе, «красивый высокий блондин»,

которому было обещано место служащего с разрядом на тысячу восемьсот франков и который оставлял вакантной свою должность делопроизводителя, в сущности переписчика документов, благо те времена не знали фотокопий, должность, вполне пригодную для Александра после сверхштатной работы в течение какого-то времени. Затем появился заместитель начальника канцелярии Эсперанс Ипполит Лассань, «мужчина лет двадцати восьми — тридцати, с очаровательным лицом, обрамленным прекрасными темными волосами, одухотворенным черными глазами, полными жизни и ума, и освещенным, если можно так сказать, зубами, поразительно белыми и ровными, которым могла бы позавидовать самая кокетливая из женщин». Само собой разумеется, Александр тотчас же дал себе обещание завоевать этого человека.

В этот момент послышались «в соседней комнате шаги важные и размеренные, какие и должны быть у начальника канцелярии». Его звали Удар. Сын небогатого крестьянина, он не скрывал своего происхождения, был честолюбив, но честен, и «скорее карьерист, чем парвеню». Он принял Александра любезно и сообщил, что воспользовался не только рекомендациями Фуа, но также и особенно настойчивыми рекомендациями Девиолена. Александр был ошеломлен, глубоко взволнован: папаша Кнут, стало быть, простил его и в значительной степени именно благодаря ему он смог покинуть Виллер-Котре, он не заставит себе напоминать о том, что надо пойти поблагодарить Девиолена.

Папаша Кнут себе не изменяет. Если Александр и здесь намерен сочинять свои «непристойные пьесы» и свои «жалкие стихи», он будет иметь дело с ним. Александр больше не позволяет себе красоваться, он вырос. Нет, он не стремится стать ни вторым Корнелем, ни новым Расином или Вольтером, другого хочет он достигнуть, подразумевается — стать Александром Дюма Великим. На это «странное самомнение», неизменное с детских лет, папаша Кнут уже не реагирует ударом под зад коленом, он только грозится, в случае, если Александр осмелится… добраться до него. Символический сын идет к нему без страха и лобзает дважды — от себя и от имени своей матушки. Обезоруженный Девиолен предлагает ему денег, затем, опомнившись, гонит его из своей конторы: и так он с ним потерял слишком много времени.

Александр с жаром принялся за работу, пустив в дело свой самый лучший почерк, когда вдруг дверь канцелярии отворилась, и он услыхал приближающиеся к нему шаги. «Уже лицемер, как старый служака, я притворился настолько поглощенным своей работой, что никакой шум не мог меня отвлечь». И подскочил,

якобы от неожиданности, когда Лассань провозгласил: «Господин кавалер де Броваль», Хозяин. Александр поспешно встает, низко кланяется, не забывая оценивать безжалостным взором «маленького старичка <…>, слегка горбатого, слегка кособокого, с большим красным носом, который говорил о многом, и маленькими серыми глазками, которые не говорили ни о чем; законченный образец придворного, вежливого, угодливого и ласкового с хозяином, доброго из прихоти, но с подчиненными чаще всего капризного». Вновь демонстрация непросвещенной наивности, трогательной покорности, бьющего через край усердия, и Броваль жалует ему практический курс разнообразной геометрии: складывание писем — квадратных или продолговатых в зависимости от ранга адресатов, изготовление адекватных им конвертов, приложение герцогской печати. Ради того, чтобы укрепиться в Париже, Александр сделается таким специалистом во всех этих технологиях, что «когда в 1831 году я подал мою отставку герцогу Орлеанскому, преобразовавшемуся в Луи-Филиппа I, единственным сожалением, которое он высказал по этому поводу, было:

— Черт подери этого бедолагу! В жизни не видывал такого мастера ставить печати».

Чтобы нравиться красивому заместителю начальника канцелярии, надо быть усидчивым и пунктуальным, почтительным и жизнерадостным, исполнять поставленные задачи быстро и тщательно. Никогда не лишне показать ему, как ты потрясен его внешностью, элегантностью, достоинством. Сверх того, важно также было поражаться его уму, которого, впрочем, Лассань вовсе не был лишен, и поэтому Александру не надо слитком уж себя насиловать, когда он ловит слова, слетающие с его уст. Лассань отдыхает от бюрократии, сочиняя песни, участвуя в создании водевилей, публикуя статьи в «Drapeau blanc» и в «la Foudre». Конечно, он дилетант в писательском деле, но зато читает запоем и, более того, способен здраво судить о прочитанном. Даже в ретроспективном пересказе Александра, возможно, и искаженном, его суждения о литературной ситуации 1823 года не потеряли своей ценности. По его мнению, былая слава Империи — Арно, Жуи, Лемерсье принадлежат прошлому и не имели бы ни малейшего успеха, если бы Тальма не играл постоянно в их пьесах. Молодое поколение — Суме, Гиро, Ансело не лишено таланта, но «это люди переходного периода в чистом виде». Что касается Казимира Делавиня, «он поэт буржуазии, следует оставить ему его клиентов и не соперничать с ним на этом поприще». В поэзии только Гюго и Ламартин имеют будущее. Но зато в романе, как и в драме, все надо начинать от

нуля. И Александр вовсе не является исключением в ряду других новых авторов.

Подобно Гаргантюа, составившему для Пантагрюэля программу энциклопедического обучения, и с теми отеческими интонациями, кои употреблял порою Атос по отношению к Д'Артаньяну, Лассань предписывал своему «дорогому мальчику», прежде чем начать писать, почитать и подумать, и все рекомендованные им в первую очередь авторы, начиная с Шекспира, Эсхила, Софокла, Еврипида, Сенеки, Расина, Вольтера, Мари-Жозе де Шенье, Шиллера, были авторами трагедий. Александр попытался вставить своего любимого:

«— А Дюси?

— Ах, не надо путать Дюси с Шиллером, ибо Шиллер черпает из вдохновения, а Дюси из подражания; Шиллер остается самобытным автором, а Дюси только копиист, и плохой копиист».

Александр проглатывает обиду. Что касается комедии, то список великих здесь куда короче: только Аристофан, Плавт, Теренций и Мольер. Сколько же времени понадобится Александру, чтобы прочесть все это? Нежным своим голосом безжалостный Отец-основоположник в ответ переходит к роману. Посмотрим, что известно Александру в этой области? Лесаж, мадам Коттен, Пиго-Лебрен. Не утверждая впрямую, что всех троих надо забросить куда подальше, Лассань советует читать Гете, Вальтера Скотта и Фенимора Купера. Александр не вовсе невежда в области нового романа, он знает «Айвенго» и только что прочел «Жана Сбогара» Шарля Нодье. Услышав последнее название, Отец-основоположник делает гримасу: недурно для романа в своем жанре, но только Франция ждет совсем другого. Чего же? Исторического романа. Александр возражает: говорят, что История — страшная скука. Отец-основоположник пожимает плечами. Пусть Александр прочтет сначала Жуанвиля, Фруасара, Монтреле, Шатлена, Ювеналия Урсенского, Монлюка, Соль-Таванна, Л'Этуаля, кардинала де Реца, Сен-Симона, Вилара, мадам де Лафайет, Ришелье — какие-нибудь две-три сотни томов, а потом мы вернемся к этому разговору. Александр в ужасе:

«— Но мне этого хватит на два-три года, и раньше я не осмелюсь ни слова написать!

— О, нет, времени понадобится значительно больше, либо же вы начнете писать, не приобретя надлежащих знаний».

Возвращаясь к поэзии, удивительный Отец-основоположник, прообраз аббата Фариа, предлагает Александру забыть о его прежних кумирах — Вольтере, Парни, Бертене, Демустье, Легуве, Колардо ради проникновения в глубины Гомера, Вергилия, Данте, Ронсара, Матюрена Ренье, Милтона, Гете, Уланда, Андре де

Шенье, Ламартина, Гюго. И поскольку всегда предпочтительней читать поэзию в оригинале, Александру неплохо бы выучить хотя бы греческий, английский и немецкий.

Из канцелярии Александр направляется к Лёвенам, где ужинает раз в неделю. Сегодня здесь будет семейство Арно, знаменитый Антуан Венсан с супругой и четырьмя отпрысками, некий Люсьен, тоже писатель, Тельвиль, Луи и Габриел, и лучше не пересказывать патриарху драматургии плачевное мнение Отца-основоположника на его счет. По дороге Александр продолжает обдумывать свою титаническую программу самообразования. Интересно, почему Адольф никогда не говорил с ним о необходимости изучить всех этих авторов? «Адольф не думал, что все это полезно для занятий литературой? Или же та литература, которой он хотел, чтобы я занимался, могла без этого обойтись?» Самое зарождение его творчества тесно связано с последним вопросом.

Адольф опаздывает на ужин, после обеда он должен читать в театре «Жимназ» пьесу, написанную в сотрудничестве с Фредериком Сулье, непрактикующим адвокатом, скорее богатым владельцем лесопильни, «либералом и аристократом в одно и то же время, два качества, которые в то время нередко сочетались», и обладателем скверного характера, без колебания порывающим всякие отношения с директорами театров, если они хотели от него хоть малейших исправлений. Таких и сегодня немало. Адольф совершенно убит. Их пьесу приняли, но с оговоркой, что в нее будут внесены исправления, и теперь Сулье, разумеется, с возмущением похерит эту идею. И дабы отпраздновать то, что он воспринимает как отказ, Адольф собирает сегодня вечером у себя друзей. Нет большего желания у Александра, чем быть среди них, и, если даже поначалу Сулье обращается с ним как с кем-то, не стоящим никакого внимания, он добьется его признания.

Кроме того, что дни его заняты терпеливой стратегией проникновения в салоны и театры, следует заметить, что не все ночи напролет он занят чтением. Многие из них Александр посвящает смешливой Манете Тьерри, бывшей подружке Сонье в Виллер-Котре, которая теперь в Париже работает кастеляншей в одном из пансионатов. Довольно быстро он ею пресыщается. Точнее говоря, он предпочитает другой тип — блондинок, старше него, белокожих и полненьких, как когда-то Аглая, и по образу и подобию Мари-Луизы. По счастливому совпадению копия, соответствующая его женскому идеалу, обнаруживается на той же лестничной площадке, стоит лишь ее перейти. Это преодоление нескольких метров свершается за лето, и так как Мари-Луиза научила его экономному ведению домашнего хозяйства, он

съезжает со своей квартиры и переселяется к Мари Катрин Лауре Лабе, портнихе двадцати девяти лет. И на следующий год, за три дня до того, как ему исполнится двадцать два года, она дарит ему сына, которого не признает ни мать, ни отец, хотя и назовут его Александром, что естественно для сына Дюма.

Рвение и в то же время бюрократическая осторожность Александра вполне удовлетворяют его начальников. Однажды утром его вызывает Удар. Герцогу Орлеанскому нужен человек, который быстро и правильно перепишет ему конфиденциальный документ. Маленький провинциал, парижский неофит, он тут же выказывает бурную радость по поводу перспективы увидеть Его Королевское Высочество. Удар обнадеживает его: герцог чрезвычайно добр с подчиненными. «Это был еще очень красивый мужчина, несколько отяжелевший от собственного веса, который в течение десяти лет все увеличивался; у него было открытое лицо, живой и умный взгляд, который не задерживался на вашей особе и не углублялся в нее». Герцог показал ему, что следовало переписать. Это было письменное прошение на имя суда некой дамы по имени Мария Стелла Петронилла Кьяппини, которая вследствие подмены ребенка при рождении, как в настоящем романе, претендовала на положение единственной наследницы огромного состояния герцогов Орлеанских, а нынешнего герцога называла сыном сторожа из итальянской тюрьмы. Александр один раз прочел то, что переписывал. Герцог подходит, смотрит в текст:

«— Ага! — говорит он. — У вас как будто очень индивидуальная пунктуация».

В самом деле, если посмотреть рукописи Александра, легко заметить, что он вообще не ставит знаков препинания, за редким исключением в виде тире, что он не признает ни апострофов, ни надстрочных знаков. Со временем ему забавно будет вспомнить, что герцог должен был собственноручно доделать работу переписчика! Затем происходит смена ролей, и герцог диктует ему начало опровержения жалобы дамы: «И если бы даже не было ничего, кроме поразительного сходства, существующего между герцогом Орлеанским и его августейшим предком Людовиком XIV…» Орел или решка: на этой фразе Александр непочтительно поднимает взгляд на Его Высочество, и герцог либо примет его удивление за нахальство и прощай Париж, либо будет польщен тем обожанием, которое не в силах даже остаться в рамках этикета. Он выигрывает:

«— Запомните, господин Дюма, — сказал он мне, — если даже ты происходишь от незаконных детей Людовика XIV, это все равно огромная честь».

Через двадцать дней — награда, Александр введен в штат. Французский экспедиционный корпус в Испании захватывает форт Трокадеро. Блаженный автор «Гения христианства» ликует: «Преуспеть там, где Бонапарт проиграл, за шесть месяцев добиться того, чего он не смог достичь за семь лет, вот настоящее чудо»[32]. Риего, который восстановил Конституцию 1812 года, повешен 7 ноября 1823 года, но останется жить в памяти людей, в том числе и в памяти Александра: «Риего оставил песню; из этой песни родится революция, а из этой революции — республика».

К Рождеству Лаура Лабе объявляет о своей беременности. Александр качает головой, вот уже девять месяцев, как он не видел Мари-Луизу, он несколько оставил ее своим вниманием с момента включения в штат. Теперь он вполне сознает, до какой степени ему ее не хватает, пора вызвать ее в Париж, тем более, что в начале года он получит прибавку в триста франков. Надо немедленно ей написать. И он принимается за поиски квартиры на троих, имея в виду себя, Мари-Луизу и кота Мизуфа, договорившись с Лаурой, чтобы она ни о чем не беспокоилась: он часто будет приходить — повидаться.

Он перевозит свои вещи в номер 53 по улице Фобур Сен-Дени. Мари-Луиза приезжает со своими вещами и двумя тысячами франков в кармане, вырученными от продажи табачной лавки, на которые, если быть бережливым, можно прожить два года. Плохо только, что квартира из трех комнат с кухней за триста пятьдесят франков дороговата для них. К счастью, на той же лестничной площадке живет шансонье по имени Депре, у него туберкулез в последней стадии:

«— Подождите, пока я умру, — говорит он нам, — это недолго, а потом возьмете мою квартиру, она очень удобная и стоит двести тридцать франков».

Через шесть недель он сдержал слово, и мать с сыном Дюма могут переехать напротив. Времени у Александра совсем нет. К десяти тридцати он уходит в канцелярию. Кот Мизуф провожает его до полдороги и вечером возвращается встречать на то же место, если только не предчувствует, что сегодня хозяин не вернется к ужину, что случается довольно часто. Александр заканчивает работу в пять часов, но раз в две недели должен возвращаться к восьми и работать до десяти над *портфелем,* что означает «посылать герцогу с нарочным его вечерние газеты и дневную почту и получать в ответ указания на следующий день».

В вечера *портфеля* пойти в театр никак невозможно, разве что во Французский театр, как раз рядом с Пале-Рояль. Время от времени Удар дает ему бесплатные билеты на плохие спектакли, то есть те, где не играют ни Тальма, ни мадемуазель Марс.

Александр продолжает много читать, в основном Вальтера Скотта, Фенимора Купера и Байрона, который умирает 19 апреля 1824 года в Миссолонги. Кроме того, он вместе с Адольфом сочиняет новые пьесы, без особого, впрочем, рвения ни с той, ни с другой стороны. Дело в том, что друзья тяжко больны и стоически предвидят скорый конец их страданиям: «Мода была на чахотку; чахотка была у всех, прежде всего у поэтов; считалось хорошим тоном харкать кровью при всяком подходящем случае, связанном с эмоциями, и умирать до тридцати лет.

Само собой разумеется, что мы с Адольфом, оба молодые, тощие и длинные, претендовали на чахотку, и в общем это право окружающие за нами признавали».

При всем том они решают пойти на консультацию к доктору Тибо, молодому врачу без клиентуры, что, следовательно, по карману Александру. Тибо ставит им диагноз умеренно оптимистический. Чуть огорченный, но по-прежнему жаждущий познания, Александр начинает усердно посещать доктора. Утром до работы он провожает его в больницу «Шарите» и там получает понятие об анатомии и физиологии, чем позднее воспользуется в своих романах. Изучение туберкулеза поможет ему в «Амори», исследование ядов — в «Монте-Кристо». По вечерам у себя в комнате Тибо проводит физические и химические опыты в присутствии хорошенькой соседки мадемуазель Валькер, модистки. «Она чуть было не поссорила нас с Тибо. К счастью, он ничего не понял: она сумела найти какую-то уловку, и мы все трое остались друзьями». Можно предположить, что этот гармонический альянс был значительно облегчен отличным характером Александра и его обязательствами, почти супружескими в отношении Лауры и Мари-Луизы.

Работа, любовь, чтение, писание, знакомство с науками — идет процесс накопления. А еще и светские отношения. У Арно он встречается с респектабельным, хотя и либеральным полковником Бро, который, стоит ли повторять, немедленно проникся к Александру нежной дружбой и одного за другим представил ему «Маниюля, депутата, изгнанного из палаты, Беранже, поэта, и Жерико». В тридцать три года автор «Плота Медузы» находился на последней стадии «спинной сухотки», возникшей то ли в результате падения с лошади, то ли в результате сифилиса. Когда Бро и Александр пришли к нему за восемь дней до смерти, великий художник рисовал свою левую руку.

«— Какого черта вы там делаете, Жерико? — спросил его полковник.

— Вы же видите, полковник, — ответил умирающий, — сам

себе позирую. Никогда моей правой руке не сравняться с левой в степени ее полезности для уроков анатомии, и я эгоистически извлекаю эту пользу.

В самом деле, Жерико достиг такой степени истощения, что через кожу видны были кости и мускулы его руки, как на учебных гипсах, где человек показан без кожи».

Тем не менее в Салоне 1824 года было выставлено несколько его работ. Под эгидой вожака, слишком рано ушедшего, этот Салон отмечен взрывом романизма в живописи, которая тогда намного опережала литературу, в таких работах, как «Смерть Жерико» Ари Шеффера, в произведениях Ксавье Сигалона, Луи Буланже, Жана Виктора Шмеца, Жюля Луи Филиппа Куане и, прежде всего в «Сценах резни на Хиосе» Делакруа.

Резвый автор «Гения христианства» выдворен из Министерства иностранных дел. Отныне он может всецело посвятить себя изданию полного собрания своих сочинений и стать, подпитываясь политическими озарениями или персональной враждебностью, певцом свободы вплоть до его назначения в 1828 году послом в Риме просвещеннейшим Карлом X; только дураки никогда не изменяют своим принципам.

27 июля Лаура разрешается младенцем, а Александр все еще вынашивает задуманное великое произведение. К тому же он никак не может решить, стоит ли ему нарушать душевный покой Мари-Луизы сообщением о том, что она стала бабушкой. Начнет терзаться, плакать, чего он совершенно не выносит, страдать из-за того, что не хватит денег прокормить лишнего человека, даже двух человек, учитывая мать младенца, хотя Лаура вовсе не бедствует со своим ателье мод и множеством работниц в подчинении. И потом как знать?! С ее-то набожностью она не преминет затеять разговор о ребенке, рожденном в грехе, о том, что должен делать в этом случае честный человек, а Александр не представляет себя женатым раньше, чем он добьется славы и ему стукнет тридцать лет, точь-в-точь как это было у Генерала, его идеальной модели для подражания. И почти семь лет «побочный сын мадемуазель Мари Катрин Лабе»[33] будет носить имя своей матери.

Начиная с 16 сентября Людовик XVIII может спокойно догнивать в своем гробу, а в моду для либералов входит обязательное ношение плащей а ля Кирога, так звали товарища Риего по оружию. Не беда, что у Александра нет денег, он готов принести любую жертву, но не отступить перед необходимостью продемонстрировать свои бунтарские взгляды. Именно в таком плаще 3 января 1825 года появляется он в кафе вместе с Бецем и Талланкуром, двумя наполеоновскими гвардейцами, оба

тридцати лет, его сослуживцами по канцелярии. Его манера драпироваться в свой антибурбонский плащ вызывает насмешку одного из завсегдатаев. Александр провоцирует его на дуэль: в его завоевании Парижа репутация заядлого дуэлиста не повредит, а Бец и Талланкур станут его секундантами. Оба старых солдата обеспокоены, хорошо ли он владеет оружием, и Талланкур ведет его в тир. Александр показывает свое мастерство в обращении с пистолетом. Противник же, имя которого неизвестно (он назвался Шарль Б.), выбирает шпагу. Александр должен вспомнить уроки отца Мунье. После работы он чинно возвращается домой, «ничего не сказав о том, что произошло; я только ни на шаг не отходил от матери». Спит он плохо.

«Сангвиник по темпераменту, я легко бросаюсь навстречу опасности; если опасность на месте, если я могу ее атаковать в ту же минуту, мужество мое не ослабевает, самый ток крови его поддерживает.

Напротив, если требуется ожидать несколько часов, нервная система ослабевает, и я начинаю раскаиваться в затеянном.

Мало-помалу включается разум, и моральная сторона начинает возобладать над физической, энергично диктуя ей верную манеру поведения.

Прибыв на место, я все еще был внутренне зажат, но без всяких внешних следов волнения».

Утром он прячет под плащ шпагу Генерала и горячо целует Мари-Луизу. Шарль Б. на свидание не явился. «Признаюсь, что, со своей стороны, я был счастлив. Я надеялся, что дело обойдется извинениями, и очень этого хотел». Но Бец и Талланкур судили иначе. Они идут в дом к Шарлю Б., находят его в постели, что он сам объясняет страшными мышечными болями в результате долгого катания на коньках. Бец и Талланкур настаивают на дуэли. Новое свидание назначено на следующее утро. Снова Александр не пытается увидеть ни Лауру, ни ребенка, он возвращается домой, они с Мари-Луизой ищут в пироге запеченный боб и, разумеется, он достается Мари-Луизе, которая и объявляется королевой.

На этот раз Шарль Б. явился к барьеру Рошешуар. Два противника и четыре секунданта взбираются на монмартрский холм. Шел снег. Жалкое пещерное население этих мест составляет их эскорт, хоть какое-то развлечение. Шпаги оказываются разной длины. Александр отказывается тянуть жребий, пусть ему останется короткая шпага, шпага Генерала. Удалец Шарль Б. требует обнажиться до пояса. Александр повинуется, хотя и считает это требование чрезмерным по причине холода и отсутствия застежки на его панталонах. Чтобы

они не пали к его ногам, он затягивается подтяжками. Надо как можно скорее забыть о своей смешной бедности. Встают в позицию, гарда эфеса у Шарля Б. выглядит довольно странно, она почти полностью его прикрывает. С рыцарским благородством Александр советует ему получше прикрыться. Шарль Б. высокомерно отказывается. Александр подозревает хитрость и осторожно атакует, пытаясь прощупать противника, «простой укол из третьей позиции», он ранит Шарля Б. в плечо. «К счастью, я даже не сделал выпада, а то бы я продырявил его насквозь. Бедняга никогда не держал в руках шпаги».

Ничего не изменилось с 1789 года. Карл X коронуется в Реймсе 29 мая 1825 года по всем правилам Старого Режима. Эта архаическая церемония вдохновила Гюго и Ламартина на строфы, полные энтузиазма. За что оба будут вознаграждены орденом Почетного легиона. Чуть раньше, в марте и апреле ультрамонархисты заставили большинство зависящих от них депутатов проголосовать за крайне реакционные законы, в частности, о так называемом эмигрантском миллиарде, то есть о возмещении эмигрантам в двадцатикратном размере их доходов по состоянию на 1790 год, и о святотатстве, в котором надругательство над религией карается смертной казнью. «Этот закон бьет по человечности, не защищая при этом религии»[34],— замечает тогда надменный автор «Гения христианства». У Александра же настроение самокритическое:

«Лёвен и я, мы упорно продолжали работать вместе, но все это не давало никаких результатов; то, что заставляло нас громко кричать о несправедливости директоров и о плохом вкусе комитетов (чуть тише), я и сам, воздавая нашим произведениям по заслугам и будучи честным перед собой, на месте директоров не принял бы».

Он размышляет о предсказании Лассаня, обещавшего большие перемены в литературе. Явно они уже происходят в водевиле под воздействием Скриба. До него «то была просто канва, по которой вышивали актеры», распевая на известные мотивы. С 1818 года Скриб начинает писать настоящие пьесы с предусмотренной музыкальной партитурой, тяготеющей к комической опере. И вскоре некоторые водевили будут обходиться вообще без куплетов. Александр решает продолжить атаку на этом фронте, но на этот раз с помощью профессионала, «чтобы он вставил в наши пьесы не знаю что, но чтобы это было завершающим мазком в картине». Адольф охотно принимает это предложение. Их выбор останавливается на Джемсе Руссо, популярном авторе, и его приятеле Ромьё, оба выпивохи и любители розыгрышей. Ромьё плохо кончит: станет префектом.

Руссо попросится к нему в секретари. Ромьё попросит два дня на размышления, а потом откажет, мотивируя тем, что все собранные о нем сведения в один голос свидетельствуют: его лучший друг слишком любит выпить.

Александр и Адольф заманивают его обедом и шампанским к Лёвенам с условием, что прежде он прочитает все ими написанное. Доброго слова не удостоилось ни одно из произведений: «Мелодрамы построены на слишком известных романах. <…> Водевили основаны на банальностях». Мрачнея, Руссо выпивает первую бутылку. Чтобы его развеселить, Александр с воодушевлением рассказывает охотничью историю — о близоруком парижанине, приехавшем в Виллер-Котре, воображающем роскошную картину с множеством гусей и другой птицы и спутавшем ноги коллеги с оленьими ногами. При виде второй бутылки Руссо оживляется: наконец-то новый сюжет, надо только завернуть его в любовную интригу. Близорукий охотник, назовем его Папийон, должен жениться на молоденькой девушке, которая любит другого, а ноги, по которым палит Папийон, это ноги ее отца; в результате охотнику отказывают, соперник торжествует, финальный хор, занавес, бурные аплодисменты и жажда, жажда. Адольф откупоривает третью бутылку, за какой-нибудь час план «Любви и охоты» готов, но Руссо не слишком-то в нем уверен.

Двадцать одну сцену будущей пьесы разделили на троих: семь первых Александру, семь следующих Адольфу и последнюю треть — Руссо. Через неделю они встречаются вновь на ужине с возлияниями. «Прочли мою часть; она имела самый большой успех; один куплет особенно восхитил Руссо».

Папийон поет на мотив «К храму Гименея»:

В ужасе бекас,
В страхе куропатка,
Я ловкий охотник,
Меня знает весь Париж,
Я опасен, как бомба,
Всё падает вокруг от моих выстрелов —
И олень, и голубка.
Всю дичь лихорадит
При одном моем появлении.
Я храбрый кролик,
Разящий зайца.

Творчество Адольфа вызвало «благосклонное упоминание». Руссо же не написал ни слова, один он не привык работать, идеи

приходят к нему только в коллективе и чаще всего при наличии стакана в руке. Итак, они условились о следующих сеансах, чтобы закончить водевиль. Однако роль Руссо не следует преуменьшать. «Под пером нашего соавтора, более опытного, чем мы, фразы округлялись, куплеты оттачивались, то там, то здесь в диалоге вспыхивали искорки, и по истечении восьми дней произведение было закончено»[35].

Адольф и Руссо идут читать пьесу в театр «Жимназ». С бьющимся сердцем Александр ожидает их возвращения в канцелярии, меньше всего думая о работе. В три часа отворяется дверь и появляются две печальные фигуры: «Любовь и охота» отвергнуты без голосования». Особенно директор театра Пуарсон был шокирован куплетом Александра и его шуткой насчет кролика. Видя Александра в таком отчаянии, Лассань, добрый Отец-основоположник, предлагает ему написать пьесу вместе с ним, но только в строжайшей тайне, поскольку начальство могло неправильно понять служащих герцога Орлеанского, скомпрометировавших себя театральной деятельностью.

Новая встреча авторской группы, настроение ужасное. «Нет ничего печальней в мире, чем встреча отвергнутых авторов». Однако у Руссо есть в резерве театр «Амбигю-Комик», где готовы выслушать пьесу. Та же сцена, Александр в своей канцелярии беспрерывно поглядывает на дверь, наконец, она открывается и появляются две смеющиеся физиономии:

«— Взяли? — вскричал я.

— Без голосования, мой милый, — ответил Руссо.

— А скандальный куплет про кролика?

— Его бисировали!»

Александр тут же наводит справки об авторских правах. Двенадцать франков с каждого представления, плюс шесть бесплатных мест в зале, если считать по двадцать су место, то делим на три, всего получается шесть франков в день, то есть в полтора раза больше, чем его жалованье переписчика, в устном счете Александру нет равных. Как мы видим, школьный учитель Обле был не таким уж плохим педагогом. Плохо только то, что деньги можно получить лишь через несколько месяцев. Руссо советует обратиться к Порше, бывшему цирюльнику, а ныне профессиональному клакеру, который дает авторам аванс под их бесплатные билеты, взимая, разумеется, определенный процент в свою пользу, но беря на себя риск заплатить из собственного кармана, если пьеса провалится.

Александр знакомится с Порше и делится с ним своими скромными амбициями: через год — через два начать писать без соавторов и для Комеди-Франсез. Порше дает ему пятьдесят

франков. «Немного в жизни было у меня столь сладостных моментов, как соприкосновение с этими первыми деньгами, заработанными моим пером; до этого я зарабатывал лишь почерком».

БИТВА ЗА «ГЕНРИХА III» *(1825–1829)*

Написанная «в сообществе с г-ми Руссо и де Лёвеном «Любовь и охота» была с большим успехом представлена 22 сентября 1825 года. Александра в афише нет: «На самом деле я хотел обнародовать свое имя только в соединении со значительным произведением». Оно, конечно, так, однако, когда Дювернуа издал пьесу, там фигурировали все три имени, хотя два — под легкой вуалью: Руссо, Адольф и Дави. То есть Адольф отказался от фамилии, а Александр вырядился частично в вещички своего дедушки-маркизика. Дело в том, что между делом сын графа-бонапартиста Лёвена тоже поступил на службу к герцогу Орлеанскому, и, так же, как Александра, Лассань предупредил его о необходимости быть как можно скромней в своих театральных предприятиях.

Герцог ничего не имеет против того, чтобы один из заместителей заведующего канцелярией, влиятельный журналист, писал бы и подписывал водевили, но он абсолютно нетерпим по отношению к мелким служащим. Округлять свои доходы они могут различными способами: «Одни женились на белошвейках с лавочками в придачу; другие принимали участие в мастерских по изготовлению шляпок; были, наконец, и такие, кто держал в Латинском квартале дешевые ресторанчики и кто ровно в пять сменял герцогское перо на салфетку трактирщика». Ни одна из этих работенок не роняет «величия принца», одна лишь литература, будь она маленькая или большая, задевает его, если она не у него на службе.

Поэтому над новым водевилем «Свадьба и погребение» Лассань и Александр в принципе работают под секретом. Третьим соавтором они взяли себе Вюльпена. Сюжет Александр позаимствовал из любимых сказок своего детства — «Тысячи и одной ночи». «Неутомимый путешественник Синдбад приезжает в страну, где жен хоронят вместе с мужьями, а мужей вместе с женами. По неосторожности он женится; жена умирает, и его чуть было не зарывают вместе с ней». Метод работы тот же, что и в «Любви и охоте», — вино и в меньшей степени крепкие напитки. План обсуждают вместе, работу делят на троих, и каждый приносит свою часть. Вюльпен оказывается более сознательным, чем Руссо, они сплачиваются. «Лассань берет на себя навести глянец на готовое произведение».

То ли у Александра слишком длинный язык, то ли голос

слишком громкий, но однажды утром он увидел Лассаня совершенно убитым: только что Удар прочел ему нотацию и запретил заражать литературным вирусом одного из своих низших исполнителей. Александр хмурит брови, первая пьеса принесла ему около трехсот франков, и он надеялся учетверить эту сумму при помощи второй. Ни слова не сказав никому из персонала, он идет прямо к Удару защищать свои права. Начинает с жалобы на слишком скромную плату за его труды, недостаточную, чтобы прокормить трех человек (поскольку сын его целиком на содержании у Лауры, очевидно, под третьим лицом подразумевается кот Мизуф), и во всеуслышание заявляет о своем праве на творчество, разумеется, в нерабочее время.

Удар насмешничает: разве «Любовь и охоту» можно считать литературой? Конечно же, нет, Александр объективен, но разве лучше переписывать чужие пьесы «в среднем по четыре франка за акт», как делал он для Теолона? И потом в этом доме, с горечью констатирует Александр, для разных людей, как видно, разные правила, в зависимости от того, зовут ли их Дюма или Лёвен, так как Лёвену никаких упреков предъявлено не было. Удар не замечает этой погрешности против товарищества, он должен лишь передать приказ г-на де Броваля, но неистовый защитник своих прав продолжает жестикулировать, и Удар спрашивает:

«— Стало быть, вы настаиваете на ваших занятиях литературой?

— Да, сударь, и по призванию, и по необходимости я этого желаю.

— Так занимайтесь ею так, как Казимир Делавинь, и тогда никто не станет вас ругать.

— Сударь, — ответствовал я, — я не достиг еще возраста Казимира Делавиня, получившего приз за поэзию в 1811 году, я не получил того воспитания, которое получил г-н Казимир Делавинь в одном из лучших коллежей Парижа. Увы, мне всего лишь двадцать два [год он сбавил], своим воспитанием каждый день занимаюсь я сам, возможно, в ущерб здоровью, поскольку все, чему я учусь, а учусь я множеству вещей, клянусь вам, я постигаю в часы, когда другие спят или развлекаются. Да, в настоящий момент я не могу делать того, что делает г-н Казимир Делавинь. Но в конце концов послушайте, что я вам скажу, г-н Удар, и то, что я вам скажу, покажется вам весьма странным: если в будущем я сочту, что не сумел сделать совершенно иного, чем г-н Делавинь, тогда, сударь, я превзойду ваши и господина де Броваля желания и в тот же миг дам вам священную клятву, торжественное обещание никогда больше не заниматься литературой.

Удар смотрел на меня безжизненным взглядом; гордыня моя его сразила».

Вскоре он пожаловался Девиолену на яростное безумие его подопечного. Добрейший папаша Кнут внутренне улыбнулся: этот чертов сын Александр, другого нечего от него и ждать; о, да, дорогой коллега, это никуда не годится, и в будущем никогда больше не повторится, Девиолен лично за этим проследит. Тем не менее он предупредил и Мари-Луизу о выходке их осатаневшего шалопая, и когда Александр вернулся домой, он, естественно, застал мать в слезах.

На следующий и во все последующие дни «гомерический хохот» стоял во всех отделах. Слыхали о последней штуке Дюма? Он намерен написать лучше, чем наш Казимир Делавинь, воистину верное сравнение: тщеславен, как негр! Из семидесяти двух служащих герцога Орлеанского не смеялись только Лассань, Адольф и только что принятый на работу бухгалтер Амадей де ля Понс, которого мы никак не ожидали здесь увидеть, ибо рента при Карле X неуклонно продолжала расти. Не нужда, стало быть, толкала его на поиски работы; возможно, он соскучился без Александра в Виллер-Котре, а, возможно, герцог Орлеанский в своем медленном движении к трону имел потребность в надежных людях под рукой.

Александр досадовал на себя за нерасчетливость. Его номер с Ударом был выполнен преждевременно. И, что еще хуже, он позволил себе распалиться, не поняв, что его начальник на самом деле протянул ему руку помощи. «Занимайтесь литературой, как Казимир Делавинь» означало не столько: станьте обветшалым классиком, в конце концов, именно легитимисты и реакционеры Гюго и Ламартин создают новую поэзию, сколько: станьте тоже певцом орлеанистов. В знак согласия с этой стратегией Александр качает головой, в скором будущем, как только он станет богатым и знаменитым, он во весь голос объявит себя наследником республиканского Генерала.

Случай доказать начальству свою литературную лояльность представился со смертью генерала Фуа, 28 ноября 1825 года. Тем более что он был искренне опечален кончиной своего покровителя. Под проливным дождем в толпе из десятков тысяч людей он в траурной процессии провожает генерала до церкви Нотр-Дам де Лорет. Пустая карета с гербами герцога Орлеанского среди траурных экипажей отмечена всеми, похороны либерального депутата превращаются в массовую демонстрацию против власти.

На следующий день по Парижу ходит анонимная песенка. Наряду с другими «теплыми словами» в адрес Фуа там

фигурируют «мятежник» и «клятвопреступник», а герцогу Орлеанскому предсказывается судьба его отца, который был обезглавлен на гильотине. При участии ультрамонархистов текст был распространен в количестве ста тысяч экземпляров. Тут же у Александра рождается реплика на эту гнусность:

Вот так от нашей старой славы
Уносит всякий день осколок!
И всякий день истории дорог
Возвращеньем великих имен!
И всякий день, рыдая над могилой
Героя благородного, чей прерван резвый бег,
Мы в ужасе твердим:
Еще одним камнем меньше
В фундаменте Храма Свободы!..

Его «Элегия на смерть генерала Фуа» содержит более двух сотен довольно посредственных стихов, а образ покойного в виде старого осколка остается вершиной мысли того, кого сегодня даже самые рьяные его сторонники все же не осмеливаются затащить на вершину Парнаса.

Что за важность! В данном случае добрые политические намерения преобладают над поэтической удачей, и Александр во что бы то ни стало решил их проявить. За отсутствием королевских и даже герцогских субсидий он изымает у Мари-Луизы триста франков из ее последних сбережений, и с каких это пор издание за счет автора считается позорным?! И произведение выходит под именем не Дави, а Александра Дюма.

Он щедро раздает экземпляры. Поздравления коллег, снисходительная сдержанность Лассаня: «Незрело; но есть несколько неплохих стихов и два-три образа», одобрительная улыбка Удара, г-н де Броваль был тронут присланной ему книжечкой с посвящением, он обязательно передаст Его Королевскому Высочеству выражения глубокого уважения, так и продолжайте, мой маленький Дюма, вы на пути настоящей литературы! Главное — попасть в хорошую компанию: «Элегия» замечена, ее цитируют, она получила хвалебную статью Этьена Араго в только что созданной газете «Фигаро», ее полностью перепечатал сборник «Поэтический венок генералу Фуа», коллективный труд при весьма выспренном участии красавицы Дельфины Гэ, будущей мадам де Жирарден, в которую влюблен Альфред де Виньи. В это же время, в конце 1825 года, но в России, Александр Пушкин, правнук «арапа Петра Великого», лишь тремя годами старше Александра, только что закончил

«Бориса Годунова».

Поражения, если они повторяются, могут вызвать у автора неуверенность, горечь, досаду, топтание на месте, несвободу стиля. И, наоборот, начало признания дает развитию творчества полную меру, от уже сделанного — к восходящей спирали желания создать нечто новое, лучшее. Александр начинает писать новеллы, уверенный, что добьется при издании такого же шумного успеха, как мадам де Дюрас и мадам де Сальм, сборники которых публика вырывала друг у друга из рук. Ибо, подобно морскому дракону, который время от времени поднимается из глубин, во Франции, начиная с 1462 года, когда вышли «Сто новых новелл», периодически возникает интерес к этому жанру, и в 1820 году он снова в моде.

Одну за другой Александр пишет «Лоретту», «Марию» и «Бланш из Больё, или Вандеенку», три феминистские новеллы, если можно так считать, в той мере, в которой каждая из героинь проживает свою страсть вне социальных условностей. В 1835 году в сборнике «Воспоминания Антони» он снова напечатает «Марию» под названием «Возница кабриолета» и «Бланш из Больё» под названием «Красная роза». Три этих прозаических попытки представляют особый интерес, хотя отмечены неопытностью дебютанта.

Так, в «Лоретте», повествующей о трагической любви молодого наполеоновского офицера, отправляющегося в Россию, и дочери милосердного пастора с берегов Рейна, прием ретроспекции в композиции, не слишком уместный на короткой временной дистанции, выглядит довольно неуклюже. Что не мешает заметить в этой новелле проявление оригинальной концепции: столь дорогое сердцу романтика предопределение, конечно же, присуще индивидуальной судьбе персонажа, но, в свою очередь, обусловлено болезнью и войной.

В «Марии» Александр обращается к факту из жизни того круга людей, который он отлично знал. Героиня, дочь заслуженного офицера, уволенного со службы, оказывается соблазненной и беременной. Совратитель отказывается взять ее в жены. В отчаянии она бросается в Сену. Некий молодой человек прыгает вслед за ней и спасает, а вслед за тем провоцирует виновника бедствия на дуэль и убивает его. Забавно видеть, как Александр, в 1826 году выступивший против смертной казни, не колеблясь, убивает своим пером производителей побочных детей. К счастью, в жизни он к ним более чем милосерден.

В «Бланш из Больё» он возвращается к недавней Истории. Бланш — дочь командира шуанов, в которую влюбляется республиканский генерал Оливье (по второй версии — в «Красной

розе» — его зовут Марсо). В залог своей любви он дарит ей красную розу, но все его усилия оказываются тщетными, чтобы спасти ее от гильотины. И когда он все же добивается помилования своей возлюбленной и мчится на место казни, он застает момент, когда палач показывает толпе голову Бланш с лепестками алой розы на губах. Это даже не столько новелла, сколько очень короткий исторический роман, зародыш будущих больших романов Александра: здесь существует уже реалистический и точно написанный исторический фон — война в Вандее, обоюдная жестокость враждующих сторон, отличное чувство драматического развития сюжета, живой ритм, попытка эпического тона, смешение героев реальных с вымышленными. Среди первых — некто генерал Д'Эрвийи, персонаж второго плана, но весьма важный, близкий друг генерала Оливье, но полная его физическая противоположность: «Его геркулесовское сложение, почти сверхчеловеческая сила, короткие курчавые волосы, смуглый цвет кожи — все возвещало в нем о том, что солнце, более жгучее, чем наше, освещало его рождение. Жизнь его, наполненная подвигами, которые сделали бы честь старому опытному генералу, ставилась им на карту при всяком подходящем случае: всегда первый в атаке, всегда последний в отступлении» и т. д. на протяжении двух страниц текста. В версии 1835 года Д'Эрвийи окончательно сольется со своим прототипом — Дюма де ля Пайетри.

Оливье вместо Марсо, Д'Эрвийи вместо Ля Пайетри, к чему эти переодевания в 1826 году? Приведенное ниже замечание Александра по этому поводу не слишком убедительно: «Я изменяю имена этих двух генералов на вымышленные, будучи уверен, что тот, кто знает историю этой эпохи, легко откинет вуаль, которую особые соображения вынудили меня набросить». Страх за генералов Конвента перед монархической цензурой или же желание заинтриговать читателя? Вторая причина представляется более правдоподобной, ибо в тексте «Бланш» фигурирует длинная цитата из «Мемуаров республиканского генерала Алекс. Дюма»! Стало быть, в расцвет царствования супер-короля Александр не только помещает свой первый исторический роман под покровительство Генерала, но и придумывает себе папашу-писателя, единственного из всех его названых отцов, который мог им быть, поскольку даже Лассань не опубликовал ни единой книги. Надо ли уточнять, что этих «Мемуаров республиканского генерала» в действительности никогда не существовало?

Не забыта и Мари-Луиза. Именно ей посвящены все три новеллы, объединенные общим названием «Современные

рассказы»: «Моей матери. С выражением любви, уважения и признательности». Остается только начать гастроли по издателям. Последние не торопятся оказать Александру столь же восторженный прием, который они оказывали перечисленным выше аристократическим писателям. Причина ясна: «Я не обладал общественным положением [этих] знаменитых авторов», и книготорговец Боссанж дает ему вполне разумный совет, с которым вполне согласились бы лучшие сегодняшние парижские издатели:

— Сделайте себе имя, и я вас напечатаю.

Сделать себе имя Александр был не прочь. В связи с этим он весьма кстати вспоминает, что у издателя Сетье, которому он доверил публикацию своей «Элегии», необычайно хорошенькая жена, «изысканная англичаночка, или, по крайней мере, отличный знаток английского языка». И любезная, так как предложила ему литературную обработку пьес, которые она будет переводить с английского. В принципе он согласен, но в данный момент его интересует ее просвещенное мнение относительно нескольких его безделиц. И он протягивает ей рукопись все с той же очаровательной неловкостью переростка, той же прелестной наивностью неотесанного провинциала и тем же трогательным выражением тревоги на загорелом лице, увенчанном великолепной черной гривой, в которую так хотелось зарыться пальцами и которая еще больше оттеняла его удивительный и странный взгляд, такой синий, такой глубокий, такой волнующий, вопреки воле самого Александра. Поэтому мадам Сетье, «снисходительная, как всякая женщина, нашла мои новеллы очаровательными и добилась, чтобы муж напечатал их, взяв половину расходов на себя».

Так были сэкономлены триста франков. Оставалось найти еще триста — свою долю автора. Он просит их у Порше, который заранее согласен в счет будущих прав на театральную продукцию Александра: отвергнутая в театре «Водевиль», «Свадьба и погребение» только что принята к постановке в театре «Порт Сен-Мартен».

Тиражом в тысячу экземпляров («думаю, что большего количества из них и нельзя было извлечь») «Современные рассказы» вышли из печати 27 мая 1826 года. Не прошло и недели, как в «Фигаро» появился более чем поощрительный отклик[36], вышедший из-под пера республиканца Этьена Араго, одного из братьев Франсуа Араго, ученого: «Современные рассказы», которыми мы обязаны начинающему прозаику, не должны повредить его складывающейся репутации поэта. Отпрыск заслуженного воина, г-н Дюма находит своих героев в

армии. Воспоминания о наших бедах и нашей былой славе вдохнули жизнь в эти рассказы; все три опубликованные новеллы вызовут поэтому самый живой интерес. И хотя речь в них идет о неудачах, более или менее сходных, все три вызовут у своих многочисленных читателей совершенно разные чувства, то нежные, то печальные, то мучительные. <…>

Мы сказали все положительное, что думаем о «Современных рассказах»; но автор остался бы недоволен нами, если бы мы не высказали в его адрес и некоторые замечания: советуем ему, в частности, прежде всего обратить внимание на стиль, не то, чтобы он был неправильным, порою он даже элегантен, но г-н Дюма в будущем должен предостеречь себя от некоторых слишком сложных оборотов, некоторых банальных выражений и некоторых слишком широко употребляемых идей. <…> В остальном же и несмотря на некоторые погрешности, «Современные рассказы» будут читаться с удовольствием и должны добиться успеха, которого заслуживают по праву и которого мы им желаем от всего сердца».

Успех же был сокрушительным, продано лишь четыре экземпляра. Муж мадам Сетье «потерял двести девяносто франков, чтобы издать «Современные рассказы», а я триста, чтобы заставить его это сделать». Этот провал не так уж сильно сразил Александра: с некоторых пор он стоит во главе значительного литературного журнала. В истоках этого события — встреча у Сетье с неким Марлем, сторонником радикальной реформы орфографии и директором-редактором «Грамматического журнала», точнее было бы назвать его *фонетическим.* Увы, как сегодня, в конце XX века, так и тогда, в XIX, этот вид реформы не интересует широкую публику, и бедняга Марль вынужден прекратить свою затею. Чтобы хоть как-то компенсировать расходы, он готов дешево уступить своих подписчиков, числом двести — триста человек. Александр быстро высчитывает, что это «ядро из честных людей» может стать основой более широкого круга читателей. Он говорит об этом с Адольфом, и они вдвоем совершают покупку. Так рождается ежемесячный журнал «Психея»:

«Для меня это было отличное средство печатать теперь все созданное мною в стихах и прозе, не тратясь на книгоиздание.

Напечатанное в «Психее» не приносило никаких доходов, но зато и не стоило ничего».

С первого же номера он присутствует в оглавлении. В апреле 1826 года, когда ультрамонархисты тщетно пытаются восстановить право первородства, он публикует «Раненого орла» — почему бы поэту-бунтарю не получить теперь от бонапартистов

милости, подобные тем, что он уже получил от орлеанистов? В конце месяца турки подавили восстание греков. Используя политические симпатии и самый дух времени, Александр печатает «Канариса», дань уважения этому герою греческой независимости. Отдельные оттиски поэмы продаются в пользу греков, но нам неизвестна точная цифра прибыли, которую они извлекли из этой издательской щедрости. На протяжении следующих месяцев Александр продолжает производить поэмы, посвящая их различным дамам и господам, без всяких предрассудков, лишь бы они занимали определенное положение в литературе или в свете, что, впрочем, нередко совпадало.

Стоит лишь предложить поэтам возможность публиковаться, не затрачивая при этом собственных денег, как они начинают сбегаться толпой, как сторонники классицизма — Отец-основатель Лассань, Арно, Казимир Делавинь, Вату, Марселина Деборд-Вальмор, так и те, кто флиртует с романтизмом. И если среди последних не оказывается Альфреда де Виньи, который в январе выпустил «Древние и современные стихотворения», а в апреле — «Сен-Мара», то зато присутствуют имена Шарля Нодье, Шатобриана, сам гениальный автор «Гения христианства» не пренебрегает сотрудничеством в безвестном журнале Александра, а, главное, Виктор Гюго отдает «Психее» право на первую публикацию «Сильфа», а также «Феи» и «Пери»[37], двух стихотворений, которые войдут затем в сборник «Оды и баллады», вышедший 7 ноября 1826 года.

Подобная экуменическая издательская стратегия быстро принесла свои плоды. Имя Александра «каким бы маленьким и скромным оно ни было, начинает прорастать из безвестности». Любезность за любезность, Вату предлагает ему участие в «Литографированной галерее», роскошном издании, которое он выпускает под покровительством герцога Орлеанского и которое содержит репродукции «всех картин галереи Пале-Рояль с комментариями, рассказами или стихами, имеющимися об этих картинах в современной литературе.

Я, следовательно, входил в современную литературу, поскольку Вату попросил мои стихи».

Согласно этому безупречному гипотетически-дедуктивному рассуждению, Александр избрал литографию по картине Монвуазена, представляющую римского пастуха, спящего в беседке. И пробудившего вдохновение:

> То самый жаркий час,
> И солнечная колесница, домчав до зенита,
> Сверзает вниз потоки пламени и света,

Опустошая все в стремительном пробеге.
И бронзовое небо тяжело о землю опирается вдали,
Пустынны горы, безлюдно одиночество равнин.

И в таком духе еще восемьдесят три стиха. Александр ими доволен: «Не в качестве хороших стихов на заданный сюжет дал я их. Я их дал как занятное исследование моих успехов в поэтическом языке». По поводу успехов можно поспорить, но бесспорно то, что, сравнивая между собой юношеские произведения Александра, я бы охотно променял всего «Пастуха», во всем его объеме на любой из «Современных рассказов». И, кстати, готов ответить почему. Александр, который уже так хорошо почувствовал себя в прозе, не стал продолжать этот путь. Очевидно, что не коммерческая неудача и не потеря авторской доли вложений тому причиной, а необходимость укрепиться на завоеванной территории, откуда и публикация девяти больших стихотворений за девять месяцев.

Очень скоро ему становится недостаточно известности в узких кругах. И снова с очевидностью встает перед ним простая истина: чтобы быстро стать богатым и знаменитым, следует вернуться в театр, как в наши дни ему следовало бы податься в кино или на телевидение. В октябре, возможно, он размышляет, и не без основания, если не о том, чтобы немедленно приступить к созданию великой роли для Тальма, то, по меньшей мере, о том, чтобы спросить его совета на этот счет. И снова вместе с Адольфом они наносят визит Тальма. На этот раз великий актер не моет грудь над тазиком, а сидит в ванной. «Он изучал «Тиберия» Люсьена Арно, которым рассчитывал начать новый сезон. Обреченный болезнью чрева своего буквально умирать от голода, он сильно похудал; но в самом этом похудании находил он удовлетворение и надежду на успех.

— Что, каково, дети мои! — сказал он нам, обеими руками оттягивая повисшие щеки. — Как славно это сгодится, чтобы сыграть старика Тиберия!»

Через две недели он умрет. Сто тысяч человек идет за его гробом, «но ни один из высоких представителей государства не присутствует на похоронах». «Свадьба и погребение» сыграна 21 ноября 1826 года. Невозможно, чтобы мать своего сына не присутствовала на премьере, и Александр сидит рядом с Мари-Луизой. Они составляют отличную пару, он — красивый и сияющий, она по-прежнему полна достоинства на пороге своего шестидесятилетия. Счастлива радостью своего сына, улыбается и аплодирует куплетам водевиля. И все было бы хорошо, если бы не

мучили ее мигрени, и эти судороги в ногах, и шум в ушах, и зрение, которое ухудшается, и иногда — головокружения, по крайней мере, когда она выходит на улицу одна. Но больше, чем проблемы со здоровьем (в конце концов, старость наступила, и с этим ничего не поделаешь), беспокоит ее будущее Александра. Он только и говорит, что о литературе, но что ему может дать эта самая литература? Только помешает его продвижению у г-на герцога или еще что похуже, не говоря уже о возможности плохо кончить, как этот несчастный Огюст Лафарж, который только что скончался в самой страшной нищете и с которым не случилось бы ничего подобного, останься он на своем месте — клерком у нотариуса.

Со своей стороны, Александр занят тем, что, теперь уже профессиональным взором, следит за игрой актеров. Для начала, Серр в роли Флоримона, лакея-парвеню, превосходен: о таком фате и одновременно трусе можно только мечтать. А эта славная мадам Флорваль, ей и гримироваться не надо, чтобы показать возраст горничной. И как на месте Малышка Элиза, молодая героиня, такая ловкая, такая остроумная. Сейчас она найдет в своей гримуборной огромный букет цветов без визитной карточки и прекрасно поймет, от кого он, и будет победа, будут бисировать финальный хор, будет настоящий триумф, который даст сотню, ну пусть пятьдесят, не будем жадничать, представлений по восемь франков за вечер, то есть на два франка больше, чем за «Любовь и охоту», умножить на… да, но надо вычесть аванс, данный Порше, значит, поделить на два, что? Что такое он говорит, этот малый рядом?

«— Ну уж нет, этим театр не спасешь!»

Хам, грубиян, но хуже всего, что он прав, и, слава богу, что и второй свой водевиль он подписал именем Дави. Имя Дюма должно сопровождать лишь «произведение, которое наделает много шума». Проблема в том, что Александр все еще не слишком уверен в себе, чтобы написать это произведение в одиночку. Снова соавторство с Адольфом? На деле этот милый друг оказался слабоват. Зато Сулье — это «мощная организация», «природная сила». Надо будет навестить его на лесопилке, которой он управляет. Неважно, что ему двадцать шесть, на два года больше, чем Александру, он тоже еще не готов, чтобы пуститься в самостоятельное плавание. Оба приходят к мысли инсценировать Вальтера Скотта, весьма модного автора. «Только что с большим успехом сыграли в «Порт Сен-Мартен» его «Замок Кенильворт», а в Театр-Франсе готовят «Квентина Дорварда».

И вот уже они берутся за роман «Old Mortality» («Старая смертность» или «Старая человечность» — таково прозвище

одного из персонажей), переведенный на французский язык менее загадочным образом — «Шотландские пуритане». Поскольку интрига (действие происходит в XVII веке) страшно запутанная, Александр и Сулье сбиваются, бесконечно спорят, ссорятся, им не удается прийти к согласию даже в составлении плана, и они отказываются от сотрудничества. Из этой неудачи Александр извлекает уроки, сохраняя уважение к Сулье: «Я очень много выиграл в борьбе с моим неуступчивым противником; я почувствовал, как во мне зарождаются неизвестные силы, и, как слепому, которому вернули зрение, мне казалось, что постепенно, изо дня в день взгляд мой охватывал все более отдаленные пространства».

«Как только я оказался в одиночестве, мысли мои приняли единое направление и начали сгущаться вокруг сюжета: вначале я сочинил трагедию «Гракхи», над которой вскоре после ее рождения свершил правый суд, предав ее огню»[38]. Что крайне нехарактерно для Александра. До сего момента он никогда не отказывался от написанного, не попытавшись его пристроить, даже когда он сделал адаптацию «Айвенго» или печальной памяти «Паломничество в Эрманонвиль». Мы вынуждены, следовательно, предположить, что, может быть, под влиянием критика Этьена Араго, Александр замыслил дерзкую стратегию. У орлеанистской оппозиции был Казимир Делавинь, у бонапартистской отец и сын Арно, у республиканской же — никого, почему же в таком случае не заполнить имеющуюся вакансию и не поставить свое перо на героическую защиту тех же убеждений, которые Генерал защищал своей саблей? Тем более что сюжет «Гракхов» идеально для этого подходит: в Риме, во II веке до новой эры, братья Кай и Тиберий Гракхи, прежде чем пасть от рук убийц, попытались издать революционные законы о земельной собственности и ценах на хлеб. Александр заканчивает пьесу, показывает ее друзьям. Адольф напуган смелостью сюжета. Этьен Араго печально улыбается: ни один театр не рискнет ее взять, не говоря уже о цензуре; только что на пятнадцать месяцев тюрьмы был осужден Кошуа-Лемер за написанную им орлеанистскую брошюру, что же будет с Александром, если его объявят социалистом или даже коммунистом, эдаким Бабефом, который во время заговора Равных в 1796 году принял имя Гракха? К тому же, «дорогое мое дитя, — добавляет Лассань, — пьеса не слишком слажена, да и не все стихи звучат стройно; послушайте меня, не играйте с огнем, давайте-ка сожжем это, и побыстрее». И казнь свершилась.

Он переключается на стихотворное переложение «Заговора Фиеско в Генуе» Шиллера. Действие происходит в Генуе в XVI

веке и отражает историю республиканского заговора, Александр сохраняет верность своим идеям. В феврале 1827 года — большие пертурбации в канцелярии герцога Орлеанского: Бец назначен старшим среди служащих, его место — исполнителя поручений — на две тысячи франков получает Эрнест Бассе, оставляя свободным свое место на тысячу восемьсот франков. Александр ходатайствует о получении места перед Ударом и получает согласие: он по-прежнему на хорошем счету. «Пришлось только перейти из канцелярии секретариата в отделение пособий». И вот он уже служит делу социального обеспечения. Не слишком привлекательная должность во внутренней иерархии этого чиновничьего мирка, несмотря на триста франков прибавки, и Мари-Луиза, не без влияния Девиоленов, обеспокоена этим проявлением немилости.

Что касается Александра, то он счастлив. Он только что добился «большей свободы, так как, собирая сведения о несчастных, обратившихся за помощью, я порою проводил целые дни в странствиях из одного в другой конец Парижа». Если ему и удается урвать несколько времени для собственного творчества, то отнюдь не в ущерб познанию чудовищной нищеты простонародного Парижа. Теснота, отсутствие отопления, антисанитарные условия существования, свирепствующий туберкулез, сифилис, алкоголизм, безработица без всяких пособий или же работа по четырнадцать часов в день, и все равно на жалованье нельзя прокормить семью, старость в тридцать лет, дети в лохмотьях, бледные, рахитичные, с раздутыми животами, расшатанными зубами, изнуренные поносами, смертельно пьяные младенцы, которых оглушают алкоголем, чтобы помешать им орать от голода, поскольку абсент стоит дешевле молока.

Какой контраст с шикарными салонами, в которых он бывает по вечерам, — у Лёвенов, у Арно, а с недавних пор — и у художника Летьера, «старого друга моего отца, к которому мы [с Мари-Луизой] совершенно наугад отправились однажды нанести визит». Летьер, которому Генерал нередко служил моделью, принял их с распростертыми объятиями и пригласил ужинать по четвергам. «Последнее предложение доставило нам большое удовольствие. Открою тайну! Мы все еще пребывали в ситуации, когда ужин вне дома приносил существенную экономию средств».

В салоне у Летьера бывают преимущественно прежние бонапартистские знаменитости — Гойе, возглавлявший Директорию, академик Андрьё, доктор Деженет, «старый распутник, очень остроумный и страшно циничный», Ларе, другой врач, художник Реньо. Над этими доблестными стариками царила мадемуазель д’Эрвийи, будущая супруга доктора

Ганнемана, изобретателя гомеопатии. И хотя мадемуазель д'Эрвийи была высокой и стройной блондинкой, Александр не торопился вступить в соперничество на этом поприще с Летьером, любовницей которого она была, так как красавица не испытывала ничего, кроме презрения, к бедным молодым людям, «то был холодный ум и сухое сердце при исключительной целеустремленности», и, стало быть, был зелен виноград.

Прошагать весь день по Парижу, чтобы заполнить анкеты на дому, вернуться в канцелярию, чтобы переписать их начисто, поскольку Александр отнюдь не легкомысленно относится к нищете других, два вечера в неделю по-прежнему посвящать «портфелю» в Пале-Рояле, бывать в салонах, где он принят, интриговать, чтобы быть принятым в другие, еще закрытые для него, поддерживать отношения с друзьями, завязывать полезные знакомства и превращать их в дружбу, если позволяют финансы, как можно чаще посещать театры, готовить новые номера «Психеи», — только могучее здоровье позволяет Александру при всем при этом уделять время чтению и писанию.

Он решил вложить капитал в театр и занимается этим, продолжая работать над «Фиеско» и пытаясь, впрочем, безрезультатно, вернуться вместе с Сулье к работе над «Шотландскими пуританами». Параллельно он продолжает свое драматургическое воспитание, выискивая у великих секрет их бессмертия: «Я взял одного за другим гениев, имена которым — Шекспир, Мольер, Корнель, Кальдерон, Гёте и Шиллер; как трупы на камнях амфитеатра, я разложил их произведения, и ночами напролет со скальпелем в руках я проникал в самое сердце в поисках источника жизни и секрета кровообращения. И мне открылось, наконец, с помощью какого дивного механизма запускали они в игру нервы и мускулы и каким искусным способом лепили они эту разнообразную плоть, покрывающую костяк, всегда один и тот же». Теперь оставалось лишь неустанно трудиться, чтобы набить руку.

Все реже он пишет у Лауры. Постоянно этот ребенок, пусть и его сын, который путается под ногами, требует внимания и, не получая его, начинает орать, мешая сосредоточиться и провоцируя на крайнюю реакцию. Тот раз, когда Александр позволил себе обойтись с ним грубо, он испытал такой жгучий стыд, что стал приходить сюда лишь ненадолго, принося какой-нибудь гостинец, дыню, например. Только дома он продуктивен, ободряя Мари-Луизу, если ему удается освободить часть дня от социального обеспечения, рассчитывая, что она разбудит его в полночь, если, измученный «портфелем», уставший после спектакля или салона, он приляжет вздремнуть. Она стережет его

сон, как прежде, когда они спали на одной кровати, прислушиваясь к его дыханию, улыбаясь, когда ему случается всхрапнуть, он по-прежнему ее маленький мужчина, принадлежащий только ей, верной ему навеки, даже если он и ввязывается в авантюры с гризетками, не имеющие серьезных последствий. В назначенное время она нежно будит его, целует, он открывает глаза, улыбается ей, и она идет спать, оставив его в постели. Ибо он работает лежа и на всю жизнь сохранит «запрокинутый почерк», которым написаны его драмы в ночной тиши при свете свечи. Прямой переход от сна к вымыслу приводит иногда к созданию шедевра.

Перестала выходить «Психея»: подобно многим другим литературным журналам и независимо от того, в какое историческое время они выходят, у нее оказалось больше авторов, чем читателей. Впрочем, через пару лет она возродится на несколько номеров. В апреле 1827 года Карл X и правительство Виллеля попытаются издать «закон любви и справедливости» (sic), касающийся прессы и облагающий непомерным налогом (один франк с экземпляра) каждую напечатанную страничку, будь это даже простое извещение. Вызвавший всеобщий (а не только у оппозиции) крик негодования «закон вандалов»[39] приписывается рассудительному автору «Гения христианства», и палата пэров отказывается утвердить этот проект, который Виллель вынужден был взять обратно восемнадцатого. «И тогда бурная радость охватила Париж; дома, казалось, сами выталкивали своих жителей на улицу; люди подходили друг к другу с веселыми лицами, пожимали руки; типографские рабочие бегали по бульварам с криками «Да здравствует король!», и ветер расправлял складки их белых знамен, а вечером весь город вспыхнул иллюминацией».

Само собой разумеется, что «Да здравствует король» звучало лишь в насмешку, ибо демонстрация типографских рабочих была разогнана с редкой жестокостью. 29 апреля супер-король проводит парад Национальной гвардии на Марсовом поле. Он встречен возгласами: «Долой министров! Долой иезуитов!» Эти крики исходили в особенности из рядов второго, третьего, пятого, седьмого и восьмого легионов, то есть из рядов финансовой аристократии и мелкой буржуазии. В тот же вечер Национальная гвардия была расформирована.

На следующий день алжирский дей снова вызывает к себе консула Деваля. Начиная с XVI века Франция владеет на алжирском побережье предприятиями, занимающимися сбором кораллов. В 1819 году дей увеличил арендную плату, но на протяжении ряда лет Франция ее не платит, делая вид, что не

замечает этих требований. 30 апреля 1827 года Деваль снова просит отсрочки. Потеряв терпение, дей указывает ему на дверь движением своего веера. Французская колония должна покинуть страну, а предприятия на побережье подвержены разрушению. Тогда Виллель посылает вдоль алжирских берегов шесть военных судов, однако не осмеливается на более решительные действия, опасаясь реакции Англии и России.

Это начало войны в Алжире Александр полностью проглядел. В мае он занят в основном осадой нового салона — семейства Вилленав. Его ввел туда поэт Корделье-Делану, и вот вам польза от публикаций собратьев в «Психее». Он наводит справки о семействе: всегда полезно знать нравы животных, прежде чем начать охоту.

Глава семьи Гийом Вилленав, литературная знаменитость, из тех, кто формирует общественное мнение, не будучи лично причастным к литературным забавам. Напрасно будет рыскать Александр в поисках полного собрания его сочинений, ему удастся раздобыть лишь вышедшую в 1794 году брошюру «Релация о путешествии ста тридцати двух жителей Нанта, посланных в Париж революционным комитетом Нанта»[40]. Вилленав был в их числе. Ибо, отказавшись от своей сутаны, он стал тогда революционером до такой степени, что был назначен заместителем общественного обвинителя в Нижней Луаре. Заподозренный Карье в умеренности своих действий, он был арестован и выслан для суда в Париж вместе с другими жителями Нанта. 9 Термидора спасло ему жизнь[41]. Александр потирает руки: вот и тема для разговора. А что же сталось потом с этим вновь обращенным якобинцем? Он вернулся в лоно церкви и возглавил «Журнал для священников». В настоящий момент он читает в Пале-Рояль, в «Атенее» курс литературы, и «весь Париж» устремляется туда в страстном желании услышать «все, что в салоне показалось бы невыносимо скучным, а в «Атенее» было просто скучным». Александра это не слишком беспокоит: можно ведь прийти и не слушать! А как обстоит у Вилленава со страстями и пороками? О, это домашний тиран, ярый библиофил и неистовый собиратель автографов. Ну-ка, ну-ка, надо посмотреть, не сохранилось ли в архиве Генерала какой-нибудь протухшей тарабарщины, годной для приманки библиотечной крысы.

Остальную часть семьи составляли: «мадам Вилленав, маленькая старушка, в свете необычайно привлекательная, остроумная и образованная, но дома страшная ворчунья» и двое взрослых детей. Сын Теодор, «большой и крепкий малый, в то время автор различных мимолетных стихотворений». Дочь

Мелания, тоже поэтесса в свободное время, и несчастливая, как говорят, супруга некоего капитана Вальдора, гарнизон которого квартируется в провинции, что вполне устраивает Александра: уже имея опыт с Аглаей и Луизой Брезет, он полагает себя вполне способным вернуть радость жизни даме, погруженной в меланхолию.

Вместе с Корделье-Делану он идет в «Атеней». Зала переполнена, на трибуне Вилленав, «красивый старик», о чем, бишь, он толкует? «По всей вероятности» речь идет «об исследовании по поводу некой заурядной смерти, которая служила предлогом тому, кто умирал, для помощи живым». Знакомство после окончания лекции, Александр захлебывается от энтузиазма по поводу ее содержания, симпатичный, однако, малый и знает наизусть бессмертную «Релацию о путешествии ста тридцати двух жителей Нанта» и т. д. Вилленав приглашает его зайти выпить чаю. Мелания Вальдор совершенно не во вкусе Александра. «Далеко не красавица», брюнетка, с резковатыми чертами лица, «привидение зловещей худобы», — скажет о ней Виктор Гюго, но в конце концов, тем более, что она на шесть лет старше Александра, ему удается показать ей свое внимание и, церемонно предложив ей руку, он провожает ее из Пале-Рояль на улицу Вожирар, в дом номер 82.

Покончено с неловким и наивным провинциалом, а также с хрупким и трогательным юношей, перед нами серьезный человек, уверенный в своем обаянии, но вместе с тем ранимый и достойно переносящий те трудности жизни, которые у посредственности их круга вызывают раздражение. В конце концов, сударь, у нас всегда есть поэзия, приют утешения и возвышения избранных душ: Мелании казалось, что она может обсуждать данный предмет со знанием дела. К тому же, пользуясь случаем, она была бы счастлива узнать просвещенное мнение редактора «Психеи» относительно нескольких стихотворных строчек, написанных в минуту тоски. Александр трепещет от радости при мысли, что он станет ее первым читателем, и, дабы показать себя достойным этой чести, он предупреждает, что выскажет свое мнение без всякого снисхождения, возможно даже, с той жестокостью, которая и является доказательством уважения к творчеству собрата. Что касается публикации, тут он тяжело вздыхает, он, к сожалению, уже не может быть ей полезен. Да, конечно, финансовое удушье, хотя, если хорошенько подумать, не столько проблемы управления, сколько проблемы бессодержательности этого литературного предприятия заставили его отказаться от журнала. Все было бы иначе, случись ему, наконец, повстречать необыкновенную любовь, абсолютную страсть, источник

вдохновения и таланта, ну вот, мы уже пришли, надо пойти проститься с папой.

У Вилленава в коллекции множество автографов Бонапарта и Наполеона, но нет ни одной подписи *Буонапарте,* что страшно его огорчает. Александр приводит коллекционера в восторг, подарив ему письмо к Генералу, подписанное этим именем. Он просто зашелся от радости: «Именно, именно, посмотрите-ка на это «у»… О! это его «у», нет никаких сомнений. Видите, «29 вандемьера, год IV». Это он!.. Постойте! — Он ищет в папке. — Видите, в этом же году, но в месяце фримере он подписался «Бонапарт, 12 фримера». Значит, как раз между 29 вандемьера и 12 фримера он выбросил это «у»; вот где проясняется великая историческая загадка!»

Отныне Александр с распростертыми объятиями принят на улице Вожирар как отцом, так и в большей степени дочерью, которую он засыпает письмами: «Вы заметили вчера вечером, как велико ваше могущество над моими эмоциями, как легко вам разжечь их или погасить. Я говорю только об эмоциях, чувства не входят в их круг»[42]. На самом ли деле был он влюблен в Меланию? По своему, да. Сам себе режиссер, он не считал себя актером, сохраняющим дистанцию по отношению к персонажу, как об этом ратовал Дидро в «Парадоксе об актере», его роль поглощала его целиком, как Кина, будущего героя «Гения и Беспутства». Мелания нужна ему, чтобы быть принятым в аристократических салонах, которые она посещала и куда не замедлила его ввести. Ему льстит, что ее принимают за его тайную советчицу и покровительницу. Г-н Дюма работает сейчас над «Заговором Фиеско в Генуе», который он рассчитывает вскоре передать в Комеди-Франсез. Мужчина и женщина — литераторы, чета, теоретически платоническая, следовательно, не разрушающая его союза с Мари-Луизой. Мелания замужем, у нее ребенок, и страсть может произрастать в смятении и беспорядке тем лучше, что она никогда не будет опошлена повседневностью. Это генеральная репетиция, в течение всей своей жизни Александр будет проживать сам то, что введет затем в свои пьесы как основные составляющие сюжета.

Вот откуда сила: «О да, я люблю, люблю, люблю, да, этот жар — в моей крови, и сейчас в моей любви неистовства и страсти больше, чем когда бы то ни было»[43].

Им, одним на свете, не была чужда идея побега: «Если бы мог я тебя похитить и бежать от света, я сделал бы это завтра же, презрев любое другое счастье, любое другое будущее. Ибо только в тебе и мое счастье, и мое будущее. Люблю тебя, о моя Мелания, голова моя в огне, и я сейчас ближе к безумию, чем к разуму»[44].

Известно, что ревность может довести до преступления: «Лишь тот познал любовь, кто знает ревность… не так ли? Испытываешь ли ты что-либо подобное, и эти глупцы, обманщики от религии, придумавшие ад с его физическими страданиями, пусть они тоже все это испытают [sic, всепоглощающая страсть несколько заносит автора], но жалок этот ад в сравнении с тем, что я испытываю, видя тебя постоянно в объятиях другого, вот где проклятие, и вот что может довести до преступления, Мелания, моя Мелания, люблю тебя безумно, больше жизни, ибо знаю, что такое смерть, и не могу понять безразличия по отношению к тебе»[45].

Нет ничего лучше для характеристики романтического героя, чем заставить его отбросить условную мораль: «Никто не любит и не уважает мою мать больше, чем я; так вот, я считают предрассудком ту любовь и то уважение, которые предписываются разными народами в отношении родителей. На мой взгляд, и любовь, и уважение должны проистекать не из самого случайного факта нашего рождения от них, а из того, как они с нами обращаются. Должны ли мы питать к ним признательность за подаренную нам жизнь? Но ведь нередко это даже не входит в их намерения, а еще чаще они готовят нам весьма печальное существование»[46].

В презрении к существам обыкновенным может содержаться большая доля карьеризма: «Я пойду за тобой повсюду, я могу войти почти во все ваши салоны, и всем этим равнодушным глупцам даже в голову не придет, что я здесь только ради тебя и с тобой»[47].

Совершенно очевидно, что комические ингредиенты позволяют лучше переваривать возвышенное: «Извини за свободное место [в конце страницы], но мама торопит меня, крича: «Твои яйца сварились, Дюма! Еще немного, и они затвердеют», и как противостоять столь насущной логике? Прощай, прощай, мой ангел. Не волнуйся, мама, если мои яйца затвердели, я съем их с растительным маслом»[48].

Он никогда не отдыхает, не работает только по воскресеньям, и в нынешнем 1827 году, как и в предшествующие, не может участвовать в открытии охотничьего сезона в Виллер-Котре. Тем не менее в сентябре ему удается подцепить Меланию на свой крючок[49]. В один и тот же насыщенный событиями месяц в Одеон приезжают играть английские актеры, а Салон посвящен триумфу романтизма в живописи. Александр не упускает ни одного из этих событий.

В 1822 году «одна английская труппа попыталась приехать и сыграть свои спектакли в театр «Порт Сен-Мартен», но была

встречена такими воплями и шиканьем, столько яблок и апельсинов валялось потом на полу в театре, что несчастные артисты вынуждены были покинуть поле боя, все усеянное снарядами». Пять лет спустя английская литература со Скоттом и Байроном, а также американская с Купером вошла в моду. «Ветер дул с запада, предвещая революцию в литературе», и театр Бульваров, намного опередив Комеди-Франсез, уже готовит почву для ожидаемых перемен и самим выбором сюжетов, и спектаклями как таковыми. Два великих актера открылись публике — Фредерик Леметр и Мари Дорваль, отныне «на Бульварах у народной драмы был свой Тальма, а у трагедии — своя мадемуазель Марс. <…> И таким образом английские актеры встретились с парижской публикой, уже разогретой эмоциями и громко требующей новых эмоций вослед уже пережитым».

Александр теперь знает наизусть шекспировского «Гамлета», а не того, что написал Дюси. Поэтому нет никакой необходимости покупать либретто, чтобы следить за событиями пьесы. Он потрясен: «Первый раз в жизни я видел в театре подлинные страсти, облаченные мужчинами и женщинами в плоть и кровь». Он понимает «эту вечную устремленность к литературе», которая дает «способность быть человеком и героем одновременно». С окончанием спектакля, присоединяясь к единодушной овации зрителей, «я обрел идею театра, и на обломках всего прежнего, оставшихся в моем рассудке в результате полученной встряски, возникло понимание возможности создать новый мир».

Дабы сыграть, наконец, собственную партитуру, следовало сначала покончить с гаммами, бросить переделки Скотта и Шиллера и вернуться на расчищенную «Гракхами» дорогу, но где найти новые сюжеты? Может быть, в Салоне, где царит такая сутолока. Если «Иов» Жило Сент-Эвра, «Рождение Генриха IV» Эжена Деверия, «Мучения Мазепы» Буланже — предмет живых споров, то монументальное (5 м х 4 м) полотно Делакруа «Смерть Сарданапала» вызвало настоящий скандал[50]. Какая-то лавка старьевщика, все свалено в кучу, пренебрежение правилами, как можно до такой степени игнорировать рисунок, и этот беспорядок на первом плане совершенно ужасен, негодуют классики, лысые, как коленка (модное в то время сравнение). Зато волосатая молодежь аплодирует сценам оргии, женщинам в истоме и женщинам, которых убивают, аплодируют опустошающему город пожару и продолжающему царствовать над всем этим царю ассирийскому, возлежащему на смертном одре, спокойному, равнодушному к смерти, которую он сам себе выбрал, оставаясь

хозяином своей судьбы. Кроваво-красный колорит, оттененный черным и золотым, произвел сильное впечатление на Александра. Он качает головой: Делакруа хорошо, он воспользовался байроновским «Сарданапалом», посвященной Гете трагедией, и от этого его собственное произведение не перестает быть ни оригинальным, ни революционным. Но если художники обладают полной свободой действия и черпают из слов свою несловесную материю, почему бы писателям не действовать в обратном направлении?

Прежде чем уйти из салона живописи, он на мгновение останавливается у картины Ораса Верне «Юдифь с распущенными волосами, ищущая тело Гарольда на поле битвы при Гастингсе». Название длинноватое, но интересное «не из-за сюжета, а из-за героини», может быть здесь сюжет новой драмы? В экспозиции скульптуры публика толпится в основном вокруг двух маленьких барельефов Фелиси де Фово. На одном представлена сцена из «Аббата» Вальтера Скотта, снова Вальтер Скотт; другой только что завоевал медаль Салона. Это «Христина и Мональдески», где первая убивает второго. Александр ничего не знает ни об одной, ни о другом, но надолго задерживается у скульптуры, как бы предчувствуя, что каменные персонажи могут обернуться живыми существами.

Вечером он идет к Сулье, чтобы посмотреть «Всемирную биографию». Он читает и переписывает статью, посвященную Христине, королеве Швеции, которая в 1654 году в Стокгольме отреклась от престола, приказала убить в Фонтенбло своего неверного любовника Мональдески, перешла в католицизм и кончила дни свои в Риме тридцать два года спустя, снедаемая угрызениями совести. И вот уже Александр погружен в «задумчивость на несколько минут, в которой мне как будто явились и начали действовать мрачные персонажи и засверкали шпаги». Пока что он колеблется, ему видится здесь сюжет отличной драмы, но способен ли он один осуществить предприятие? Он предлагает Сулье соавторство. У друга — отвратительное настроение, он чувствует, что близящиеся к завершению его «Ромео и Джульетта» не удались, к тому же он и сам считает, что неплохо бы сделать «Христину», но только без соавторов. Александр уязвлен, принимает вызов, стало быть, будет две пьесы на одну и ту же тему, кто закончит первым, отдаст свое произведение в Театр-Франсе, и пусть победит сильнейший. Уходит.

Полночь. Идет дождь. Бульвар безлюден. От Порт Сен-Дени раздаются крики. Как будто бы драка, женщина падает, некто пытается сорвать с нее ожерелье. Мужчина тростью отбивается от

второго вора. Сын Генерала бросается на помощь женщине. Он вкладывает в это столько пыла, что скоро уже полузадушенный агрессор взывает о помощи. Напарник его сбежал. Прибывшая стража всех забирает в участок. Женщина благодарит своего спасителя. Это Аглая. Она приехала в Париж с мужем Николаем Аннике, и они решили воспользоваться этим обстоятельством и посмотреть «Свадьбу и Погребение». Разумеется, в Виллер-Котре никто не остался в неведении относительно настоящего автора этой пьесы, Александр с помощью друзей преуспел в распространении этой информации.

Под неоспоримым предлогом, что «ночью все кошки серы» и «завтра будет видно», семейство Аннике и Александр вместе с вором задержаны до утра в участке. Прислонившись спиной к стене, Александр наблюдает, как дремлет на плече у мужа Аглая, и вспоминает свадьбу своей первой любви и погребение своих собственных иллюзий, есть над чем посмеяться. «Вскоре глаза мои оторвались от Аглаи и ее мужа. Затем мысль моя возвратилась к своим истокам и продолжила мою грезу там, где я ее оставил. Глазами воспоминаний я увидел барельеф мадемуазель де Фово врезанным в стену, и в этом караульном помещении на бульваре Бон-Нувель, рядом с этой женщиной и ее мужем, лицом к лицу с воришкой, которого будущие присяжные должны были осудить на три года тюрьмы, в моем воображении возникли первые сцены «Христины».

Наутро невиновные были отпущены. Александр мчится по улице Фобур Сен-Дени, торопясь успокоить Мари-Луизу. Она всю ночь глаз не сомкнула, опасаясь самого худшего, и опять эта ужасная Мигрень и судороги в ногах. Мелания в шоке, надо было быть скромнее с «Заговором Фиеско в Генуе», а то теперь некий Гюстав Друино, стремясь его опередить, только что добился читки в Комеди-Франсез своей пьесы на тот же сюжет после трех лет ожидания и настойчивых требований своего права на приоритет[51]. Реакция Александра молниеносна, посмотрим, какие отношения можно пустить в ход, чтобы воздействовать на барона Тэйлора, королевского представителя в Театр-Франсе? Конечно, Арно и милейшего Вату, у которого так хорошо налажен обмен услугами, не забыть бы и Альтюлена, адъютанта герцога Орлеанского, который испытывает к нему отеческую нежность. Обо всех вспомнил:

«Господин барон,

Луи Арно пишет мне, что вы были необычайно добры, пообещав читку моей драмы «Фиеско». Позвольте мне просить вашего соизволения прочесть вам пьесу в ближайший из удобных для вас дней. Труд мой вполне закончен, чтобы нам можно было

бы судить о нем вместе; и если он достоин быть принятым, исправления последуют немедленно; желание мое читать первым чрезвычайно велико, заверяю вас в этом, и к просьбе моей присоединяются господа Вату и Альтюлен».

Тэйлор пытается стряхнуть пыль с Комеди-Франсез. Заступничество поручителей, тронутое классицизмом, не кажется ему достаточным для того, чтобы второй раз мусолить публично историческую драму в стихах, тем более, что 1 октября Друино уже принес поправки, и Александр так и не получил ответа на свое письмо. Он забрасывает «Фиеско» ради «Христины». Еще не все связи с прошлым оборваны, он хочет, чтобы его пьеса была «романтической по форме, но классической по существу. Она была сведена к пяти актам; все происходило в Фонтенбло с соблюдением единства места, времени и действия, как учил Аристотель». И, разумеется, он хочет, чтобы она была в стихах, вот где кроется опасность!

На ноябрьских выборах оппозиция одержала победу: двести пятьдесят депутатов против двухсот проправительственных. Мелания вводит Александра в Салон принцессы Сальмской, где темнокожий бастард, скромный и как будто бы ушедший за тридевять земель от своего былого «странного фатовства», вкушает наслаждение. Мало-помалу Виктор Гюго выходит из-под контроля власти. Он публикует «Кромвеля», добавив к нему Предисловие, вышедшее 5 декабря. «О самом тексте говорили мало, много о предисловии, в котором содержалась совершенно новая поэтика». В 1827 году у Александра опубликовано лишь три стихотворения, два из которых — его собственными стараниями. 3 января 1828 года Виллель подает в отставку. Мартиньяк формирует новое правительство. Дипломатичный автор «Гения христианства» становится послом в Риме. Александр переведен в архив герцога Орлеанского.

В своих «Мемуарах» он заявляет, что перевод из отдела пособий был выражением новой немилости, наказанием за то, что он продолжал писать. На самом деле совершенно очевидно обратное. Конечно, он потерял свободу рыскать в свое удовольствие по Парижу и забегать украдкой к Мелании в квартирку, которую он снял, но зато Удар удовлетворил, наконец, постоянное требование многообещающего орлеанистского поэта освободить его от обязанностей по *«портфелю»,* которые он исполнял каждую вторую неделю. Теперь все его вечера свободны для театральной и светской жизни. Часы работы не обременительны. Служащий конторы строго предупредил его, что, если Александр вздумает явиться на службу до одиннадцати часов, то найдет дверь еще запертой, а если останется после

шести, то будет заперт уже внутри. И главным образом он выиграл в начальстве в лице изумительного «папочки Бише», восьмидесяти лет, одетого по-прежнему, то есть как в 1788 году, в атласные кюлоты, ажурные чулки, черный фрак из тонкого сукна и шелковый жилет в цветочек. Костюм его также дополняли рукавчики и жабо. Лицо его в обрамлении снежно белых волос, заплетенных сзади в косицу, было открытым, доброжелательным, ярким. В прежние времена он хорошо знал Пирона, но никогда об этом не вспоминал. Поскольку у Александра хватило ума не напоминать ему о шуточках Вольтера в адрес почитаемого им человека, папочка Бише предложил Александру писать в архиве, как только он закончит свою служебную работу. Последняя не занимала у него больше часа в день.

Работа над «Христиной» быстро продвигается. Однажды после обеда папочка Бише призвал Александра к себе, чтобы он почитал стихи собственного изготовления двум его друзьям — Пийеру и академику Парсевалю де Грандмэзону, литературным древностям на грани слабоумия. Далее следует смешнейшая сцена, написанная в форме новеллы, от которой я смеюсь до слез, всякий раз, когда перечитываю[52]. Конечно, Александр понимал, что читать надо не из «Христины», скорее, впрочем, реформистской, чем революционной, он остановился на оде, которая, увы, ему самому нравилась: «Голосом достаточно уверенным я произнес следующие стихи, в которых, как мне кажется, можно заметить некоторый прогресс:

Лаперуз,
Небо чистое, море нежное!
Судно вот-вот порт покидает,
И все теребит свой якорь мятежный,
Который песок скребет и кусает».

Около ста двадцати стихов подобного же качества, конечно, это несколько обескураживает, но, к счастью, дорогие читатели, не так уж долго осталось ждать, когда Александр начнет писать прозой. Однако не будем забегать вперед! Три старика не были так строги: «Господин Парсеваль щурился и внезапно начинал вращать большими пальцами, один вокруг другого; господин Пийер таращил глаза и улыбался, рот его был широко раскрыт. Папочка Бише <…> радостно сотрясал головой, тихо приговаривая: «Как Пирон! как Пирон!»

Высшая похвала, и Александр как будто не страдает от подобного сравнения. Он судит куда объективней, когда речь идет о других. Сулье удалось пристроить в Одеон своих «Ромео и

Джульетту». Александр отправляется на премьеру с Мари-Луизой. Занавес поднимается. «Никогда я так не страдал, как в течение первых четырех актов, когда пьеса тянулась так долго и так безжизненно, и этими своими длиннотами и холодностью была обязана исключительно *слишком хорошему вкусу* поэта, который счел необходимым подчистить Шекспира». Только пятый акт, практически идентичный оригиналу, несколько разгорячил зал. Умеренный успех, задача обновления театра осталась впереди, Александр удваивает усилия в работе над «Христиной».

Мелочность, ревность, злоба становятся причиной страшной розни между служащими архива, постепенно превратившейся в настоящую войну. Сотрудники не могут спокойно видеть, как Александр является в полдень и часа через три-четыре уже уходит, вы только поглядите, какая синекура досталась этому Дюма, даже и то малое время, которое он проводит в архиве, ничего не делает, только, знай, пьески пописывает, а Его Королевское Высочество лишь напрасно тратит деньги, излишняя доброта и отсутствие информации, надо бы что-то предпринять, чтобы этого вонючего негра выставили за дверь. Девиолен узнаёт об интригах и о предполагаемом упразднении должности. Вот уже несколько лет он внимательно следит за литературными начинаниями своего названного сына, малый так похож на него самого, характером, волей, надо бы ему пособить, подтолкнуть судьбу.

Хотя его собственные служащие вовсе не так сильно загружены и следует скорее провести чистку в личном составе лесного ведомства, добрый папаша Кнут заявляет, что ему срочно нужен Александр, добивается согласия своей генеральной дирекции, и, вместо того чтобы его поблагодарить, Александр еще и жалуется. Он, видите ли, должен работать в огромном зале, «усыпанном сверхштатниками, служащими и порученцами». Все эти господа говорят безумолку, дабы «убить за разговором время, смертельного врага всех служащих». А ведь Александру нужна тишина, чтобы размышлять во время своего машинального переписывания, ему нужно заниматься творчеством, как только его работа закончена. Он обнаруживает кладовку, где Ферес, курьер конторы, хранит пустые бутылочки из-под чернил, и просит разрешение пользоваться этой клетушкой. «С таким же успехом можно было попросить место архиепископа в Камбре, которое только что освободилось». Непомерная эта претензия прошла свой путь наверх по иерархической лестнице до самой генеральной дирекции, а потом ее отказ точно так же пошел вниз — сначала к заведующему канцелярией, потом к его заместителю, потом к служащим и, наконец, к курьеру. «Самая большая радость

дирекции была — унизить товарища, и, если он не воспримет со смирением это унижение, он рискует потерять место!» Дело в том, что, не дожидаясь разрешения, Александр уже захватил чуланчик, куда и явился к нему насмешник Ферес сообщить решение. Александр не замедлит ему отомстить: низший по положению должен разговаривать со старшим с непокрытой головой, и тыльной стороной руки он сбивает «шляпу у бедняги», не бог весть какой поступок, но все же успокаивает и обеспечивает достойный уход. Он направляется прямо к папаше Кнуту, которого не будет три дня. Тем не менее Александр оставляет ему список своих требований и объявляет забастовку, случай достаточно редкий в учреждении у герцога Орлеанского.

Он возвращается домой к маме. При виде его с ней случается внезапный приступ гипертонии. «Это живо напомнило мне мое возвращение от мэтра Лефевра в 1823 году». Александр зондирует Порше: он вот-вот закончит «Христину», можно ли надеяться на аванс в случае, если он потеряет место? Конечно, водевиль не вызвал бы никаких колебаний, но тут трагедия… Впрочем, Порше не откажет, если ее примет какой-нибудь театр. Три дня Александр работает без передышки, лежа. Вернувшись, папаша Кнут тотчас же призывает его к себе, но разговаривает с ним довольно снисходительно:

«— А! вот и ты, дурья твоя башка!»

Однако он как будто не решается удовлетворить требования Александра. Тот держится твердо и угрожает в случае поражения объявить себя писателем публично и тем навлечь позор на семью. Добрый папаша Кнут уступает ворча. Но Александру этого мало: он любит только красивых людей, а его новый начальник на диво безобразен, следовательно, надо его заменить. Тут уж не выдерживает папаша Кнут:

«— Да кто же мне подсунул эту жопу с ушами? Видите ли, ему нужен начальник по его вкусу… Это слишком, остановись! Ступай в свой кабинет!»

«Все это не помешало довести «Христину» до конца. Но едва записал я превосходную последнюю строчку:

Мне жаль его, отец мой… Пусть кончают с ним!

как тотчас же почувствовал себя в положении бедной девушки, которая только что и вне всякого законного брака произвела на свет незаконнорожденного младенца. Что же делать с бастардом?» Отличный вопрос, но только на бумаге. Поскольку рекомендация Арно потерпела полное фиаско в случае с «Заговором Фиеско», надо было искать новую интродукцию. Александр обращается к Удару. Его бывший начальник

отказывается оказать свое «влияние на это». Тогда Александр вспоминает о «человеке с широкими бровями и длинным носом, который употреблял табак на манер швейцарца. Человек этот периодически приносил девяносто билетов, кои господин Удар имел право распределять каждый месяц по три в день». То был суфлер из Театр-Франсе. Александр любезно ему улыбается. Суфлер же повторяет ему то, что он и раньше знал: либо найти путь к Тэйлору, либо целый год ждать читки. Александр говорит на эту тему с Лассанем. И Отец-учредитель советует ему обратиться к Нодье, близкому другу Тэйлора.

«Я написал к Шарлю Нодье. Напомнил ему эльзевиров, коловраток, вампиров и во имя его всем известной доброжелательности к молодым я умолял его порекомендовать меня барону Тэйлору». В стратегии Александра всегда содержится два уровня — явный и подразумеваемый. Самое важное, чтобы второй уровень был абсолютно ясен тому, на кого он рассчитан, в данном случае Александр слишком тактичен, чтобы напомнить Нодье, что он печатал его в «Психее». Дело сладилось, и Тэйлор назначает ему читку у себя дома в семь утра. С бьющимся сердцем он приходит, но место оказывается занятым. Некий автор как раз читает «Гекубу», взяв штурмом дверь Тэйлора и застав его в ванной, «как Шарлотта Корде застала Марата и заколола его кинжалом прямо в ванной; но только агония королевского комиссара была гораздо дольше, чем агония народного трибуна. В трагедии было две тысячи четыреста стихов!» Тэйлор видит в Александре спасителя. Автор не уступает, ему осталось прочесть два акта, и он пойдет до конца. Тэйлор плещется в своей остывшей ванной, ноет, с него хватит, он подает в отставку, поедет с миссией в Египет. Автор пожимает плечами. Тэйлор может ехать хоть в Китай, если ему это нравится, но прежде он дослушает до конца его пьесу.

Александр ничуть не обескуражен тем, что ему пришлось выслушать два акта «Гекубы», хуже написать трудно. Наконец, автор уходит. Тэйлор вылезает из воды, стуча зубами от холода, ложится под одеяло, натягивая его до подбородка. Александр, застенчивый и смиренный, начинает свой номер обольщения. Согревшийся Тэйлор куда лучше расположен к автору, а вскоре и очарован им. Александр выигрывает первый этап, он будет читать перед комитетом Театр-Франсе в четверг 20 марта[53]. Из суеверия он ничего не говорит об этом Мари-Луизе, знает только папаша Кнут, потому что он должен был отпустить Александра с работы.

В Комеди-Франсез «Христина» принята «с поправками», Александру же послышалось «без голосования». Он выскакивает

из театра и бежит скорей возвестить великую новость, пусть это только первый шаг, матери своего сына или советнице сердца своего. Сломя голову мчится он к Мари-Луизе. «И в радостном моем нетерпении я пренебрегал мерами осторожности и поистине «срывал голову» среди экипажей, которых не видел, и лошадей, о которых спотыкался, до такой степени, что, прибыв в Фобур Сен-Дени, обнаружил, что потерял рукопись. Что за беда! Ведь я знал мою пьесу наизусть».

При его громоподобном появлении Мари-Луиза испускает крик, прижав руки к сердцу: он совсем что ли свихнулся, этот верзила?! Мало того, что он не на работе, так он еще танцует, все круша на своем пути. Он все ей рассказывает, потом успокаивается. Во многих бюллетенях для голосования содержалось требование вторичного чтения или же «передачи рукописи какому-либо автору, который пользуется доверием Театра», следовательно, пьеса не была принята без голосования. Всю ночь он пытается восстановить текст. Затем пьесу передают академику Пикару, к которому Александр испытывает «глубокое отвращение. <…> По моему мнению, Пикар настолько же умалил значение комедии, насколько Скриб возвеличил водевиль». Более того, Александр любит только красивых людей, а Пикар — «маленький горбун с длинными руками, маленькими блестящими глазками и носом, острым, как у куницы», мрачное предзнаменование.

И в самом деле, когда Александр явился к нему за своей рукописью, карлик посоветовал ему оставить литературу в покое и вернуться в контору. Пометки гномика представляли собой крестики, фигурные скобки, «восклицательные знаки, которые следовало бы назвать знаками оцепенения», вслед за ними гигантский знак вопроса и в заключении «слово НЕВОЗМОЖНО». В полном отчаянии Александр отправляется к Тэйлору. Королевский комиссар не соглашается признать, что ошибся относительно достоинств пьесы, и спрашивает мнения Нодье. Живописный библиофил, очаровательный рассказчик и к тому же превосходный писатель довольствуется лишь одной фразой: «Провозглашаю всей душой и, повинуясь голосу совести, что «Христина» — одно из самых замечательных произведений, которые я прочел за последние двадцать лет».

Александр просит актера Самсона, страстного защитника пьесы, посоветовать, как лучше ее исправить, чтобы удовлетворить предъявленные требования. Он не медлит с исправлениями, ходатайствует о вторичном чтении и добивается его назначения на 30 апреля 1828 года. Принято единогласно! Он выходит из театра и сломя голову мчится к Мари-Луизе, не теряя

на этот раз своей рукописи. При его громоподобном и победоносном явлении Мари-Луиза кладет руку на сердце: как, он снова не на работе?! Но если пьеса не пойдет, а с работы его выгонят, Бог мой! На что же они оба будут жить, да еще и кот Мизуф. Советы матери для него закон, и Александр торопится на службу, ибо должны же знать папаша Кнут, Лассань, а также друзья и еще в большей степени враги, словом, весь Пале-Рояль о его победе! Впрочем, быстро аннулированной ультрамонархистской прессой сообщено:

«Сегодня Театр-Франсе единодушно и без голосования принял к постановке стихотворную трагедию в пяти актах некоего молодого человека, ранее ничего не написавшего.

Этот молодой человек принадлежит к администрации господина герцога Орлеанского, который помог ему преодолеть все трудности и настойчиво рекомендовал в репертуарный комитет».

В результате цензура запрещает «Христину». Две, а не одну хитрость советовал иметь против животных браконьер Аннике. Александр просит в Комеди-Франсез читки «Заговора Фиеско», добивается ее и получает отказ, разумеется, единодушный. Герцог Орлеанский наводит сведения и оказывается, что означенная Христина, вопреки некоторой дерзости в туалетах, вполне приличная особа. Тогда он хмурит брови: не в него ли самого целились, ударив молодого и резвого жеребенка из его литературных конюшен? Он поручает Бровалю обратиться за посредничеством к Мартиньяку, председателю Совета и министру внутренних дел. Александр изо всех сил пытается подкрепить помощь своего генерального директора. В письме[54] к Мартиньяку он выставляет себя достойной опорой семьи:

«Я сын генерала Алекс. Дюма, мне двадцать пять лет [он убавил себе только год], произведение, что держите вы в руках, первое, которое я должен был сыграть в Театр-Франсе.

Матушка моя пребывала без состояния и без пенсиона, когда герцог Орлеанский даровал мне место возле своей милости; с тех пор жалованье мое служит нам обоим, матери и мне.

Успех принес бы мне звание библиотекаря герцога Шартрского [сын Орлеанского] и, следовательно, упрочил бы мое будущее. Успех, таким образом, мне важен вдвойне».

Поскольку у первого шпика Франции всегда благородное сердце, Мартиньяк соглашается с начальником. В конце концов, просьба этого достойного молодого человека вполне приемлема, и, кроме того, голоса депутатов-орлеанистов понадобятся, чтобы поддержать указ, против которого выступают правые, запрещающий иезуитам обучать молодежь. «Христину» начинают

репетировать. Роль Мональдески будет играть Фирмен, «актер эмоциональный, но не стабильный». В отсутствии Греты Гарбо, увы, еще не родившейся, роль Христины отдана мадемуазель Марс. Знатная дама и на сцене, и в жизни, она, стоит Александру выйти из зала, в котором она находится, начинает визжать: «Откройте окна, здесь воняет негром!» Но он в результате лишь непреклоннее отказывает ей в изменениях роли, которых она добивается. И Тэйлора нет рядом, чтобы рассудить конфликт, 10 мая он уехал на Восток и вернется только в октябре. Тогда хрупкая мадемуазель Марс обнаруживает у себя недомогание и берет отпуск по болезни на все лето.

Стоит удушливый июль. Александр грезит в своей каморке в Пале-Рояль. Жаль, что так обернулось с «Христиной», когда он был почти у цели, наверное, надо было быть поуступчивей и снова перетерпеть унижения и оскорбления, которым с детства подвергают его расисты. А еще лучше было бы пока что начать новый, большой сюжет, «Христина» — это еще не то, он знает; романтик, подобно Делакруа в живописи, без всяких уступок классицизму должен взяться за современную драму, где сможет выразить все буйство кипящих в нем страстей. Боже, какая жара! почему бы не проветриться немного и не подняться в бухгалтерию — поболтать с другом Ля Понсом, а если встретится кто-нибудь из начальников, он скажет, что идет за бумагой. Ля Понса нет, он вышел, тоже перетрудился, должно быть. На его конторке открытый том Анкетиля. Александр улыбается, склоняется над книгой и читает небольшой рассказ из царствования Генриха III.

Всем известно, что один из фаворитов короля Сен-Мегрен — любовник Екатерины Клевской, герцогини де Гиз. Герцогу это совершенно безразлично, но, дабы побудить жену к еще большей неосторожности, он притворяется взбешенным и предлагает ей умереть либо от яда, либо от кинжала. Она просит пощады, он понуждает ее к выбору. Она выпивает питье и начинает молиться. Через час герцог возвращается в прекрасном настроении, шутка удалась, яд оказался отлично приготовленным супом.

Александр задумывается; возможно, стало быть, в одно и то же время иметь сексуальные склонности господина с облатками от кашля в суассонском дилижансе и любить женщин; занятный тип, этот Сен-Мегрен, что говорит нам о нем «Всемирная биография»? Она отсылает к «Мемуарам Этуаля», в которых очень просто рассказывается об убийстве Сен-Мегрена по приказу герцога де Гиза, затаившего к любовнику жены еще большую враждебность, чем к жене. Александр листает книжку дальше и останавливается на смерти Бюсси д'Амбуаза, жертвы другого знатного рогоносца — сеньора де Монсоро. Пикантная деталь: на

роковое свидание Бюсси был вызван письмом своей любовницы. Александр переписывает все три пассажа. Вечером он просит у Вилленава самую подробную документацию в «деталях о нравах» эпохи. Отец Мелании рекомендует ему памфлет Агриппы д'Обинье «Католическая исповедь кавалера де Санси» и анонимный «Остров гермафродитов», который, как следует из его названия, представляет собой резкую сатиру на двор Генриха III.

Александр начинает явственно представлять себе своего Сен-Мегрена, молодого, красивого, элегантного, отважного, дерзкого — вылитый и чуть двусмысленный портрет королевского «любимчика», скорее фаворита, чем сожителя, чьи отношения со старшим, выше его стоящим на иерархической лестнице, напоминали сыновние, и это Александр мог понять легче, чем что-либо другое. И на самом деле, весьма маловероятно, чтобы он когда-либо признавал за собой гомосексуальные склонности. Однако гермафродиты, как и травести мужчины или женщины, столь частые в творчестве его учителя Шекспира, — это персонажи, которые прельщают его чрезвычайно. Самого его мужская красота привлекает, что вовсе не мешает ему играть своей с представителями обоих полов. Но превыше всего был для него культ мужественности, связанный, без сомнения, с идеализированным образом Генерала.

Небезразличен ему и Генрих III. Да, «принц слаб и инфантилен, и образ этот нарушают лишь проявления красноречивости и внезапного мужества»[55], но направляет его Екатерина Медичи. Занятная аналогия, размышляет Александр, итальянская мать, как Мари-Луиза, или, хочется добавить, как мать еврейская, думает лишь о благе своего ребенка, прощает ему все его капризы, все прихоти, все недостатки, лишь бы продолжать им руководить. И если он намерен освободиться, оружие матери лишь слезы, слабость, одиночество, все, что обостряет в нем чувство вины, заставляя добровольно вернуться под ее эмоциональное иго. Другая общая точка — культ отца: Генрих II, отец номера III, был храбрый и рыцарственный король. Он тоже умер в сорок лет, только на турнире ему проткнули не желудок, а глаз.

Генрих II, III, IV, Александр вдруг начинает хохотать, он только что осознал потрясающее политическое значение созревшего в нем сюжета. Беарнец (прозвище Генриха IV. — *Примеч. пер.)* был первым королем из династии Бурбонов, Генрих III последним из династии Валуа. Решительно История напоминает заику. Людовик X, Филипп V и Карл IV, три сына Филиппа Красивого, умерли, не оставив мужского потомства, что означало пресечение рода Капетингов и пришествие Валуа. Конец

Валуа начался тоже с трех братьев, Франциска II, Карла IX и Генриха III. Бог троицу любит, и нынешний супермонарх, унаследовавший трон после своих братьев Людовика XVI и Людовика XVIII[56], разве он не последний из Бурбонов? Разумеется, он не бездетен, но сколько времени смогут царствовать его потомки? Сын — герцог Ангулемский, «нечто вроде обезьяны, но без присущей ей грации», стерилен. Что касается внука, родившегося после смерти своего отца, герцога Беррийского (плохое предзнаменование!), то бедный малыш сразу же тяжело заболел, то есть со смертью Карла X на трон взойдет герцог Орлеанский, и Александр в своей пьесе сделает на это ставку, что совершенно для него естественно, поскольку с детства он обладает даром диагноста, который кое-кто назвал бы чувством Истории.

«Когда я поглощен писательской работой, мне Необходимо рассказывать: рассказ движет моей фантазией, и, рассказав несколько историй, я обнаруживаю однажды утром, что пьеса закончена». Мелания — отличный слушатель. Она всегда пугается смелости сюжета, страшится гнева цензуры. Александр же — в гораздо меньшей степени, так как, порвав с ультра, Мартиньяк ищет поддержки либералов и, следовательно, в нужный момент для него, как и для «Христины», главными станут отношения с герцогом Орлеанским. Что для Александра значительно важнее, так это осознание, что рассказ свой для Мелании он ведет вовсе не в стихах, а в прозе, за которую никто бы его не упрекнул. Пораскинув мыслями, он сделал из этого логический вывод: «Генрих III и его двор» должен быть написан не на языке Казимира Делавиня, а на языке Господина Журдена (намек на героя мольеровского «Мещанина во дворянстве», который был потрясен, узнав, что разговаривает прозой. — *Примеч. пер.)*. Мелани прямо-таки ахнула при мысли о подобной театральной революции. Александр мило улыбается, обнимает ее, закрывает глаза.

«Я закрывал глаза, дабы не видеть материальной жизни. В мечтах своих и воспоминаниях искал я драматическую ситуацию и почти всегда развязку. <…> Затем к придуманной развязке приделывал четыре акта[57]. «Мелания нежно выскальзывает из его объятий, ей пора уходить. Он пытается ее удержать, да, ему известно, что за ней следят и мать, и брат, и этот капитан, ее муж, почему бы и нет, у него начинается приступ злобной ревности, ему осточертело оставаться тем, кого всегда скрывают, кого стыдятся, при этом безотчетно он сжал хрупкую, или, можно сказать, тощую шею своей добычи. Мелания испустила вопль, он сделал ей больно, этот Александр. Он отпускает ее, вот она, его

развязка: приносит ли счастье смерть от руки любимого человека?

4 августа Комеди-Франсез получает вторую «Христину», автор которой Луи Броль, «бывший префект и друг г-на Деказа, поддерживавшего его всей силой своей власти». Главная роль предназначается мадам Вальмонзе, «довольно плохой актрисе, но довольно красивой женщине, любовнице г-на Эвариста Дюмулена, редактора «Constitutionnel». Дюмулен требует, чтобы пьесу Броля сыграли прежде пьесы Александра, в противном случае он объявит Театр-Франсе войну на страницах своего издания. Актеры предпочитают не ссориться с влиятельной газетой, но требуется согласие Александра на рокировку «Христин». Ему подсказывают достойный выход из ситуации: так как Броль смертельно болен, уступить ему было бы актом высокого милосердия. Александр не слишком долго борется с великодушием своей души. Требовать соблюдения своих прав значило бы нажить множество могущественных врагов, в частности, герцога Деказа, который в данное время обращается к нему «с самыми теплыми словами и предложением услуг». Да еще актеры стали бы саботировать его пьесу, а если и нет, то в скором времени на рынке должна появиться еще одна «Христина», написанная Сулье. Подобная инфляция способна совершенно обескуражить публику. Но главное, Александр уверен, что в «Генрихе III», с его сюжетом, далеким от моды времени, он приближается к созданию великого произведения, и его шанс здесь. Итак, он дает свое согласие с условием (две хитрости лучше, чем одна), что, когда ему потребуется, «Христине» будет создан режим благоприятствования.

Восемь лет ученичества, начиная с «Майора из Страсбурга», не прошли даром. Теперь Александр совершенно владеет мастерством композиции и динамикой развития действия. Он умеет привлечь внимание к персонажу сложностью его характера и схожестью обуревающих его страстей с тем, что испытывает каждый. Как блестящему рассказчику, ему подвластно искусство бьющей в цель реплики, репризы. И нет ничего удивительного в том, что в этом августе 1828-го он чрезвычайно быстро продвигается вперед в работе над «Генрихом III».

В «Моих мемуарах» он напишет, что экспозиция пьесы «длинна, холодна и скучна». В кои-то веки мы куда менее строги, чем он сам. Сцены первого акта выстроены живо и динамично: Екатерина Медичи желает освободиться от двух врагов — Генриха де Гиза, который замышляет заговор против короля, и Сен-Мегрена, который, превышая свою Роль фаворита, призывает Генриха III царствовать самостоятельно, то есть освободиться от

нее. Однако Сен-Мегрен любит герцогиню де Гиз и почти добивается ее взаимности. Королева-мать приглашает герцогиню к себе, с помощью снотворного усыпляет ее и через потайную дверь доставляет к Руджиери, беззаветно преданному ей магу, астрологу и отравителю. Последний только что закончил составление гороскопа для Сен-Мегрена и удаляется, оставив Сен-Мегрена наедине с герцогиней. Двое романтических героев, которым всё мешает соединиться, признаются друг другу в своих чувствах. Появляется герцог. Жена успевает скрыться через потайную дверь, обронив платок. Герцог находит платок и клянется отомстить.

Второй акт происходит при дворе Генриха III, окруженного своими фаворитами — Сен-Мегреном, д'Эпернoном, Сен-Люком, Жуайёзом. Сен-Мегрен мечтает, другие фехтуют, играют в бильбоке или живо обсуждают последние моды. Возникает Бюсси д'Амбуаз, которому здесь совершенно не место, но Александр как бы уже испытывает потребность хоть ненадолго вывести на сцену будущего героя одного из своих романтических шедевров — «Госпожи Монсоро». Сен-Мегрен умоляет короля уехать за город, вместо того, чтобы сопровождать королеву-мать в паломничестве. Генрих III отвечает своему «милому дитяти», что всему свое время. Появляется Гиз в боевых латах. Он настаивает, чтобы король назначил главу Лиги (объединение католиков во Франции в конце XVI века. — *Примеч. пер.),* будучи готовым взять на себя исполнение этих функций. Из духовой трубки Сен-Мегрен пускает ему в грудь заряд дроби, за которым следует вызов на дуэль. Разумеется, Бюсси предлагает свои услуги в качестве секунданта Сен-Мегрена на поединке. Семейная сцена между Генрихом и его матерью, и так как она по-прежнему предназначает себя служению ему, он снова предается эмоциональному шантажу. Тогда она открывает ему намерения Лиги отправить его в монастырь, с тем чтобы посадить на трон Гиза.

Третий акт открывается комической сценой. Паж герцогини Артур насмехается над почтенной, но все еще молодящейся дуэньей. И тот же хорошенький паж, роль которого должна играть актриса, испытывает к Сен-Мегрену чувства, превосходящие простое восхищение: «Если бы я был женщиной, я не желал бы другого кавалера». И он восторгается высокими достоинствами своего кумира перед восхищенной герцогиней. Гиз ставит свою супругу перед выбором — выпить яд или назначить Сен-Мегрену свидание. Она предпочитает смерть и пытается завладеть кубком с ядом. Герцог выливает яд на землю и стискивает ей руку своей, закованной в железо. Она не выдерживает боли: «Вы делаете мне очень больно, Генрих».

В четвертом и пятом актах действие стремительно ускоряется. Артур приносит Сен-Мегрену письмо и ключ от места свидания с герцогиней. Руджиери предостерегает Сен-Мегрена: надо пережить эту ночь, тогда назавтра можно не опасаться результатов дуэли с Гизом. Сен-Мегрен пренебрегает предупреждением: он обязательно пойдет на свидание. Ожидания Гиза относительно Лиги обмануты: по совету матери Генрих III ставит во главу организации себя самого. Он пытается остановить Сен-Мегрена, напрасный труд, герой хочет испытать свою судьбу. Король дает ему талисман от огня и железа. И вот Сен-Мегрен встречается с герцогиней. Она признается, что завлекла его в западню, и снова — в своей любви. Артур передает ему веревку, чтобы он бежал через окно. Последние заверения в любви, он спускается. Двадцать головорезов ждут его внизу. Гиз входит в комнату герцогини. С улицы ему кричат, что Сен-Мегрен еще жив, так как его хранят талисманы от огня и железа. На это герцог бросает в окно платок герцогини:

«— Тогда задушите его этим платком; смерть будет куда приятней от оружия, принадлежащего герцогине де Гиз».

Так родилась во Франции первая романтическая драма, написанная прозой, взорвавшая незыблемую твердыню трех единств, смешавшая трагическое с комическим и вынесшая на сцену то, что у классицистов обычно происходит за кулисами. Александр прекрасно сознает значительность сделанного. В салоне у Вилленава он устраивает публичное чтение. У всех, кроме Мелании, пьеса вызывает смятение своей необузданностью, грубостью, «монстрюозностью», «извращением разума человеческого».

Александр завязывает отношения с молодыми журналистами, поддерживающими идеи романтизма. Директор «Figaro» Нестор Рокплан собирает у себя дюжину редакторов своей газеты и другого дружественного органа «Le Sylphe». Александр приглашает туда же Лассаня и Фирмена.

«На пол расстелили матрацы с постелей — вот и диваны; из кушетки сделали софу. Я уселся за стол, освещенный простыми свечами; на огонь поставили чайник, чтобы чашкой чая отмечать окончание каждого акта, и я начал.

На этот раз я имел дело со смельчаками; поэтому мнение было совершенно иное: во весь голос и единодушно мне заявили, что надо оставить «Христину» на произвол судьбы и заняться «Генрихом III».

Лассань полон энтузиазма с полным на то основанием. Отец-учредитель может гордиться состоявшимся литературным воспитанием. Фирмен очарован ролью Сен-Мегрена, которая ему

гораздо ближе, чем роль Мональдески. Тонкий тактик, он предлагает Александру показать пьесу сначала наиболее влиятельным актерам, а уже потом представить ее в комитет Театр-Франсе. Александр ничего не имеет против, «я бы и пятьдесят раз прочел, если бы меня пятьдесят раз об этом попросили». И вот Фирмен приглашает тех, в ком он уверен: они захотят сыграть главные роли. Это мадемуазель Марс — герцогиня де Гиз, мадемуазель Левер — Екатерина Медичи, Мишло — Генрих III, плюс Самсон, комический актер, приглашенный в качестве друга Александра, а в качестве звезды, гвоздя программы — Беранже, национальный поэт и близкий друг банкира Лаффита, которого в скором времени ультра засадят на девять месяцев в тюрьму за его песенки-памфлеты «Геронтократия» и «Коронация Карла Простака». Александр простодушно является охотнее вместе с Мари-Луизой, чем с Меланией, хотя, по правде говоря, и последнее никак не могло бы ему повредить, отличный малый, как он любит свою старуху-мать! И снова успех. Два дня спустя 17 сентября 1828 года читка перед комитетом в полном составе оказывается чистой формальностью, пьесу принимают без голосования, на этот раз слух Александра не подвел.

Он просит, чтобы «Генриху III» был предоставлен обещанный «Христине» режим благоприятствования, на что и получает согласие после возвращения Тэйлора с Востока 25 октября[58]. А пока что, учитывая предшествующий опыт, он играет в доброго негра с мадемуазель Марс. Она хочет изменений? К вашим услугам, хозяйка! Только в вопросах распределения ролей он ей не уступает. У мадемуазель Марс идеальный возраст для молодых героинь — ровно пятьдесят. Чтобы не слишком подчеркивать свой возраст, она бы хотела иметь рядом пажа Артура того же поколения. Александр же настаивает на очаровательной ученице Фирмена Луизе Депрео. Марс возражает: у юности слишком острые коленки. Александр, ссылаясь на личный опыт, придерживается противоположного мнения. И здесь она вынуждена уступить. Сложнее обстоит дело с ролью Генриха III. В ссоре акционеров Комеди-Франсез Марс выступает на стороне противника Мишло Армана, который не только является гомосексуалистом, но и афиширует это. Александру Генрих представляется персонажем двусмысленным, но ни в коем случае не карикатурным в своих жестах, манерах, речи. «Я вынужден был сам ответить Арману, что он слишком хорошо подходит к роли, и именно поэтому мне бы не хотелось ему ее давать». Арман обиделся смертельно. Мишло был весьма признателен.

Хотя и двужильный в работе, Александр тем не менее не мог

разорваться на части, дабы примирить свою чиновническую деятельность с репетициями, которые он посещает самым усердным образом, «привлеченный, как я бы сказал, интересом к собственному сочинению, а, как сказала бы мадемуазель Марс, интересом к прелестнейшей и грациознейшей особе, игравшей малюсенькую роль в моей драме, к мадемуазель Вирджинии Бурбье», его новой любовнице, коей он уже обещал лучшие роли в своих будущих пьесах, что вовсе не означало, что его связь с Луизой Депрео уже закончилась. Однако частые его отсутствия в Пале-Рояль нарушают режим работы. Предупрежденный папашей Кнутом, что ему грозят дисциплинарные взыскания, он разрабатывает новый план и знакомит с ним Фирмена, который приводит его к своему другу Беранже, а последний — к своему приятелю Лаффиту. Хотя и без особого энтузиазма, но под воздействием Беранже, уверенного в огромном успехе «Генриха III», банкир дает Александру в долг без процентов три тысячи франков под залог второго экземпляра его рукописи, уплата за которую в момент издания должна будет возместить одолженную сумму.

Имея в кармане капитал, равный двухгодовому жалованью, можно смело явиться на ковер к Бровалю. Не то чтобы генеральный директор не был расположен к домашнему поэту, но он не может терпеть всегда отсутствующего служащего, какой плохой пример для других! И посему было бы логично, чтобы Александр выбрал либо постоянное присутствие в конторе, либо литературную карьеру. Александр просит отпуск без сохранения содержания, не желая ни подать в отставку, ни быть уволенным. В декабре он не получает персональной надбавки, пожалованной Орлеанским. Александр возмущен: он проработал в конторе по крайней мере девять месяцев из двенадцати и, следовательно, имеет право если не на всю премию, то на две третьих ее. И можно предположить, что, если бы расценочно-конфликтная комиссия уже существовала, его жалоба на патрона была бы как минимум рассмотрена.

«Между тем «Генрих III» наделал много шума. Только и говорили, что об революции, которая последует за спектаклем». Для столь решительного сражения артиллерийская подготовка велась из всех орудий. В салоны Александр посылал тощую Меланию. А по всему Парижу действовала сеть, терпеливо созидаемая Александром на протяжении шести лет: романтические художники и поэты, журналисты из «Figaro» и «Le Sylphe», бесконечные друзья и знакомые. Только и говорили, что о роскошных костюмах того времени (правда, сделанных за счет исполнителей главных ролей), о красоте декораций Сисери,

известного художника, постоянно работающего в Опере и в Комеди-Франсез, о тщательном историческом воссоздании мебели и аксессуаров. И, знаете, что смелее всего в данном случае, но это по секрету, строго между нами, Дюма удалось добиться от Мишло, чтобы он играл Генриха III слабоумным королем, загримированным при этом таким образом, чтобы достичь сходства со своеобразной манерой Карла X. Молодая волосатая оппозиция праздновала событие и клялась всеми силами поддержать то, что казалось им скорым разгромом классицизма и предвосхищением падения Бурбонов через какое-то время.

С помощью патрульных вылазок проверялась боевая готовность врага. Подобно своему отцу, генерал Александр находится на передней линии. Он отказывается дать взятку владельцу влиятельного «Courrier des Theatres» Шарлю Морису. «Весь театр платил этому человеку дань. Мадемуазель Марс так просто содержала его; получал он также субсидии от Театр-Франсе, Одеона, Оперы и Комической оперы. К нему приходили, как на рынок: одним он продавал хвалу, другим наскок; он продавал все, включая свое молчание».

Однако и за презрение Александра Морис заставил заплатить: «История воскрешает имена этих мерзостных героев, этих подлых соучастников распутства, столь же отвратительного, сколь и необъяснимого; итак, мы можем рискнуть назвать их по именам и обратить суровое внимание властей на эти роли *любимчиков,* с помощью скандала вокруг которых кое-кто рассчитывает возбудить толпу». Заканчивалась статья призывом к цензуре запретить пьесу. Александр, вооружившись «крепкой палкой», отправляется в Пале-Рояль за своим приятелем Ля Понсом. При шумном явлении двух друзей — Понса с его странным лицом, женственным и изуродованным шрамами, и Александра, содрогающегося от ярости и с зажатой в кулаке огромной дубиной, Морису становится не по себе. Это досадное недоразумение, он вовсе не хотел кому бы то ни было навредить, может быть, уладим дело, напечатав ответную статью? Александр принимает сделку и публично заявляет в «Courrier des Theatres» о чистоте своих намерений, в своем творчестве он историк, а не полемист. На следующий день после выхода ответа цензура объявляет пьесу «менее искаженной, менее бессвязной и отрывистой, чем она сделала бы сегодня [в 1852 году при Наполеоне Малом]». В своем постоянном желании не потерять расположения Орлеанского, Мартиньяк лично об этом позаботился.

В начале январе, как обычно, в воскресенье, Александр

отправляется обедать к Арно. В доме никого нет, кроме мадам Арно, которая обходится с ним холодно. Он все понял, откланивается. Он еще не знает, что патриарх Антуан Венсан Арно вместе с Жуи, Лемерсье и некоторыми другими особами написали королю жалобу от «авторов трагедий», то есть тех, кого ставят в Театр-Франсе. Эти старые классические хрычи обвиняют Тэйлора и актеров в расточении общественных средств, жалуются на «нашествие мелодрамы», которая разрушает их собственные благородные творения и благодаря которой Комеди-Франсез падает «ниже самых захудалых подмостков» на Бульварах, они требуют у властей строго наказать, то есть запретить «Генриха III». Карл X консультируется с Мартиньяком. Министр внутренних дел тонко улыбается. Уважаемые трагические авторы — старая слава Империи, сохранившие свою бонапартистскую окраску, а романтик г-н Дюма — протеже герцога Орлеанского, и не считает ли Его Величество, что было бы предпочтительней оставить обеим фракциям оппозиции возможность поносить друг друга с помощью литераторов с той и с другой стороны? «При умном министре все становятся умнее, даже король.

Король ответил жалобщикам так: Господа, над тем, чего вы просите, я абсолютно не властен; у меня, как у всякого француза, только одно место в партере».

Премьера состоялась во вторник 10 февраля 1829 года. Александр наводит последний глянец на детали. Он добился двухсот пятидесяти бесплатных мест, чтобы разместить в стратегически важных точках друзей, сыграющих роль клаки. Он пригласил свою сестру из Шартра присутствовать при его триумфе. Он не забыл послать билеты Буланже, Виньи, Гюго, он с ними пока не знаком, вот и будет подходящий случай познакомиться. Все в порядке, и теперь следует подумать о том, что будет после премьеры. Деньги потекут рекой, будет справедливо вспомнить о милой Лауре и ее сыне, в конце концов их сыне, и поместить их в более удобную квартиру. Само собой разумеется, что и ему понадобится более привлекательная квартира, и еще третья, такого же класса, для Мари-Луизы; странно, но с тех пор, как он вывел на сцену Генриха III и его мать, его связи с собственной матерью как будто оборвались. И уже не об отдельных комнатах идет речь теперь, когда ему двадцать шесть с половиной лет, но о разных домах.

В субботу накануне премьеры он объявляет ей о своем решении, да, пока он здесь, ему столько нужно ей сказать, ведь она пять лет уже как бабушка[59], ну да, столько лет его сыну, и его зовут так же, как Генерала, что, ты довольна? Оторопев, Мари-Луиза кладет руку на сердце. Александр ласкает ее, не надо

волноваться, он снимет ей отличный дом с большим садом, как в Виллер-Котре, у нее будет слуга и вообще все, и он будет приходить к ней каждый день. Прощальный поцелуй, ему надо бежать в театр, сегодня последняя репетиция.

Мари-Луиза с трудом переводит дыхание, голова кружится, в ушах шумит, она ничего не соображает, да еще эти черные точки прыгают перед глазами. Постепенно ей становится лучше, она поднимается на все еще дрожащих ногах, накидывает плащ и идет поверить свою печаль мадам Девиолен. «Бедная моя мать долго плакала, ушла в глубоком волнении и, едва ступив на лестницу, ни с того ни с сего впала в обморочное состояние, почувствовала полную потерю сил, ноги ее подломились и, разбросав их по ступеням, она упала прямо на площадке». Это был гипертонический криз, последовавший в результате слишком сильного волнения, классический спазм сосудов головного мозга с нарушением деятельности правого полушария и односторонний паралич.

Девиолены послали своего слугу в театр — предупредить Александра. Он прибежал, виноватый. Мари-Луиза узнавала его, но ничего не могла сказать. Он вызвал лучших врачей, снял свободную квартиру в доме у Девиоленов, нанял сиделку, какое счастье, что у него имелись одолженные Лаффитом деньги. «К тому же еще один из моих друзей, сын известного торговца брильянтами Эдмон Альфен, узнав новость и не предполагая, что я богат, как Али Баба, прислал мне маленький кошелек с двадцатью луидорами внутри». Александр отсылает деньги обратно, а кошелек хранит «в память об этом нежном внимании».

9 февраля случается эпизод, вошедший в легенду о Дюма. Не испросив аудиенции, Александр нахально является к герцогу Орлеанскому. Он принят немедленно и просит герцога пожаловать на премьеру на следующий день. Орлеанский с удовольствием пришел бы, но, к сожалению, начало в семь, а в шесть у него званый ужин с тремя десятками иностранных принцев, и он не может ограничиться легким угощением. Александр лукаво улыбается, дело легко уладить, достаточно перенести ужин на час вперед, а он, со своей стороны, на столько же задержит спектакль, и, надеясь, что Его Высочество сделает ему честь участием в его продвижении, он попросил в Комеди-Франсез не продавать всю первую галерею, дабы там могла удобно разместиться вся именитая компания. Герцог согласен. Добрый принц, нет, скорее отличный человек, готовый на все согласиться, чтобы способствовать карьере маленького служащего.

Законченным совершенством эта сцена несколько схожа с

делом братьев Лаллеман и пистолетами Меннесона. Правда, что 9 февраля Александр был принят Орлеанским, об этом свидетельствует позднейшее письмо, однако содержание этого письма свидетельствует, что Александр приходил к герцогу скорее ходатайствовать о возвращении на герцогскую службу с повышением[60]. Кстати, в то время как «весь остальной зал был продан неделей раньше, ложа стоила невероятно дорого — двадцать луидоров!», то есть четыреста франков, треть годового жалованья внештатного чиновника, так можно ли себе представить, чтобы Комеди-Франсез без всяких гарантий рискнула бы зарезервировать всю первую галерею? И плюс к тому, кажется немыслимым, чтобы в день первой великой романтической битвы кто-либо решился испортить настроение публике, заставив ее без всякого предупреждения целый час ожидать начала спектакля, билеты на который проданы за неделю вперед. Александр был достаточно сильным стратегом, чтобы пренебречь столь элементарной тактикой.

На самом деле, обо всем было договорено заранее, хотя и держалось в тайне, чтобы не вызвать подозрений Карла X и чтобы герцог мог появиться на премьере как бы нечаянно. Претендент на престол был абсолютно чужд стремлению к самодеятельной импровизации. Будь то на похоронах Фуа или депутата Манюеля, да и во множестве других ситуаций, он всегда умел воспользоваться в своих интересах выступлениями оппозиционных сил. Его полиция на высоте. Орлеанскому известно содержание и политическая направленность «Генриха III». Знает он также, что Мишло загримирован под короля. Битва классиков с романтиками его интересовала гораздо меньше, чем возможность для власти возглавить романтическую молодежь, жаждущую перемен не только в литературе. Сверх того, он был вовсе не прочь показаться в обществе иностранных принцев, не так, как Гиз, затеявший заговор против последнего из Валуа, но как беарнец, уверенный в законности своей власти и терпеливо ожидающий своего часа стать Генрихом IV.

Итак, переполненный зал 10 февраля 1829 года, восемь часов. «Первая галерея забита обвешанными орденами принцами пяти-шести национальностей; вся аристократия в полном составе сгрудилась в ложах первого и второго ярусов; дамы сверкали брильянтами». А прощелыга, негр, ничтожество, ублюдок тешил всем этим свой взгляд. В конце первого акта «на реплике герцога де Гиза: «Сен-Поль, пусть мне найдут тех же людей, что убили Дюга!» раздались аплодисменты». Александр бежит проведать Мари-Луизу. Когда он возвращается, он видит, как папаша Кнут спускается в туалет. Второй акт проходит без сучка, без

задоринки, с особым успехом — сцена с духовой трубкой.

И вот решающий третий акт. Момент, когда Гиз мучает супругу железной своей перчаткой, «вызвал крики ужаса, но в то же время и бурю аплодисментов: впервые театр подошел к драматическим сценам с такой откровенностью, я бы даже сказал, с такой грубостью». Александр возвращается к изголовью Мари-Луизы, она все еще без сознания. У входа в театр он сталкивается с папашей Кнутом, который уходит, держась обеими руками за живот.

«— Как! — говорю я ему, — вы не остаетесь до конца спектакля?

— Да разве могу я досидеть до конца, скотина ты этакая?

— Но почему же вы не можете остаться?..

— Потому что я пропадаю к чертовой матери! Потому что от волнения у меня начались… колики.

— Ах! Так вот отчего, — воскликнул я смеясь, — я видел вас у туалета?

— Да, оттого, сударь… Ты уже стоишь мне пятьдесят су! По два су за раз, посчитай-ка… Ты меня до смерти довести хочешь!

— Ба! Не может быть! Что же можно сделать на двадцать пятый раз?

— Да я же ничего и не делаю, дьявол тебя побери! Поэтому в последний раз, если бы волосы мне не помешали, я был готов с головой влезть в собственную задницу!»

Вот так «Генрих III» вывел из строя родительскую чету.

«Я вернулся в театр; как я и предполагал, начиная с четвертого акта и до самого конца это был уже не просто успех, а все нарастающий исступленный восторг: аплодировали все, даже женщины. Мадам Малибран, которой досталось место лишь на третьем ярусе, целиком вывесилась из своей ложи и обеими руками держалась за колонну, чтобы не упасть.

Потом, когда Фирмен вышел, чтобы назвать автора, порыв был столь единодушным, что сам герцог Орлеанский, стоя и с непокрытой головой, слушал имя своего служащего. <…> И вправду, по рождению тебе могут достаться лишь княжеские привилегии, и только талант порождает нового князя».

В фойе театра молодые и волосатые романтики шумно празднуют огромную победу. Говорят, что они танцевали вокруг бюста Расина, выкрикивая: «Обскакали Расина! Обскакали Вольтера!» и всё норовили выбросить в окно бюсты несчастных классиков. Александр в этом ритуале не участвовал. Опустошенный, обуреваемый и радостью, и чувством вины одновременно, он благоразумно вернулся к Мари-Луизе. Он ложится на матраце у ее ног, он должен воздать ей эти последние

почести, даже если она и не пришла в сознание, то есть возродить на эту ночь прежний общий альков.

Утром процессия посыльных беспрестанно доставляла букеты цветов. Александр с любовью украсил ими кровать Мари-Луизы, не отдавая себе отчет в том, что преображает ее в смертное ложе, свершая обряд погребения над совместной жизнью сроком более четверти века. Поздравительные послания также текут рекой, и одно из писем Александр читает и перечитывает с еле заметной улыбкой:

> «Я не лягу спать, милый мой юный друг, прежде чем не скажу вам, насколько я счастлив вашим бесспорным успехом, прежде чем от всего сердца не поздравлю вас и в особенности вашу удивительную мать, за которую, я знаю, вы волнуетесь больше, чем за себя. Мы с вами в ваших заботах, наши друзья, моя сестра и я; а сейчас мы наслаждаемся вашим триумфом, по справедливости добытым двойной энергией самого благородного таланта и сыновней любви. Я уверен, что ваши лавры и славное будущее, к которому ведет вас вдохновение, не притупят вашей чувствительности к дружбе, моей же дружбой к вам я счастлив.
>
> *11 февраля 1829 года.*
>
> *Барон де Броваль».*

Для издания Александр относит рукопись книгопродавцу Везару, получает шесть тысяч франков, возвращает долг Лаффиту, возвращается в Комеди-Франсез — и, о ужас! Пьеса запрещена, классики и королевское окружение времени даром не теряли. Тэйлор устраивает Александру срочное свидание с Мартиньяком. Впрямую ничего не говорится. Мартиньяк приветлив, он готов снова разрешить спектакли ценой небольших исправлений, например, вместо того, чтобы «благославлять» шпагу Сен-Мегрена, достаточно сказать над ней «заклинания», видите, не так уж и трудно, убираем только то, что может задеть церковь и трон. Александр понял: Мишло должен изменить грим. Попытки Мартиньяка сблизиться с левыми силами не будут оценены по заслугам: через шесть месяцев он будет смещен в момент организации департаментских и муниципальных советов, так как оппозиция сочла их недостаточно либеральными. На его место назначен Полиньяк.

«Генрих III» возобновлен. Герцог Орлеанский продолжает демонстрировать свою причастность к спектаклю, он присутствует также и на втором представлении. Приглашает

Александра к себе в ложу и рассказывает, как был приглашен к Карлу X.

«**Король:**

— Знаете ли, кузен, в чем меня пытаются убедить, — говорит он мне, — делая упор на обращении, что якобы в вашей канцелярии есть некий молодой человек, сочинивший пьесу, в которой мы оба играем по роли — я Генриха III, а вы герцога де Гиза?

Герцог Орлеанский:

— Сир, — отвечаю я, — вас обманули, и вот вам доказательства: во-первых, я не бью свою жену; во-вторых, мадам герцогиня Орлеанская не наставляет мне рога; а в-третьих, у Вашего Величества нет более верного подданного, чем я».

Успех у публики не мешает продолжению ожесточенной битвы в газетах. В двух словах, газеты правого толка скорее поддерживают романтиков, а либеральные — скорее классиков, что вовсе не кажется таким уж парадоксальным, ибо вплоть до наших дней можно найти прогрессивные статьи в «Figaro» и совершенно покрытые пылью — в «Liberation». Александр трезво анализирует это явление: «Те, кто проповедовали движение и прогресс в политике и были реакционерами в литературе, <…> работали для Театр-Франсе и, раз захвативши теплое место, любой ценой хотели его сохранить». В то время как «те, кто проповедовали застой и неподвижность в политике и были революционерами в литературе, <…> чаще всего работали только для Бульваров и стремились к тому, чтобы брешь, пробитая в оплоте классицизма, позволила бы и им получить доступ к месту».

Некто господин Стендаль в статье, опубликованной в Англии в «New Monthly Magazine», пишет: «Самое привлекательное из появившихся здесь драматических новинок это «Генрих III и его двор» господина Александра Дюма. Пьеса эта в духе «Ричарда II» Шекспира показывает двор слабого монарха. Конечно, в ней немало недостатков, но тем не менее она глубоко интересна и премьеру ее можно рассматривать как литературное событие, наиболее значительное в эту зиму». По мнению обозревателя «Le Mercure»: «Не знаю, в самом ли деле произведение г-на Дюма соответствует поэтике г-на Гюго и предписаниям ля Арпа, но <… > пьеса его восхитительна». Для Шарля Маньена из «Le Globe» Александр отныне занимает в литературе заметное место: «Не слишком увлекаясь ни гротеском, ни возвышенным [намек на «Предисловие к «Кромвелю»], он осуществил мечту Стендаля [в «Расине и Шекспире»], освободив драму от тирании стихов».

Все, что написано сторонниками классицизма, звучит не

менее лестно: «Анархисты от литературы наводнили французскую сцену в результате беспорядка, возникшего в среде акционеров на улице Ришелье» («La Pandore»). «Хотелось бы, чтобы стало возможным наказывать и авторов, которые выбирают подобные сюжеты, и актеров, которые своим ярким талантом способствуют их успеху» (Мартенвиль). «Очевидный заговор против трона и церкви» («L'Echo francais»). «Королевство и церковь выставлены на потеху скотам из амфитеатра» («La Gazette de France»).

Александр считает очки. Существуют, однако, пределы, которые невозможно преодолеть, это когда от пьесы переходят на его личность: «Как бы ни был велик успех, в нем ничего удивительного для тех, кто знает, каким образом делаются темные делишки в политике и литературе семейством Орлеанских. Автор — это мелкий служащий на жалованье Его Королевского Высочества». Александр не говорит, в какой газете это напечатано, и кто автор. Тем не менее он посылает Ля Понса обговорить условия дуэли. Писака соглашается стреляться через день, так как на следующий день у него дуэль с Арманом Каррелем. Мораль удовлетворена, пуля лишает писаку двух пальцев на правой руке, и, пока он учится писать левой рукой, Александр благосклонно принимает его устные извинения.

Пистолетным выстрелом Карреля завершается битва за «Генриха III». Жизнь пьесы стремительно продолжается. Через год публика окажется подготовленной к битве за «Эрнани». «Я выиграл Вальми литературной революции, теперь настала очередь Гюго выиграть свой Жемап» (Жемап — селение в Бельгии, близ которого 6.11.1792 французские войска генерала Ш. Ф. Дюмурье разбили австрийские войска и затем заняли Бельгию. — *Примеч. пер.)*. Не числом погибших определяется символическая значимость битвы. Кто, кроме специалистов-историков, помнит сегодня про Жемап? Зато Вальми знают все.

БАСТАРД БЕРЕТ РЕВАНШ *(1829–1831)*

Ослабление напряжения, доведенного до крайности в течение нескольких лет, способно больше повлиять на разум, чем на тело. Александр чувствует себя совершенно опустошенным, пишет только стихи и публикует их в «Психее», немедленно воскресшей. К счастью, «Генрих III» принес огромные барыши, три тысячи шестьсот семнадцать франков в феврале и четыре тысячи триста двадцать шесть франков в марте[61]. Залогом успеха пьесы и дальнейшего его укрепления служат многочисленные пародии — четыре за один месяц. В театре Гэте идет «Грубиян», в Театр дю Люксамбур — «Герцог де Фриз, или Преступный платок», в Варьете — «Сверчок и его подмастерья». Александр не пренебрегает участием в этой рекламе. Вместе с дорогим Адольфом, собственная карьера которого застопорилась, а также с Огюстом Каве и Фердинандом Лангле он сочиняет «Короля Дагобера и его двор». «Однако название это показалось цензуре непочтительным по отношению к потомку Дагобера. <…> Мы сменили название на «Двор короля Пето», в котором цензура не нашла ничего предосудительного! Как будто бы у Пето не было никаких потомков!» То был водевиль, сыгранный в театре с таким же названием, и Александр получил за него одну четвертую авторского гонорара. Как и предполагалось, некоторая преувеличенность используемых средств привела к окарикатуриванию гомосексуализма. Так, «в конце четвертого акта сцена прощания Сен-Мегрена со своим слугой пародировалась сценой между героем пародии — к несчастью, я забыл его имя — и его швейцаром.

В сцене этой, очень нежной, трогательной, сентиментальной, герой просит у швейцара прядь его волос под музыку страшно модной в те времена и чрезвычайно подходящей случаю арии «Спите, любимые, спите!» Припев «Швейцар, отдай мне локон» дал Эжену Сю идею жестокого розыгрыша некоего консьержа по имени Пипле. В течение месяца, днем и ночью несчастного осаждали десятки мужчин, требуя у него локон, пока тот не свихнулся. Сю сохранит для потомства его имя в «Парижских тайнах».

Весьма интересны посвящение и предисловие в издании «Генриха III». Александр ходатайствовал о возвращении к герцогу Орлеанскому. Девиолен предложил ему либо вернуться на прежнее место в департаменте лесов, либо подать в отставку,

другого решения папаша Кнут не видел. Знаменитый писатель не может оставаться простым переписчиком, и Александр идет к Удару. Тот, сама любезность, намекает, что Его Королевское Высочество не заставило бы себя долго упрашивать, если бы Александр захотел посвятить пьесу ему. Александр решительно отказывается: что касается благодарности, то он чувствует себя гораздо больше обязанным Тэйлору, нежели герцогу Орлеанскому. Именно ему, заступнику и защитнику еще со времен «Христины», посвящен «Генрих III» со следующей дополнительной припиской: «Если бы не дружба побудила меня это сделать, то признательность наверняка». Орлеанский держит удар и не торопится отдать Александру страстно желаемый пост библиотекаря.

В предуведомлении к «Генриху III» Александр надменно утверждает: «Возможно, вы надеетесь увидеть перед моей драмой предисловие, в котором я выстроил бы некую систему и провозгласил бы себя основателем жанра.

Я не стану выстраивать систему, потому что не системе следовал я, когда писал, но только лишь сердцу своему». Затем, в числе других, он делает поклон и в сторону Гюго, однако, хочет он этого или нет, этот отказ теоретизировать сразу же ставит его по отношению к Гюго в позицию соперничества. Более того, не поддерживая открыто тезисы «Предисловия к «Кромвелю», он тем самым утверждает оригинальность и превосходство собственной позиции. Он, мол, не рассуждает, не приспосабливает свои пьесы под теорию, он творит, создает заново — в данном случае историческую драму. И совершенно логично, пусть и банально, было бы признать, что первый в этом жанре становится родоначальником его. И публика решает в его пользу, а учебники литературы — в пользу Гюго.

Оставшаяся часть Предуведомления посвящена благодарности в адрес актеров. В одном месте вонючий негр сводит счеты с мадемуазель Марс, «в которой я угадал свойства трагической актрисы, до сей поры оспариваемые, и которая только и ждала современной трагедии, чтобы раскрыться с таким блеском». Стало быть, совершенно ясно, что без него она продолжала бы прозябать. Он элегантно берет на себя ответственность за первое появление Мишло — Генриха III в облике короля: это он побудил актера играть именно так, и когда критика (слово, которому он отдает предпочтение перед словом цензура) оказалась этим шокирована, Мишло изменил стиль, и все заслуги роли теперь принадлежат только ему. И в заключение торжественное обещание Вирджинии Бурбье, ей достался лишь маленький кусочек роли, «она заслуживает гораздо большего. Я

ее должник; и, я надеюсь, она позволит мне вернуть ей мой долг в следующей пьесе». Эти строчки должны особенно понравиться Мелании, но что поделать.

Она начала его тяготить, эта жена капитана Вальдора, своей одержимостью, ревностью, слезами, ну точно как Мари-Луиза, кстати, это идея, не соединить ли их? И в результате не вполне ясных семейных соглашений, но имеющих для Мелании одну цель — ускользнуть от домашней тирании Вилленава, Мелания и ее мать переезжают с улицы Вожирар на улицу мадам, номер 11, а в номер 7 Александр помещает Мари-Луизу, на первом этаже, с садом, что не замедлил оценить кот Мизуф, со слугой и предупредительными соседями, готовыми составить ей компанию, чего же еще желать, тем более, что время от времени он заходит ее навестить. Для себя он снимает гарсоньерку на улице Севр и квартиру на пятом этаже в доме 25 на Университетской улице, которую обставляет «достаточно элегантно» и куда берет лакея по имени Жозеф. Не забыты и Лаура с сыном, у них теперь дом в Пасси, далековато, конечно, но ведь деньги так быстро расходятся!

В этот март 1829 года Александр пишет мало, хотя у него нет оплачиваемой службы. Зато он часто выходит в свет, бывает у друзей, где отлично себя чувствует. «Есть дома, где ты умен, не подозревая об этом, есть и другие, где ты глуп поневоле. Что касается меня, то я отдавал предпочтение трем домам [как во времена своего детства], в которых никогда не иссякали мое остроумие, бодрость, молодость: дом Нодье, дом мадам Гюйе-Дефонтен и дом Циммермана». При последнем имени — дальнего однофамильца — все равно не могу удержаться от глупой, блаженной улыбки, хотя, увы, Александру суждено задержаться лишь в первом из названных домов, в котором, объективность требует это признать, его любили особенно сильно.

У Шарля Нодье служебная квартира в библиотеке Арсенала, в которой он директорствует. Это человек бесконечного очарования, доброты, ума, остроумия, культуры, кстати, большой поклонник мима Дебюро, спектакль которого «Бешеный бык» он видел сто раз. «Нодье любил всех женщин, созданных для любви. Скольких же он любил? Ему и самому невозможно было бы ответить на этот вопрос. К тому же, как все в высшей степени поэтические натуры, Нодье пугал мечту и идеал, идеал и повседневную реальность; для Нодье все им придуманное существовало на самом деле: Тереза Обер, Фея с хлебными крошками, Инес де лас Сиеррас; он жил среди этих порождений своего гения, и ни один султан не смог бы похвастаться таким гаремом». Для Александра он был и учителем, и моделью.

По воскресеньям Нодье держал открытый стол «основных едоков», в число которых входили директор музея Кайё, Тэйлор, Франсис Вей, Адриен Доза. Приходят и «едоки сменные», Александр среди них, точное количество коих заранее никогда не известно. «Если требовалось раздвинуть стол, его раздвигали. Но горе тому, кто являлся тринадцатым! Его безжалостно помещали за отдельным маленьким столиком, если только четырнадцатый гость, еще более неожиданный, не приходил избавить его от наказания». В конце года за Александром закрепляется постоянное место между мадам Нодье и ее дочерью Мари. В его отсутствие место разрешается занять только после супа. Если же он опаздывает, настолько даже, что уже подают десерт, место ему освобождают. Перед кофе и ликером, которых он не пьет, Александр с Мари и мадам Нодье переходит в салон. Высокий рост позволяет ему зажигать люстры и канделябры, не становясь на стул. Туда же постепенно стекаются и другие приглашенные, а также «завсегдатаи», не принимавшие участия в обеде, — гравер Тони Жоано, художник Луи Буланже, Гюго, Ламартин, Мюссе, «почти ребенок», Виньи, «который, сомневаясь в своей будущей инкарнации, пока что соизволял смешиваться с мужчинами».

От двадцати до двадцати двух часов — «беседа». Нодье пристраивается у камина, «тогда все замолкают; тогда начинается одна из очаровательных историй его юности, напоминающая то ли роман Лонга, то ли идиллию Феокрита. То был одновременно и Вальтер Скотт, и Перро; то был ученый в борьбе с поэтом; то память сражалась с воображением». После рассказа слушатели ничем себя не проявляли: «нелепо аплодировать плесканию реки, пению птицы, аромату цветка». Затем Нодье опускается в свое кресло, поворачивается к Гюго или Ламартину, но никогда — к Александру: «Ну, достаточно прозы на сегодня, — говорит он, — стихов, стихов прошу!»

Поэтам как раз аплодировали. В двадцать два часа расставляют стулья и кресла. Нодье, не прощаясь, потихоньку исчезает, он привык рано ложиться. Мари Нодье садится к пианино, и танцы, дружеские разговоры не кончаются до часа ночи, настоящее искусство жизни.

Рядом с этими моментами счастья — однообразная повседневность. Женщины его изводят. Мари-Луиза постоянно жалуется, что ее, больную, одинокую, все забросили. Вирджиния торопит его написать для нее поскорее роль по ее достоинствам. Раздраженная Мелания преследует его своей любовной досадой и, дабы удержать его, не находит ничего лучше, чем постоянно чередовать слезные сцены с письменными угрозами. Измученный Александр готов уже все послать подальше: «У меня есть мать, и

она меня мучает. У меня есть сын, но пока что от него нельзя ждать никакой помощи. У меня есть сестра, но как будто ее никогда и не было. И если еще и ты тоже являешься ко мне с упреками вместо утешения, то что же прикажешь делать мне, Бог мой? Быстро собрать все, что нужно для одинокой жизни, покинуть мать, ребенка и страну, чтобы жить где-то далеко, как и положено бастарду»[62].

Но он не бежит на край света, намерения остаются намерениями, а едет 5 мая[63] в Шартр к сестре. Через четыре дня садится в Анже на судно, чтобы плыть в Нант. Вдохновение вернулось к нему, у стихотворения вполне оригинальное название («На Луаре»), чтобы напечатать его в «Психее» в следующем месяце, и, вспоминая картину Ораса Верне в Салоне 1827 года, он задумывает новую пьесу «Юдифь», об этой женщине с распущенными волосами, которая ищет тело Гарольда на поле битвы при Гастингсе. Почему бы и нет, однако «драма с таким поэтическим названием может быть написана только в стихах», и мы заранее содрогаемся.

Направляясь к океану, из Нанта он едет в Пембёф. Конечно, он никогда не видел моря, но, вполне возможно, что любознательность его смутно смешивается с желанием вернуться к собственным корням, в Сан-Доминго, частично преобразованное в Гаити, Доминиканская же республика будет образована лишь в 1843 году. В Пембёфе он обедает на постоялом дворе. За соседним столиком «скорбная красавица», супруг которой между тем проявляет о ней «заботу истинного любовника», может быть, здесь сюжет новой драмы? Навряд ли. На самом деле это новобрачные, он, землевладелец в Гваделупе, приехал за женой во Францию, чтобы отвезти ее на Антильские острова на борту «Полины», «весьма элегантного трехмачтового торгового судна», она носит то же имя, что и корабль, и грустит оттого, что увидит свою семью не раньше, чем через три года. Александру приходит рыцарская мысль — прийти проводить супружескую пару на следующий день и предложить свои услуги для исполнения последних поручений; можно предположить, что он не был бы столь услужлив, если бы женщина не была столь красива.

Александр никогда не путешествует без ружья. Всю вторую половину дня он охотится на чаек и страшно удивлен, что ему, отличному стрелку, ни разу не удается попасть в цель. Какой-то прохожий объясняет ему, что на берегу моря расстояния измеряются не так, как в лесу, и следует стрелять не раньше, чем отчетливо увидев глаз птицы. Так оно и есть, «но поскольку за истину всегда кому-то что-то приходится платить, то познание мною этой истины стоило жизни трем-четырем чайкам».

«Полина» стоит на якоре между Пембёфом и Сен-Назером. Утром Александр наносит визит на корабль. Естественно, капитан проникается к нему дружеским чувством и предлагает отправиться вместе до Гваделупы. Александр благодарит, может быть, в другой раз. Появляется молодая пара. Галантный Александр подает руку прекрасной Полине, чтобы помочь ей подняться на палубу. Она узнаёт его и тоже надеется, что он поедет вместе с ними. Ему страшно жаль ее разочаровать. Она передает ему письмо для матери, и он уже готов покинуть судно. Но капитан как будто и впрямь им увлечен и оставляет его на обед, пообещав, что по выходе в открытое море он сможет вернуться вместе с лоцманом. Вот уже обогнули Сен-Назер, «вода изменила цвет, и из желтой сделалась зеленоватой», сильная зыбь, и Александру кажется, будто он навсегда отбывает к берегам Карибского моря.

«Слева остров Нормутье <…>, слева Бель-Иль, остров Фуке, который позднее даст свое имя героине одной из моих комедий, а еще позднее станет местом развязки трилогии о мушкетерах и даст моему бедному другу Портосу приют для достойного погребения». Александр копит места, лица, он обещает красавице Полине, что назовет ее именем один из ближайших своих романов, и меньше, чем через десять лет, сдержит слово. Капитан лег в дрейф, лоцман спускается в свою лодку. Александр глядит на болтающуюся веревочную лестницу, по которой надо спускаться: «Был момент, когда у меня возникло желание не высаживаться до самой Гваделупы». Горячее прощание, с сожалением он расстается с Полиной, «мы и единого дня не провели никогда с этой женщиной; еще утром были совершенно чужими друг для друга; познакомились лишь в момент отплытия: за обедом уже стали друзьями; а расставание сделало из нас почти брата и сестру». А во что бы все это переросло через два-три дня?!

В лодке лоцмана Александр несколько успокаивается. Между тем наступила ночь, подул ветер, море разыгралось, Александр промок до нитки. Лоцман убирает парус и пытается грести, но напрасно, остается только держать руль. К счастью, прилив гонит лодку к берегу, но ее сносит в сторону Круазика. Наконец причалили. Александр выпрыгивает из лодки, и волна накрывает его с головой, он чертыхается: «Какой же я идиот, что ввязываюсь в подобные прогулки, к которым меня ничто не принуждает!» Он дает лоцману монету и бежит греться в Сен-Назер. В единственном постоялом дворе сонный хозяин долго не хочет открывать. Александр посылает ему пять франков через окно, сезам действует, и вот уже он голышом греется перед огнем с

жаркими вересковыми дровами. На следующий день он возвращается в Пембёф и далее следует в Нант, потом в Тур, где передает письмо матери Полины, и, наконец, возвращается в Париж. В последующие годы он пройдет по морям сотни километров, но никогда не вернется на Атлантику, возможно, из-за скверных воспоминаний о ледяном купании, а, может, из страха, что не сумеет устоять перед искушением отправиться за Полиной на острова?

Его «первая спекуляция» плохо кончилась. Когда «Генрих III» начал приносить ему деньги, он, «наученный прошлым опытом не полагаться на будущее», оплатил в кафе Демар свои обеды и ужины на год вперед. Хозяин кафе тем временем разорился, и Александр потерял на этом тысячу восемьсот франков. Двое слуг, плата за четыре квартиры, пансион Мари-Луизы, необходимость поддерживать определенный уровень жизни — все это быстро исчерпало его ресурсы. Конечно, впереди у него была «Юдифь», получившая название «Король Роберт и прекрасная Юдифь»[64], но требовалось время, чтобы ее закончить, чтобы ее принял театр, чтобы начались репетиции, и он вспоминает об Орлеанском. В уже упомянутом выше письме[65] он снова просит о должности библиотекаря, на этот раз, в замке Д'Ё в Верхней Нормандии, недалеко от Дьеппа. Должно быть его ситуация была совсем плачевной, если он согласен даже на ссылку. Но герцог предпочитает иметь его под рукой, и 20 июня 1829 года он назначает его заместителем библиотекаря в Пале-Рояль с годовым жалованьем в тысячу двести франков, то есть на шестьсот франков меньше, чем он получал в департаменте лесов; хоть немного, но все же удалось герцогу сэкономить, не зря он славился своей скупостью.

Однако, проиграв в жалованьи, отбросившем его на шесть лет назад, когда он был внештатным переписчиком, кое в чем Александр все же и выиграл. Так, среди его новых коллег оказался поэт Вату, «полный маленьких недостатков и больших достоинств», Талланкур, один из его дуэльных секундантов, и Казимир Делавинь, который обошелся с ним холодно, завидуя успеху «Генриха III». Теперь в распоряжении Александра «огромный кабинет, где я вполне мог и даже с большим, чем в королевской библиотеке, комфортом, заниматься моими литературными и историческими изысканиями». Так как особых требований к его усидчивости и пунктуальности никто не предъявляет, он довольно быстро продвигается в работе над третьей редакцией своей драмы в стихах. В начале июля он договаривается о новом отпуске, опять едет в Шартр к сестре и заканчивает «Юдифь с распущенными волосами» — таково

окончательное название пьесы, вопрошая себя, достойна ли Комеди-Франсез принять подобный «шедевр» (sic)?

Поразмыслив, он пишет своему «дорогому брату» Тэйлору, что да, в конечном итоге «я хотел бы, чтобы меня сыграли в Театр-Франсе, я хочу прочесть там пьесу, но этот театр, косный и неумный, <…> вот-вот рухнет от старости, и только молодым, будь то авторы или актеры, дано его спасти»[66]. После подобной искренности можно было бы предвидеть прием, ожидающий его пьесу у Комитета старцев:

«Уже в конце первого акта я почувствовал, что публика на мой шедевр не клюет.

Во втором акте она была еще холодней.

В третьем вовсе заледенела!

Такое <…> приключилось со мной впервые; так была наказана гордыня!» С похоронным видом мадемуазель Марс сообщает ему вердикт, вынесенный единодушно. Он уходит, позабыв рукопись. Когда из секретариата Комеди-Франсез его попросили рукопись забрать, «бросьте ее в огонь! — ответил я». Тем не менее экземпляр пьесы он отнес-таки Гарелю, директору Одеона, который столь же решительно ему отказал, и Александр не мог не согласиться с его доводами. «Юдифь» он переделает на «сестру ее «Екатерину Говард», которая оказалась не многим лучше и благополучно почила во цвете лет в милостивый год 1834».

Виктор Гюго только что закончил «Марион Делорм». Он читал у художника Ашила Девериа, того самого, который одел первый спектакль Александра эдаким томным романтическим щеголем. Сколько больших имен! Тэйлор, Виньи, Эмиль Дешан, Сент-Бёв, Суме, Буланже, Бальзак, Мюссе, Мериме, Делакруа и другие. Гюго начинает читать. Мгновенно Александра захватывает красота стиха: «Не было сердца, в котором было бы меньше зависти, чем в моем. Итак, я выслушал первый акт в глубоком восхищении, смешанном с некоторой печалью: я чувствовал, что мне далеко до этой формы, что потребуется много времени, чтобы ею овладеть, если когда-нибудь и впрямь удастся ею овладеть». Потрясло его также и то, что Дидье, главный герой, бастард, вот тема, которая находит у Александра горячий отклик и которой он намерен посвятить свою будущую пьесу. Гюго заканчивает читать, громкие аплодисменты, Александр тоже полон энтузиазма, но делает одно замечание: в финале Дидье идет на казнь, не простив Марион, и это бесчеловечно. «Сент-Бёв присоединился ко мне, и вместе мы вымолили прощение для бедной Марион».

Выходя от Девериа, Александр позволил себе ироническую

улыбку: «Только у Гюго есть эта мания заставлять своих персонажей появляться через окна, вместо того, чтобы входить в двери». Но в общем он не чувствует себя уничтоженным. Если «Марион Делорм» или скорее «Эрнани» «более значительны по форме», то «Генрих III» «сильнее по сути», и под вторым замечанием можно только подписаться. Что касается формы, то следует признать, дорогие читатели, что в театре предпочтительней видеть героев во плоти и крови, изъясняющихся прозой, нежели музыкальные автоматы, какими бы мелодичными они ни были. Однако пока что Александр не сделал того логического заключения, согласно которому он не в силах соперничать с Гюго на его поле, он решает вернуться к «Христине», используя некоторые приемы «Марион Делорм». Утром, «прежде чем перестала звучать музыка стихов, услышанных накануне, я принялся за работу, убаюканный их умирающей гармонией». Он будет биться несколько дней, пока не поймет, что начинать надо не с поэтических заплат. Надо заново составить план, сломать единства времени и места, сочинить новый персонаж, чтобы удовлетворить Вирджинию Бурбье, и придать ансамблю «более современную и более драматическую манеру».

«Сознанию труженика свойственны особые заботы, порою настолько странные, что они близки к маниакальным; то ему кажется, что план возникнет у него лишь в определенном месте; то он ищет какую-то специальную бумагу, на которой только и может быть написана его пьеса. Я же вбил себе в голову, что найду новую «Христину» в старой «Христине» только в том случае, если совершу небольшое путешествие, и меня убаюкает мерное движение экипажа». С 16 по 18 июля он едет дилижансом в Гавр, потом вдоль побережья до Шербура, заезжает в Дьепп и возвращается в Париж с новорожденной «Христиной, или Стокгольм, Фонтенбло и Рим». Вирджиния Бурбье счастлива, ей досталась роль Паулы, тайной любовницы Мональдески, переодетой в пажа, совершенно аналогичная той, что сыграла Луиза Депрео в «Генрихе III».

Принятая к постановке в Комеди-Франсез 11 июля, «Марион Делорм» была запрещена цензурой 1 августа. Гюго просит аудиенции у своего покровителя — короля. «В то время к французским королям можно было явиться лишь в национальном мундире и при шпаге». Тэйлор снабжает Гюго всеми этими необходимыми аксессуарами, почерпнутыми из гардероба Театр-Франсе, и тот отправляется в Сен-Клу. Он вынужден ждать целый час, пока графиня дю Кейла вместе с Карлом X «закончат с министерством Полиньяка», наиболее реакционным во все время

Реставрации, идущим на смену «остроумному» и гибкому Мартиньяку. Потом принимают Гюго. Поскольку «Марион Делорм» выводит на сцену уже не Валуа, как «Генрих III», но Бурбона, «Людовика XIII, короля, над которым властвовал священник»[67], король поддерживает запрещение пьесы цензурой, но компенсирует свой запрет увеличением содержания автору в два раза. Купить себя поэт не позволяет, и Гюго высокомерно отказывается от прибавки, но милостиво соизволяет по-прежнему принимать ранее назначенные две тысячи франков. Александр решительно протестует против разительного самоуправства, произведенного над его «другом Виктором Гюго», но делает это в «Сильфе», в стихах, из которых достаточно процитировать лишь первые строчки:

> Они сказали: «гениальный труд,
> Как факел, освещает путь в ночи,
> Изгнать его — так значит все вокруг
> Вернуть во мрак».
>
> И мертвенным своим дыханьем
> Сгустили мрак до полной темноты;
> Однако и во тьме мерцает огонек,
> Поэту от рожденья Божий дар.

Даже с точки зрения рифмы не очень-то любезно трактовать Гюго как почти что дебютанта, как мерцающий огонек, что, правда, вовсе не помешало последнему написать «Эрнани». Сын одной из фавориток Марии-Антуанетты и недавний эмигрант, Полиньяк, 8 августа сформировал свое министерство. Военным министром назначен генерал Бурмон, бывший шуан, который, получив от Наполеона и пост, и награды, стал его врагом накануне Ватерлоо. В Министерстве внутренних дел — Ля Бурдоне, взывавший в 1815 году к «заслонам, оковам, палачам». В «Journal des Debats» новое правительство характеризуется следующим образом: «Кобленц! Ватерлоо! 1815! Хоть выдавливайте, хоть выкручивайте это министерство, все равно не выжмите ничего, кроме унижений, несчастий, опасностей»[68]. Директор газеты Бертен осужден на шесть месяцев тюрьмы, но признан невиновным апелляционным судом. Гюго и двух месяцев не затратил на «Эрнани». Понадобился весь авторитет Тэйлора, чтобы начать репетиции в начале октября. Дело в том, что после «Генриха III» актеры Комеди-Франсез весьма настороженно относились к «этому нашествию варваров». Романтики могли рассчитывать лишь на поддержку старого Жоани и на

доброжелательный нейтралитет Фирмена. Мишло же их ненавидит, а «в ласках, расточаемых нам мадемуазель Марс, всегда чувствовались мысленные оговорки изнасилованной женщины». Гюго, хотя и не был негром, имел с нею такие же трудности, как и Александр, и в вечер премьеры «Эрнани» знаменитую фразу «Вы гордый мой и благородный лев» она заменила более банальной, собственного изготовления: «Вы, сударь, благородны и горды».

Поскольку «Христина» Броля не имела никакого Успеха, а «Христина» Сулье должна была пойти в Одеоне, Александр просит о включении своей в программу Театр-Франсе у его «директора, совершеннейшего мулата с печальными глазами и желтой кровью, имя которого я забыл». Не доверяйте уродливым и желчным людям: от Александра потребовали чтения его второй версии перед Комитетом. Он отказывается, так как с изменениями или без оных труд его был уже принят. На премьеру Сулье 13 октября он не идет, друг и соперник его не приглашает. Но это не спасает его пьесу от провала, от которого она уже не оправится. Директор Одеона Гарель предлагает Александру сыграть его «Христину» с теми же актерами, в числе которых — мадемуазель Жорж, которые были заняты в почившей пьесе Сулье. Нельзя отказать этому Гарелю в деликатности: «Пусть вас не тревожит мысль, что вы губите пьесу друга. Вчера она умерла своей смертью». Александр переправляет это послание Сулье с припиской: «Дорогой Фредерик, прочти это письмо. Какой же разбойник твой друг Гарель!» Ответ гласил: «Мой дорогой Дюма, Гарель мне не друг, он директор. Гарель — не разбойник, он — спекулянт. Сам бы я не сделал то, что делает он, но ему бы посоветовал сделать то же самое. Собери все, что осталось от моей «Христины» — должен тебя предупредить, что этого много, — брось все в первую же попавшуюся мусорную корзину и пусть играют твою пьесу». В те времена умели поступать красиво!

В том же октябре 1829 года он готовится к новой битве в связи с тем, что в Комеди-Франсез собираются играть «Отелло» не Дюси, а Шекспира в переводе Альфреда де Виньи. Александру и Гюго по двадцать семь лет, Виньи — тридцать два, «мы видим, что все эти разрушители очень молоды и что революционные поэты сильно смахивали на трех генералов Революции, о которых я как будто уже говорил и которые командовали армией на Самбре и Маасе, имея семьдесят лет на троих. Это Гош, Марсо и мой отец». Между тем бывший капитан и будущий автор «Неволи и величия солдата» не был похож на воина: «Вежливый, приветливый, кроткий в обращении, но производящий впечатление существа абсолютно не материального <…>, де

Виньи никогда не касался земли из необходимости: когда он свертывал крылья и случайно оказывался на вершине горы, то была уступка, которую он делал человечеству, и, кроме того, в конечном итоге ему удобнее было в таком положении вести с нами свои короткие беседы». И дабы ангел не пал 24 октября, романтический Кружок в полном составе явился поддержать его в Театр-Франсе. И пусть в мадемуазель Марс не было «ничего от меланхоличной, кроткой и наивной возлюбленной мавра», а Жоани «со своим курносым носом» вовсе не был похож на Отелло, «рык африканской ревности» от этого воспринимался не хуже, и Шекспир получил свою овацию. В вечер этой битвы не произошло ни Вальми, ни Жемапа, разве что небольшой Хондскуте (в 1793 году французы побили при Хондскуте англичан и австрийцев. — *Примеч. пер.)*

Что касается «рыка африканской ревности», то у венецианского мавра он не шел ни в какое сравнение с львиным рыком Александра. Бальзак только что опубликовал свою «Психологию брака», а супруг Мелании грозился приехать в Париж. То ли бравый капитан Вальдор соскучился по жене и дочери в дальнем своем гарнизоне в Тионвиле? Или все это подстроила Мелания? Она хорошо знала своего Александра, который очень быстро пресыщался косностью, как в работе, так и в любви. Лишь преграды — физические, интеллектуальные или моральные — стимулируют, захватывают его, поддерживают в нем прежнее состояние духа. Парадокс Мелании в том, что, будучи нарушительницей супружеской верности, она ровно два года появлялась повсюду — в салонах, на приемах или спектаклях — в качестве постоянной спутницы мужчины, наставляющего ей рога, как будто она была его законной супругой. Чтобы вернуть Александра, ей нужно было снова стать тем более желанной, что требовалось постоянно и под большим секретом отбивать ее у худшего из соперников — законного мужа. Расчет был точным: как только Александр узнал о возвращении Вальдора, все в нем взыграло вновь, в том числе и «ревность, самая жестокая, которую он когда-либо испытывал» и от которой он чуть было не «сошел с ума». Однако не до такой степени, чтобы не реагировать на все происходящее в своей обычной манере, то есть одновременно с двух точек зрения.

Практическая сторона: «я нашел одного из моих друзей — служащего в военном министерстве: три раза затевалась отставка, уже должны были послать, потом она пропала, разорванная или сожженная им. Словом, муж не приехал».

Литературная сторона: он угрожает Мелании смертью, если она согласится делить супружеское ложе с капитаном. И прежде

чем вылиться в поступок, угроза эта была использована среди других строф для написания предисловия к изданию «Антони»:

О горе, горе мне, кого небо в этот мир
Бросило, как гостя, чуждого своим законам!
Мне, кто не умеет, страдая от глубокой боли,
Долго терпеть, не отмстив за себя!

Горе! Ибо голос, далекий от голосов земных,
Мне молвил: «Смерть тебе нужна для счастья!»
И этот голос помог понять мне тайну
И преступления, и наказанья…

Явись же, ангел зла, чей глас меня призвал,
Тебе явиться время, так как знаю,
Что жизнь свою тебе отдам и душу, если б верил,
Что есть во мне душа… за кровь ее!

Воздержимся от собственных комментариев, поскольку комментарии Александра гораздо интереснее: «Что скажете об этих стихах? Они безбожны, богохульны, атеистичны и <…> слишком посредственны, непростительно посредственны, будь они написаны с холодной головой. Но они написаны в момент страсти, в один из тех моментов, когда тебе необходимо выкричать свою боль, сказать о своих страданиях на ином, чем обычный, вульгарный, языке. Вот почему, надеюсь, они заслужат двойного прощения поэтов и философов», а, может быть, даже и тех, кто таковыми не является.

Энтузиазм Гареля преуменьшился после чтения «Христины» перед реперткомом Одеона. Приняв пьесу лишь с исправлениями, назначив Тиссо и Сент-Бёва советниками, Комитет рассердил Александра. Пришлось искать его, чтобы подписать договор, в котором он потребовал обязательства поставить пьесу за шесть недель, в противном случае он отдает ее в Театр-Франсе. Тогда Гарель организует 5 декабря новую читку, на этот раз для актеров, к которым он добавляет Жюля Жанена, «будущего короля критиков». «Читка имела большой успех; однако Гареля продолжала мучить одна идея, о которой я узнал лишь на следующий день.

На следующий день он явился ко мне с первыми лучами солнца, чтобы предложить мне со всей прямотой и откровенностью переложить «Христину» в прозу», таким уж был дальновидным этот Гарель, директор театра. К несчастью, в то время Александр еще не усомнился в своем поэтическом гении:

«Само собой разумеется, что я рассмеялся ему в лицо, а после того выставил его за дверь».

Пьесу начали репетировать. М-ль Жорж играет Христину, Локруа — Мональдески, Лижье — Сантинелли, а м-ль Нолле — Паулу, переодетую в пажа. «Очевидно, небу было угодно, чтобы та, для кого была написана эта последняя роль, не сыграла бы ее!» Во всяком случае, Вирджиния Бурбье уже ушла из Комеди-Франсез и отправилась играть во французском театре Санкт-Петербурга[69]. Таким образом, все свое свободное время Александр может теперь совершенствоваться в своей роли маниакального любовника Мелании, в результате чего она вскоре забеременеет.

Цензура запрещает «Христину». Гарель откладывает репетиции. Александр сердится, снова предлагает свою драму в Комеди-Франсез, которая не прочь ее поставить, но только после «Эрнани». К началу января 1830 года ситуация, таким образом, заблокирована вдвойне. Чтобы ее освободить, Александр пытается вернуть себе права на пьесу. Он возбуждает против Гареля дело и проигрывает его 9 февраля[70]. Он пытается также воздействовать на одного из цензоров по имени Брифо, автора бессмертного «Нинуса II» и нескольких стихов, прославляющих то Наполеона, то Бурбонов. «Впрочем, этот господин Брифо был отличным человеком и не слишком гордился тем, что ничего не сделал, преимущество, которое из многих его собратьев сделало наглецов.

Мы много спорили не о литературных, но о политических пороках несчастной «Христины». Казалось, она была ими переполнена. <…> Особенно строка, которую Христина произносит о своей короне:

— Это королевская погремушка из моей колыбели!

казалась этим господам чрезмерностью. Этим стихом я подвергал угрозе легитимность, божественное право, наследование!» Другая страшная угроза монархии: Христина посылает свою корону Кромвелю, который отдает ее в переплавку. «Напомнить роду человеческому, который как будто забыл историю, что посланное существует и представляется предметом пагубным и провоцирующим пожар». Поскольку вежливые дискуссии с Брифо ни к чему не вели, Александр снова напяливает на себя облачение достойного поэта со старенькой мамой на иждивении, ухаживает, о! абсолютно платонически, за вдовой, которая каждый год получает от Французской академии приз за добродетель. От вдовы он получает рекомендательное письмо к Лурдейксу, главному цензору. «Свидание наше было коротким.

После пятиминутной беседы, обоюдно сухой и недоброжелательной:

— Словом, сударь, — говорит он, — все, что вы можете еще сказать, бесполезно: пока старшая ветвь на троне и пока я в цензуре, труд ваш будет приостановлен.

— Отлично, сударь, — отвечаю я, откланиваясь, — я подожду!»

Но сколько времени проходит после этой реплики, столь же язвительной, сколь и глубокой? Александр слишком нетерпелив, чтобы дожидаться следующей революции. Он решает действовать через тупые головы цензоров. На этот раз не при помощи герцога Орлеанского, от которого Полиньяку нечего ждать, а при посредничестве «милейшей и умнейшей мадам дю Кейла». В связи с «Генрихом III» мы видели, как один «умный» министр смог вдохнуть разум в короля, неужели способна на меньшее та, что создает и пересоздает целые министерства. Итак, 15 марта «Христина» снова поступает к цензорам «без особых изменений», даже в стихе о королевской погремушке, даже в посылке короны Кромвелю не содержится теперь ни малейшей опасности для королевской власти. Но за всеми возможными случайностями остается неразгаданной томительная загадка: какую тонкую диалектику употребил Александр, чтобы заинтересовать своей пьесой мадам дю Кейла?

Несколько раньше, 25 февраля 1830 года, состоялась премьера «Эрнани». Достаточно взять любой учебник литературы по вашему вкусу, чтобы вспомнить все подробности этого «Жемапа» романтизма с красным жилетом Теофиля Готье вместо штандарта. Разумеется, не следует игнорировать и контратаки классицистов, однако в целом публика, вот уже год как познавшая дерзость «Генриха III», практически была завоевана. И дабы окончательно закрепить успех, бородатые и длинноволосые антиконформисты из Молодой Франции в большом количестве явились сыграть роль мощной и полной энтузиазма клаки. Александр, конечно же, в зале со своим оглушительным голосом и не менее оглушительными аплодисментами. В то же время, поскольку он присутствовал на репетициях «Эрнани», между ним и актерской игрой образовалась некоторая дистанция. И для него главный спектакль происходил не на сцене, а в зале. В своих «Мемуарах» он описывает потрясающую сцену, в которой маразматическому Парсевалю де Грандмезону вместо «глупейший старик» послышалось «старый ас в метании пик», и он громко выразил свое возмущение тем, что Эрнани подобным образом характеризует человека, который ему в отцы годится! На что сосед академика, сторонник романтизма, столь же глухой, хотя и

не достигший еще столь преклонного возраста, резко его оборвал, возразив, что «ас в метании пик» — сказано отлично, так как к этому времени карточная игра была уже изобретена. «Понятно вам теперь, что ни тем, кто нападал, ни тем, кто защищал подобным образом, возразить было совершенно нечего».

Поздравления, пир победителей, Александр перенасыщен, он возвращается домой пешком. Созданную им историческую драму ждет блестящее будущее, надо разрабатывать эту золотую жилу. Приносит ли это духовное удовлетворение? Ведь творцу необходимо все время сомневаться, постоянно обновляться, исследовать новые пути, когда наступает подходящий момент. Александр предчувствует, что раньше, чем Гюго и Виньи, станет пионером в новом жанре современной драмы. Уже несколько месяцев он раздумывает над темой бастарда, навеянной образом Дидье из «Марион Делорм». У него и название уже есть для новой пьесы — «Антони». Это он сам, а героиня — конечно же, Мелания, и на сцене они будут объясняться, как в жизни, прозой! Однако ему не хватает весьма существенного компонента — развязки, к которой достаточно будет приписать четыре акта. Внезапно он останавливается:

«— Мужчина, которого застал муж его любовницы, убивает любовницу якобы за то, что она ему сопротивлялась, и за это убийство взойдет на эшафот, спасая, таким образом, честь женщины и искупая свое преступление».

9 марта герцог Орлеанский совершает свое, еще более ужасное. Он пишет Состену де ля Рошфуко, чтобы поддержать просьбу последнего о представлении Александра к ордену Почетного легиона. Ампи, драматург-классицист и к тому же начальник королевской канцелярии, перекрывает путь этой двойной рекомендации. Александра постигает жесточайшее разочарование. Свой крест кавалера он получит только в 1837 году. В последующие годы он соберет добрых полдюжины наград различных стран[71]. Это будет ему стоить гнусных расистских оскорблений от некоего Мирекура: «Он бегает за почестями, он ищет наград. Мы видим, как он тихо скребется у дверей дворцов и раболепствует на задворках трона: — Маркиз!

Подобно вождям индейских племен, которых путешественники задабривают с помощью безделушек, г-н Дюма любит все, что блестит, и все, что сверкает. Он разукрашен лентами всех орденов, плевочками всех стран; свои ордена он нанизывает на вертел. От игрушек он без ума, стекляшки кружат ему голову: — Негр!»

Другие, едва ли менее одиозные персонажи, припишут ему в связи с этим прогрессирующую манию величия, достойную

советского маршала или южноамериканского путчиста. Наиболее изощренные в доморощенном психоанализе объяснят с ученым видом, что, поскольку Генерал никогда не имел никаких наград, Александр испытывал якобы желание символически компенсировать несправедливость в адрес отца. Затем последуют дополнительные толкования, например, образа Атоса как идеализированного отображения самого Александра, увешанного орденскими лентами. И даже среди верных поклонников его творчества найдутся такие, кто снисходительно будет улыбаться наивности большого ребенка, который все никак не насытится своими медалями.

На первый взгляд, Александр действительно делает кое-какие шаги, чтобы продвинуться в этом направлении. Да, в 1830 году ему очень хотелось иметь орден Почетного легиона. У Гюго и Ламартина он уже был. Получить его означало признание равенство с ними в ранге поэта. Однако, когда он получит орден через семь лет, он не придаст этому особого значения: «Я положил крест в карман, вместо того чтобы вдеть его в петлицу». Единственной наградой, которую он будет носить с гордостью, станет медаль бойца Июльской революции, и с течением времени она сослужит ему разнообразную службу. Изначально лента была красно-черная в честь пролитой крови и последующего траура. Луи-Филипп решит, что она должна быть голубой с красной каймой, поскольку это «дар короля французов», и награжденные, кроме всего прочего, должны присягнуть на верность его персоне. В знак протеста Александр будет показываться в городе с лентой первоначальных цветов, без каких бы то ни было проявлений верноподданничества и без упоминания имени бывшего герцога Орлеанского.

Остальное гораздо менее важно. Мы уже видели, что Александр сам наделен колоссальным чувством юмора, обостренно воспринимает насмешку в свой адрес и слишком ироничен по отношению к себе и другим, чтобы рассматривать ситуацию в первом приближении. В действительности он собирал коллекцию орденов, пытаясь иногда и покупать их, но точно так же, как собирал коллекцию оружия или картин. Но только в своей постоянной заботе о мизансцене в своем завоевании пространства Александр прибегает к чисто театральной технике, и тут он мастер, в том числе и в работе над деталями, выявляющими целое. Отсюда персонаж, которого он представляет в городе, — громогласный и разноцветный, вездесущий, привлекающий всеобщее внимание своими речами и экстравагантностью своего костюма. То есть это тип человека замечательного и незабываемого, даже если увидишь его только раз или если он

надолго уедет путешествовать.

Но довольно отступлений, дорогие читатели, вернемся к Александру в Одеон, «мир, забавный по-своему, не так, как Комеди-Франсез», в начало марта 1830 года. Забыв о ссорах, обострениях, процессах предшествующих месяцев, там репетируют «Христину» «со страстным увлечением. Романтизм, овладевший Театр-Франсе, перекинулся теперь на другой берег Сены, обошел Академию, как одну из тех крепостей, которыми пренебрегают генералы во время захватнических войн, и теперь грозил Одеону штурмом.

Это произвело революцию в Латинском квартале.

Гарель, дабы придать более торжественности грядущему спектаклю, постоянно увеличивал число *выходных дней,* что было в то время средством рекламы, еще не известным».

Кроме репетиций, Александр усердно посещает дом м-ль Жорж. Актриса занимает два этажа вместе с младшей сестрой, матушкой Бебель, тоже актрисой, и двумя племянниками. А возможно, и детьми, поскольку они носят имя Гареля, официального ее любовника, живущего в том же доме этажом выше. А под самой крышей — Жюль Жанен, «второй жилец» в сердце Жорж. Оно у нее огромное и щедрое, «два императора [Наполеон и царь Александр I] и три-четыре короля» сменили в нем друг друга. Еще и в сорок три года она для Александра «самая красивая женщина своего времени». Высокая, величественная или огромная, как говорят злые языки. Им же принадлежит шутка по поводу «английского скакуна, который обычно тратит четыре минуты, чтобы объехать Марсово поле, а вчера потратил пять, так как объезжал еще и м-ль Жорж»[72].

Но что за дело Александру! Он так любит полненьких женщин, — тяжелый вздох, — в то время как вынужден довольствоваться худющей Меланией. Между тем, она снова досаждает Александру. За исключением того времени, когда он полностью идентифицирует себя с будущим Антони (писатель всегда немного шизоид) и не ревнует ее к капитану Вальдору, следуя в этом примеру Гареля, для которого этого чувства вообще не существует. Ему нет никакого дела, что его любовница принимает визитеров в ванной. Последнее обстоятельство Александр оценил тем больше, что помнил обвисшие щеки Тальма в подобной ситуации. Жорж держит форму, «время от времени собирая золотыми шпильками рассыпающиеся волосы, и этот беспорядок в прическе дает ей повод полностью извлечь из воды свои дивные руки и верхнюю, а иногда и нижнюю часть шеи, как будто изваянной из поросского мрамора».

Сия невинная забота о чистоте контрастирует с вошедшей в

поговорки неопрятностью, которой славился Гарель, «самый остроумный человек своего времени». В то время как Жорж держала аристократических левреток, он мечтал о домашнем поросенке. Александр и Жорж подарили ему живую свинку на день рождения. Увидя этот роскошный подарок, «Гарель кинулся к свинке, […] прижал ее к себе, потерся носом о ее пятачок и усадил рядом с собой». Он окрестил свинку Пьаф-Пьаф и определил ей место в своей спальне. «Эта дружба со свинкой сделалась для Гареля настоящей страстью. Однажды он подошел ко мне на репетиции и сообщил:

— Знаете, друг мой? Я так люблю свою свинку, что даже сплю вместе с ней.

— Отлично, — ответил я, — дело в том, что ваша свинка, которую я только что встретил, сказала мне то же самое».

Пьаф-Пьаф уверенно набирала в весе и красоте, чего никак не скажешь об интеллекте. Она наносила страшный ущерб дому и кончила тем, что отъела голову ручному фазану одного из ребятишек. Не в силах долее терпеть, Жорж приговорила ее к смертной казни. Палач-мясник привел приговор в исполнение в саду. На крики несчастной прибежал расстроенный Гарель:

«— По крайней мере, — сказал он жалобным тоном, — вы не забыли сказать мяснику, чтобы он положил в колбасу побольше луку?.. Обожаю лук!» Потому, как видно, что от лука плачут.

Куда менее тривиальны отношения Александра с герцогом Шартрским, старшим сыном Орлеанского, унаследовавшим от отца этот титул, когда тот стал королем. Вплоть до самой своей смерти в 1842 году он останется великой мужской любовью Александра, а в тот момент это девятнадцатилетний обалдуй, затерроризированный отцом, замученный естеством своего возраста и с жадностью впитывающий в себя все, что связано с романтизмом, о котором столько говорят вокруг. За разъяснениями он обращается непосредственно к мэтру Александру который тем более для него притягателен, что «мое имя наделало тогда много шума; мне приписывали массу любовных приключений, как прежде приписывали массу острот. Говорили о моих африканских страстях и в доказательство ссылались на мои курчавые волосы и смуглый цвет лица, кои никак не могли и не желали скрыть мое тропическое происхождение». Александр, на которого «красивые [мужские] лица имеют огромное влияние»[73], немедленно увлекся молодым человеком, благодаря «его стройности, способности легко краснеть и почти женской красоте»[74]. Кроме того, оборванцу, бастарду, негру из Виллер-Котре льстит внимание принца, который ищет его общества. Он в восторге от того, что может

играть при своем молодом друге (на восемь лет моложе Александра) ту же роль руководителя, которую в его собственной жизни сыграли Ля Понс или Лассань, и вот уже он дает герцогу Шартрскому специальные уроки своей театральной эстетики. «Должен сказать, что разговор наш развивался причудливо, переходя от искусства к художникам, от пьесы к актерам, и что обсуждение качеств мадемуазель Вирджинии Бурбье, мадемуазель Луизы Депро, мадемуазель Александрины Нобле и мадемуазель Леонтины Фей было не менее серьезным, чем обсуждение «Генриха III» или «Христины». Нетрудно предположить, что теоретический курс сопровождался практическими занятиями за кулисами Комеди-Франсез и что гомосексуализм молодых людей укреплялся благодаря любовным связям с одними и теми же дамами — Вирджинией Бурбье и Луизой Депро.

Либеральная пресса не дает покоя правительству. Образуются союзы легального сопротивления налогам. К открытию парламентской сессии угроза нависает над головой короля, ходят слухи о перевороте, который готовит Полиньяк. Палата отвечает декларацией, составленной Руайе-Колларом и подписанной двумястами двадцатью одним депутатом оппозиции. Этот *Адрес 221* утверждает право французов на вмешательство в «решение общественных проблем»[75]. Он вручен Карлу X 18 марта. На следующий день Палата распущена. На фоне этой взрывоопасной политической ситуации заканчиваются последние приготовления к премьере «Христины», назначенной на 30 марта. Четырьмя днями раньше[76] в театре Амбигю-Комик показывают пародийную пьесу г-д Кармуша, де Курси и Дюпёти «Тристана, или Шайо, Сюрень и Шарантон, трилогия без вступления и продолжения», весьма способствующую рекламной шумихе вокруг детища Дюма.

29 марта Сулье присутствует на генеральной репетиции. До этого они не виделись с Александром ровно год. Тем не менее бывшие друзья горячо расцеловались. Сулье хвалит «Христину»: «Прекрасная вещь, и хотя в некоторых своих частях грешит несовершенством техники, сама техника индивидуальна». Затем он предупреждает Александра о готовящейся против пьесы интриге, в борьбе с которой Александр рассчитывает на друзей и на клакеров из Кружка. Сулье качает головой: этого недостаточно, пусть Александр даст ему пятьдесят мест в партере, и он явится в сопровождении рабочих своей деревообделочной фабрики. Александр без колебаний отдает ему места, но не без некоторого беспокойства, поскольку не далее чем несколько месяцев назад, «в том же зале и с тем же названием

пьесы», Сулье был освистан, и вдруг, вместо того чтобы способствовать успеху, он вовлечет его в подобную же катастрофу?

— Канальи!

— Рутинеры!

— Дураки!

— Цирюльники!

— Они ничего не смыслят!

— Ничтожества!

— Жеманниц — в отель де Рамбуйе!

Семь часов вечера, три удара к началу, шум неописуемый, пролог невозможно расслышать. Из своей ложи Александр не теряет Сулье из вида. По знаку хозяина пятьдесят пролетариев суетятся в партере в восторге от дополнительной возможности насолить буржуям своим видом — острыми локтями, грубыми башмаками — и овацией артистам. Чуть затихают, можно снова начать пролог, черт побери этого Сулье!

Битва продолжается пять часов, монолог Сантинелли освистан, арест Мональдески вызвал аплодисменты, а уж молодцы Сулье завершили дело неистовыми криками «браво». Когда же раненный Мональдески ползет по сцене, а Христина приказывает из жалости его прикончить, общий восторг до исступления, и это победа. Однако остается сыграть эпилог. Тридцать лет спустя в Риме Христина и Сантинелли рассуждают о совершенном ими преступлении, и зал остывает. Александр вынужден признать свою ошибку: эпилог был лишним. Уже за полночь, и никто не может сказать, «провалилась «Христина» или имела успех». У себя дома Александр приказал приготовить ужин на двадцать пять персон. Среди них Гюго, Виньи, Поль Лакруа, Буланже, Ашил Конт, Планш, Теодор Вилленав, Корделье-Делану. Жестокий спор, надо не только выкинуть эпилог, но и сделать не меньше дюжины сокращений и связок, переписать более сотни *непринятых,* то есть освистанных по причине их несостоятельности стихов. Александру невесело с гостями: где найти время, чтобы внести все эти изменения, да еще дать актерам возможность отрепетировать новый вариант до второго спектакля, то есть непосредственно перед ним?!

«А вот теперь послушайте-ка, что произошло, и что я вам сейчас расскажу, это почти как эпизод с Сулье, и, поверьте, вещь совершенно не слыханная даже на праздниках литературы, не говоря уже о буднях <…>.

Гюго и Виньи забрали у меня рукопись, велели ни о чем не беспокоиться, заперлись в кабинете, и в то время, как все мы ели, пили, пели, они работали… Работали четыре часа кряду, как

будто им самим это было необходимо, и когда они вышли на белый свет и увидели, что все спят или засыпают, они оставили готовую для игры рукопись на камине и, никого не будя, удалились, два соперника ушли под ручку, как братья!»

В самом деле, можно лишь присоединиться к комментарию Александра: «Вещь неслыханная даже на праздниках литературы». Стучат в дверь, это книготорговец Барба, он предлагает двенадцать тысяч франков за рукопись «Христины», вдвое больше, чем за «Генриха III». На них Александр частично удовлетворяет своих кредиторов. Зато свой долг герцогу Орлеанскому он платит сполна, посвятив ему издание «Христины» как «выражение уважения и признательности». На втором спектакле — полный успех. Пресса в целом и те из зрителей, кто присутствовал на премьере, оценили внесенные изменения. Жюль Жанен, Делакруа, графиня Даш[77] выражают свой энтузиазм. Сент-Бёв и Жорж Санд, и, слава богу, только они, поджимают губы. Александр выходит из Одеона. Фиакр останавливается перед ним. Женщина выглядывает из дверцы: «Г-н Дюма?» Он кланяется.

«— Ну тогда поднимитесь сюда и поцелуйте меня… Ах! у вас такой благородный талант, и к тому же вы нравитесь женщинам!»

Александр с удовольствием подчиняется, и так начинается почти двадцатилетняя нежная дружба с Мари Дорваль, которая закончится лишь со смертью актрисы. Правда, вначале она пыталась сопротивляться, не то чтобы Александр ей не нравился, напротив, но, «как Марион Делорм», она в тот момент снова стала девственницей в своем романе с ангелоподобным Альфредом де Виньи и пыталась сохранять ему верность как можно дольше. Напрасно бастард-любовник и отчаянный ревнивец Мелании Вальдор предлагает ей главную роль в «Антони», она все еще не уступает. Охотник умеет хранить терпение, тем более что 16 мая, в день, когда король распускает Палату депутатов, Фирмен представляет ему Белль Крельсамер, так зовут в жизни актрису Меланию Серр. Эльзасская еврейка по происхождению, Белль имеет полное право носить это имя (Belle — прекрасная, красивая. — *Примеч. пер.):* «Волосы черные как смоль, глубокие глаза цвета лазури, прямой нос, как у Венеры Милосской, и жемчужины вместо зубов». Она была любовницей Тэйлора и имела от него дочь[78]. Поэтому ей удалось дебютировать в Комеди-Франсез. Талант у нее был менее ярким, чем красота, и в число акционеров театра она не вошла, вот почему отправилась играть в провинцию, откуда ее и привез Фирмен.

«Я начал с того, что спросил у Фирмена, каковы степень и род его интереса к подопечной.

Я всегда уважал подопечных моих друзей, а по отношению к

этому прекрасному экземпляру вопрос приобретал определенную важность».

Поскольку Александр ухаживает также за Мари Дорваль, можно заключить, что бесплотный Альфред де Виньи, хотя и оказал ему услугу с «Христиной», в число истинных друзей Александра не входил. Фирмен, как выяснилось, имел к Белль «интерес чисто художественный». Александр до некоторой степени тоже, однако ему не удалось вернуть ее в Комеди-Франсез. «Но она не рассердилась на мою неудачу», что и доказала по прошествии трех недель. Помещает он ее в доме номер 7 по Университетской улице, на которой живет и сам в доме 25: у него так мало свободного времени, что он экономит на дороге. 25 мая французский флот из Тулона направляется в Алжир — начало статридцатидвухлетней оккупации; во главе экспедиционного корпуса стоит военный министр Бурмон лично, король и Полиньяк убеждены, что колониальная победа вызовет энтузиазм толпы и укрепит их власть.

31 мая герцог Орлеанский дает бал в честь своего родственника Неаполитанского короля, «этого недостойного француза, сына Фердинанда и Каролины, который в 1820 году, будучи избран патриотами, чтобы их представлять, предал патриотов; и который из проводника революции превратился в ее душителя». Александр не слишком стремился его увидеть, так как он был сыном того, кто пытался в свое время отравить Генерала, однако на бал были приглашены «все литературные и художественные знаменитости Франции», кроме него, и пришлось пожаловаться герцогу Шартрскому, что снова с Александром обошлись как с незначительной персоной. Только у тех поступок этот вызовет улыбку, кому не приходилось в борьбе завоевывать свое право на общественное признание. «И превосходный молодой человек рад был прислать мне билет на бал». Александр приветствует герцога Орлеанского, который по-отечески дает ему урок королевского этикета. Напрасно, король и недостойный француз из Неаполя не представлены Александру. Начинается бал. Для здравомыслящего графа де Сальванди «это настоящий неаполитанский праздник, поскольку мы танцуем на вулкане».

«И в самом деле, вулкан не замедлил с извержением <…>. Я был там, я видел, как это было: выброс произошел на моих глазах». Толпа зевак заполнила сад Пале-Рояля. Молодые республиканцы перелезли через ограду, подожгли пирамиду из стульев и водили хоровод вокруг костра под революционную песнь Ça ira.

И здесь как у Бурбонов, так и у Орлеанских оказались общие приятные воспоминания. Пока аристократов не повесили на

фонарях, они все приклеились к окнам. По поручению герцога Шартрского, Александр спускается за информацией. В саду гвардеец как раз в этот момент производит насильственный арест одного их манифестантов. Александр освобождает последнего, он его узнал. Это Альфонс Синьоль, который недавно приносил ему одну из своих драм «Тряпичник». Александр теперь уважаемое лицо, у которого ищут совета, рекомендаций, помощи. Сейчас Синьоль вне себя от ярости из-за того, что с ним так обошлись. Он клянется отомстить, но не самому солдату, а при первом же удобном случае какому-нибудь офицеру, не желает ли г-н Дюма стать его секундантом? Александр соглашается и поднимается назад к герцогу Шартрскому — отчитаться. Гвардия идет на манифестантов в штыки.

На следующий день Синьоль является к Александру узнать его мнение о своем «Тряпичнике» и оправдывается следующим образом: «Он сделал эту драму только в утешение своей старенькой матери; целый год надежды; все возможное благосостояние семьи связано с этим произведением». Это о чем-то смутно напоминает Александру, он приглашает Синьоля пообедать и обещает поразмыслить о путях совершенствования пьесы. Ночь он проводит с Белль, а вернувшись, получает оставленное Синьолем рано утром письмо. Молодой республиканец вызвал на дуэль офицера гвардии и хотел, чтобы, как и было договорено, Александр был его свидетелем, но, не застав его дома, вынужден был довольствоваться другим секундантом. «Если меня убьют, я поручаю вам «Тряпичника», это единственный источник существования для моей матери».

Так и случилось. Первая жертва Июльской революции, Синьоль погиб на дуэли. Между тем директор театра «Порт Сен-Мартен», у которого хранился второй экземпляр рукописи, передал идею «Тряпичника» Дюпёти. Его пьеса была поставлена и имела успех. На премьере Александр узнал куски, позаимствованные у Синьоля, и показал сохраненный им экземпляр Дюпёти и его сотрудникам. Они и знать не знали о существовании пьесы, но согласились уплатить долг: мать Синьоля получила третью часть прав.

У каждого свой Антони. Своего Александр практически доносил до срока, тот же, что был под сердцем у Мелании и получил прозвище — «герань» (заветный цветок Мелании), был на полпути к рождению. Но уже достаточно заметен. Вместе с дочкой и своей матерью — сообщницей Мелания уезжает в родовое имение Ля Жарри, чтобы скрыть его от посторонних глаз. Александр обещает ей все, чего она просит: да, он непременно будет присутствовать при рождении маленького Антони, да, он

приедет к ней тотчас же, как закончит пьесу и она будет принята в Комеди-Франсез. И как только забеременеет Белль, что случится довольно скоро.

9 июня он перечитывает «Антони», зная, что написал великую драму, без сомнения, свой шедевр на театре. Быстрая, нервная, резкая история эта посвящена роковой страсти незаконнорожденного Антони, атеиста, анархиста, мизантропа, к кроткой Адели. Поскольку у него нет имени, чтобы предложить его возлюбленной, Антони отправляется на поиски тайны своего рождения. В его отсутствие Адель-Мелания вынуждена выйти замуж за полковника Эрвея, щедрое повышение в чине бедного капитана Вальдора, от которого родит девочку. Действие начинается с возвращения Антони, он в отчаянии, подумывает всерьез, не заколоть ли кинжалом соперника-мужа, превосходное средство для последующего самоубийства с помощью гильотины. Он пишет Адели, желая увидеться с нею в последний раз. Опасаясь, что не сможет ему противостоять, она решается бежать от встречи к мужу в Страсбург (ловкая подмена Лотарингии, где находился гарнизон Вальдора). Стоило ей сесть в карету, как лошади, естественно, понесли, и Антони останавливает их, рискуя жизнью. Жестоко израненного, его переносят в дом к Адели, и, чтобы остаться у нее, он срывает повязки со своих ран.

Признавшись, что никогда она не переставала любить Антони, Адель снова решается бежать к полковнику. Но Антони ее опережает на дороге, забирая всех лошадей и снимая все комнаты, кроме одной, на почтовой станции в Иттенхайме. Таким образом Адель лишается возможности продолжать свое путешествие и вынуждена провести ночь на постоялом дворе. Антони разбивает ее окно, затыкает ей рот кляпом и увлекает ее в соседнюю комнату, впрочем, весьма вероятно, что жертва насилия не имела ничего против оного.

Три месяца спустя Париж злословит по поводу некой скандальной парочки. В одном из салонов Адель непосредственно сталкивается с этим злословием и дерзостью в свой адрес. Она бежит домой. Одновременно Антони узнает от одного из слуг о неожиданном возвращении полковника, связанном с анонимными письмами. Он умоляет Адель уехать вместе с ним куда-нибудь на край света. Она отказывается, чтобы не бросить тень на будущее своей дочери. Полковник у дверей. Адель умоляет Антони убить ее. Он покоряется. Полковник взламывает дверь спальной. Антони бросает кинжал к его ногам: «Она сопротивлялась, я ее убил».

«Антони — это сцена любви, ревности, гнева в пяти актах. Антони — это был я, исключая убийство. Адель — это была она,

исключая бегство. Поэтому эпиграфом я взял слова из Байрона: «Они сказали, что Чайльд Гарольд это я… что мне за дело». Обычно первенство в создании подобной формулы приписывается Флоберу в связи с «мадам Бовари», появившейся четверть века спустя. Литературная история XIX века слишком часто забывает о поразительном новаторском вкладе Александра во множество жанров, в данном случае — в изобретение современной драмы. Очень скоро гениальный ход последней реплики «Антони» будет повсеместно оценен. Даже те, кто не видел пьесы в театре, будут знать реплику наизусть. Через несколько лет на одном из спектаклей помощник режиссера ошибся и дал занавес на ударе кинжалом. Раздосадованный Бокаж, игравший Антони, удалился к себе в гримерную. А публика, лишенная знаменитой развязки, яростно протестовала. Тогда Мари Дорваль снова приняла позу мертвой Адели, занавес взвился, но Бокаж не желал возвращаться на сцену. Зрители вопили, свистели, начали даже ломать стулья. Тогда Дорваль встала и вышла на авансцену:

«— Господа, — сказала она, — я *ему сопротивлялась, и он меня убил.*

Потом она сделала глубокий реверанс и покинула сцену под громовые аплодисменты».

Пока что, в ожидании этого дивного эпизода Александр читает пьесу м-ль Марс и Фирмену. Оба «очарованы своими ролями и хотели бы сыграть пьесу немедленно»[79]. После незначительных формальностей прохождения через репертком «Антони» 16 июня принят единогласно. Александру хотелось бы видеть готовый спектакль уже через месяц, однако актеры откладывают начало репетиций на конец сентября, а потом и вовсе на 15 октября. Французский экспедиционный корпус в это время высаживается в Сиди-Феррухе. 19 июня алжирская армия разбита. 5 июля Алжир капитулирует. Te Deum в соборе Парижской богоматери в атмосфере всеобщего безразличия. Цензура запрещает «Антони». С 23 июня и 19 июля проходят выборы, чрезвычайно укрепившие силы оппозиции, все более преобладающие в Палате депутатов. Перед лицом злой воли Комеди-Франсез, снова отложившей репетиции до 1 ноября, Александр начинает переговоры с Гарелем о постановке пьесы в Одеоне, но они ничем не кончаются. Мелания упрекает его в бесконечных письмах и торопит приехать к ней в Вандею. И в довершение ко всему Белль объявляет ему, что беременна. Александр измучен, у него одно желание — бежать из Парижа, где не происходит ничего, кроме неприятностей, в Алжир, самый центр событий. Думал ли он уже о том, чтобы заняться журналистикой?

Он собирает чемоданы, запасается тремя тысячами франков. С Белль решено, что она будет сопровождать его лишь до Марселя. Опасается она не столько риска, заключенного для завоевателей в завоеванном городе, сколько морской болезни, поскольку уже подустала от тошноты в первые месяцы беременности. Отъезд назначен на семнадцать часов в понедельник 26 июля. Александр еще не знает, что накануне в своей резиденции в Сен-Клу король подписал четыре указа, из которых два, по крайней мере, нарушают Конституционную Хартию[80]. Первый касается прессы, обвиненной в том, что она является «инструментом бунта и беспорядка». Ни одна газета не могла отныне выходить без специального разрешения, возобновляемого каждые три месяца. Нарушителей ждало «уничтожение» печатных станков и шрифтов. Вторым приказом распускалась Палата депутатов по причине ее происков, «вводящих в заблуждение и обманывающих избирателей». Третий вносил изменение в избирательное право. В голосовании отныне могли принимать участие лишь крупные землевладельцы, то есть примерно двадцать пять тысяч избирателей на всю Францию. Наконец, последний указ назначал новые выборы на сентябрь. Разумеется, Талейран поспешил предупредить об этом заранее своего друга Жакоба Ротшильда, чтобы тот перестал играть на Бирже на повышение. 26-го утром Александра разбудил Ашил Конт:

«— В «Moniteur» опубликованы указы… Вы не изменили своего решения уехать в Алжир?

Разумеется, остаюсь! Здесь будет гораздо интереснее, чем было бы там!

Затем я позвал слугу:

— Жозеф, — говорю я ему, — ступайте к моему оружейнику, принесите от него мою двустволку и двести пуль двадцатого калибра!»

Александр запирает оружие и боеприпасы в шкаф и уходит за новостями. В Париже спокойно. Белль не очень понимает, почему она должна распаковывать багаж. В Пале-Рояле невозможно поймать ни Орлеанского, ни Броваля, ни Удара, и Александр отправляется в «Cafe du Roi». Там журналисты монархического толка из «la Foudre», «Drapeau blan» и «Quotidienne» выражают свой бурный восторг по поводу указов. Только мудрый Лассань кажется озабоченным. Появляется Этьен Араго. Он приглашает Александра с собой в Институт (Французский Институт — объединение пяти академий. — *Примеч. пер.),* где его брат Франсуа должен произнести речь в честь своего сотрудника Френеля, создателя *зеркал и формул,* носящих его имя, при этом в

жизни — убежденного легитимиста, в противоположность убеждениям Франсуа Араго, который в создавшейся политической ситуации отказывается произносить свою речь. Кювье и другие академики настаивают, и он в конце концов соглашается:

«— Ну что, будешь ты говорить? — спросил его Этьен.

— Да, но будь спокоен, — ответил он, — в конце моей речи, уверяю тебя, они убедятся, что было бы куда лучше, если бы я не говорил».

И Франсуа Араго бичует нарушение Конституционной Хартии. Кювье делает кислую мину, а Александр и подавляющее большинство публики горячо приветствуют ученого. Пользуясь своим посещением Института, Александр идет поздороваться со своей приятельницей Эммой Гюйе-Дефонтен, в доме которой он нашел столько же блестящих умов, сколько и у Нодье, и у Циммермана. От мужа Эммы, только что вернувшегося с Биржи, он узнает о царящей там панике, о том, что Талейран и Ротшильд вовремя сыграли на понижении и много выиграли. Ужинает Александр «У Вефура». В саду Пале-Рояля «молодые люди, взобравшись на стулья, громко читали вслух «Moniteur», но это подражание Камилю Демулену особого энтузиазма у публики не вызывало». От «Вефура» Александр отправляется в дом к Лёвенам, но Адольфа нет дома, он уехал к Лаффиту. Банкир, как и герцог Орлеанский, не подает никаких признаков жизни, предпочитая дать слово оппозиционной прессе. Само собой разумеется, что граф Лёвен пребывает на большом собрании в «Courrier francais», где журналисты горячо обсуждают манифест, напечатанный в «National», весьма осторожным, но безусловно преданным Орлеанскому Тьером: «Законный режим нарушен, начался режим силы. Правительство попрало законность и тем освободило нас от повиновения»[81]. Весть о том, что на первой стадии трибунал признал королевский указ незаконным, побудила сорок пять журналистов, представляющих двенадцать органов прессы, подписать манифест Тьера. Они разошлись, договорившись продолжать свои публикации даже и без разрешения. Но в действительности большинство издателей, опасаясь за свое имущество, отказалось присоединиться к движению. Александр снова заезжает к Белль и, не задержавшись у нее надолго, возвращается к себе, «дабы сохранить на следующий день полную свободу действий».

Во вторник 27-го напряжение нарастает. Типографские рабочие, осужденные на безработицу, выходят на демонстрацию с лозунгами «Да здравствует Хартия! Долой министров!» К ним присоединяются студенты и разгневанная толпа. Появляются первые баррикады. Войска разбирают их, не встречая до поры до

времени вооруженного отпора. Всякий раз, когда он предчувствует важный поворот в своей жизни, Александр испытывает потребность повидаться с Мари-Луизой. Успокаивать ее бесполезно, поскольку она совершенно не в курсе политической ситуации, поэтому он просто целует ее, ласкает кота Мизуфа и уходит. Встреча с Полем Фуше, родственником Виктора Гюго, «близоруким и рассеянным молодым человеком <…>, постоянно наталкивающимся на прохожих, на каменные тумбы и на деревья, на которых он как будто ищет афиши театров, которые играют его произведения». И, конечно же, в данный момент Фуше необходим внимательный слушатель: он написал новую драму. Александру еле удалось сбежать от чтения при помощи проезжающего мимо фиакра. Он идет к полемисту Арману Каррелю и застает его спокойно обедающим. Александр убеждает Карреля, что надо идти на улицу. Каррель вооружается пистолетами. Александру же не кажется необходимым воспользоваться пистолетами Меннесона.

Они смешиваются с толпой на бульварах. Волнения, жандармы грабят помещения «Temps», одной из немногих газет, решившихся опубликовать манифест протеста. Впрочем, это не совсем точно сказано, полиция хочет только войти в типографию, чтобы уничтожить печатные станки. Александр наблюдает сцену из первого ряда. Комиссару препятствует директор «Temps» Бод, «колосс пяти футов и восьми-десяти дюймов, с черными волосами, густыми и развевающимися, как грива <…>; голос у него был такой сильный и гулкий, что в гуще революции был подобен молнии в бурю». Во главе группы рабочих и журналистов он потрясал Кодексом, открытым на статье *взлом,* которую он громко читал взломщику: «И будет наказан каторжными работами всякий, кто…» При упоминании закона взломщик снимает фуражку, он расстроен, он поворачивается к комиссару, он уклоняется от дальнейших действий. Комиссар вербует второго слесаря-взломщика, который «теряет» свою связку ключей, пробираясь через толпу манифестантов. Комиссар хотел было его арестовать, «но толпа открывается перед ним, обволакивает его своими складками и увлекает в свой водоворот». Конные жандармы заряжают ружья. Александр обращается в бегство. Шум канонады со стороны Пале-Рояля. Каррель возвращается домой, он против вооруженного сопротивления. Александр бежит туда, где жарко. Навстречу ему попадается доктор Тибо, ставший близким другом генерала Жерара, который поручил ему встретиться с бароном де Витролем с целью формирования нового кабинета министров взамен полиньяковскому. Александр не верит в чудодейственное

лекарство доктора и решает вернуться в пригород Сен-Жермен. Улица Вивьен забита солдатами с примкнутыми штыками. Александр ретируется в кафе при театре Нувоте.

«Войска шли строевым шагом, заполнив улицу во всю ее ширину и гоня перед собой мужчин, женщин, детей.

Теснимые солдатами люди пятились с криками:

— Да здравствуют прямые наследники!

В открытых окнах женщины махали платками и кричали:

— Не стреляйте в народ!

Среди людей, гонимых солдатами, были персонажи, которые являются на свет дневной лишь в определенные моменты, чтобы запустить в ход бунт или революцию, и которых можно было бы назвать людьми начала».

На площади у Биржи полк оставляет дюжину часовых у деревянной лачуги, а сам движется дальше в сторону Бастилии. Появляются вездесущие парижские мальчишки, которым отдал дань Делакруа в «Свободе, ведущей народ», и которых после Гюго будут звать гаврошами, и в наши дни эти юные жители предместий не убоятся регулярных войск, будь то в Мюро, Аржантейе или Воль-ан-Велен. В 1830 году они кричат: «Да здравствует Хартия!», которой, разумеется, и в глаза не видели. Они обстреливают войска камнями. Один из солдат стреляет и попадает, убита молодая женщина. В тот же миг гаснут все огни, закрываются все лавочки. Под предводительством Этьена Араго на площади появляется группа людей. Александр спрашивает друга:

«— Что происходит, — спросил я его, — и что решили?

— Пока ничего… Строят баррикады… убивают женщин и закрывают театры, как видишь».

Араго только что провел эвакуацию в руководимом им театре Водевиль и теперь делает то же самое с Нувоте. Зрители выходят, огибая труп убитой молодой женщины. Араго призывает свою группу идти за ним в театр Варьете: «С закрытием театров черное знамя простерлось над Парижем». Александр не следует за Араго, он остается ужинать в театральном кафе. Снова выстрелы на площади у Биржи. Александр кидается к окну, чтобы занять место поближе, как когда-то в детстве, когда в 1814 году он присутствовал при стычке французов с пруссаками. Но в этот вечер темнота помешала ему различить детали боя. Революционеры разоружили солдат. Они подожгли деревянный барак. Они возложили на носилки тело убитой молодой женщины и удалились при свете факелов, вопия о мести.

Александр возвращается домой. По улице Эшель передвигаются тени: «То была в молчании возводимая баррикада,

как будто бы ее строили призраки ночи. Обменявшись рукопожатиями с ночными тружениками, я добрался до Каруселли». Во дворе Тюильри солдаты разбили лагерь. «И я подумал, что должно быть так же было и в ночь с 9 на 10 августа 1792 года». Часовой велел ему убираться. Он пересек Сену. Улицы Бак и Университетская пустынны. В своей квартире он открывает окна настежь. «Париж казался безлюдным и безмолвным; но это спокойствие было обманчивым; чувствовалось, что безлюдность обитаема, а безмолвие полно жизни!» Как раз в это же время где-то в Латинском квартале студенты Политехнической школы начинают вооруженное восстание. Во главе штаба — Годфруа Кавеньяк, будущий председатель Общества Прав человека, не путать с его братом зловещим Луи Эженом Кавеньяком, впоследствии ставшим предшественником Массю и Бижара в усмирении Алжира и главным карателем парижских рабочих в июне 1848 года.

Утром в среду 28-го Александр отправляется к Годфруа Кавеньяку. Только что Ашил Конт информировал его о том, что никто из лидеров оппозиции — ни Казимир Перье, ни Лаффит, ни Лафайет — не хочет себя компрометировать и либо отказываются принять делегацию студентов, либо советуют им прекратить какие бы то ни было действия. Между тем восставшие уже полностью держат под контролем восточные кварталы столицы. На западе маршал Мармон, предавший Наполеона в 1814 году и ненавидимый парижанами, готовится к наступлению во главе восьмитысячного войска. По обоим берегам Сены продолжается строительство баррикад и грабеж оружейников. Нигде не найдя Кавеньяка, Александр возвращается к себе, чтобы переодеться в костюм, подходящий для роли, которую он рассчитывал сыграть на революционной сцене. Он звонит Жозефу и просит принести ему охотничий костюм. «Для дела, которым мы собирались заняться, это была одежда самая удобная и, кроме того, менее всего привлекающая внимание». В самом деле, уже за месяц до открытия сезона нередкостью было увидеть прогуливающихся по Парижу охотников.

Большое волнение на улице, вездесущий Этьен Араго и Гожа призывают народ к оружию. Двое конных жандармов на них нападают. Одного из них убивают молодые республиканцы, другой спасается бегством. Араго и Гожа идут проповедовать дальше. Александр же заканчивает с переодеванием, выходит на улицу. В квартале его знают, люди спрашивают, что делать. Он распоряжается о строительстве двух баррикад, одной — на улице Бак, другой на его собственной Университетской улице. Показывает пример: вооружившись ломом, начинает

выкорчевывать булыжники. Можно представить себе Белль у окошка, которая с волнением, но и с восхищением наблюдает своего великана, преобразившегося в военачальника.

Ружье есть только у него одного. Появляются трое солдат. Александр берет их на мушку, а толпа разоружает. Александр отпускает пленников. На помощь прибывают студенты. Их возглавляет «высокий молодой блондин, одетый в сюртук цвета зеленого яблока». Братание, и Александр уступает свой лом высокому молодому человеку. Тот роняет лом, и инструмент сильно ударяет Александра по ноге. Банальные извинения высокого молодого человека. Знакомство, блондина зовут Биксио, он студент-медик и предлагает себя в полное распоряжение Александра в случае ранения. «Мы сжали друг другу руки. Отсюда началась наша дружба». Построив баррикады, Александр не знал, чем бы еще заняться. Он решает пойти в «National», газету, финансируемую герцогом Орлеанским. С ружьем на плече он легко проходит повсюду. На уровне Пале-Рояля войска соединяются, это начало наступления Мармона в направлении Ратуши. Александр находит себе убежище в канцелярии герцога Орлеанского. Там он встречает Удара. У него возникает желание отплатить бывшему своем начальнику, «больному от страха»: на то и революция, чтобы хотя бы позволить себе месть за былые унижения. Через жалюзи он прицеливается в генерала, командующего войсками. Удар бледнеет и пытается отвести ружье. Александр хохочет и показывает, что курок не взведен.

«— О! говорит он мне, — вы ведь не останетесь здесь, не так ли?

— Подождите, пока пройдут солдаты… К сожалению, я не могу один атаковать две-три тысячи человек».

Когда прошли последние солдаты, Александр выходит из Пале-Рояля на улицу Ришелье. Повсюду восстанавливают баррикады, уничтожают изображения цветов лилии, оплевывают Бурбонов. «Из окон женщины махали платками и кричали «браво» каждому мужчине с ружьем в руках». И нет ничего странного, что Александр имел у них огромный успех. В газете «National» он встречает Карреля, по-прежнему не поддерживающего восстание. Он знакомится с Шарра, «высоким и красивым юношей лет двадцати-двадцати двух». Несколько месяцев назад Шарра был отчислен из Политехнической школы за то, что «на одном и том же ужине пел Марсельезу и кричал «Да здравствует Лафайет!» В данный момент он измучен поисками куда-то подевавшихся известных орлеанистов и думает лишь о том, чтобы вступить с ними в рукопашную. Поскольку он безоружен, он может перейти на другой берег Сены по мосту Искусств или по Новому.

Александр же со своим ружьем должен вернуться через Сен-Жермен. При виде собора Парижской богоматери он останавливается со сразу увлажнившимися глазами: трехцветное знамя полощется над ним, стяг Генерала, увиденный впервые за пятнадцать лет.

Высокий рост и худощавость, лицо и экзотическая шевелюра, костюм охотника — все указывало в нем на командира в городской партизанской войне. Люди с разнокалиберным оружием собирались вокруг него, спрашивая, не желает ли он стать их командиром. И он, не чинясь, принимает предложение. Его маленькая группа составляет ядро, и вскоре их уже полсотни, компаньерос. «Что я заметил, так это легкость, с которой во времена революции растет число барабанщиков: они просачиваются сквозь стены, поднимаются из мостовых». В распоряжении Александра сразу же оказываются двое, плюс знаменосец.

Революционный отряд, который чувствует себя в родном квартале, как рыба в воде, патрулирует улицы Лиль, Бак, Университетскую. Интересно, сидит ли еще Белль у окошка? Александр замечает, что при нем нет ни копейки денег. Он хочет подняться к себе за деньгами, но портье отказывается ему открыть, это приказ домовладельца: «Мое утреннее поведение вызвало скандал». Компаньерос предлагают выломать дверь. Он сдерживает их энтузиазм, так как его квартира нравится ему, и он вовсе не хочет ее потерять. Он проводит смотр вооружения своего войска, составляющего тридцать ружей и десять патронов. Оружейник, магазин которого уже пуст, «сообщает нам, что за маленькой дверью Института на улице Мазарини мы найдем некоего *господина,* который распределяет порох». Воистину! Кто же этот *господин?* Филантроп-республиканец наподобие нотариуса Меннесона? Скорее агент орлеанистов. В то время как его люди стоят в очереди за своей порцией пороха, Александру удается добыть у друга пятьдесят патронов. И снова его отряд пускается в путь с трехцветным знаменем и барабаном впереди, превосходно вооруженный мужеством и возможностью для каждого стрельнуть из ружья во имя Свободы почти два раза.

Вот они уже на пути к Гревской площади, откуда слышна стрельба. Компаньерос переходят через Новый мост и по набережной Орлож входят на остров Сите. По дороге к набережной о'Флёр путь им преграждает полк, тысяча пятьсот солдат против их тридцати ружей. Генерал, разумеется, прорвался бы, но Александр делает знак, что хочет вступить в переговоры. Навстречу ему выходит капитан:

«— Что вам угодно, сударь? — спрашивает он меня.

— Пройти вместе с моими людьми.

— Куда вы направляетесь?

— К Ратуше.

— Для чего?

— Но, — ответил я, — чтобы сражаться.

Капитан рассмеялся.

— По правде сказать, господин Дюма, — говорит он мне, — я не думал, что вы до такой степени безрассудны».

Так что, этот капитан его поклонник? Почти, он дежурил у Одеона в вечер, когда давали «Христину», слышал разговоры про «Антони», а когда премьера? Никогда, как ответила цензура, значит, надо срочно ее упразднить, голос Александра становится убедительным, поэтому и необходимо для победы нынешней революции оставить для него проход свободным. Капитан предпочитает сохранять нейтралитет, если только по нему не станут стрелять. Компаньерос возвращаются назад, кружат, петляют и, наконец, оказываются неподалеку от подвесного моста Ратуши. Сотня восставших как раз форсирует его бегом. Набитая картечью пушка расстреливает всю вереницу, кровавый прорыв. Александр и его компаньерос открывают огонь по канонирам, «двое падают. Но в то же мгновение им на смену приходят другие». Второй, третий залп картечи, пятьсот солдат идут в штыки на оставшихся в живых. Беспорядочное бегство в лабиринт улочек острова Сите. Александр переходит Сену, оказывается на улице Мазарини и стучится к художнику Летьеру.

«Бог мой, как это славно, после того, как свистела над тобою картечь и ты видел смерть полусотни людей, оказаться среди добрых друзей, которые обнимут тебя, пожмут тебе руку и нальют тафии» (тафия — водка из тростникового сахара. — *Примеч. пер.)*. Никакого желания вновь выйти на улицу и продолжить сражение у Александра нет. К тому же Летьер и «почти республиканка» м-ль д'Эрвилли объявляют его пленником. «Ничего лучшего, чем это насилие, и пожелать было нельзя; я остался ужинать». Со свежими новостями является сын Летьера. «Во всех уголках Парижа бились и убивались. Бульвары были в огне от Мадлен до Бастилии; половина деревьев вырублена и использована для постройки более сорока баррикад. <…>

Со стороны предместья и улицы Сент-Антуан революционный порыв проявлялся в том, что идущих из Венсенна солдат убивали выбрасываемой из окон мебелью. Все становилось оружием: части кроватей, шкафов, комодов, куски мрамора, стулья, подставки для дров, ставни, бутылки; доходило даже до фортепьяно!»

В это время Тьер и Минье находятся за городом. Оппозиционные депутаты во главе с Лаффитом и Казимиром

Перье пытаются вступить в переговоры с Мармоном, неуступчивый, он рассчитывает на серьезное подкрепление из провинции. Пессимизм в изысканном салоне Летьера. Александр уже видит себя за границей изгнанником. Зная его «способность к экономии», Летьер предлагает ему денег. Александр отказывается: он богат, собираясь в Алжир, собрал три тысячи франков. Он поручает сыну Летьера доставить ему эти деньги вместе с паспортом и последними патронами. Ах, не мог бы он также по дороге занести успокаивающее письмо для Белль?! Сын Летьера берется выполнить обе миссии. Тем более, что домовладелец Александра к этому времени стал гораздо уступчивей, так как предместье Сен-Жермен находилось в руках восставших. «Он позволил мне вернуться при условии, что я дам честное слово не стрелять из окон. Это была огромная моральная победа, принесенная восстанием».

Александр пользуется ею, чтобы отнести домой ружье и привести себя в порядок. «Мне казалось необходимым так или иначе скомпрометировать главарей оппозиции». Достаточно чего-то очень сильно захотеть, и можно одержать победу там, где потерпело поражение множество студенческих делегаций. Александр отправляется к Лафайету, с которым он отлично знаком, да и кто же в Париже не знает самого Александра?! Лафайет принимает его с распростертыми объятиями. Герой войны за независимость Америки, он готов все сделать ради Свободы, лишь бы ему *«дали это сделать».* Александр бежит к Этьену Араго, чтобы информировать его об этом отчаянном решении. Вместе они идут в «National» и там встречают Жюля Ташеро, Шарля Теста и Беранже, эти трое как раз заняты формированием временного правительства в составе Лафайета — Александр явился кстати — Жерара и герцога Шуазёля. Остается только воспроизвести их подписи для коммюнике в прессе и для листовок, призывающих к оружию. Александр зевает: воину-дипломату пора отдохнуть.

Утром в четверг 29-го восставшие, в свою очередь, переходят в наступление, но даже стрельба над самым ухом не может помешать сну Александра. Жозеф будит его, чтобы сообщить о боях за артиллерийский музей на площади Святого Фомы Аквинского. Александр наскоро собирается, спешит к месту боя, расстроенный. Несмотря на потери, атакующим удалось взять штурмом караульное помещение. Искушенный стратег, Александр советует им вскарабкаться на крыши. Его план принят, сам же он занимает позицию у окна в мансарде и открывает огонь. Солдаты падают замертво или разбегаются. Восставшие занимают музей. Александр торопится спасти «археологические

ценности»:

«— Ради бога, друзья, — вскричал я, — не трогайте оружия!

— Как это не трогать оружия? Вот это вполне подходящее! — ответил человек, к которому я обращался, — разве мы здесь не для того, чтобы захватить оружие?!»

Как предотвратить грабеж? Полное облачение всадника, принадлежащее Франциску I, и аркебузу, из которой Карл IX стрелял в гугенотов во время Варфоломеевской ночи. «Я надел шлем на голову, щит на руку, шпагу на пояс, взял аркебузу на плечо и побрел, сгибаясь под тяжестью всего этого, на Университетскую улицу». Вторым рейсом он доставил кирасу, секиру и булаву. За возвращение всей этой утвари он получит постоянное право на бесплатное посещение музея.

Он снова берет свое ружье, встретившийся ему на улице Корделье-Делану сообщает ему о месте сбора на площади Одеона, и он бежит туда. Шарра и другие студенты из Политехнической школы собирают войско в пятьсот-шестьсот человек, состоящее в основном «из народа», а также из продавцов, студентов и, конечно же, стайки мальчишек, все вооружены пистолетами, саблями или просто штыками. Льют пули, раздают порох, не хватает бумаги для патронов, и в пустоту бросается призыв о помощи: нужны бумажные абажуры. Тотчас же открываются окна, и «в воздухе замелькали предметы самой разнообразной формы, хотя и сделанные из одного материала; бумага летела в виде тетрадей, отдельных листов, книжных томов; меня чуть не уложил на месте «Gradus ad Parnassum!» Голосуют за избрание главнокомандующего. Шарра от этой должности отказывается, поскольку у него нет ни лошади, ни даже полного комплекта обмундирования. Он предлагает своего товарища Лотона, у которого есть лошадь, но который готов ее уступить бывшему капитану волонтеров ради его высокой миссии. Бьют барабаны. На перекрестке Бузи войско разделяется на три части. Колонне, где находится Александр, и которая состоит из сотни человек, не считая мальчишек, предписано не больше не меньше, как перейти мост Искусств и взять штурмом Лувр.

Лувр — под усиленной охраной: по два швейцарских гвардейца в каждом окне, целый полк за решетками ограды, другой, состоящий из кирасиров и «похожий на огромного змея с чешуей из золота и стали», идет на подкрепление. Александр — храбрый человек, что означает — не самоубийца, как Генерал, и не беззаботный мальчишка, как тот, что скачет сейчас по парапету с пистолетом в руках и вызывающе держит себя по отношению к регулярным войскам, пока не получит пулю в задницу. Внимательным взглядом охотника он тщательно изучает

обстановку, пока его товарищи беспорядочно перестреливаются с противником. Что совершенно ясно, так это то, что мост перейти нельзя, так как с другого его конца стоит пушка. Тем не менее Александр намерен присутствовать при дальнейших событиях, ведя репортаж с передовой под защитой бронзового льва, украшающего фонтан.

На часах Института десять тридцать пять, солнце похоже на расплавленный свинец. Вскоре Лувр скроется в дыму от ружейных выстрелов швейцарцев. Александр стреляет только наверняка, когда появляются просветы, и с точностью клинициста фиксирует многочисленные сцены этой драмы, где персонажи играют собственной жизнью. Одного из восставших, спрятавшегося за парапет, пуля ударила прямо в лоб. «Он вздернулся, как на пружине, сделал несколько шагов назад, уронил ружье, дважды или трижды повернулся вокруг себя, колотя воздух руками, и рухнул лицом вниз». Другой ранен в живот, его мучит жажда, и он ползет к фонтану. Александр протягивает ему руку, чтобы помочь доползти до воды, он пьет, но в это время его настигает еще одна пуля. Внезапно в порыве героического безумия, как это нередко бывает во время восстаний, «армейский корпус» менее, чем из сотни человек, и вооруженный кое-как, решается сразиться с пушкой и тысячами швейцарцев и кирасиров:

«Барабан пробил атаку и устремился к мосту.

За ним все мальчишки с криками «Да здравствует Хартия!»

За ними армейский корпус.

Должен признаться, что меня в этом корпусе не было».

Здесь трудно отказаться от объяснения этого «признания» при помощи фразы из «Трех мушкетеров»: «Д'Артаньян вовсе не принадлежал к числу людей бессмысленной храбрости, которые ищут нелепой смерти только ради того, чтобы о них сказали, что они ни на шаг не отступили».

Пушка сплюнула картечью. «Я увидел дымящийся фитиль, соприкасающийся с огнем, я схоронился за моим львом и в то же самое мгновение услышал шум взрыва и свист картечи, повредившей фасад Института». Люди — кто падает, кто продолжает бежать вперед, а кто останавливается. По команде стреляет взвод, снова палит пушка, повстанцы падают в Сену, уцелевшие обращаются в бегство. «В одно мгновение набережная совершенно опустела. Раздался третий пушечный выстрел, и хоть я и не тщеславен, могу сказать, что этот третий пушечный залп был дан ради меня одного».

Пока пушку перезаряжали, Александр успел добежать до маленькой двери в Институт. Консьерж ему открыл. Александр поднимается к своей приятельнице Эмме Гюйе-Дефонтен, как всегда «очаровательной в своей живости, остроумии, воодушевлении». Он умирает от голода и жажды, опустошает целую бутылку бордо, пожирает целую миску шоколадного крема, прежде чем начать рассказ о «своей илиаде <…>, одной победе и двух поражениях». Рассказ по горячим следам позволяет прочно зафиксировать в памяти все пережитое. И когда двадцать лет спустя он будет писать своих Трех Славных, ему не потребуется прибегать к каким бы то ни было приукрашиваниям памяти, чтобы дать читателям возможность оказаться вместе с ним в первом ряду ложи.

Он возвращается на свою Университетскую улицу, где консьерж принимает его как триумфатора, а Жозеф занят чисткой снаряжения Франциска I. Не успевает Александр сменить рубашку, как на улице слышится страшный шум. «То был Шарра и его группа, они вернулись из казармы на улице Вавилон. Там случилась страшная бойня: после получасовой осады казарма была подожжена, чтобы выкурить оттуда швейцарцев». Во время штурма погиб студент по имени Вано. Александр смотрит в окно, выходящее на улицу Бак, и видит «тысячи писем и бумаг, летающих по саду Тюильри. <…> Это были письма Наполеона, Людовика XVIII, Карла X, пущенные по ветру».

Взятие Тюильри он прозевал. Чертыхаясь на свою нерасторопность, он снова второпях натягивает куртку и, не сменив рубашки, бежит к толпе, заполнившей Тюильри. «Там были сотни женщин: откуда они взялись?» Один студент Политехнической школы ранен, и его с триумфом везут на

пушечном лафете. Другого, убитого, положили на королевский трон. В зале Маршалов расстреливают портрет Мармона. В библиотеке герцогини Беррийской Александр возвращает себе экземпляр «Христины», который он ей послал. В спальной короля — разнузданная толпа. «О том, что там происходило, я так никогда и не узнал, но, если судить об этом по количеству зрителей и по взрывам их смеха, там должно было происходить нечто невероятное…» Во дворе четверо мужчин, «в костюмах придворных и в шляпах с перьями» исполняют «под звуки флейты и скрипки один из первых канканов».

«Революция 1830 года свершилась.

Свершилась — говорим мы, и повторяем, и пишем в печати, а если потребуется, вырежем на железе и меди, бронзе и стали, — свершилась, и вовсе не усилиями осторожных актеров-участников пятнадцатилетней комедии, укрывшихся за кулисами, в то время как народ играл трехдневную кровавую драму; не усилиями всяких там Казимиров Перье, Лаффитов, Бенжаменов Констан, Себастьяни, Гизо, Могенов, Шуазёлей, Одилонов Барро и трех Дюпенов. Нет! Все они, как мы сказали, прятались даже и не за кулисами, что было бы слишком близко от спектакля! — они прятались в собственных домах, тщательно охраняемых, герметически закупоренных. Нет! Они никогда не сумели пойти дальше легального сопротивления, и даже когда Дувр и Тюильри были уже взяты, они в своих салонах все еще обсуждали терминологию протеста, которую кое-кто находил слишком уж смелой. <…>

Революцию 1830 года свершила пламенная молодежь героического пролетариата, который, да! раздул пожар, но и погасил его собственной кровью; и их-то, людей из народа, оттесняют в сторону, когда дело закончено, и они, сберегшие государственную казну, снова умирают от голода и, босые, поднимаются на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть с улицы приглашенных к пирогу паразитов от власти, за их счет допущенных к доходам от налогов, к раздаче мест, к дележу почестей.

Революцию 1830 года свершили те же люди, которые двумя годами позже и по тем же причинам дадут себя убить в Сен-Мерри.

Только на этот раз они сменили имя, как видно, потому, что не сменили принципов: не героями уже называют их, а бунтовщиками.

Одни ренегаты вне зависимости от их воззрений никогда ни при какой власти не становятся бунтовщиками».

Это вечно актуальный Александр! А между тем существуют

еще безграмотные зануды, утверждающие, что он не владел высоким штилем. Этот кусок из «Моих мемуаров» был написан в 1852 году во время брюссельской ссылки, за год до «Возмездий», которые уже вынашивал Гюго. Не сравнивая, разумеется, прозу и поэзию, невозможно отказать себе все же в сопоставлении двух произведений, дабы констатировать сходство в уровне взглядов и в точности политических суждений, хотя они относятся не к одним и тем же событиям, и, кроме того, мы слышим похожую интонацию — эпическую, карающую.

С окончанием боев начинается дележка добычи. Повстанцы хотят получить Республику, чего, конечно же, не желают для себя депутаты-орлеанисты, в количестве тридцати человек собравшиеся у Лаффита[82]. В это время в Париже собирают мертвых. На улице Роан из окон выбрасывают тела убитых швейцарских гвардейцев, и Александр едва не погребен под трупом. С ружьем под мышкой, грязный, всклокоченный, он все еще не сменил рубашку, пуговицы на его куртке вырваны с мясом, гетры и обувь перепачканы кровью: внештатный революционер с окладом в тысячу двести франков предоставляет своим бывшим коллегам и начальникам в Пале-Рояле возможность собой восхититься и себя приветствовать. Там он встречает Удара, все еще не занявшего никакой определенной позиции и ожидающего ответа своего хозяина на записочку Лаффита: «Вам надо выбрать между короной и паспортом!»

Направляясь в дом к банкиру, Александр еще не знает об этом ультиматуме. Толпа на улицах такая, что Александр с трудом прокладывает себе дорогу. Тридцать депутатов-орлеанистов как раз назначают Лафайета командиром Национальной гвардии, возвращая ему его молодость, когда в 1789 году, на следующий день после взятия Бастилии, он уже командовал Национальной гвардией. Так как он всегда готов действовать, при условии, что ему *«дадут действовать»,* он никак не может отказаться от этого ключевого для восшествия на престол герцога Орлеанского поста. Александр — среди тех, кто сопровождает его в Ратушу. Триумфальный кортеж водворяет Лафайета в Ратуше, и тот начинает принимать делегации, поздравляя каждого и обцеловывая десятки людей.

В то время как Лафайет таким образом развлекает публику, у Лаффита создается муниципальная комиссия якобы для осуществления продовольственного снабжения Парижа, но в действительности это не что иное, как временное правительство из пяти человек[83]. Они принимают посланца короля, объявившего об отмене указов и об отставке Полиньяка. Слишком поздно, Лаффит непреклонен, старшая королевская ветвь себя

скомпрометировала, настал час правления младшей. Возвращение в Ратушу, где Александр проводит ночь, сидя в кресле. В пятницу 30-го утром Ипполит Боннелье, секретарь Лафайета, тайком показывает ему написанную рукой Удара записочку: если Орлеанскому предложат корону, он от нее не откажется. На улицах все засыпано тысячами плакатов[84]: «Карл X не может вернуться в Париж, он пролил кровь народа. Республика поставит нас в ужасное положение: она поссорит нас с Европой. Герцог Орлеанский — принц, преданный делу Революции. Герцог Орлеанский никогда против нас не сражался. Герцог Орлеанский был при Жемапе [но не при Вальми!]. Герцог Орлеанский — единственный, кто имеет право на трехцветный флаг. Герцог Орлеанский проявил свою позицию; он принимает Хартию в том виде, в каком это устраивает нас. Свою корону он получит из рук французского народа!»

Вовсе не требуется быть главным клерком, чтобы угадать, что за этим последует, и республиканец в сыне Генерала разочарован. Известие о том, что его молодой друг, сын герцога Орлеанского, арестован в Монруже, его не слишком беспокоит. Дорогой герцог Шартрский ничем не рискует, так как Лафайет уже послал приказ о его освобождении, и посланец его — не кто иной, как позитивист Огюст Конт, в то время блестящий студент Политехнической школы. Александр вновь принимается за свои расчеты. Если Орлеанский воцарится на троне, будет ли упразднена цензура и можно ли будет сыграть «Антони»? Да, кстати, о бастардах, их у него вскоре прибавится на парочку: от Мелании и от Белль, то есть всего трое вместе с сыном Лауры, бедные малыши, и нет никакого толку их узаконивать, тем более, что непонятно, с какой из трех мамаш. В любом случае быть побочным сыном — не сахар, ждут ли их обиды, которые довелось испытать ему самому, хотя он был незаконнорожденным лишь по цвету кожи, а не по крови. Никудышный негр, отовсюду гонимый, былые унижения будоражат его, полностью поглощают его воображение, и он видит себя врывающимся в Виллер-Котре, производящим там переворот с криками «Да здравствует Республика!», которые, конечно же, подхватит Меннесон, что не спасет беднягу нотариуса от кровавой смерти, и этот прискорбный факт будет оплакан всеми, что такое рассказывает там Лафайет Этьену Араго? «Что если Карл X вернется, у нас не найдется в запасе и четырех тысяч ружейных выстрелов».

Вот и повод заварить кашу в Виллер-Котре, в тот же миг у Александра готов сценарий. Он предлагает Лафайету в одиночку взять пороховой погреб в Суассоне. Лафайет, сочтя это безумством, отказывает. Александр притворяется, что

подчинился, ладно, он, мол, устал, пойдет домой отдыхать, только зайдет к генералу Жерару. Чтобы отделаться от него, Лафайет подписывает ему пропуск, который Александр подделывает, превращая в рекомендательное письмо. Но, несмотря на письмо, Жерар колеблется, опасаясь себя скомпрометировать. Александр настаивает, и кончается тем, что Жерар визирует приказ, написанный рукой Александра и предписывающий военным властям Суассона предоставить весь запас пороха предъявителю сего. И снова Александр фальсифицирует бумагу, назначая Жерара военным министром, что должно придать приказу дополнительный вес. Он возвращается к Лафайету, предъявляет доказательства энтузиазма Жерара по поводу своей экспедиции и пытается выманить у него прокламацию, с помощью которой он поднимет город. Старая лиса, Лафайет довольствуется лишь неопределенным призывом к патриотизму граждан Суассона. Зато он не скупится на театральные объятия, и пусть Александр даст себя убить там, где считает нужным!

Сходство с отцом все же не полное. В подобных обстоятельствах Генерал сначала обратился бы с краткой речью к повстанцам, замершим в строю. Затем, не заботясь о том, идет за ним кто-нибудь или нет, он тотчас бы поскакал во весь опор, сабли наголо, в тот самый город, укрепленный сильным гарнизоном. Что касается Александра, то его воображение простирается не дальше пробега до Виллер-Котре. А там, после небольшой, но героической кампании, он воспользуется старыми советами браконьера Аннике. Всегда лучше иметь в запасе две хитрости, чем одну, вместе с друзьями детства он войдет в Суассон. Прокламация Лафайета даст ему поддержку либеральной оппозиции и ее вожака доктора Мисса. А приказ «военного министра» Жерара вынудит виконта де Линье, коменданта крепости, политического ультра, но дисциплинированного воина, передать ему порох. Остаются кое-какие неизбежные моменты импровизации, в осуществлении которых Александр так же уверен в себе.

Перед Ратушей у него возникает желание заручиться свидетелем своих грядущих свершений. Он замечает Бара, молодого художника восемнадцати лет, разумеется, прекрасного, как «святой Георгий Донателло». Ничем не занятый Бар в восторге от идеи развлечься, рискуя в то же время быть расстрелянным. Александр отправляет его к себе домой за лошадью и знаменитыми пистолетами Меннесона и назначает ему свидание на почтовой станции в Бурже. Уже три часа дня, а Александр ставит перед собой задачу прибыть в Суассон, до

которого добрая сотня километров, до того, как закроют городские ворота, то есть до двадцати трех часов, задача, практически не выполнимая. С ружьем в руках он начинает свой путь по улицам, ощетинившимся баррикадами. У Ля Вилет его соглашается подвезти фиакр. Возница жестоко погоняет лошадь, правда что нерадивую, по кличке Полиньяк.

В Бурже Александр нанимает кабриолет, запряженный двумя лошадьми. Ожидая прибытия Бара, он заказывает огромное трехцветное знамя, прибивает его к древку от метлы и вывешивает на кабриолет. Появляется Бар, он нашел двуствольные пистолеты, но для них нет пуль. Лошадь Александра оставляют у станционного смотрителя. Бар садится в кабриолет. Ямщик пускает свою упряжку галопом. Краткая остановка в Мениле: чтобы ускорить движение, берут третью лошадь. На всем пути следования население проявляет интерес к трехцветному знамени. В Дамартене толпа кричит: «Да здравствует Республика!» В девятнадцать часов сорок минут остановка в Нантёйле, ясно, что до закрытия ворот в Суассон не добраться. Неважно, но Александр любой ценой хочет сохранить взятый бешеный темп, который поражает воображение окружающих. Однако папаша Левассер, новый возница, не хочет поддержать игру, он бережет лошадей, и те идут мелкой рысью. Александр подгоняет их палкой. Они понесли. Тогда папаша Левассер останавливает экипаж, объясняя это необходимостью перепрячь лошадей. Александр забивает холостой заряд в ствол пистолета, грозит старику. Тот пожимает плечами. Александр нажимает на курок, пыж летит прямо в лицо Левассеру, тот падает в полуобморочном состоянии. Тогда Александр стягивает с него сапоги, надевает на себя, вспрыгивает на коренника и гонит, гонит, а на почтовой станции в Левиньяне говорит ямщику, что убил Левассера за преступное промедление. Лошади чуть не падают замертво, и вот уже виден Виллер-Котре. Прекрасный летний вечер, городок мерно и мирно дышит. И вдруг бешеный скок повозки, мостовая звенит, хлыст свищет, и страшные, невообразимые крики раздаются: Александр, Бар и возница орут дикими голосами. «Дома исторгли всех живых так дружно, как исторгли бы могилы мертвых при звуках трубы последнего суда». Все сбегаются на почтовую станцию, толпятся, чтобы ничего не пропустить в этом пугающем зрелище. Взгромоздившись на кабриолет, бок о бок с юношей, прекрасным, как святой, и вооруженным карабином, растерзанный прощелыга, огромный негр, еще больше почерневший от солнца и грязи, с его немыслимой курчавой шевелюрой, побелевшей от пыли, и пистолетами, нацеленными в небо, громовым голосом

провозглашает Республику.

Теперь у Александра полно времени, чтобы поужинать у Пайе, своего бывшего начальника в канцелярии. Кстати, Меннесон даже кончика своего республиканского носа не высунул. Плевать! Зато все старые друзья по всем видам ловли и охоты — Сонье, Фонтен, Арпен, Лабар, Райад, все собрались, чтобы послушать о его мушкетерских приключениях. «Крики восхищения. Затем я перешел к рассказу о моей миссии. Тут энтузиазм стих». Один Гютен, мать которого жила в Суассоне, согласился меня сопровождать. Александр заряжает пистолеты. Вместе с Гютеном и Баром он снова садится в кабриолет, ямщик стегнул коней «под прощальные и приветственные крики моих старых и добрых друзей», однако не слишком отважных.

В субботу 31 июля в ноль часов Гютена узнал городской привратник, потайная дверца приоткрылась, и три революционера вступили в Суассон. Мать Гютена приняла их радушно и пожертвовала занавесками из столовой и гостиной, а также простыней, чтобы изготовить гигантское трехцветное знамя. С рассветом Гютен и Бар должны водрузить его на вершину собора. Затем Гютен с прокламацией Лафайета пойдет к доктору Мисса и поднимутся все либералы, а Бар поможет Александру в том маловероятном случае, если ему не удастся взять пороховой склад в одиночку.

Сказано — сделано. В назначенный час трехцветное знамя полощется над собором. Александр перелезает через стену склада. Прыгает в сад. В руках его ружье, и он выказывает свое уважение коллегам-офицерам. Храбрецы и патриоты, они до слез взволнованы знаменем, которого не видели пятнадцать лет. Обещают Александру свой доброжелательный нейтралитет, слово солдата. Бар стучит в ворота. Офицеры возвращаются в казарму. Александр заряжает пушку, готовит фитиль и ставит возле нее Бара. Его задача ясна: курить одну сигарету за другой, и в случае чего — стрелять.

Александр отправляется к коменданту крепости Линье. Тот меряет его презрительным взглядом, усмехается, подпись Жерара незаконна, и на приказе нет никакой печати, к тому же на пороховом складе имеется не более двухсот зарядов. Александр идет в этом убедиться. Храбрецы и патриоты, офицеры еще и кристально честны: запас пороха на складе составляет двести фунтов. Александр возвращается к Линье, к которому к тому времени присоединяются другие ничтожества — жандармский лейтенант и полковник инженерных войск. Тон повышается. Линье подчиняться отказывается. Александр достает пистолеты, заряжает и объявляет, что всех разнесет в клочки, если через пять

секунд приказ не будет подписан, раз, два, три… «В этот момент открылась боковая дверь, и женщина в ужасе устремилась в дом.

— О, друг мой, уступи, уступи! — вскричала она, — это снова восстание негров!..»

У храброй женщины были некоторые основания испугаться, поскольку ее родителей у нее на глазах зарезали во время восстания рабов в Сан-Доминго, а Александра нетрудно было спутать с ними: он являл собой кровожадного негра с «курчавыми волосами», с «загорелым под трехдневным солнцем» лицом и «с легким креольским акцентом», присущим, впрочем, всем уроженцам Виллер-Котре. Мадам Линье молила мужа на коленях. Александр по-рыцарски предложил Линье достойный выход из сложившейся ситуации: он вернется с группой своих людей, чтобы не говорили потом, будто Линье сдался одному-единственному человеку. Так и сделали. Александр кликнул Гютена и одного из патриотов по имени Моро. Под угрозой их ружей Линье подписал капитуляцию. У порохового склада Бар, оставив свою пушку, сидел на дереве и поедал зеленые сливы.

Легкое осложнение: Мисса и либеральная оппозиция ушли в подполье. К счастью, войско сохраняло нейтралитет, а некоторые солдаты даже пришли в волнение и нацепили трехцветные кокарды. Мэр Суассона воспротивился изъятию двухсот фунтов пороха, и Александр подумывал уже о том, чтобы прибегнуть к помощи пистолетов. К счастью, один из доблестных офицеров, честных и лояльных, шепнул Александру на ушко, что у Жослена, хранителя общественного имущества, есть в запасе еще три тысячи фунтов. Это меняло все. Александр направляется к Жослену и предлагает ему тысячу франков компенсации. Хранитель отказывается: отпускная цена товара двенадцать тысяч, а в кредит продавать он не имеет права. Хватит торговаться! Александр берется за топор и начинает выламывать дверь склада, Гютен сменяет его. Попросив его отодвинуться чуть в сторону, Александр, подобно Аяксу, вышибает дверь огромным камнем. Нанимают транспорт у хозяина местного извоза, грузят порох. Моро передает в распоряжение Революции двадцать молодых людей и всю наличность пожарников, чтобы эскортировать груз. Совершенно без сил, Александр садится в кабриолет и тотчас же засыпает. Внезапно Гютен будит его, прибыл посланник с дурными новостями: республиканец Меннесон сеет смуту на главной площади города, он обвиняет Александра в служении интересам герцога Орлеанского, с ним заодно лесники, так что берегись засады в лесной чаще, «надо быть готовым к рукопашной». Александр ничего не понимает, лесники ведь служат герцогу, почему же они против того, чья

деятельность на пользу Орлеанскому? Чтобы решительно покончить с этим темным делом, он посылает Моро предупредить Меннесона, что «в моем ружье две пули, и ежели он не хочет с ними познакомиться, пусть держится на приличном расстоянии». Попутно нам следует оценить деликатность Александра. Конечно, он предполагает возможность убить Меннесона, но, заметьте, из ружья, а не из пистолетов, некогда подаренных ему нотариусом.

В Виллер-Котре Александр скромно пожинает плоды своей победы. Меннесона нигде не видно, а жаль, это был бы повод раз и навсегда отомстить за его постыдное поведение. Ужин у Пайе. Национальная гвардия города обеспечивает смену эскорта. Александр засыпает в своем кабриолете и просыпается только в Бурже. В воскресенье 1 августа ровно в девять утра конвой входит во двор Ратуши. Суровый Лафайет по-прежнему на своем посту, хотя он чрезвычайно устал и вынужден взять помощника для осуществления той непосильной задачи, которую он выполняет вот уже третий день, «так что теперь, когда прибывала делегация из какой-нибудь коммуны, генерал целовал только мэра и его помощников, а простых муниципальных советников целовал уже Карбонель». Увидев Александра, Лафайет молча открыл ему объятия, он был совершенно без голоса.

Здесь, дорогой читатель, следует воздержаться от иронических или скептических усмешек. В отличие от истории с пистолетами, имевшей место в Суассоне, история с порохом в том же городе не была плодом воображения Александра. Самое большое прегрешение против истины — эпизод в котором нотариус Меннесон затеял против него интригу, — было продиктовано желанием покончить с Меннесоном, да и то он написан не слишком убедительно, и автор даже сам обращает внимание на его неправдоподобность. Но в остальном он действительно благополучно вернулся в Париж с полутора тоннами пороха. Донесение Лафайета об этой экспедиции, подтвержденное очевидцами — Баром, Гютеном и капитаном пожарников, напечатано в «Moniteur», официальном органе того времени 9 августа 1830 года и не вызвало ни малейшего протеста со стороны гражданских или военных властей Суассона. Только двадцать три года спустя, после выхода «Моих мемуаров» сын Ланье представит другую версию. Не оспаривая вооруженных угроз Александра в адрес своего отца и не отрицая ужаса своей матери, он сообщит, что, будучи легитимистом, его отец и до появления Александра был склонен передать Национальной гвардии в качестве подарка имеющийся порох и что именно ей в присутствии Александра он его и передал. Единственная неувязка с реальностью состоит в том, что Национальная гвардия была

распущена Карлом X тремя годами ранее и при полной бездеятельности доктора Мисса и других городских либералов никак не могла быть восстановлена в роялистском Суассоне. Либо тогда надо принять, что виконт де Линье притворился, что поверил, будто Моро и Гютен вдвоем и составляют Национальную гвардию, что в любом случае подтверждает изложение событий Александром. Так или иначе сегодня можно только сожалеть об этой блестящей и безрассудной выходке. Если бы вместо того чтобы провозглашать республику в Виллер-Котре, Александр оставался бы в Париже, он, возможно, сумел бы помешать тому, что произошло в его отсутствие, а именно присвоению либеральными депутатами герцогу Орлеанскому титула королевского наместника и последовавшему вслед за тем его явлению на балконе Ратуши, где, естественно, он был обцелован этим семидесятилетним целовальником Лафайетом.

После всего этого поцелуйного разгула плюс к тому, что несколько дней у него не было возможности помыться, Александр испытывает потребность принять ванну в школе плавания Делиньи. Затем он переодевается и отправляется к Лаффиту. Попадает он к нему в тот самый момент, когда Себастьяни, вернувшийся от Талейрана (последний, конечно же, уже встал на сторону Орленского), радостно возглашал:

«— Господа, вы можете сообщить повсюду, что отныне король Франции зовется Филиппом VII».

Александр замечает Беранже, еще одного своего «отца» («Я называл Беранже своим отцом, а он пожелал называть меня своим сыном»), и упрекает его в том, что он способствовал появлению еще одного короля. Беранже отечески пожимает плечами, он сделал лишь то, что делали обычно в Париже маленькие савойяры во время грозы, а они клали мостик на ручей, вздувшийся от воды. Александр идет навестить Белль, что заставляет его вспомнить и о Мелании в далекой Вандее. Ей он пишет сразу три письма[85]. Наряду с уверениями в любви, не нарушающими принятого стиля, и кратким упоминанием об опасностях, которых ему только что удалось избежать, он настойчиво возвращается к своему «положению, теперь прекрасному и надежному», в котором «многое будет еще меняться в лучшую сторону». Дабы не повредить его прекрасному революционному имиджу, не хотелось бы думать, что он хоть в какой-то степени намерен участвовать в «получении доходов от налогов, в раздаче мест, дележе почестей», но разве, как любой другой, не имел он права удовлетворить свои интересы, свои амбиции, свои комплексы? Однако герцог Орлеанский, еще не узаконенный в своем имени Филипп VII, или Луи-Филипп I, не

оставил ему в этом никакой надежды. Он любезно принял Александра, поздравил с его экспедицией в Суассон:

«— Господин Дюма, вы только что создали лучшую из ваших драм!»

Рукопожатие в награду, и Александр понимает, что ему уготовано место лишь на выходных ролях. Смертельно обиженный, он выходит с намерением никогда больше не возвращаться в Пале-Рояль, прекрасный пример романтической патетики. Он встречает герцога Шартрского, со дня на день ожидающего превращения в Орлеанского, порывистое прощание, стало быть, он никогда больше не увидит того, кого так сильно полюбил, у Александра «слезы на глазах».

2 августа король Карл X, удалившийся из Сен-Клу в Рамбуйе, отрекается от престола в пользу своего внука, девятилетнего графа Шамборского. Поскольку королю-малышу нужен регент, Карл X, следуя добрым советам, ставит на этот запасной путь герцога Орлеанского. Тогда орлеанистский клан решает одним ударом убить трех зайцев: отправить короля и все его семейство в ссылку, очистить Париж от повстанцев, все еще вооруженных и угрожающих посадить в Ратушу народное правительство[86], и, воспользовавшись их отсутствием, устами депутатов и пэров провозгласить трон свободным.

За этим следует гигантская провокация, организованная полковником Жакмоном. «С восходом дня две-три сотни людей из полиции были запущены на парижские улицы, они бежали во всех направлениях с криком:

— Карл X наступает… Все на Рамбуйе! Все на Рамбуйе!»

Бьют барабаны, собираются одураченные революционеры, погружаются во все виды транспорта, реквизированные герцогом Орлеанским за золото: фиакры, кареты, кабриолеты, тильбюри, тележки. История-заика: в 1914 году вереница такси в департаменте Марны — лишь повторение фиакров в Рамбуйе.

3 августа во вторник Александр разбужен обращенными к нему Корделье-Делану призывами к оружию. Условный рефлекс срабатывает: он требует у Жозефа охотничий костюм и двустволку. Входит Гарель, у него для Александра есть идея пьесы. Об этом — позже, а сейчас Александру нужен от Гареля лишь ожидающий его внизу фиакр. Он садится туда вместе с Корделье-Делану. На площади у Одеона прибытие Александра приветствуют собравшиеся там человек пятнадцать, им нужен командир. «То были машинисты сцены из Одеона, еще хранящие тепло полученных во времена «Христины» чаевых». Все загружаются внутрь и на верх фиакра и отбывают в Пале-Рояль, где раздают оружие. Все операции контролирует адъютант

Орлеанского, ливрейные лакеи разносят напитки тем, кто готов умереть, чтобы сменить хозяина.

Итак, в самых разнообразных экипажах двадцать тысяч человек шагом двинулись в Рамбуйе. Экспедиция эта под командованием генерала Пажоля и его адъютанта Шарра была чистой импровизацией. Ни артиллерии, ни обоза, ни даже карты департамента Сены-и-Уазы, по территории которого они двигались. К счастью, королевская армия была совершенно деморализована, и два полка в Версале сдались без сопротивления. Дорога усыпана оружием, брошенным солдатами при отступлении, и машинисты, приписанные к Александру, пополняют свой арсенал. Ночевка в Куаньере, в шестнадцати километрах от Рамбуйе. Александр ставит свой лагерь возле стога сена, на вершине которого укрепляет трехцветное знамя. В результате поисков пищи он раздобывает у местного кюре большой хлеб и вино. Возвращаясь, он «попался в руки господина в черном фраке, черных панталонах, белом жилете: все вместе выглядело жемчужно-серым». Щеголь умирал от голода и умолял о милосердии. Александр назначает ему свидание у стога с тем, что бог послал. А послал он машинистам ворованные яйца и кур. Щеголь тем временем успел поплакаться на голод адъютанту Шарра и раздобыть в кухне генерала Пажоля половину жареной бараньей ноги. И вот вам радостный пикник на передовой, зато основная часть войска так и осталась голодной.

Это время заката марионеточного правительства в Рамбуйе. У короля еще есть тысяч двенадцать отборных войск, но только командовать ими некому. Придворные одни за другими тихо удаляются по-английски. Дебильный уродец-дофин визжит на неспособного Мармона и пытается сорвать с него шпагу, но в результате — только порезанные пальцы, которые он теперь зализывает, надувшись. Мармон с достоинством удаляется к себе в спальню. Присланные Орлеанским Шонен, Одилон Барро и маршал Мэзон не оставляют Карлу X никакой альтернативы: или ссылка, или столкновение с шестидесятитысячной парижской армией, не пить же яд в самом деле! Исход короля.

Рано утром в теплом его стоге Александра разбудила оживленная перестрелка. То была ложная тревога, но в результате в революционном лагере есть и раненые, и убитые. Испуганные лошади разбрелись по окрестностям вместе с возницами. Александр и Корделье-Делану пешком возвращаются в Версаль вместе с братьями Жоано. Там они нанимают экипаж. Обеими Палатами трон объявлен вакантным, и на него садится Луи-Филипп. Одураченные повстанцы возвращаются в Париж. Некоторые из них эскортируют фургон с брильянтами короны.

Александр любуется кортежем, «потрясающим своим контрастом между лакеями в пышных ливреях, роскошной упряжью, золочеными каретами и сопровождавшими их людьми в лохмотьях. <…> Само собой разумеется, что все, кто сопровождал, эскортировал, сторожил эти восемьдесят миллионов брильянтов, умирали от голода».

Гарель заказывает ему «Наполеона», идея принадлежит м-ль Жорж, это память о ее бывшем любовнике. Александр отказывается, в память о Генерале. Композитор Пьер Циммерман предлагает ему написать стихи для кантаты об Июльской революции. Александр начинает подумывать о развитии своего поэтического дара: «У меня в жизни было так много всего, но я рискую не сделать ничего хорошего и остаться ниже того, что видел». Удар предлагает ему сопровождать в Санкт-Петербург Альтулена, чрезвычайного посла Луи-Филиппа при царе, с обещанием ордена Почетного легиона по возвращении. Александр плохо представляет себя в роли дипломатического шаркуна. Он вкусил действия, и ему хочется продолжать в том же духе, «мне казалось, что где-нибудь в этом огромном королевстве еще есть чем заняться, и что такая сильная буря не могла утихнуть так сразу. И, кроме того, мне было противно, почти стыдно за те делишки, что обделывались в Париже».

Что делает Александра близким, почти как брата, для того, кто занимается изучением его жизни, так это противоречивость его натуры. Республиканец по духу, он платонически влюблен в герцога Шартрского и ради того, чтобы увидеть его вновь, готов скомпрометировать себя с новой властью. Неудивительно, что он принимает приглашение короля-груши (согласно знаменитой и беспощадной карикатуре, которую вскоре опубликует Домье, вслед за своим другом Шарлем Филипоном в «Charivari», превратив Луи-Филиппа в этот фрукт). Тотчас же он пишет письмо Мелании, где хвастается полученным приглашением: «Я провел вечер при дворе; вся семья так же добра и держится так же просто, как и прежде»[87]. Рассказ об этом сладостном моменте предназначен главным образом для того, чтобы произвести впечатление на заброшенную Меланию и побудить ее к терпению. Информированная друзьями о новых любовных связях Александра, она пишет письмо за письмом, обезумев от ревности к Мари Дорваль и к Белль[88], и угрожает вернуться в Париж, если Александр не приедет к ней сам. Скандал и смехотворность ситуации — вот от чего у него мороз по коже, представить только, как две его любовницы, одна глубоко, другая — слегка беременная, вцепляются друг другу в волосы, а он их разнимает на посмешище всему Парижу. И он решает поехать в Вандею.

Дабы соединить неприятное с полезным, старый принцип браконьера Аннике, Александр идет к Лафайету (поцелуйчики) и предлагает ему организовать в стране шуанов Национальную гвардию, набранную на средства и при участии мелких собственников, получивших во время Революции часть национального богатства. Идея интересная, ее можно даже использовать как отличное средство предупреждения и обуздания вполне возможного легитимистского мятежа; менее чем через два года попытка восстания герцогини Беррийской докажет обоснованность исторических расчетов Александра. Лафайет тотчас назначает его, чтобы быть совсем уж точным — во время обильного обеда, своим посланцем со специальными полномочиями и предписаниями местным властям во всем ему подчиниться. Главнокомандующий Западной армией — вот что это смутно напоминает Александру, с той только разницей, что, в отличие от Генерала, Александру не пришлось так бесконечно долго ожидать небольшого чина «бригадира», правда, и жениться ни на ком он не хотел. Лафайет рекомендует ему беречь себя и, чтобы принести ему удачу, не забывает расцеловать.

Паломничество по следам отца предполагает, однако, решение одного фундаментального вопроса: какую форму надеть? На площади Карусель Александр встречает Леона Пиле, скромно одетого «в кивер с развевающимися трехцветными перьями, серебряные эполеты, серебряный пояс, голубой королевский мундир и панталоны *также».* Это униформа, которую Пиле только что изобрел для конной Национальной гвардии и которая сшита у Шеврёйа, «одного из лучших портных в Париже». Александр идет и заказывает себе такую же. Возвращается он через мост Искусств. «Первый раз проходил я мимо Института после того, как провел здесь почти целый день; фасад его был покрыт вмятинами от пуль и ядер, как лицо человека, только что перенесшего ветрянку». Он совершает свой прощальный круг, начиная, конечно, с Мари-Луизы. Там он встречает свою сестру, «свеженькую, только что приехавшую из провинции хлопотать за мужа». Александр не спешит сказать ни матери, ни сестре, что ничего больше не ждет от Пале-Рояля: это было бы слишком явным проявлением пессимизма, учитывая, что новый герцог Орлеанский, прежний герцог Шартрский, которого отныне мы будем звать просто по имени — Фердинанд, его очень близкий и дорогой друг.

Необыкновенная миссия начинается в духе туризма. Посещение замка Блуа, где был убит герцог де Гиз, а Генрих III отомстил Сен-Мегрену. В Туре Александр узнает об аресте Пейроне, Шантелоза и Гернон-Ранвиля, бывших министров

Карла X, ответственных за злополучные указы. Он садится на пароход, идущий в Пон-де-Се, но, к счастью, не сочиняет ничего, подобного «На Луаре». В Анжере он встречает Виктора Пави, «доброго и храброго молодого человека, с горячей головой и с чистым сердцем», короче, романтика-борца, чье творчество будет забыто очень скоро. Вместе с ним он присутствует на суде, где «судят беднягу вандейца из окрестностей Бопро, который выбелил ртутью республиканские деньги, чтобы подделать их под монеты в тридцать су. Подвергая себя риску в качестве фальшивомонетчика, он хотел лишь купить хлеба своим детям, умирающим от голода». Весьма показательный социальный казус, тем не менее закончившийся для несчастного двадцатью годами каторги. Александр проникся к нему жалостью. Он пишет Удару и Апперу, бывшему своему начальнику в отделе социальной помощи, чтобы они похлопотали перед королем и королевой о милости к вандейцу.

В ожидании ответа он осматривает город. Здесь обновляют собор. Александр возмущен: «Увы! Требуется двадцать пять лет, чтобы вырастить человека, но является швейцарский гвардеец, стреляет и убивает его! Требуется шестьсот-восемьсот лет, чтобы здание приняло свой цвет, но является архитектор с хорошим вкусом и отчищает его!.. Почему бы в таком случае швейцарскому гвардейцу не убить архитектора? Или почему бы архитектору не отчистить швейцарского гвардейца?» Помилование вандейцу приходит, и Александр едет дальше, не прямо в Ля Жарри, он вовсе не торопится встретиться с Меланией, а кружным путем — через Шамиле, Шоле и Бопро[89], где можно увидеть столько интересного.

Заказав у Шеврёйа свой яркий сценический костюм, *трехцветный господин,* как прозвали его в шуанских лесах, наверняка знал, что незамеченным пройти не может. Успех соответствовал его ожиданиям. «В окрестностях Парижа вид моей формы вызывал энтузиазм; в Блуа я еще находил почитателей; в Анжере это было чистое любопытство; но в Мёрсе, Больё, Бомоне холод окружал меня, и я чувствовал, как и предупредил меня Лафайет, что сколь недолго не пробуду я здесь, всегда будет опасно проходить, например, вблизи кустов или изгородей. В Шемиле моя форма чуть не вызвала мятеж». Прежде чем выехать оттуда на лошади, он демонстративно заряжает ружье, что выглядит дополнительной провокацией. Он выезжает из города, въезжает в глубокий лесной овраг, раздумывая, ехать ли ему шагом или пустить лошадь в галоп. Вдруг он слышит крик: кто-то зовет его по имени. Он оборачивается: человек догоняет его, задыхаясь, обнимает его стремя, целует колено. Это

помилованный фальшивомонетчик, который с самого Анжера следует за ним по пятам, чтобы, в свою очередь, спасти *трехцветному господину* жизнь. Отныне он будет бежать впереди, сопровождая Александра в его путешествии[90]. «Два дня спустя я уже въезжал в Ля Жарри, не только не испытав по пути никаких неприятностей, но, напротив, обласканный постоянными пожеланиями всяческого счастья, избавленный от какой бы то ни было опасности, благодаря тому, что человек мой <…> по двадцать раз рассказывал всем желающим и даже не желающим его слушать об услуге, которую я ему оказал».

Растолстев, Мелания не стала красивее, характер же у нее стал еще хуже. Александр не в состоянии отнестись к ней хуже, чем к фальшивомонетчику: он и ее пожалел. Да, он любит ее по-прежнему, только ее одну, другая — это только маленькая интрижка без последствий, теперь ей надо успокоиться, перестать нервничать и позаботиться о расцветающей в ней герани, их маленьком Антони. Вот, кстати, и отличный предлог, чтобы уехать как можно раньше. Он пишет Эжену Жаме: «Вытащите меня отсюда, друг мой, вытащите как можно быстрее! И вот каким образом…

Найдите Фирмена, дорогой мой Эжен, и передайте, чтобы тотчас же мне написал Массон, секретарь Комеди-Франсез, будто мое присутствие в Париже необходимо из-за «Антони». Никому, кроме него, об этом не рассказывайте. Думаю, вы догадываетесь, почему мне необходимо иметь серьезную причину, чтобы выехать»[91].

Пока что он ходит на охоту, возвращаясь оттуда «с ногами, расцарапанными утесником, с руками, кровавыми от колючек ежевики, но не убив даже и ласточки». Он посещает замок Клиссон, хозяин которого Лемо слывет редким для этой местности либералом. Он создает зародыш Национальной гвардии — десять человек, с которыми «один жандарм проводит тайные учения». В сопровождении своего вандейца, который продолжает ему покровительствовать, Александр продолжает свои занятия историческим и политическим туризмом. Замок Жиль де Ре, «известный здесь как замок *Синей бороды»,* поле боя в Торфу, где Клебер был разбит игуанами, а также неформальные встречи и беседы, которые позволят ему за несколько недель иметь полную картину жизни Вандеи.

В самый разгар шуанства доклад Генерала Комитету общественного спасения поражал остротой анализа и уместностью предлагаемых им и исключительно гуманных средств, с помощью которых можно было выйти из гражданской войны. Доклад, который Александр приготовил для Лафайета, —

такого же свойства и масштаба и обнаруживает поразительное чутье его автора на опасность исторической ситуации и, следовательно, способность ее предвосхищать. Описав изоляцию Вандеи, состояние экономического и социального застоя, он объясняет, каким образом топография местности, многочисленные загоны и изгороди способствуют развитию партизанской войны, с которой почти невозможно бороться. В настоящий момент страна эта охвачена возбуждением. Объединяют свои силы дворяне, чья власть над арендаторами беспредельна и, следовательно, может в любой момент использовать их в качестве пушечного мяса. Крамольные проповеди читают священники, для которых Луи-Филипп «не может избежать уничтожения». Что касается процентного отношения либералов к буржуазии, то «на пятнадцать буржуа найдется едва ли один либерал».

«Средства, с помощью которых можно предупредить восстание, представляются нам следующими:

1. Прокладывание дорог.

Как правило народ видит в дороге, проложенной по непроезжей стороне, облегчение для затухающей торговли. Правительство же, в том случае, если оно либеральное, со своей стороны, увидит в ней цель политическую: за коммерцией последует цивилизация, а за цивилизацией — свобода. Связи с другими департаментами заставят забыть страх перед своей примитивной грубостью; правдивые новости смогут распространяться быстрее, а новости ложные будут тотчас же опровергнуты, так как во всех центрах кантона откроются почтовые отделения; жандармы станут осуществлять здесь активную и регулярную службу; наконец, в случае необходимости дорогами смогут воспользоваться войска самым решительным образом. <…>

2. Перевезти в деревни за Луарой десять-двенадцать священников, например, из Тифожа, Монтабана, Торфу и Сен-Креспена, добавляя к их жалованью по сотне франков, чтобы они перестали кричать о мученичестве.

На их место в освободившиеся приходы послать священников, верных правительству.

Им нечего бояться, так как сан делает их неприкосновенными для любого крестьянина, который может ненавидеть человека, но уважает сутану.

3. Большинство дворян, сплачивающих сегодня свои силы ради возобновления гражданской войны, пользуются довольно значительной пенсией, которую правительство продолжает им выплачивать: нет ничего легче, как застать их на месте

преступления; отныне правительство по справедливости может перестать платить им пенсии с тем, чтобы перераспределить их между бывшими вандейскими солдатами и республиканцами, обоюдная ненависть которых станет ослабевать от триместра к триместру».

Доклад этот, переданный Александром Лафайету тотчас по возвращении, станет также предметом долгого обсуждения с генералом Ламарком, лидером новой оппозиции королю-груше.

Побочная герань, Антони, оказался нежизнеспособным: у Мелании случился выкидыш. Долгожданное письмо из Парижа, наконец, явилось: присутствие Александра необходимо, он должен приехать срочно. 22 сентября он покидает Ля Жарри. С одной из почтовых станций он шлет почтительную ложь той, которую не любит больше, но к которой сохранит признательность; обещает, клянется, что никогда больше не увидит Белль, разве что для того, чтобы дружески известить ее об окончании их связи; ах, если бы не было «крайней нужды» ему так срочно уезжать, как счастлив был бы он подольше остаться со своей обожаемой Меланией! Заключает он свое послание так: «Тысяча поцелуев Котенку и сисичкам»[92]. Оборотной стороной банальной непристойности служат в этой интимной формуле вежливости уверения в адрес оскорбленной, подавленной своим несчастьем женщины, что она все еще желанна.

В Париже, «когда я приехал, дождь лил как из ведра; г-н Гизо стал министром, и поэтому фасад Института отчищали». Сколько бы ни старался Луи-Филипп уничтожить следы революции, сделавшей его королем, он не мог помешать Истории продолжаться и пережить его самого в записях. «Книга предпочтительней надгробного камня с надписью», — как говаривал еще египетский писарь три с половиной тысячи лет тому назад[93]. Александру не были известны эти стихи его древнего собрата, но он был тем не менее глубоко с ним согласен и станет действовать в соответствии с этой истиной, как только урегулирует некоторые наиболее срочные дела, увидит Белль, проследит, чтобы не случилось выкидыша с бумажным бастардом Антони, снова передаст на расстояние надежду Мелании, чтобы она скорее поправила свое здоровье — физическое и моральное. В его письмах любовные возражения соседствуют с изъявлениями нежности, и в тот момент, когда Александр пишет, он верит своим словам не меньше, чем политическим новостям или последним сплетням литературного мирка:

«Любовь моя, я получил письмо от твоей матери, которое очень меня обеспокоило. Ты все еще нездорова, ангел мой, и голова болит по-прежнему. Но почему ты все томишься своей

геранью? Ведь это давно миновало, герань сломана. Но чтобы возродиться, подобно нашей любви. Ухаживай за стебельком, ангел мой, и ты увидишь, как на нем распустятся новые листочки, и через какое-то время ты соберешь их для меня вместе с поцелуем в придачу <…>.

Сент-Бёв восемь дней назад дрался на дуэли с Дюбуа из «Globe». Так как шел дождь, они дрались под зонтиками, ни тот, ни другой не был ранен.

Что до меня, дружочек, пьеса моя переписывается. Через несколько дней начнутся репетиции. Храни ее, боже, от злоключений!

<…> Все здесь хранит удручающее status quo. Ничего не делается, недовольство против министерства и любовь к королю растут.

Бедный мой ангел, вижу тебя отсюда в уголке кровати; едва закрою глаза, вижу твою спальню, она целиком запечатлена в голове моей. Исцелись, исцелись, любовь моя, не вставай слишком рано, не утомляйся. Опасайся дождя и плохой погоды»[94].

Чтобы помочь ей выйти из нервной депрессии, он станет даже утверждать, что якобы порвал с Белль. Вернувшись в Париж, Мелания констатирует обратное. И начнется для Александра настоящий ад, с умоляющими письмами, с угрозами самоубийства, с яростными сценами, как, например, та, которой он так страшился и которая произошла-таки в феврале 1831 года между Белль и Меланией[95]. И в сей момент, презрев поэтессу, которая не сумела принести ему ребенка, Александр выбирает актрису, которая вот-вот родит. Но пусть утешится расстроенный читатель: с Белль он останется не на всегда.

«Так как цензура на короткое время исчезла», начать репетировать «Антони» должны были в начале октябре с м-ль Марс и Фирменом в главных ролях. Но то ли сломанная герань нанесла и по нему свой психологический контрудар? Только Александр усомнился в своем собственном бастарде: «Меня обуял страх за него, я усомнился в крепости его сложения», — необдуманно пишет он Мелании[96]. Вовремя появляется Гарель, призванный изменять намерения Александра. На сей раз Александр не отказывается от предложения написать «Наполеона», но ставит ряд условий. Гарель заранее принимает все, финансовые само собой; Александр хочет взять в соавторы Корделье-Делану, превосходно, он получит треть авторских прав, но чтобы при этом на афише стояло только одно имя? Хорошо, хорошо, но вернемся к этому позже.

Мотивации Александра нередко запутаны в клубок

противоречий, который очень трудно распутать. При его образе жизни и постоянных семейных и благоприобретенных обязанностях естественным было бы подчинить литературную работу для заработка, даже тогда, когда он подписывался другим именем, лишь интересам заработка, огромной и непрекращающейся нужде в деньгах. То есть полностью игнорировать нижеследующие политические и эмоциональные моменты. Либеральный оппозиционер при Бурбонах, генетический республиканец, орлеанист по должности, он и прежде занимался славословием Наполеона столько же из карьерного оппортунизма, сколько ради борьбы с общим врагом в качестве союзника бонапартистов, и, кроме того, не следует забывать о независимости его духа даже по отношению к памяти Генерала, которой он иногда тяготился. В октябре 1830 года он оказался на распутье, перед решающим выбором своего лагеря. С одной стороны, результаты Июльской революции его разочаровали, но, с другой, он продолжал оставаться служащим короля-груши и близким другом Фердинанда. Взяться за «Наполеона» означало бы открыто встать снова в ряды оппозиции, и это могло прогневить отца и огорчить сына. Не говоря уже о том, что он вовсе не собирался отказываться от политической карьеры.

Он настойчиво добивается аудиенции у Луи-Филиппа, чтобы, во-первых, узнать его мнение относительно переданного Лафайету доклада, а во-вторых, спросить, не будет ли он против, если Александр возьмется за «Наполеона». Наконец король-груша соглашается его принять. Сердечность встречи довольно быстро нарушается первой атакой: Александра послали в Вандею, чтобы он изучил возможности создания там Национальной гвардии, однако в его заметках эта проблема едва упоминается. Ответ: эта мера могла бы стать «разорительной для среднего класса» и «опасной в том смысле, что граждане, надевшие форму, снова станут *новобранцами,* а граждане, оставшиеся без оной, *шуанами».* Король-груша улыбается, надо иметь слишком богатое воображение, чтобы себе это представить; он считает, что в Вандее ничего не случится. Александр совершенно убежден в обратном. К тому же он подозревает, что и король тоже. Хуже того, Его Величеству было бы на руку, если бы во Франции начались волнения, идеальный повод отказать в помощи бельгийцам, итальянцам и полякам, борющимся за независимость. Если грушу проткнуть насквозь, она быстро скисает, и король мстит Александру Макиавелли неумолимым приговором:

«— Господин Дюма, — сказал он мне, — политика —

невеселое ремесло… Оставьте его королям и министрам. Вы же поэт, так и займитесь поэзией».

Отныне Александру нет нужды спрашивать у кого бы то ни было разрешения на написание чего бы то ни было. На мосту Тюильри он встречает Биксио. Студент медицины одет в мундир артиллериста Национальной гвардии, того корпуса, где республиканцы составляют относительное большинство. Биксио служит в четвертой батарее. Александр хочет записаться туда же. Биксио не проявляет никакого энтузиазма по этому поводу, зная о связях Александра с королем. Порвать! Возвратившись домой, Александр пишет письмо королю об отставке:

«Сир,

поскольку мои политические убеждения противоречат тем, что Ваше Величество вправе требовать от своих приближенных, прошу Ваше Величество принять мой отказ от места библиотекаря.

Имею честь быть, с уважением, и т. д.».

Если бы такое письмо существовало, оно означало бы, что Александр отдает швартовы. В двадцать восемь лет он решается стать профессиональным писателем, открыто и безоговорочно заявив о своих республиканских пристрастиях. А так как Фердинанд служит в первой батарее Национальной гвардии, Александр всегда сможет, как военный к военному, подойти к высокому молодому человеку в белокурых локонах, со странными глазами, чувственными губами, ямочкой на подбородке, чей «магнетический шарм» чарует его и подобного которому он не встретит «ни у кого, даже у самой соблазнительной женщины, ничего похожего на этот взгляд, эту улыбку и этот голос[97].

25 октября он принимается за «Наполеона Бонапарта, или Тридцать лет Истории Франции», скромно посвящая его «французской нации». Корделье-Делану снабжает его документами, набрасывает план, Александр формулирует, дает окончательный вариант. «Через восемь дней драма была готова; она состояла из двадцати четырех картин и насчитывала девять тысяч строк. Это было в три раза больше, чем в обычной драме и в пять раз длиннее «Ифигении». И слегка похуже: «литературные достоинства произведения были ничтожны, почти на нуле, только роль шпиона была придумана самостоятельно; все остальное скомпилировано». И в вечер премьеры, когда «в ответ на аплодисменты раздадутся свистки, я, что довольно редко случается с авторами, был почти на стороне свистевших». Хотя освистывали как раз его, так как, по настоянию Гареля, Корделье-Делану, менее ловкий и предприимчивый, вообще ничего не подписал. Но когда ты — Александр и вскоре Великий, когда твой

шедевр «Антони» репетируется в другом месте, не грех считать себя виноватым лишь наполовину. Или вовсе не виноватым. Вот, однако, истинные причины посредственности «Наполеона», тогда как сказанное выше только легенда.

Гарель приглашает Александра на премьеру «Матери и дочери» Мазереса и Ампи. Эта душераздирающая пьеса имеет огромный «слезный успех». Веселый ужин у м-ль Жорж с Гарелем, Жаненом, Локруа. Дух конспирации витает в воздухе, «скрещивались быстрые взгляды, ловили друг друга улыбки, гости проявляли обоюдное понимание с полуслова». Простофиля же Александр ничего в происходящем не понимает. В три часа утра «встали из-за стола. Жорж увела меня к себе в спальную под предлогом, что должна показать мне нечто прекрасное. Что это будет? Я не мог и предположить. Но то, что она показала, было и в самом деле так прекрасно, что четверть часа после я не мог опомниться и вернуться в гостиную. Когда я все же вернулся, Локруа и Жанен уже ушли. Оставался один Гарель».

Попутно можно восхищаться всемогуществом письменного Слова, вынуждающего «самую красивую женщину своего времени» и до сего момента неприступную, внезапно броситься, скажем, на шею Александру. Можно только восхищаться также и полным отсутствием ревности Жанена, как, впрочем, и Гареля. Но к черту лирические отступления! Александру пора уходить. Гарель предлагает ему путь через спальню Жорж, а потом через туалет. В результате они оказываются в другой спальне. «Две свечи горели на столе, уставленном книгами всех размеров и перьями всех фасонов. Уже постеленная роскошная кровать сияла в полутьме ярким контрастом белоснежных простыней и пурпурной перины. На медвежьей шкуре перед кроватью стояли приготовленные домашние туфли. По одну сторону от камина помещалась бархатная козетка, по другую — обитое штофом кресло». Александр восхищается интерьером. Гарель счастлив, что он ему нравится, так как Александр останется здесь пленником, пока не закончит «Наполеона». Побег возможен лишь, если буквально переступить через тело м-ль Жорж.

За вычетом времени на сон и на еду, а также не забывая о мощном телосложении актрисы, собственно, на создание пьесы, толстой, как пять «Ифигений», Александр потратил не восемь дней, а фактически вполовину меньше. И в этих условиях было бы мелочным придираться к «нулевой литературной ценности произведения». Напротив, как в спорте, тут нужно зафиксировать рекорд.

Репетировать начали тотчас же и работали с энтузиазмом. На главную роль назначен Фредерик Леметр, восходящая звезда. К

счастью, во внешности его нет ничего похожего на Наполеона. Это смущает Александра. Гарель его смущением пренебрегает, он готов вложить в предприятие сто тысяч франков, «название произведения [должно обеспечить] в настоящее время его успех», участие звезды успех укрепит, но, честно говоря, пьеса слишком длинная и надо бы ее сократить. Александр уступает, снова берет в руки ножницы, перекраивает. «Все роли, собранные вместе, составили, не считая статистов, восемьдесят или девяносто персонажей с текстом [на самом деле, шестьдесят шесть]. Жослен, занимавшийся в театре постановкой, просто терялся; что до Гареля, то за одну репетицию он выкуривал три табакерки табаку».

В это время в Комеди-Франсез чах бедный «Антони». Актеры, привыкшие к классицистскому мурлыканью, совершенно не годятся для игры в новаторской драме. «Меньше, чем кто-либо другой, мадемуазель Марс оказалась способна понять абсолютно современный характер Адели, с его оттенками слабости и силы, его преувеличенными страстями и преувеличенным же раскаянием.

С другой стороны, меньше, чем кто-либо другой, Фирмен оказался способным сыграть мрачную меланхолию, горькую иронию, пылкую страсть и философские разглагольствования такого персонажа, как Антони». Хуже того, они сглаживают, лишают остроты, требуют таких сокращений, что «через месяц репетиций пьеса, лишенная всех своих живых моментов, могла уместиться в три акта или даже ужаться до одного.

Однажды утром мне было предложено выбросить второй и четвертый акты, из-за которых пьеса казалась длинной.

Меня охватило такое отвращение к моему созданию, что я был уже готов сократить его полностью; я дошел до того, что считал «Наполеона» художественным произведением, а «Антони» казался мне вульгарным».

За всеми этими театральными распрями Александр как будто забыл о дне 17 октября, когда участники Июльской революции наступали на Венсеннскую башню, где скрывался Полиньяк вместе с некоторыми министрами, чтобы собственноручно произвести над ними расправу. Поскольку, по предложению ласкового Лафайета, депутаты высказали пожелание, чтобы смертная казнь за политические преступления была упразднена. Республиканцы, как-никак аболиционисты, вообще не приемлют этой чрезвычайной меры. Александр объясняет причины этого кажущегося парадокса: да, республиканцы стремятся к отмене высшей меры, «но в качестве принципа, который сохранил бы гуманность как таковую, а вовсе не как способ уберечь от

правосудия нескольких привилегированных преступников. <…>

Они хотели бы, чтобы и народ считался сувереном, и чтобы те, кто стрелял в него, считались столь же виновными, как те, кто станет потом стрелять в короля».

Подойдя к Венсеннской башне, манифестанты вынуждены были отступить перед угрозой пушек Домениля, коменданта крепости. На следующий день волнения продолжались. Бурные собрания у места заседания совета министров, «король и г-н Одилон Барро приблизились к краю террасы.

Народ ни разу ни прокричал «Да здравствует король!», но во всю глотку орал «Да здравствует Одилон Барро!»

Этот последний вместе с Лафайетом и Дюпоном де Л'Юр — один из руководителей *Движения,* левого его орлеанистского крыла, которое требовало «монархии в сочетании с народными учреждениями, которая отвечала бы потребностям в равенстве, возникшим в обществе»[98]. Во внешнеполитическом плане *Движение* поддерживает в их борьбе за независимость братские нации — Бельгию, Италию, Германию, Польшу. Правое же орлеанистское крыло, так называемое *Сопротивление* во главе с Казимиром Перье и Гизо, напротив, представляет интересы буржуазии: теперь, когда она полностью была удовлетворена результатами революции, она сделалась консервативной во всем. Очень скоро Токвиль вынесет по этому поводу свое знаменитое и точное суждение: «В 1830 году триумф среднего класса был окончательным и таким бесспорным, что все политические власти, все прерогативы и все правительство целиком оказались как бы замкнутыми и скученными в узких пределах одного этого класса, приобретшего исключительные права над тем, что находилось ниже него, а в действительности, и над всем, что находилось выше. Средний класс стал правящим, почувствовал вкус к частному предпринимательству и вскоре замкнулся в своей власти, а вслед за тем и в своем эгоизме»[99].

Этой торжествующей буржуазии необходима вооруженная сила. Ею станет Национальная гвардия, которая вскоре превратится в настоящую преторианскую гвардию короля-груши вплоть до 1848 года, успев жестоко подавить республиканские восстания в июне 1832-го и апреле 1834-го. Теоретически в нее входит всякий француз в возрасте от двадцати до шестидесяти лет, не состоящий в регулярной армии. В действительности же необходимость экипироваться и вооружаться за свой счет ограничивала состав гвардейцев лишь выходцами из буржуазии, которая очень быстро освободится от своих республиканских элементов.

Артиллерия — элитарная часть гвардии, состоящая в

основном из самых зажиточных граждан. Александр принят в четвертую батарею, именуемую *«Убийца* из-за большого количества входивших в нее врачей». В результате он сменил форму конного гвардейца, в которой путешествовал по стране шуанов. «Мне попался исключительно честный басонщик: он оставил себе все посеребренные фрагменты костюма, мне дал в обмен шерсть, а в качестве доплаты запросил лишь двадцать франков. Правда, за саблю я заплатил отдельно».

Три раза в неделю от шести до десяти часов утра он ходит на учения во двор Лувра. Два раза в месяц занятия происходят в тире в Венсенне. Было бы странно, если бы в этой мужественной среде, да еще иногда на глазах у восхищенного Фердинанда Александр не отличился. «Я дал доказательство своей силы, поднимая самшесть, самчетверт, самдруг, по мере того как другие номера расчета предполагались убитыми или выведенными из строя, восьмидюймовое орудие, вес которого от трехсот до четырехсот килограммов». Физический подвиг, еще не достигающий рекорда Генерала, поднимавшего лошадь, зажав ее в шенкелях, но уже приближающийся к нему. Следует, кстати, заметить, что чем больше герои Александра, и сам он в их числе, стареют, тем больше становится их геркулесова сила, в отличие от стареющих великих спортсменов, с возрастом приобретающих лишь артроз да ревматизм. Так, в «Трех мушкетерах» Портос наделен лишь крепким сложением. В «Виконте де Бражелоне» он уже равен Титанам, если не превосходит их.

Экономический кризис, инфляция, банкротства, галопирующая безработица, чудовищное повышение стоимости жизни и одновременно падение заработной платы трудящихся — взрывоопасная ситуация наступила осенью 1830 года. На основании донесений своих осведомителей бывший журналист, а ныне префект полиции Бод, предупреждает короля-грушу: «Страшная и все возрастающая нищета, отсутствие работы, которое выбрасывает на парижские мостовые праздную и голодную толпу, заставляют опасаться серьезных волнений, если это положение не изменится. Нетрудно предугадать, насколько просто будет ловким главарям овладеть разумом рабочих, умирающих от голода, и убедить их, заставить поверить в то, что правительство, при котором они так страдают, ничего не стоит. Республиканцы посеют смуту, а карлисты, конечно, не упустят удобного случая собрать урожай»[100].

Карлисты — это легитимисты, названные так по отношению к абсолютистской и реакционной политике Бурбонов во Франции и в Испании. Две их более или менее разумные головы — адвокат Берье и пресловутый автор «Гения христианства» собственной

персоной. Среди лидеров-республиканцев — журналист Арман Маррас, адвокат Этьен Жозеф Луи Гарнье-Пажес, Годфруа Кавеньяк, капитан второй батареи Национальной гвардии, и химик Распай, соратник Александра по четвертой батарее. Весьма вероятно, что именно от него Александр получил приказ явиться «в четыре часа пополудни с оружием в Пти-Бурбон. Речь шла о *разгоне Палаты».* Так как Александр давал присягу безоговорочно подчиняться своим республиканским вождям, он надевает форму, берет ружье и патроны и направляется к мосту де ля Конкорд. «С удивлением, равным гордости, я заметил, что явился первым». И долго им оставался. Наконец, появляется второй артиллерист Биксио. Два друга долго ждут себе компании. Депутаты выходят с заседания, шагают мимо них, не подозревая о той опасности, которой только что избежали. За ними в штатском следует Кавеньяк, шепнув друзьям по дороге, что дело переносится на следующую неделю. И друзьям ничего не остается, как пойти и «поужинать с аппетитом и беззаботностью — естественный удел двадцативосьмилетних заговорщиков».

Больше Александру никогда не приходилось слышать о проекте разгона Палаты депутатов. Он был уверен, что таким образом Кавеньяк решил проверить его и Биксио республиканскую верность обязательствам. В ноябре король-груша освобождается от балласта. Министерство Лаффита, представляющее единственную партию, сформированную из членов *Движения,* приходит на смену прежнему кабинету, в составе которого пребывали также и консерваторы из *Сопротивления,* представленные Перье и Гизо. Однако недовольство народа не становится меньше. Похороны Бенжамена Констана 12 декабря дают повод это продемонстрировать. Странным образом автор «Адольфа», который «в политике, литературе, морали [был] тем, что мы называем куртизанкой», сделался необычайно популярен с момента объявления о его смерти. Сто тысяч человек идут за его гробом на Восточное кладбище. Студенты пытаются повернуть процессию, чтобы похоронить Констана в Пантеоне. Но весьма либеральный Одилон Барро препятствует этому, в вооруженной схватке войск и манифестантов сила по-прежнему остается законом самых сильных. Весьма чувствительный Лафайет чуть было не упал в обморок на краю могилы, и, если бы его не поддержали, он не только мог разбить себе нос, но и, как истинно куртуазный придворный, последовать за «куртизанкой».

Но это только отсрочка. И судебный процесс над министрами, открывшийся 15 декабря, засвидетельствует его политическую смерть, ибо Лафайет был убежденным сторонником милосердия,

то есть оправдания. Республиканцы вступают на тропу войны, не имея точного плана, и Александр уже не снимает своей формы. 20-го он присутствует на защитительной речи в Палате пэров в Люксембургском дворце. Заседание открывается под звуки мощной демонстрации под окнами. Выходя из зала, Александр сталкивается с человеком, который «с иностранным акцентом и угрозой во взгляде кричал своим уродливым ртом:

— Смерть министрам!»

То был Фиески. Для Александра столь безобразный человек не мог быть не кем иным, как шпиком-провокатором. Диагноз подтвердится менее чем через пять лет, когда знаменитая адская машина с Корсики, пощадившая, разумеется, королевскую семью, послужит для Тьера предлогом для издания новых репрессивных законов, в числе которых — полное упразднение свободы печати.

Александр идет во двор Лувра, где ждут его друзья. Годфруа Кавеньяк как раз раздает патроны, поскольку бонапартисты как будто бы собираются отнять у Национальной гвардии пушки. Никто не желает падения Наполеону II, на кандидатуре которого временно сошлись интересы орлеанистов и республиканцев. Однако более всего республиканцев скопилось в артиллерии, и Пале-Рояль желал бы знать, каковы их дальнейшие намерения. Александр получает записочку от Удара с просьбой зайти к нему и обращается к Кавеньяку за инструкциями. Тот не лукавит:

«— Скажи правду… Если бонапартисты вздумают отнять наши пушки, мы будем защищаться до последнего патрона; но если народ пойдет на Люксембург *или даже на любой другой дворец,* мы двинемся вместе с ним».

Александр передает эти слова. На следующий день, день приговора, толпа вокруг Люксембурга собирается огромная. Все гвардейцы из буржуазии здесь: с оружием в руках они намерены защищать свои лавочки от неизбежного, как говорят, грабежа черни. Отрава распространяется дальше, новый шум в толпе, министры осуждены на смертную казнь, возгласы радости. Эта ложная информация позволяет осуществить эвакуацию обвиняемых. Лафайет, однако, имеет мужество публично объявить вслед за тем истинный приговор: пожизненное заключение. Его освистывают, ему угрожают. Александру и другим артиллеристам едва удается спасти его от линчевания. Пушечный выстрел возвещает королю-груше, что министры целыми и невредимыми добрались до Венсеннской крепости. Александр же и его друзья думают, что это зов артиллеристов, оставшихся в Лувре. Обнажив кинжалы, они бегут в Лувр, призывая к оружию.

«Услыша наши крики, увидя нашу форму и голые лезвия

кинжалов, народ вначале расступился перед нами, но тотчас же вслед за этим побежал во все стороны с теми же возгласами: «К оружию!»

Охрана как раз закрывала решетки Лувра, но мы оттолкнули их и силой ворвались внутрь. В парке, где стоят пушки, люди под руководством орлеанистского коменданта Барре снимают колесные чеки. Капитан Бастид и артиллеристы-республиканцы останавливают их, угрожая кинжалами. Бастид оставляет в карауле у пушек Александра и еще одного молодого человека двадцати семи лет по имени Проспер Мериме, который успел уже написать «Хронику времен Карла IX». «С этого караула <…> начинается мое знакомство с Мериме; часть проведенного в нем времени мы проговорили… о чем? О странных вещах, учитывая обстоятельства! О живописи, о литературе, об архитектуре». Это все, что скажет Александр по этому поводу. Жаль! Так хотелось бы узнать, не обменялись ли они мыслями об историческом романе или об искусстве новеллы. И никак нельзя не пожалеть, что Мериме не стал говорить о своем энтузиазме, которым он вполне мог бы заразить и Александра, в отношении Стендаля и его последней книги «Красное и черное», пущенной в продажу 13 ноября.

После этого приятного времяпрепровождения Александр возвращается в свой гвардейский корпус. Там ситуация напряженная: республиканец читает прокламацию с призывом к оружию, а орлеанист Грий де Бёзлен вырывает прокламацию и рвет ее; республиканец достает кинжал, в этот момент кричат, что Лувр окружен национальной гвардией и линейными войсками. Тогда артиллеристы-орлеанисты формируют свою группу человек в сто, а республиканцы — свою с целью прорваться в Лувр. Перед романтическим Александром — корнелиевский выбор: а вдруг в числе окруживших Лувр находится Фердинанд? «К несчастью, а, может быть, скорее к счастью, мы узнали, что погреба, где хранились наши боеприпасы, пусты. Предвидя сцену, которую я только что описал, комендант Лувра в течение дня велел убрать боеприпасы».

Ночь проводят в ожидании атаки, с заряженным ружьем под боком. Утром «ситуация мало-помалу превращалась из трагической в комическую: булочники, виноторговцы и колбасники даже в тот момент были озабочены своей маленькой выгодой и укрепили нас в опасении, будто мы находимся под угрозой голода.

Мы весьма напоминали зверинец с хищниками, запертыми в целях общественной безопасности. Сходство казалось тем более разительным, что к нам стали стекаться зрители — поглазеть

через решетки». Новости плохие: напрасно бьет в Париже барабан, народ в нерешительности бездействует. Студенты и учащиеся Политехнической школы бегают по городу с призывами к умеренности, вешают листовки, объясняющие, что «необязательно применять силу», если хочешь добиться свободы. Совершенно очевидно, что эти красивые молодые люди — не сыновья рабочих. Им, будущей кадровой элите, буржуазная монархия вполне подходит. Благодаря их демобилизующей деятельности ни одна баррикада не была построена. К вечеру осада Лувра снята, артиллеристы возвращаются по домам.

Потеряв популярность, Лафайет становится просто громоздкой безделушкой. 24 декабря депутаты упраздняют его должность главнокомандующего Национальной гвардией, употребить термин «смещение» представляется им менее стыдливым. Некоторые из офицеров подают в отставку из солидарности с ним. В результате в четвертой батарее оказывается вакантное место. Популярный Александр избран младшим капитаном[101]. Наспех он снова переделывает свою форму. 27-го он отлично проводит военные занятия. И так же отлично празднует 31-го Новый год с Белль вроде бы у себя дома. Просыпается поздно, зовет Жозефа, с его помощью снова надевает свою сверкающую форму и скачет в Пале-Рояль на новогоднюю церемонию, назначенную на девять часов, но опаздывает на пятнадцать минут. Ни одного артиллериста не видит он ни во дворе, ни на лестнице, ни в большом зале. Странное чувство, будто другие офицеры образуют вокруг него нечто вроде санитарного кордона, как если бы в нем «подозревали источник заражения холерой, которую только что обнаружили в Париже». Он принимает это за проявление политической антипатии и предстает перед королем-грушей с «высоко поднятой головой».

«— А! Здравствуйте, Дюма! — говорит он мне. — Я вас узнал!»

И он рассмеялся. И все придворные вслед за ним. Александр улыбается глуповато. Затем проходит наивным увальнем сквозь общий смех. Он встречает бывших своих коллег по канцелярии Вату, Удара, Аппера, Таланкура, Делавиня. И Вату дает ему ключ к решению загадки:

«— Вы нанесли королю новогодний визит в запрещенном мундире».

Александр раздобывает «Moniteur» и, наконец, узнает о королевском указе вчерашнего дня, распускающем артиллерийский корпус Национальной гвардии перед реорганизацией, чтобы не сказать перед чисткой. Он переодевается в гражданское и идет в Одеон на репетицию

«Наполеона». «История моя тем временем облетела Париж; иные находили ее шуткой дурного вкуса, иные находили поступок мой героическим. Ни те ни другие не желали принимать ее за то, чем она была в самом деле, то есть за результат неведения». И их можно понять. Так, всей Национальной гвардии было известно о факте роспуска артиллерийского корпуса, кроме Александра, обычно всегда хорошо осведомленного. Стало быть, за целый день он никого не встретил, никто из его подчиненных не явился за разъяснениями или приказами к своему младшему капитану, и нигде не собирались друзья его республиканцы, чтобы согласовать свои действия, и никто из них не зашел к нему, а если даже он был в это время у Белль, не попросил Жозефа ничего ему передать. Поэтому мы склоняемся к определению произошедшего как некоего политического фортеля с хитрющим исходом из глупейшей неосведомленности, согласно известному принципу Аннике, и уже не первый раз мы встречаемся с этой тактикой Александра — изобразить полнейшую наивность. Но тогда почему бы не похвастаться этим позднее? Да чтобы не отказываться от выбранного образа и еще в большей степени потому, что холодная бравада послужила бы материалом для новеллы куда менее комической и менее красочной.

Премьеру «Наполеона» сыграли 10 января 1831 года. Рекламная шумиха, прекрасно организованная Гарелем, имела отличные результаты: зал был переполнен. Зрителям было предложено явиться в форме национальных гвардейцев, дабы и лавочников не лишить сильной эстетической эмоции, тем более, что в антрактах старые военные музыканты исполняли патриотические песни[102]. И «как же возможно с Фредериком, игравшим главную роль, с Локруа и Стоклейтом в ролях второго плана, как возможно, истратив сто тысяч франков на костюмы и декорации — с пожаром Кремля, отступлением через Березину, и как возможно, чтобы все это и прежде всего пятилетние Страсти на Святой Елене, не имело успеха!

Хадсона Лоу [тюремщика Наполеона] играл Делетр, и я прекрасно помню, что каждый вечер после спектакля театральные сторожа должны были провожать его домой во избежании нападений».

Гораздо интереснее пьесы Предисловие, написанное Александром по случаю ее издания. «Драма моя о Наполеоне вызвала так много политической клеветы со стороны литературной братии, что необходимо выяснить отношения между ею и мной». Он останавливается на трех пунктах: своей биографии, своих убеждениях и непосредственно на пьесе.

Напомнив, что является сыном республиканского генерала,

которому ни Империя, ни Реставрация не уплатили сполна его жалованья, он останавливается на собственной карьере, не забывая о своей роли в Июльской революции и о своей миссии в Вандее. Вернувшись, он ни о чем не просил, в отличие от «тех, кого я оставил в непосредственном окружении короля», а нашел «с новыми титулами и удвоенным содержанием».

Бескорыстие его проистекает от «политического сознания». Иллюстрацией к последнему служит его прошение об освобождении от должности библиотекаря, не то, которое он написал как раз перед приемом в четвертую батарею, а другое, датированное в Предисловии 11-м февраля, а в «Моих мемуарах» 15-м. Означает ли сие, что вторая отставка сделалась необходимой потому, что первая не дошла по назначению? Так хотелось бы Александру, и мы готовы с ним согласиться тем более охотно, что первое письмо — короткое, сухое, высокомерное, точно такое, какое он предпочел бы послать, но которое написал лишь после смерти короля-груши, когда писал свои «Мемуары». Но что бы там ни было, если письма и отличаются словами, то духом своим они идентичны. Отрицая приписываемую ему любовь к королевской особе, Александр тем не менее провозглашает «верность принципам, которая превосходит преданность людям». Он яростно критикует министров, деяния которых «спорны и губительны». Он предсказывает возрождение Палаты депутатов, членом которой станет, как только ему исполнится тридцать лет — быть избранным ранее мешал возрастной ценз — ибо, по его мнению, «литератор — лишь предисловие к политику». В противоположность Ламартину, так и остававшемуся абсолютным легитимистом во все времена, подобное стремление Александра, порождение его сущности новатора, предвосхищало подобную же, но много позже позицию Гюго. Но вернее всего, было бы толковать сей афоризм как вызов тому, кто так сухо указал Александру место не далее его милой поэзии.

В третьей части Предисловия он оправдывает пьесу, более пользуясь аргументацией исторической, нежели литературной, и подробно останавливается на деталях. Зато изложение его эстетических воззрений заслуживает того, чтобы их процитировать: «В литературе я не приемлю никакой системы; у меня нет школы; нет у меня и знамени. Развлекать и заинтересовывать — вот единственные правила, которые я, если и не следуя им сам, то, по крайней мере, приемлю». И, следовательно, предтеча романтического строительства со всей очевидностью избавляется от романтического ярлыка, от влияния друга своего и вождя романтизма Гюго, что не помешало ему,

однако, подзанять у последнего долю напыщенности для определения миссии писателя: «Всякое созидание — удел поэта: в его глазах простые граждане подобны королям, в его руке, как в руце божьей, все весят равно. Он отбрасывает саван мертвых, срывает маски живых, бичует достойное осмеяния, клеймит преступление: перо его подобно то хлысту, то каленому железу. И горе тем, кто заслужил его хлыста! Стыд и горе тем, кто заслужил его клейма!» Творец, облеченный божественным всемогуществом, да, звучит цветисто, но едва ли в письменном виде кто-нибудь рискнет утверждать противоположное!

Поскольку Комеди-Франсез переживает серьезный финансовый кризис, расходы на постановку «Антони» сведены до голодного пайка[103]. Кроме того, Фирмен, который считает свою роль «плохой», потому что его персонаж «пустомеля», уверен, что пьеса провалится. Мадемуазель Марс ему не возражает. Она просит Александра отсрочить премьеру на три месяца, чтобы за это время театр успел сменить освещение и публика смогла бы по достоинству оценить ее туалеты. И, как уже было перед «Христиной», она берет отпуск по болезни и заявляет, что до конца года увольняется. Другой исполнительницы нет, без женской роли драма лишается остроты, атмосфера в театре отравлена, и Александр завязывает переговоры с директором театра «Порт Сен-Мартен Кронье». В феврале в игру включаются новые обстоятельства, встает вопрос об изменении статуса Театр-Франсе: сообщество актеров распускается, назначается директор. Александр и Виктор Гюго сговариваются, определяют задачу и представляют план эксплуатации театра. Если план примут, у «Антони» появляется шанс увидеть свет в Театр-Франсе с исполнителями, более заинтересованными, чем мадемуазель Марс и Фирмен.

«Какой-то болезненностью и вырождением было отмечено время, что соответствовало навязчивой идее моего героя». Бельгийцы, взбунтовавшиеся в августе 1830 года против голландского владычества, избрали себе королем герцога Немурского, младшего брата Фердинанда. Лаффит подталкивает короля-грушу согласиться на корону для сына. Он также рекомендует помочь полякам, восставшим против русских, и итальянцам, поднявшимся против Австрии: хорошенькая европейская война отвлечет внимание от мелочей вроде экономического кризиса, безработицы, нищеты, падения ренты. Но этому решению, которое могло бы стоить ему трона, как одному из Наполеонов, король-груша предпочел, и Александр это предвидел, нагнетение внутренних трудностей.

Вандея никак не решалась расшевелиться, и тогда

фабрикуется заговор республиканцев. Девятнадцать из них, в том числе и Годфруа Кавеньяк, заключены под стражу. Большинство составляют артиллеристы той части, которая была распущена в результате восстания во время процесса над министрами. Не будучи руководителем этого восстания, Александр тем не менее был отлично в нем замечен. В сочетании с его подвигами первого января это могло бы привести к аресту, и не вмешательство ли Фердинанда помогло ему избежать расправы?

После левых наступают правые. 14 февраля в Сен-Жермен-Локсеруа во время мессы в память о герцоге Беррийском объявлен сбор пожертвований в пользу солдат Карла X, раненных в Июльскую революцию[104]. В этот момент Александр присутствует в театре Водевиль на репетиции «Импровизированной семьи» Анри Монье. Появляется глава клакеров Пашель и рассказывает о происходящем в Сен-Жермен-Локсеруа. Александр в качестве наблюдателя, а Араго в качестве действующего лица, всегда подстерегающего малейшее движение толпы, отправляются в церковь. Араго обращается с краткой речью к многочисленным противникам демонстрантов. Оба внедряются в недра толпы, сея смуту. «Неверие мстило — безбожием, кощунством, богохульством — за те пятнадцать лет, во время которых вынуждено было прятать свое лицо насмешника под маской лицемера. Смеялись, вопили, водили хоровод вокруг всех этих реликвий, сваленных в кучу, опрокинутых, разбитых». Присутствующий при сем префект полиции Бод имеет четкую инструкцию: муниципальная гвардия не вмешивается, разве что придется спасти от самосуда предполагаемого иезуита.

На следующий день, в то время как антиклерикальные волнения в отличной оркестровке распространяются на провинцию, грабят парижское архиепископство, глава которого — либертинец и карлист одновременно, причем каждая из этих двух ипостасей другую не одобряет. К моменту, когда Александр оказывается на Новом мосту, Сена «уже нагружена мебелью, книгами, ризами, сутанами, рясами». Никаких полицейских сил в поле зрения, отдельно взятые национальные гвардейцы присоединяются к бунтовщикам. В толпе Александр узнает, в частности, Тьера и Шонана. «Пассивное присутствие всех этих должностных лиц придавало мятежу у архиепископства оттенок, которого я никогда не встречал ни в одном, бунте ни ранее, ни позднее.

Этот бунт не был одет в блузу, не отличался энтузиазмом, готовностью рисковать жизнью среди ружейной перестрелки и артиллерийской канонады; он носил желтые перчатки, пальто, мундир, имел характер насмешливый и безбожный,

разрушительный и оскорбляющий, хотя никакая опасность никому не угрожала и, следовательно, не было оправдания ни разрушению, ни оскорблению; это был бунт буржуазии, то есть самый безжалостный и самый подлый из бунтов».

Испытывая отвращение и желая со всей возможной силой выказать свое неодобрение политике короля-груши, Александр именно в этот вечер пишет свое истинное прошение об отставке. Либо же, что тоже возможно, прошение написано вот уже четыре дня тому назад, но 15 февраля он решает его обнародовать по каналам прессы и в Предисловии к «Наполеону». Ясно, что для восстановления порядка необходимо сильное правительство, и слабый Лаффит смещен 13 марта 1831 года, в результате чего его банк лопнул. При министерстве Казимира Перье *«Сопротивление»* получает полный доступ к власти и сохранит его на протяжении семнадцати лет.

5 марта родилась Мари Александрина, тотчас же переданная на попечение кормилице. Тем не менее Белль требует, чтобы Александр признал ребенка. Нет ни малейшего предлога отказать, что вызывает у него настоящий приступ распределительной справедливости. В то время как публика готовится признать незаконнорожденного «Антони», было бы недостойным отнестись к дочери иначе, чем к сыну. Его-то он любит, маленького, конечно, при условии, что он не слишком часто будет путаться под ногами; крепыш, вполне миловидный, мальчик похож на него, умен, уже в семь лет с ним можно разговаривать на равных, позднее они станут друзьями, а пока что приятно покорять его воображение своей физической силой и щедростью, как некогда Генерал покорял самого Александра. В письме к нотариусу Жану-Батисту Моро он пишет, что опасается, как бы у него не отняли ребенка (кого он в этом подозревает, неясно), и хочет признать его «как можно скорее», «не ставя об этом в известность мать»[105]. Дело сделано 17 марта. В свою очередь, но чуть позднее и Лаура произвела подобную же акцию 21 апреля. За сим следует тягостная борьба между двумя родителями за ребенка. Лаура проиграет затеянный ею процесс, и полицейский комиссар явится забрать у нее сына, передаваемого затем из одного учреждения в другое. В шикарном пансионе Сен-Виктор он познает обычные муки бастарда. Задерганный, обиженный, униженный богатыми детьми, лишаемый пищи, просыпающийся среди ночи, козел отпущения, замученная «турецкая морда».

Несчастливое детство в какой-то степени может оправдать совершенные преступления, как, например, использование фактов собственной биографии для написания ничтожнейших

«Побочного сына» и «Расточительного отца». Но оно не заставит принять гнусное поведение младшего Дюма после Парижской коммуны. Бывший гонимый из-за происхождения проявит себя тогда по отношению к побежденным коммунарам куда более злобным, чем вместе взятые Максим дю Кан, Леконт де Лиль, Флобер, Жорж Санд, которая была социалисткой, Теофиль Готье, Эдмон де Гонкур, Анатоль Франс, Золя и графиня де Сегюр, ибо именно он напишет об убитых так, как если бы ему было привычно питаться падалью[106]: «Об их самках умолчим из уважения к женщинам, сходство с которыми они приобретают, правда, только после смерти».

Александр не доживет до этого времени. Однако можно предположить, что он не присоединился бы ни к своим именитым собратьям или сестрам, дабы выкрикнуть смертный приговор коммунарам, ни к собственному сыну, дабы сопровождать аплодисментами смертные казни. Будучи умеренным республиканцем, политическим противником «красных» и «уравниловки», он, разумеется, не оказался бы рядом с Жюлем Валлесом, Верленом и Рембо. Но он, единственный из французских писателей своего времени отдавший дань уже в 1833 году восставшим лионским ткачам, назвав «достойным восхищения их девиз: *Жить работая или умереть сражаясь*»[107], продолжив затем эту тему в своих «Мемуарах», хотя жесточайшими репрессиями по отношению к восставшим руководил дорогой Фердинанд, он, протестовавший против смертной казни, он, защитник и друг всех сосланных, осужденных на каторгу или тюремное заключение, без сомнения, повел бы себя так же благородно и человечно, как его друг Гюго, который не одобрял Коммуну, но написал «Ужасный год», собрал изгнанников в своем брюссельском доме, за что был выдворен бельгийским правительством из страны и до самой смерти своей и даже после нее был предметом ненависти французских крайне правых.

Но вернемся к Александру, еще живому и хорошо живущему после падения дома Лаффита в конце марта 1831 года. Напрасно он и Гюго питали надежду на перемены в Комеди-Франсез: труппа отказалась от директора, и Тэйлор вернулся к своим обязанностям коммисара. Свою «Марион Делорм» Гюго предлагает Кронье, директору театра «Порт Сен-Мартен», и уговаривает Александра поступить подобным же образом. Александр незнаком с Кронье, «человеком тонким, остроумным, со светлыми и редкими волосами, с серыми глазами и слегка беззубым ртом». Поэтому он предпочел обратиться к Мари Дорваль, звезде этого театра.

Будучи женщиной предусмотрительной, она живет на бульваре Сен-Мартен в доме с двумя выходами. Она с радостью принимает своего «доброго пса. То было дружеское, я бы даже сказал любовное имя, которым меня наградила Дорваль». Со своим произношением истинной парижанки и зубоскалки она расспросила его о новостях, так как вот уже полгода как они не виделись. С видом скромника он доложил, что успел сделать лишь революцию, драму и ребенка. Со своей стороны, Мари вышла замуж за Мерля — «это было средство расстаться со мной», — но по-прежнему сходила с ума от любви к Виньи. Тот обращается с ней, как с герцогиней, написал для нее «Элевации», чтобы она тоже превратилась в ангела, время от времени проверяет, растут ли у нее крылья, и прыщик на ее плече представился ему недавно счастливым признаком этого роста, значит, скоро они вместе смогут парить над пригородом. Александр горько смеется:

«— В таком случае, дорогая, прими мои искренние поздравления, так как Виньи, во-первых, поэт огромного таланта; во-вторых, это настоящий дворянин, то есть более стоящая фигура, чем я, несчастный мулат».

Тем не менее он тут же и немедленно делает попытку лишить ее предрассудков. Она же уверяет, что просто стала бесполой и расизм здесь ни при чем. Тогда он ей предъявляет своего «Антони». Увидя это, она бросается к нему на шею, целует, оказывается, достаточно просто поговорить с артисткой. Он готовится прочесть пьесу. Она предлагает ему выпить. Он просит воды. Она звонит горничной:

«— Луиза! — говорит Дорваль с потрясающим достоинством, — стакан воды для господина Дюма.

— Луиза!.. и тазик с водой, — добавил я.

— Наглец! — говорит Дорваль.

Она бросается на меня и лупит изо всех сил».

Во время этой любовной борьбы докладывают о Виньи. И, как в хорошей бульварной комедии, Александр удирает через черный ход, обещая вернуться вечером. В назначенный срок Мари заставляет его поклясться, что он больше никогда не будет за ней ухаживать: сил ему сопротивляться у нее нет, а наставлять рога Виньи было бы с их стороны недостойно. Александр отдает поклон. При этом Мари, которая «только и играла что базарных торговок», в высшей степени жаждет сыграть светскую даму. Александр начинает читать. Она приникает к его спине, чтобы следить за текстом из-за его плеча. В конце первого акта она награждает его поцелуем в лоб. Во втором она плачет от полноты чувств. Обняв как следует, он благодарит ее и продолжает чтение,

она сильнее прижимается к его спине, потрясенная сценой насилия над Аделью; в конце третьего акта «она двумя руками обняла меня за шею, и не только грудь ее опускалась и поднималась, но самое сердце ее билось у моего плеча». Четвертый акт вызвал у нее такой энтузиазм, что она чуть не задушила Александра:

«— Твои пьесы играть нетрудно, но только от этого рвется сердце… О! ля, ля, дай же мне поплакать, ладно? Ах же ты, старый пес! Откуда ты так знаешь женщин? Ты же наизусть их знаешь!»

Зато пятый акт ей не нравится: слишком дрябло. Александр вынужден был его смягчить по указаниям мадемуазель Марс. Мари требует, чтобы он тотчас же переделал его в спальне у мужа, который, к счастью, сегодня дома не ночует, а утром Александр прочтет ей написанное прямо «в кроватке». Он подчиняется. Она в восторге, для роли Антони предлагает Бокажа. Александр не в восторге, «Бокаж был тогда красивым малым тридцати четырех-тридцати пяти лет, прекрасные черные волосы, прекрасные белые зубы и прекрасные глаза с поволокой, способные выразить три важнейшие в театре вещи: суровость, волю, меланхолию; что касается физических недостатков, то у него были острые коленки, большие ступни, ноги он волочил и говорил в нос». Но поскольку три первых недостатка не так уж существенны, Мари стоит на своем.

Бокаж приходит завтракать. Александр снова читает «Антони». Бокаж захвачен: «Это не пьеса, не драма, не трагедия, не роман в чистом виде, но все вместе». Он берет на себя переговоры с Кронье. Александр называет свои условия, те же, что у Гюго. Пьеса должна быть принята без рассмотрения какими то ни было комитетами и после принятия и официального чтения у директора он получает аванс в тысячу франков. Кронье встречается с ним на следующий же день. «Я начал читать. В третьем акте Кронье вежливо боролся со сном, в четвертом он спал, максимально соблюдая приличия, в пятом он захрапел». Александр расписывается в получении тысячи франков и на цыпочках уходит.

Начинаются репетиции. Впервые после своего народного театра в Виллер-Котре Александр сам занимается постановкой. Прежний опыт и тот, что он приобрел, глядя, как ставят его пьесы в театрах Водевиль, Комеди-Франсез или Одеон, помогает актерам использовать «качества, которых они сами у себя не подозревали. Дорваль, наряду с сердечностью, продемонстрировала достоинства, которых я за ней совершенно не предполагал; да и у Бокажа, за которым я признавал вначале

лишь некое дикарство мизантропа, были моменты поэтической печали и мечтательной меланхолии, прежде свойственные лишь Тальма».

Часто появляется ангел Виньи — из чистой дружбы к Александру, а вовсе не потому, что присматривает за Мари. И дает «кое-какие полезные советы. Я сделал из Антони атеиста. Он заставил меня убрать из роли этот оттенок». 6 февраля перед судом присяжных начинается процесс девятнадцати республиканцев. Александр прерывает репетиции с 12 по 15 февраля, чтобы присутствовать на обвинительной и защитительной речах. Как в большинстве политических процессов, атакует защита, но в XIX веке, когда революция не была делом рук людей, подыхающих от голода и отчаяния, она любила рядиться в перья и кружева. Так, Пешё д'Эрбенвиль, обвиняемый в распространении оружия, был «красивым молодым человеком двадцати двух — двадцати трех лет, ухоженным блондином с деликатными манерами. Патроны, которые у него нашли, были завернуты в шелковую бумагу и украшены розовыми ленточками». Он надменно доказывает свое право раздавать оружие, захваченное народом у солдат, которые в народ стреляли. Потом настала очередь Годфруа Кавеньяка, сына члена Конвента:

«— Вы обвиняете меня в том, что я республиканец, — говорит он, — принимаю обвинение и как почетное звание, и как отцовское наследие».

Александр напрягает внимание, слова Кавеньяка отзываются в нем. Дитя своих деяний, а позднее — дитя своей литературной деятельности, он тоже получил в наследство только принципы, тем более продуктивные, что они были усвоены через эпос, созданный вместе с Мари-Луизой. И когда Кавеньяк вскричал в озарении:

«— Революция! Господа, вы нападаете на Революцию. Безумцы! Так знайте, Революция — это вся нация целиком минус те, кто ею пользуется», — Александр первым дал сигнал публике к аплодисментам. Президент трибунала не стал удалять публику из зала. Уже при Реставрации правосудие демонстрировало некую независимость по отношению к власти. У короля-груши не было времени, чтобы подмять его под себя, и девятнадцать республиканцев были оправданы.

Генеральная репетиция «Антони» при закрытых дверях. Не был приглашен ни один из друзей, даже ангел Виньи. Разумеется, он внял его советам, но не в большей и не в меньшей степени, чем советам, которые ему расточали «в процессе репетиций актеры, пожарные, машинисты сцены, статисты, то есть весь этот

мир, живущий театром и знающий театр лучше, нежели доктора наук и всевозможные академики».

Премьера состоялась 3 мая 1831 года. Зал переполнен. Александр следит за последними приготовлениями. Взгляд в зал, дабы убедиться, что Порше и его клакеры на местах. Фердинанд как раз устраивается в своей ложе, с ним прелестная молодая особа, с которой Александр пока что не знаком. Фердинанд ободряюще ему улыбается. Александр кланяется, на сердце у него тепло. Вдруг он вздрагивает, заметя Меланию. Из приличия он послал ей места с тайной надеждой, что она ими не воспользуется. Она глядит на него, совершенно изможденная; зловещий призрак худобы, как назвал ее Виктор Гюго. Воплощенный упрек, она превратилась в настоящую мегеру, одну из трех Эриний, которые преследовали Ореста, после того как он убил свою мать, волосы ее, как клубок змей, плачет она кровавыми слезами. Александр безуспешно пытается соединить свои разрозненные мифологические знания: мегера Эриния как будто носила черное, а кожа ее — как вороново крыло. Та же, которую он считал им прирученной, бледна как смерть, и платье на ней в этот вечер красное — вырви глаз, он вежливо с нею раскланивается.

Занавес поднимается. В продолжение первого акта публика холодна, но аплодисменты в конце действия все же есть, благодаря Порше и его клаке. Во втором акте становится теплее, и Бокаж прикладывает к этому «энергичные» усилия. Он «очень хорош: одухотворенность сознания, благородство сердца, выражение лица — в точности Антони, каким я его замыслил». Александр рекомендовал сократить антракты. Зал еще «трепещет», когда начинается третий акт, заканчивающийся изнасилованием Адели. Миг тишины, Порше в растерянности, он колеблется подать сигнал клакерам. «Мост Магомета не был уже той ниточки, на которой в этот момент повис «Антони» между успехом и провалом.

Успех перевесил. Мощный вопль, усиленный бешеными аплодисментами, обрушился, как водопад. Вопили и аплодировали в течение пяти минут». Александр бежит поздравлять актеров. Но не находит их. «В какой-то момент мне показалось, что захваченные инерцией спектакля, они снова играют со слов: «Антони набрасывает платок ей на уста и увлекает ее в спальню» и что пьеса продолжается». Они все в своих гримуборных. Александр выражает свое восхищение Бокажу через закрытую дверь. Открывает дверь Мари, но она как раз переодевается и вся сияет, уже почувствовав близкий триумф. Мари прогоняет Александра, послав ему «тройной поцелуй в

губы». Он боится четвертого акта и уходит вместе с Биксио на улицу, где нервно ходит большими шагами, стараясь забыть о тексте и взрывах смеха. Друзья дошли до Бастилии. Когда они вернулись, в театре «бешено аплодировали.

— Пять франков, — крикнул я машинистам, если занавес поднимется до того, как смолкнут аплодисменты!»

Машинисты получают свои чаевые. Пятый акт идет крещендо. При развязке на знаменитой фразе «Она мне сопротивлялась, и я ее убил» «крики страха, ужаса, горестные возгласы в зале». Нескончаемые овации, «автора вызывают неистово». Александр идет поздравить Мари и Бокажа. Но дорога перекрыта: «Целая толпа молодых людей моего возраста — мне было тогда двадцать восемь лет — бледная, растерянная, задыхающаяся, устремилась ко мне. Меня тянули направо, меня тянули налево, меня целовали. На мне был зеленый фрак, застегнутый на все пуговицы, так фалды разорвали на кусочки». Как в тумане, он видит призрачный красный силуэт, и у него возникает растроганное чувство к той, чье реальное незаконнорожденное дитя оказалось нежизнеспособным. Выдуманный же бастард, которого он произвел на свет, благодаря ей, только что, подобно Гераклу в колыбели, обнаружил свою мощную жизненную силу. Увлекаемый человеческим потоком и до того момента, когда нужно будет «проститься с этим произведением, как с книжкой, которую закрываешь навсегда»[108], Александр улыбается мегере — Мелании: во время спектакля ужасная Эриния превратилась в благожелательную Эвмениду.

ПРОФЕССИЯ: НОВАТОР *(1831–1837)*

«Постепенно я начал осознавать, что занятия театром не то чтобы не слишком полно меня удовлетворяли, но удовлетворяли слишком однообразно». Триумфальная карьера «Антони» продолжалась на протяжении ста тридцати одного представления в Париже, прежде чем спектакль отправился на гастроли. Сыгранная 30 мая пародия в театре Варьете под названием «Ублюдок, или Несчастье не иметь ни отца, ни матери, жизнь человеческая в пяти частях» довершает успех[109]. Однако весьма известный с этого момента, Александр, в котором узнавало себя целое поколение, вынужден печатать свою пьесу за собственный счет: очевидно, издательские кризисы имеют свою цикличность.

Дабы снизить монотонность «удовлетворения», Александр в ближайшие шесть лет проявит себя мастером новеллы, плодовитым вульгаризатором истории, опасным драматическим хроникером, продолжая при этом неустанно писать пьесы для заработка, чаще всего в соавторстве, не без того, чтобы попутно не внедрить в театр политику, заложить основы буржуазной драмы, которая достигнет своего апогея во второй половине XIX века, и придать мелодраме статус литературы. Он обновит искусство дорожных заметок, изобретет фельетон, то есть роман с продолжением и определит две линии в своем творчестве романиста: исторический роман и роман нравов. И все это в промежутке между двадцатью девятью и тридцатью пятью годами!

Бюлоз, который только что вместе с Бокажем, Боннером и Биксио основал журнал «Revue de deux mondes», попросит его быть автором этого журнала. Прежде Бюлоз работал в типографии, это был «мужчина тридцати четырех — тридцати пяти лет, бледный, с жиденькой бородкой, с косящим взглядом, с чертами лица скорее стертыми, нёжели определенными, с редкими желтоватыми волосами; по характеру молчаливый, почти угрюмый, не слишком расположенный к беседе в силу начинающейся глухоты, унылый в хорошие дни и грубый в плохие и во все дни дьявольски упрямый». Уродлив, шелудив, туг на ухо — Александру, стало быть, нелегко было находить с ним общий язык. Для начала в январе 1831 года, подобно какому-нибудь современному университетскому профессору, пытающемуся повсюду пристроить свой отчет о командировке в слаборазвитую страну, Александр дает Бюлозу свою «Вандею

после 29 июля 1830 года», вторую редакцию своего рапорта Лафайету.

Гораздо живее выглядит вторая его поставка — «Красная роза», переделка «Бланш из Больё», одной из трех «Современных новелл» 1826 года. Основа та же: трагическая и обреченная любовь дочери вождя шуанов и республиканского генерала Марсо, которого раньше звали Оливье, точно так, как его товарищ по оружию Александр Дюма прежде звался д'Эрвили. Попутно небезынтересно заметить, что и через пять лет Генерал еще сохраняет мускульную силу. Если прежде он довольствовался тем, что поднимал лошадь, зажав ее в шенкелях, то теперь он попросту душит таким же способом слишком необузданное животное. Окреп не только он: вторая версия на целую треть стала длиннее первой, увеличившись от семидесяти тысяч знаков до ста, то есть до семидесяти страниц. Встает вопрос: по-прежнему ли это новелла? Это вопрос не только объема. В числе других требований к жанру — сосредоточенное ведение интриги, которая вовсе не должна разворачиваться до размеров полотна, претендующего на портрет эпохи. В «Красной розе» же как раз налицо эта амбиция: когда Марсо отправляется в Париж просить у Робеспьера помилования для Бланш, имеет место описание борьбы между различными революционными группировками. Если текст 1826 года можно было квалифицировать как зародыш исторического романа, то в 1831 году этот зародыш уже выношен, но у новорожденного тем не менее еще не время требовать формирования крепкого скелета.

В течение четырех последующих лет Александр напишет еще тринадцать коротких историй, объединенных им в 1835 году вместе с «Красной розой» в сборник под названием «Воспоминания Антони». Форма новеллы для него органична. С детства изобретательный выдумщик историй для себя самого, блестящий рассказчик в обществе, многому научившийся эмпирически, но также прошедший школу Нодье и его ученых импровизаций на темы историй как известных, так и редких, Александр отныне в состоянии соединять в своих текстах «диалог, который является признаком драмы», с «повествованием, которое является признаком романа». Однако сам он утверждает, что к «этому времени во мне еще не обнаружились два других не менее важных и взаимосвязанных качества — веселость и занимательное остроумие <…>. Кстати, если бы в то время я и распознал это восхитительное свойство веселости, я бы запрятал его в самую глубину своего существа и в страхе охранял бы от посторонних глаз.

Тогда единственным дозволенным весельем было веселье

сатанинское, смех Мефистофеля или Манфреда.

Гете и Байрон были двумя великими пересмешниками века.

Как и другие, я надел маску на свое лицо. Взгляните на мои портреты того времени: один из них, сделанный Деверия в 1831 году, при незначительных поправках вполне мог бы оказаться портретом Антони.

Впрочем, маска эта постепенно сползала, позволяя видеть лицо в «Путевых очерках».

Но, повторяю, в 1832 году я еще позировал для Манфреда и Чайльд Гарольда».

Не очень хочется противоречить Александру, но веселость его вместе с занимательным остроумием уже были представлены в одной новелле 1832 года, а именно в «Кучере кабриолета», переделке «Марии», второй из «Современных новелл»: как у настоящего скупца, у Александра ни один текст не пропадал, всяк был пущен в дело. Сама по себе история не стала во второй версии более смешной, юмор заключается в том, как ведется рассказ. По-прежнему в центре сюжета история соблазненной девушки, которая пытается покончить жизнь самоубийством. Ее спаситель убивает на дуэли грязного соблазнителя, за сим следует единственное добавление: он женится на беременной и признает своим ее незаконнорожденного сына, чего не было в варианте 1826 года. И тем не менее разница между первым и вторым вариантом — огромная. «Мария» была первой ступенью к романтической мелодраме. В «Кучере кабриолета» интрига спасена точностью композиции, благодаря технике нарочито запутанной экспозиции и стилю, основанному на живом диалоге. Сразу же на сцене появляется Александр. Новый год. Чтобы поздравить Нодье, Тэйлора и мадемуазель Марс, он нанимает кабриолет. Подобно современному шоферу парижского такси, кучер пытается завязать с ним беседу. Александр разговора не поддерживает, так как в нем как раз зреет финал третьего акта «Антони». Кантийон, так зовут кучера, все же добивается своего и, хотя он скверного мнения о романтических авторах, рассказывает на присущем ему языке драму, свидетелем которой он был:

«— Вот такая история, добрый мой господин. Куда же отвезти вас?

— Ко мне домой, я закончу свои дела в другой день.

Я вернулся и записал историю Кантийона так, как он мне ее поведал».

Настоящий литературный вампир, этот Александр! Стоит ему услышать мрачную историю калабрийских бандитов — и вот уже в 1833 году написаны «Дети Мадонны», шедевр новеллистики, жемчужина «Воспоминаний Антони», вопреки полному

отсутствию юмора. В 1799 году, в то время, когда французы захватили Неаполитанское королевство и Калабрию, Керубино и Челестини, два подкидыша, становятся разбойниками, приняв имена Джакомо и Иеронимо. Иеронимо был убит, а за голову Джакомо назначили цену. Преданный одним из своих людей, Джакомо оказался в окружении французов на вершине горы, не доступной для осаждающих. С ним вместе его уцелевшие люди, боготворящая его жена Мария и их младенец. Французы рассчитывают, что голод заставит их сдаться. С наступлением ночи Джакомо и его войско пытаются ускользнуть через ячейки сети, но младенец начинает плакать:

«Тогда Джакомо одним прыжком подскочил к нему и, прежде чем Мария смогла его успокоить или хотя бы защитить, он схватил младенца за ногу, вырвал из материнских рук и вращая, как пастух свою пращу, размозжил ему голову об дерево».

Банда ушла. На следующий день Мария принесла французскому полковнику в своем переднике голову Джакомо. И полковник отсчитал ей обещанную награду в три тысячи дукатов — ее взнос для вступления в монастырь. Написано строго и динамично и напоминает вышедшую четырьмя годами раньше новеллу Мериме «Матео Фальконе». Психологический объем достигается не столько с помощью анализа персонажей, сколько в результате описания их поступков и жестов. Стиль, таким образом, столь же современен, как веком позже стиль мастеров черного американского романа. Последовательность драматического развития до самого конца, вплоть до «невероятного события», как определил Гете суть новеллы. Только «Коломба» того же Мериме семь лет спустя достигнет совершенства формы, сравнимого с совершенством «Детей Мадонны».

Но вернемся назад. 7 мая 1831 года, то есть четыре дня спустя после премьеры «Антони», Александр присутствует на генеральной ассамблее награжденных за Июльскую революцию. Приступают к выборам президиума. Александр избран представителем от 14-го округа. Президент назначен без голосования. Это бывший сокрушитель Бастилии, о котором позднее станет известно, что он не кто иной, как «старый негодяй, осужденный за изнасилование молоденькой девушки». Спор идет вокруг трех требований короля-груши: голубой ленты с красной каймой, вместо прежней красной с черным, формулы «дарована королем французов» и присягой последнему в верности. Мы уже видели, что Александр публично выступил против изменения цветов на орденских лентах, но в этот раз он — сторонник компромисса в этом вопросе («изменение цвета ничего

не меняет по сути»), по-прежнему возражая против двух других позиций. Ассамблея пошла за ним и единодушно отвергла и формулу, и присягу: «<…> Не впадая в абсурд, невозможно представить себе награду, дарованную королем, коего в то время не существовало и за особу которого, как следует во всеуслышание заявить, мы вовсе тогда не бились».

Для Александра речь шла о событии весьма важном. «Некий рыцарский орден только что был учрежден вне покровительства и вне влияния правительства. Тысяча рыцарей этого ордена, не зависящая ни от кого, кроме себя, присягающая лишь собственной совести, способная подняться сообща по условному знаку, стояла настороже с июльским ружьем в руках». То есть Александр и в самом деле начинает отмежевываться от тех, кто хотел бы продолжить вооруженную борьбу. Подтверждение тому — его поведение на следующий день во время банкета в честь освобождения девятнадцати республиканцев, оправданных в апреле. За столом он оказался между Распаем, знаменитым химиком и в скором будущем врачом бедняков, раненным на июльских баррикадах и только что отказавшимся от ордена Почетного легиона, и актером Комеди-Франсез, имени которого он не называет. Во время тостов Александр довольствуется малым, однако достаточным, чтобы себя скомпрометировать: «За искусство! Пусть кисть и перо смогут так же действенно, как ружье и шпага, способствовать общественному возрождению, которому мы все посвятили свою жизнь и ради которого готовы умереть!» Вежливые аплодисменты.

Тост Этьена Араго куда пламенней: «За солнце 1831-го! — сказал он, — пусть оно будет столь же горячим, как солнце 1830-го, но не таким слепящим!» Тройной залп аплодисментов, шампанское делает свое дело, и на тосте братьев Кавеньяк энтузиазм достигает своего апогея. Вдруг замешательство и какое-то движение, совсем молодой человек, потрясая кинжалом в одной руке и бокалом в другой, провозглашает: «На Луи-Филиппа!» Александр и его сосед-актер переглядываются и, не желая компрометировать себя присутствием при этом призыве к убийству, осторожно ретируются, выпрыгнув через окно в сад.

Тот экзальтированный молодой человек был Эварист Галуа, Рембо математиков и, возможно, самый гениальный представитель этой дисциплины за все время ее существования. Он был выдан (интересно, кем?), арестован, следствие велось наспех, и 15 июня он предстал перед судом. Александр находился среди публики. Галуа высокомерно признаёт факты, но, по совету своего адвоката, добавляет лишь одно: тост его в действительности звучал следующим образом: «На Луи-

Филиппа… если он предаст!», однако в любом случае «деятельность правительства заставляет предположить, что предаст обязательно, если уже не предал». Ко всеобщему изумлению суд вынес оправдательный приговор. «Сочли ли они Галуа безумным или придерживались его мнения?» Меньше, чем через месяц, по случаю празднования 14 июля молодой математик вместе с друзьями придет на Гревскую площадь — посадить дерево Свободы. Он снова арестован, ибо при нем обнаружены кинжал и два пистолета. На этот раз его передали в уголовный суд и осудили на шесть месяцев тюрьмы. В Сент-Пелажи он оказался в компании с Распаем, находившимся там с 9 июля. Крепкая дружба связала этих двух людей с того момента[110]. Выйдя из тюрьмы, Галуа недолго наслаждался радостями свободы. 30 мая 1832 года крестьянин нашел его у ворот Парижа, на берегу пруда в Жантийи, с пулей в животе. Перевезенный в госпиталь Кошен, он на следующий день умирает. По всей вероятности, то было политическое убийство под видом криминальной дуэли. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что тяжело раненный Галуа был брошен своими секундантами, что было немыслимо, исходя из существовавших в те времена у республиканской молодежи законов чести и солидарности. Кстати, просмотренные справочники[111] свидетельствуют о некой вынужденной встрече при таинственных обстоятельствах и о некой противнике, скорее всего, агенте-провокаторе, чье имя так и осталось неизвестным. Если бы редакторы справочников имели удовольствие прочесть Александра, они без труда установили бы имя таинственного анонимного убийцы. Это был один из девятнадцати освобожденных республиканцев, в честь которых был организован тот самый банкет. «Пешё д'Эрбенвиль, очаровательный молодой человек, который делал патроны из шелковой бумаги, обвязывая их розовыми ленточками», и которого теперь подозревают в деятельности платного агента и доносчика на службе у короля.

«Та жизнь, что мы вели, была утомительной: что ни день, свои волнения, то политические, то литературные». Каждый вечер на бульваре между театрами Жимназ и Амбигю собираются люди. Появляются полицейские «с видом провокаторов». Мальчишки забрасывают их капустными кочерыжками, «и этого достаточно, чтобы через полчаса-час отчитаться о приличном небольшом бунте, который якобы начался в пять часов пополудни и закончился в полночь». Можно подумать, что речь идет о Латинском квартале в первые месяцы после майских событий 1968 года. Александр вновь чувствует потребность бежать от парижского шума и жары, но доходы у него низкие, хотя

возобновлен «Антони», «кроме того, демон поэзии преследовал меня, толкая на новые свершения», и эхо повторяло вздохи разочарования.

Итак, на какое-то время Александр еще задерживается в городе, чтобы выполнить данные друзьям обещания. В Одеоне он смотрит «Жену маршала д'Анкра» де Виньи. Отличный сюжет, Александр и сам не прочь был бы им воспользоваться, но действовал бы иначе. Ангел же выстроил интригу «слишком сложно на периферии, если можно так выразиться, и слишком просто в центре. Жена маршала сдается без борьбы, без перипетий, ни за что не пытаясь зацепиться: поскользнулась и сразу же упала; в момент ареста она уже мертва»; живое расположение, которое Александр испытывает к любовнику Мари Дорваль, не может помешать ему трезво оценивать достоинства и недостатки пьесы, а стало быть, ее успех или провал. Зато «Импровизированную семью» Анри Монье в Водевиле он принимает безоговорочно. Он так очарователен и остроумен, этот Анри, прекрасный карикатурист, иллюстратор Беранже, актер, драматург, высшим достижением которого остается придуманный им образ господина Прюдома, что, разумеется, не может затмить присутствующих в зале знаменитостей — Александра, Гюго, Ламартина и несчастного автора «Гения христианства», оглохшего «с тех пор, как о нем перестали говорить», что вызывало естественный вопрос: зачем же он пришел в театр. Чтобы восстановить слух, этот «бессловесный мученик»[112] легитимности супер-короля, которого в быту он уважительно называл «подлюга», скоро отправится в ссылку в Швейцарию, ненадолго, но дабы выразить свой высокомерный протест против узурпаторских действий короля-груши, правда, год спустя после Июльской революции.

На следующий день 6 июля Александр и Белль садятся в дилижанс до Руана, а далее на корабль до Гавра. По дороге из Гавра на Онфлёр все пассажиры страдают от морской болезни, «кроме одной чахоточной англичанки с длинными развевающимися волосами, с румянцем цвета розы и персика, которая одолевала это бедствие с помощью больших стаканов водки!» Несмотря на мучительную тошноту, облегченную сознанием, что зато сэкономлены восемь франков, Александр и Белль продолжают свое путешествие морским путем, более дешевым, чем сухопутный, до Трувиля, «в то время места, почти столь же никому неведомого, как остров Робинзона Крузо», но тем не менее все же открытого чуть раньше мужественными мореплавателями, художниками Гюэ, Деканом и Жаденом, которые и отрекомендовали нашей паре единственный

деревенский постоялый двор, который держала матушка Озере. «Женщина лет сорока, полная, чистая, приветливая, с лукавой усмешкой на губах, свойственной нормандским крестьянам». Она объявляет свои железные условия: за две смежные комнаты и полный пансион — столько еды, сколько сможешь съесть, столько сидра, сколько выпьешь, за вино, правда, платить отдельно, — за все это, если бы Александр был художником (у нее слабость к этому сословию!), было бы только сорок су в день с человека, но так как он лишь поэт, она увеличивает свой тариф на десять су, соглашаться или нет — его дело.

Всего пять франков с пары, Александр не верит своим ушам и очень опасается за качество еды, тем более, что матушка Озере отказалась заранее ознакомить его с обеденным меню, которое без затей состояло из супа, бараньих котлеток Презале, рыбы соль по-матросски, омара под майонезом, жаркого из двух бекасов и легкого салата из креветок. Ни о сыре, ни о десерте у Александра не упоминается. Была ли матушка Озере столь же скупа, как король-груша, или же просто хорошо усвоила диетические принципы Брийа-Саварена, который, предупреждая ожирение, рекомендовал как можно реже употреблять сладкое и продукты брожения? Третий вариант объяснения больше внушает доверие: Александр не любитель пирожных. Чтобы в этом убедиться, достаточно процитировать одно из меню, составленное им позднее для своих четырнадцати гостей в ресторане «Золотой дом»[113]. Два супа: консоме де волай и консоме из черепахи. Одна закуска: лапша по-охотничьи в тесте. Две горячие перемены: лосось Шамбор и говяжье филе по-министерски. Два первых блюда: жаворонки с трюфелями и сюпрем де волай. Плюс перепелки, куропатки и ортоланы с зеленой фасолью, сотэ с ореховым желе и с гарниром из абрикосов. Из напитков к первому были предусмотрены Сен-Жюльен и мадера, ко второму — Шато-Лароз, Кортон и Кло-дю-Руа и к третьему — шампанское Клико и Шато-Икем. А на десерт — только фрукты. XIX век был во Франции не только веком самой ужасающей нищеты рабочих и развития утопических идей на фоне наглого триумфа буржуазии; то был также век пяти гениев в литературе: Александр, Стендаль, Бальзак, Гюго, Рембо и век невиданного обжорства для обеспеченных. В этих условиях Александр и Бальзак достигли габаритов, пропорциональных их гениальности, Стендаль и Гюго остались в среднем весе, а Рембо всю жизнь был страшно худым.

Матушке Озере, удивленной тем, что двое молодых людей живут в разных комнатах, Александр процитировал остроту Альфонса Карра: «Когда у мужчины и женщины общая спальня, они перестают быть любовниками и становятся самцом и

самкой». Кроме этой похвальной заботы не дать большой страсти соприкоснуться с повседневностью, Александр руководствуется и желанием сохранить спокойный ритм творчества. Из двух комнат он выбрал для себя ту, что выходила на поле, а не на море, которое слишком бы отвлекало его; у каждого свои причуды: иногда выбираешь и то, чего меньше всего хочешь. Во время первого своего отпуска на берегу моря, еще не оплаченного Гарелем, который обещал дать ему тысячу франков лишь в обмен на новую пьесу, Александр живет по расписанию мелкого литературного чиновника. Подъем с восходом солнца, работа до десяти. Завтрак. С одиннадцати до четырнадцати охота в общинных болотистых землях с разрешения мэра Трувиля Гетье. С четырнадцати до шестнадцати снова работа. Потом заплыв, не больше часа. Обед. С девятнадцати до двадцати одного часа — совмещение пищеварения и созерцания в прогулках по пляжу, и «возобновление работы до одиннадцати-двенадцати часов ночи». То есть примерно восьмичасовой трудовой день с возможностью сосредоточиться, поразмышлять, мысленно продолжить творческий процесс во время еды или занятий спортом. Никаких сколько-нибудь значительных происшествий, если не считать увязавшегося за ним однажды в море гигантского касатика, очевидно, самоубийцы, поскольку он дожидался у берега, пока Александр сбегает за карабином и пустит ему пулю в лоб. Светская жизнь сведена до минимума, до обмена любезностями с мадам де ля Гарен, дачницей, и с мсье де Боншоз, товарищем по охоте, что было бы еще приятней, если бы не приходилось различать их по именам.

Идеальные условия, чтобы сотворить если не новый шедевр, то, по крайней мере, достойную историческую драму в прозе. Для нее уже есть название: «Карл VII у своих вассалов» и в высшей степени оригинальная интрига: граф Савойский разводится с Беранжерой, которая не сумела дать ему ребенка. Та подстрекает влюбленного в нее раба, молодого араба Якуба, убить графа. Сама она принимает яд. Якуб возвращается в свою пустыню. Сверх того, в случае актерской потребности можно написать еще две небольшие роли — Карла VII и Аньес Сорель. Александр признает и называет использованные источники: «Каштаны из огня» Мюссе, «Андромаха» Расина, сцена из «Сида», кстати, позаимствованная Корнелем у Гильема де Кастро, «Гёц фон Берлихинген» Гёте, кое-что из «Квентина Дорварда» и «Ричарда Львиное сердце» Вальтера Скотта и, наконец, «гвоздя, на котором держится моя картинка», — страницы из «Хроники короля Карла VII» Алена Шартье. А почему бы и нет?! Самых больших писателей нередко вдохновлял опыт их предшественников, и Александр спокойно

ссылался на фразу златоуста Мольера: «Беру свое добро там, где нахожу!» Что делает еще более трогательным его собственное наивное признание: «Как произведение компилятивное и подражательное, «Карл VII» — мой самый большой грех».

Отпустить грех было бы проще, если бы он не счел необходимым забыть, что чуть раньше ему удалось вдребезги разнести правило о трех единствах, и если бы он не упорствовал в своем намерении написать пьесу в стихах — причуда, сравнимая лишь с заблуждением Вольтера, возомнившего себя трагическим поэтом. Как бы то ни было, он «с трудом», но неуклонно продвигался вперед в ритме, скажем, ста ежедневных строк. 24 июля, в день его двадцатидевятилетия, у матушки Озере появился новый дачник — Бёден, банкир и в то же время писатель: все случалось в XIX веке. Для театра Бёден писал в соавторстве с Губо под общим псевдонимом Дино. Губо был директором института Сен-Виктор, будущего коллежа Шапталь. В числе его воспитанников — Эрнест Фейдо, Эдмон де Гонкур, Максим дю Кан и младший Дюма. Нередко к Губо и Бёдену присоединялся третий соавтор. Так, в 1827 году они вместе с Виктором Дюканжем сочинили «Тридцать лет, или жизнь игрока», пьесу, имевшую огромный успех и открывшую публике Фредерика Леметра и Мари Дорваль. В данный момент двуглавый Дино сломался на «Ричарде Дарлингтоне» по «Кэнонгейтским хроникам» неистощимого Вальтера Скотта, и Александр, возможно, не прочь был поучаствовать в ремонте. При условии сохранения своего инкогнито он согласился на сотрудничество после окончания работы над «Карлом VII». «10 августа я написал последние четыре стиха:

Вы, рожденные на земле,
Носите, как собаки, наследственную цепь,
Войте перед развернутой гробницей…
Якоб же свободен и возвращается в пустыню!

Закончив труд, я перечитал его. Как я уже сказал, то было скорее подражание, чем оригинальная драма; но в стиле наблюдался значительный прогресс по сравнению с «Христиной», воистину вера и горы передвигает.

В середине августа Александр и Белль покидают их недорогую норку. В дилижансе по дороге в Руан их спутником оказывается некий критик из «Journal des Debats», радостно сообщивший о провале «Марион Делорм». Во-первых, актеры плохо играли. Александр так и подскочил: как, Бокаж и Дорваль плохо играли? Во-вторых, текст явно слабоват, право, после

«Эрнани» Гюго сильно сдал как поэт. Александр с ходу во всеуслышание читает наизусть сцену из первого акта «Марион», заметим, что вовсе не из «Карла VII». Критика это вовсе не обескураживает, и он добавляет, что интрига украдена из «Сен-Мара» де Виньи, а персонаж Дидье — копия Антони. Александр восстанавливает последовательность фактов и приходит к выводу, что точнее было бы сказать об Антони, что он — копия Дидье, ибо «Марион» была написана за год до его собственной пьесы. Удивление критика:

— Вот так глупость!

— Какая же?

— А что вы защищаете Виктора Гюго.

— Почему бы и нет? Я его люблю, он меня восхищает.

— Как коллегу! — сказал критик с выражением глубокой жалости и пожал плечами.

Александр не остановится и публично в «La Revue des Deux Mondes», засвидетельствует свою признательность должника[114]. Гюго же, напротив, завидуя триумфу «Антони», уязвленный тем, что Александр превзошел его в успехе, не всегда будет проявлять такое же благородство в отношении своего друга, но не будем опережать события. 20 августа Александр присутствует на представлении «Марион Делорм». Перед спектаклем он идет подбодрить актеров, Бокаж и Дорваль обещают ради него превзойти самих себя. Во время антрактов он пытается заразить своим энтузиазмом зрителей. Антуан Фонтане отмечает в своем «Интимном дневнике»[115], что видел в этот вечер «большого Дюма, как всегда, безумного, как всегда, добрейшего, говорящего и кричащего на весь зал», но тщетно. Он опечален неуспехом Гюго и подавлен его поэтическим талантом: «Ах, если бы я писал такие же стихи, умея при этом сделать пьесу так, как я умею ее сделать!..» Можно вместе с ним помечтать о некоем драматурге по имени Александр Гюго, но без всякой уверенности, что он мог бы сравниться с Шекспиром, который писал также и в прозе. В 1831 году, что бы по этому поводу не думал мирок, который во все времена формировал общественное мнение, театр в стихах стал уже принадлежностью музея, и Александр уже представил тому доказательство от противного своими пьесами «Генрих III» и «Антони». И ни «Рюи Блаз», семь лет спустя так восхитивший некоторых профессоров, неутомимых книжных червей, отвративших от литературы не одно поколение лицеистов, ни пригоженький «Сирано де Бержерак» запоздалого, в конце века, романтика Ростана не опровергнут этого суждения.

«Потребовалось несколько дней, чтобы у меня появилось мужество вернуться к моим собственным стихам, после того как я

услышал и перечитал стихи Гюго.

Я был вполне готов сделать с «Карлом VII» то, о чем Гарель просил меня уже в связи с «Христиной», — перевести его в прозу». К несчастью, это прекрасное намерение не воплотилось в деяние. Он собирает у себя нескольких друзей, имен которых не называет, и читает им свою пьесу в ее нынешнем состоянии. «Неуспех», и если бы Гюго и Виньи присутствовали при сем, ни один из них не вызвался бы переделать пьесу, как это было с «Христиной». Он удручен, возвращает Гарелю его тысячу франков вместе с письмом, в котором отказывается продолжать начатое. Гарель немедленно прибегает с пятью банкнотами по тысяче франков в руках, уверенный, что отказ Александр связан с повышением цен в Комеди-Франсез и возмещая ему тем самым разницу. Александр соглашается на читку пьесы в Одеоне на следующий день в обмен на одну банкноту в тысячу франков, считая, что остальные четыре он еще не заработал. Гарель теребит ухо. «Было ясно, что он не понимает, в чем дело. Бедняга Гарель, он был так умен!»

Актеры Комеди-Франсез оказались не так требовательны, как друзья. Мадемуазель Жорж была с ним холодна, то ли потому, что он хвастался, как некогда в Виллер-Котре, придуманным счастливым приключением с ней, то ли потому, что он распространял слухи о том, как они делили соседние спальни во время родов «Наполеона»? Но как бы то ни было теперь она больше не сердится, благодаря роли Беранжеры, которую она считает скроенной прямо по своей крупногабаритной мерке. Александрина Нобле, со своей стороны, с радостью готова обратиться в Аньес Сорель, Даму красоты. Локруа лишен предрассудков и согласен на Якуба. Делафос проявит свою царственность в Карле VII, а Лижье — свою вассальность в графе Савойском. Зато Гарель после читки полон сомнений. Он не чует здесь большого успеха, и, вложив сто тысяч франков в «Наполеона», теперь мелочится по поводу простого чучела лани, необходимого для драматического развития в первом акте, или кирасы в четвертом, которая есть в тексте. Александр вынужден в результате добыть первый аксессуар на охоте в лесу Рэнси, а второй взять в артиллерийском музее, где еще не забыли, как он спас от мародеров доспехи Франциска I.

В середине сентября он переезжает в дом 40 на улице Сен-Лазар, в Орлеанском сквере: назначенные судьбой наименования существуют! Прекрасная квартира с иголочки на четвертом этаже и в качестве соседей — Этьен Араго и Циммерман. Вскоре на ту же улицу переселится и Мари Дорваль. Совместное проживание с Белль, репетиции «Карла VII» и выезды на охоту не мешают ему работать с Губо и Бёденом над «Ричардом Дарлингтоном»,

«современная окраска которого, политическое звучание, живое и даже несколько прямолинейное движение сюжета как нельзя лучше соответствовали моему возрасту и специфике». Снова бастард-Ричард, но, в противоположность Антони, который, презрев социальные условности, проживает свою страсть до конца, Ричард — молодой волк с бешеными амбициями. Первый брак ввел его в среду буржуазии и в Палату общин, то есть в правление короля-груши подобная нравственная история могла происходить только в Англии XVIII века. И вот он уже уважаемый и неподкупный депутат, защищающий интересы бедняков, и, чтобы его подкупить, цена нужна немалая, например, — новый брак с дочерью маркиза и звание пэра. Остается лишь избавиться от Дженни, первой жены. Губо предлагает на выбор — кинжал или яд. Александр качает головой: средства устарели. Губо не хватает фантазии:

«— Но если он ее не отравит или не заколет кинжалом, что же ему остается?

— Да выкинет в окошко к чертовой матери!»

Однако столь смелое новшество легче заявить, нежели реализовать. Итак, Ричард увлекает Дженни на балкон, но она, естественно, сопротивляется, и публика вряд ли хорошо воспримет эту стычку. Ричард пытается перекинуть ее через балконную решетку, но тут начнут задираться юбки, игриво, но снижает драматический эффект. Что же тогда? пистолет? веревка? вода? огонь? окись углерода? самодельная гильотина? Александр стоит на своем: Дженни должна вылететь в окно. Как сказано, так и должно быть сделано. Две недели он ищет решение этой сцены:

«**Дженни:** Что вы собираетесь сделать?
Ричард: Не знаю… но молитесь!»

Ричард закрывает дверь на двойной запор. Дженни устремляется к балкону, чтобы позвать на помощь. Он догоняет ее, распахивает балконную дверь. Крик. Он возвращается один, вот и все.

Не следует думать, что Александр потратил пятнадцать дней лишь на то, чтобы придумать, как убить бедную Дженни. Осенью 1831 года он уже работает «в литературном жанре, среднем между романом и драмой, в котором есть занимательность романа, сильное и непосредственное воздействие драмы, а диалог чередуется с повествованием; назывался этот литературный жанр: исторические сцены.

Используя уже имеющийся у меня опыт в драматургии, я принялся кроить, пересказывать и переводить в диалог

исторические сцены, извлеченные из «Истории герцогов Бургундских» Проспера Брюжьера де Баранта». Первые две части будут напечатаны в декабре в «Revue des Deux Mondes», за ними, уже в следующем 1832 году, последуют еще восемь, а целиком «Изабелла Баварская» выйдет в 1836 году». Иногда и весьма неточно ее называют романом. Успех исторических сцен у публики приведет Александра к мысли «создать серию романов, охватывающих события от царствования Карла VII до наших дней», но осуществление замысла отложится на значительное время. На самом деле слишком часто обманчивая легкость, с которой Александр реализует себя в любом жанре, заставляет забывать о долгом периоде предварительного созревания замысла. Между «Майором из Страсбурга» и «Генрихом III» восемь лет исследований, проб и ошибок. Примерно такой же отрезок времени между «Современными новеллами» и «Детьми Мадонны». Еще больший срок — 11 лет — отделяет первый исторический роман «Акте» от его зародыша в «Бланш из Больё» через «Красную розу» и исторические сцены.

Это приятие медлительности, эта покорность писателя не могут однако рассматриваться в отрыве от грандиозной перспективы. «Мое первое желание всегда не имеет границ; мое первое устремление — всегда к невозможному. И только потому, что частично из гордости, частично из любви к искусству я упорствую в этом стремлении, мне удается достичь невозможного. Как? Попытаюсь вам объяснить, хотя и сам не очень понимаю: работая, как никто не работает, отсекая от жизни все детали, срезая верхушку». Правда и то, что, чем старше он становится, тем больше пишет — двенадцать-пятнадцать часов в сутки.

Но 20 октября 1831 года до этого еще не дошло. На премьере «Карла VII» зал переполнен, новая пьеса Александра — по-прежнему событие. Он привел в театр своего семилетнего сына: никогда не рано влить первую дозу яда от литературы. Бородатая, усатая и волосатая, молодая Франция присутствует в полном составе, одетая в униформу из кожаных шляп, редингот с широкими отворотами, зеленых клеенчатых пальто, готовая как нельзя лучше оказать поддержку пьесе, но что же случилось с их главнокомандующим? Какой-то рецидив классицистской лихорадки, какое-то мурлыканье, скукота. К счастью, в четвертом акте Делафос — Карл VII несколько развеселил зал. Одетый в музейную кирасу, он должен был произнести свою тираду с поднятым забралом и опустить его в конце, перед уходом со сцены, как знак угрозы. Неудобство состояло в том, что, раз опустившись, забрало закрывалось герметически, и открыть его

можно было лишь с помощью какой-нибудь отвертки, нажав на пружину. В тот вечер «в пылу декламации Делафос сделал жест столь яростный, что забрало упало само собой, не в силах справиться со своими эмоциями. Возможно также, что это была его манера аплодировать.

Как бы то ни было, Делафос был лишен возможности продолжать свой монолог: стихи, поначалу столь ясно звучащие, подкрепленные безупречной фразировкой, превратились в какое-то заунывное и неразборчивое мычание». Ситуацию спас конюший Карла VII, бросившись с кинжалом в руке к своему королю, он с ловкостью мастерового открыл забрало, и Делафос сумел закончить свою тираду. Вежливые аплодисменты, двенадцать представлений, нельзя сказать, чтобы полный провал, даже и поздравительные записки были: «Пьеса имела как раз столько второстепенных достоинств, чтобы никого от нее не отпугнуть».

Подавлено польское восстание. В Париже зловещий кретин Себастьяни выражает свой восторг по этому поводу перед Палатой депутатов: «Порядок правит в Варшаве», при помощи виселиц, тюрем, грабежа, ссылок в Сибирь. Александр навещает Распая, который все еще сидит в Сент-Пелажи вместе с Галуа и Бланки. Спрятав под апельсинами, он передает Распаю книги[116]. Входил ли Александр в Общество Друзей народа, из которого родилось Общество Прав человека и которым железной рукой управлял Распай? Он кое-что сказал об этом, когда вдвоем с Биксио должен был осуществить похищение депутатов: «У нас была клятва, наподобие клятвы франк-масонов или карбонариев, в силу которой мы обязаны были повиноваться приказам командиров, не рассуждая». В таком случае его имя должно было бы фигурировать в картотеке, захваченной полицией у Распая, и ему надлежало, по крайней мере, еще однажды прибегнуть к тайному покровительству Фердинанда. Однако мы полагаем более вероятным его неучастие в Обществе Друзей народа в качестве активного члена, он мог просто симпатизировать ему в стороне от республиканских заговоров, оставаясь верным своей дружбе к Кавеньяку, Гинару, Бастиду, Араго и Распаю.

Смена декораций. 21 ноября он присутствует в Опере на премьере «Роберт-Дьявол» Мейербера. У тенора Адольфа Нурри совершенно сорванный голос, поскольку чуть раньше он слишком часто певал Марсельезу, одетый в форму национального гвардейца, с трехцветным знаменем в руках, приняв революцию 1830 года «в высшей степени серьезно». В антракте Александр встречает Россини. Со времен «Вильгельма Теля», то есть с 1829 года тридцатисемилетний знаменитый композитор ничего не

написал, исключительно из-за собственной лени, по мнению одних, уязвленный модой на Мейербера, по мнению других. Неуспех «Роберта-Дьявола», который легко можно было предсказать, но который, увы, ограничился единственным спектаклем, не улучшил ему настроения. Он объяснил Александру, что и ноты больше не напишет, разве что лучший друг заставит его это сделать под угрозой пистолета. В тот вечер Александр не был вооружен. И следующие тридцать семь лет своей жизни, вплоть до смерти, Россини ничего не сочинил, за исключением нескольких пьес, которые он не разрешал публиковать. Закончился «Роберт-Дьявол». Нурри с уже сорванным голосом ухитрился еще сорваться в люк в первой кулисе Оперы и разбить себе лицо. Александр торопится навестить его в гримерной, дабы убедиться, что тенор пострадал не настолько, чтобы не смог представить его Мейерберу. Но контакта не возникает. «Мейербер, безусловно, очень умен <…>, но только состояние себе он составил не при помощи репутации, более того, можно было бы сказать, что репутацией своей он почти обязан состоянию».

В то время как в Опере разворачивались сии трагические события, восставшие ткачи берут власть в Лионе. Дело в том, что за пятнадцать лет их заработная плата упала с восьмидесяти су до «восемнадцати су в день за восемнадцатичасовой рабочий день. Су в час!..» Почувствовав взрывоопасность ситуации, префект Бувье-Дюмолар потребовал от господ-прюдомов установить гарантированный минимум зарплаты в 23 су. Подавляющее большинство хозяев отказалось принять это требование, «заявив, что не считают себя обязанными помогать людям, создавшим себе *искусственные потребности* <…> при восемнадцати су в день! Каковы сибариты!» Ткачи объявили забастовку. Колонна национальных гвардейцев, «состоящая целиком из фабрикантов», открыла огонь по мирной демонстрации. «Тогда гнев заставил этот немой от голода гигантский рой зажужжать. Каждый дом выбросил на улицу всех способных к борьбе мужчин: кого с палкой, кого с вилами, некоторых с ружьями. В одно мгновение построенные женщинами и детьми поднялись баррикады».

На следующий день, «в семь часов пополудни все было кончено, и войска отступили перед народом-победителем повсеместно». Руководство городом приняла рабочая комиссия из восьми человек, которая никак не могла прийти к взаимному соглашению и не очень представляла себе, что делать с властью. Чтобы отвоевать Лион, Казимир Перье посылает туда армию в тридцать шесть тысяч человек под командованием Сула и

нежного Фердинанда. Страшные репрессии, минимум упразднен, Бувье-Дюмолар смещен, оставшиеся в живых ткачи продолжат умирать с голоду. Гюго и Ламартин невозмутимы. Кроме Александра, один лишь Гейне отдаст последний долг лионским повстанцам в «Силезских ткачах».

А «что же делал король в это время?». Время страшной нищеты не только в Лионе, но и в Париже, где «двадцать четыре тысячи человек, зарегистрированных [в отделе милосердия] в двенадцатом округе, остаются без хлеба и без одежды. Многие довольствуются охапкой сена, вместо постели». В это время король-груша диктовал своим министрам «ноту, в которой требовал от Палаты восемнадцать миллионов по цивильному листу <…>, в девять раз больше, чем весь бюджет народного образования, вместе со всеми субсидиями, премиями и национальными стипендиями». В припадке независимости депутаты дают согласие лишь на четырнадцать миллионов, то есть в семь раз больше, чем бюджет народного образования. К этому ли периоду относятся первые мимолетные ссоры по причине «республиканства»[117] между Александром и Фердинандом?

Приступили к репетициям «Ричарда Дарлингтона» в театре «Порт Сен-Мартен», руководство которым только что принял Гарель. В главной роли Фредерик Леметр, «тогда в расцвете своего таланта. Несравненный, как Кин <…>, непревзойденный, как и он <…>. В жизни уже тогда, как и сейчас, то был человек трудный, необщительный, капризный. Но, кстати, весьма разумный, внесший немало полезных предложений и по поводу пьесы, и по поводу своей роли, обращавший внимание не только на себя самого, но и на автора». Роль Дженни исполняла Александрина Нобле. Это «молодая и прелестная особа», с которой у Александра завязываются, увы, «чисто профессиональные отношения». Как всегда, когда он торопит успех, Гарель не скупится на расходы, связанные как с постановкой, так и с рекламой. «Вокруг «Ричарда» поднялся страшный шум. Заранее было известно, что у пьесы имеется политическая подоплека, и на самом высоком уровне, а возбужденные умонастроения в те времена способны были посеять бурю повсюду». В день премьеры 10 декабря «буквально ломали дверь, чтобы достать билеты. Перед началом спектакля казалось, что зал вот-вот обрушится». Если на репетициях Леметр был «великолепен», то на спектакле — «изумителен». Молодая Франция ревела от восторга. Единственная накладка — «неуставные отношения» бедняги Делафоса, играющего второстепенную роль, с предметами. На сей раз он был без

кирасы и шлема, но зато с двумя пистолетами, из которых должен был пристрелить некоего персонажа по имени Томпсон. «Оба не выстрелили! Делафос не растерялся: он будто бы достал из кармана кинжал и одним ударом поразил Томпсона, раз уж не удалось разнести ему череп выстрелом».

Во время спектакля Гарель поднялся в ложу Александра и попросил разрешения назвать его вместе с Губо и Бёденом в качестве автора. Александр отказался, поскольку сюжет ему не принадлежал. Тогда Губо и Бёден, «отличные ребята и сердечные друзья», предложили ему фигурировать в качестве единственного автора. «Обняв их, я ответил отказом». Возвращается Гарель, потрясая тремя банкнотами по тысяче франков. Но Александр же не шлюха. «Я отказался, но не обнял его».

Уходя, Александр встретил Мюссе, который, как он утверждал, задыхался. Это недомогание Александр принимает «за самую высокую похвалу произведению: драма Ричарда и в самом деле сдавливает горло». Но можно понять Мюссе и иначе: то ли избыток алкоголя затруднял его дыхание, то ли от «Ричарда» его прошиб холодный пот. Забавные отношения сложились у Александра с собратом. Мюссе моложе его на восемь лет и, следовательно, одного возраста с Фердинандом, такой же стройный и светловолосый, с таким же тонким удлиненным лицом, но, в отличие от наследника короля-груши, его «длинные локоны свисают в беспорядке по одну сторону лица»[118]. Что нисколько не мешает ему быть «поэтом, самцом, производителем». Александру хотелось бы иметь его в друзьях, но напрасный труд. «Однажды у меня был случай оказать ему услугу. Думаю, что за это он стал относиться ко мне хуже». Услуга, о которой идет речь и которую Александр оказал с помощью Фердинанда, это назначение Мюссе в октябре 1838 года хранителем библиотеки Министерства внутренних дел с годовым жалованьем в три тысячи франков. В мае 1848-го он будет смещен со своей должности Ледрю-Ролленом. Александр выразит бурный протест против этого решения в своей газете «Le Mois» и во «France nouvelle». И напрасно будет тогда Мюссе горячо благодарить его «именем старой, но нестареющей дружбы», Александр не попадется на удочку этой запоздалой и конъюнктурной признательности. Со своей стороны, он испробовал всё, чтобы сблизиться с ним реально. «К несчастью, Мюссе состоит из шипов. На ласку он отвечает уколом <…>. Не в силах сделать его своим другом и не в состоянии его ненавидеть, я испытывал к нему странное чувство, выразить которое я могу лишь в следующих словах: я о нем скорбел».

Подходит к концу год 1831-й, и Александр подводит его

литературные итоги. В его собственном творчестве это три пьесы: «одна плохая — «Наполеон Бонапарт», одна средняя — «Карл VII» и одна хорошая — «Ричард Дарлингтон». Потрясающая забывчивость: о превосходном «Антони» он даже не упоминает. Гюго, кроме «Марион Делорм», опубликовал «Собор Парижской Богоматери», «это больше, чем роман, это книга!», и «Осенние листья». Что до Бальзака, то он «выпустил «Шагреневую кожу», одно из самых раздражающих своих произведений». Это лишь частное мнение Александра. Само собой разумеется, что ему неизвестно, Пушкин только что закончил своего объемного «Евгения Онегина», над которым работал девять лет.

10, 11 и 12 января идет процесс над пятнадцатью республиканцами. Распай и Бониа осуждены на пятнадцать месяцев тюрьмы, Бланки — на год, остальные оправданы. На этот раз Александр в суде не присутствует. В салонах он по-прежнему «всерьез рассуждает о Республике и Революции»[119]. В действительности он с режимом примирился. Не он ли через несколько месяцев объявит экс-королеве Гортензии де Богарне: «В течение целого года я был погружен в бездны прошлого; вначале мое мнение было основано лишь на инстинкте, но в конце концов — на разумном убеждении. Я видел, что революция 1830 года заставила нас продвинуться, правда, только на один шаг, но все же по пути от аристократической монархии к буржуазной, и что эта буржуазная монархия — целая эра, которая должна быть изжита, прежде чем мы дойдем до народного правления. Отныне, сударыня, не делая ничего, дабы приблизиться к правительству, от которого я отдалился, я перестал быть его врагом и спокойно наблюдаю за развитием того периода, конца которого, возможно, мне не суждено увидеть; я аплодирую всему хорошему, протестую против плохого, но то и другое — без энтузиазма и без ненависти; я не приемлю ни отвода, ни подчинения; считаю его не благом, но необходимостью»[120]. Так что же, в тридцать лет прощай политика? Или это тайная мечта вернуться к ней другим путем? Королю-груше пятьдесят восемь лет, после его смерти на престол должен взойти герцог Орлеанский. Вполне вероятно, что Александр видит себя скорее в роли Ришелье, чем Мазарини, при любимом Фердинанде I, которого со всей возможной деликатностью он поведет к народной монархии — отличное средство примирить республиканские идеалы с любовью к королевской особе.

Его разрыв с политикой сочетается с угрызениями совести, когда он думает о друзьях, заключенных в тюрьму или продолжающих борьбу в подполье. Он уходит в усиленную работу, либо самостоятельную — над историческими сценами,

либо совместную — для театра, и не строит никаких иллюзий на этот счет: «Беда первого сотрудничества в том, что оно влечет за собой второе; соавтор подобен человеку, сунувшему палец в прокатный стан: за пальцем последует кисть, за кистью — рука, за рукой — туловище! Все должно подвергнуться прокату, куда входишь человеком, а выходишь проволокой». Другая возможная неприятность — видеть свое имя под ничтожным опусом. Единственное преимущество: быстрый и щедрый доход, как в случае с «Ричардом Дарлингтоном», и лучше бы Александру было признать свое отцовство по отношению к нему, чем по отношению к следующей своей пьесе — «Тереза». Написанная по заказу Бокажа на сюжет Анисе Буржуа, она представляет собой комическую, а скорее даже отвратительно трагическую оперу на музыку Луи Вие и Рифо[121], имена которых до потомства не дошли. И снова Александр трезво относится к своему детищу: «Мое мнение по поводу этой драмы: одна из самых худших у меня».

«Терезу» сыграли 6 февраля в зале Вантадур с успехом, «достаточным для самолюбия» и кошелька, и «недостаточным для произведения искусства». По поводу этого последнего заключения Александр как раз не мог не заметить совершенно идиотической и без его ведома появившейся соперницы своей теще Терезе, поскольку вторая была любовницей мужа первой, — не беда, что отношения здесь более запутаны, чем у Расина, — короче, двадцатилетней актрисы, приведенной Бокажем неизвестно на каких условиях. «У мадемуазель Иды был талант тонкий, грациозный, очень простой и далекий от всех театральных условностей». И это минимум того, что можно было бы сказать. Ида Ферье на сцене, а в жизни Маргарита Жозефина Ферран — блондинка, уже очень полная, с большими руками, длинными ногами, с зубами вкривь и вкось; дикция у нее была прескверная, говорила она в нос, подражала игре Мари Дорваль, но Александр уже так долго почти верен Белль, и потом было бы невежливо привередничать, когда тебе предлагают этот свежий дар из плоти, исполненный к тому же признательности к великому человеку, давшему этому ничтожному таланту возможность обнаружиться.

Беда никогда не приходит одна, в Париже холера. Восемнадцать тысяч четыреста умерших зарегистрировано в столице с марта по октябрь 1832 года и более ста тысяч по всей Франции. Эпидемия поражает в основном рабочие кварталы, неблагополучные в санитарном отношении, но, к несчастью, не вовсе обходит стороной и богатые районы, а правительство, вместе с властным Казимиром Перье вынуждено признаться в неспособности выявить холерную *запятую,* бацилу,

обнаруженную Кохом лишь в 1883 году. Чаще всего «больного, или скорее обреченного, начинало слегка трясти, затем начинался первый период озноба, затем судороги, затем изнурительный и беспрерывный понос; сгущение крови останавливало кровообращение; капиляры набухали кровью; больной становился черным и умирал». В случаях так называемой молниеносной холеры все симптомы появлялись одновременно, но понос — последним. «Человек заболевал дома; двое соседей клали его на носилки и несли в ближайший госпиталь.

Нередко больной умирал по дороге, и место его на носилках занимал один из соседей, а то и двое». Столь же пугающей была сухая холера, то есть без поноса вначале. «Испуганные лица в кружок вокруг умирающего; крик из глубины этой толпы: человек, одна рука на груди, другая на животе, корчится, как эпилептик, падает на землю, бьется на мостовой, становится синим и испускает дух». В 1832 году показатели смертности от двух первых видов холеры колеблются, в зависимости от возраста, между шестьюдесятью и восьмьюдесятью процентами. Они снижаются до пятидесяти, если речь идет о сухой холере. Но для выживших, особенно если они были вполне здоровы до заболевания и получали хорошее питание после, выздоровление наступает относительно быстро, и через две-три недели они вполне здоровы без всяких осложнений.

«Неизвестно, откуда возникали самые странные слухи и повторялись народом с проклятиями и угрозами.

Говорили, что это правительство, дабы освободиться от излишков населения, загромождающего Париж, велело отравить фонтаны и жбаны торговцев вином. Какое-то безумие охватило Париж». Новый префект полиции Жиске приказал распространить листовки со следующим циркуляром: «Не правительство велело своим агентами отравить фонтаны и жбаны торговцев вином, дабы сократить население и отвратить внимание народа от политики — это республиканцы разбрасывают пузырьки с ядом по прилавкам мясников, чтобы лишить правительство Луи-Филиппа его народа!» <…>

В тот же день вокруг листовок начал собираться народ, потом они устремились громить.

Несчастных убивали ударами палок, уничтожали ножами, рвали на части женскими ногтями и собачьими зубами.

На человека стоило показать лишь пальцем, как начиналось его преследование; догнав, отправляли на тот свет!

Издалека я наблюдал одну из этих ужасных казней.

Толпа кинулась на ограждение; их было несколько тысяч человек; каждый напоминал волну разбушевавшегося океана;

множество подмастерий мясников в их фартуках с кровавыми пятнами было вкраплено в этот жуткий разлив; и фартуки среди потока напоминали морскую пену.

Париж грозил превратиться больше, чем в груду мяса: он грозил стать гигантской бойней».

В этой галлюцинирующей атмосфере Александр заканчивает «Мужа вдовы», «одну из самых веселых моих комедий» и первую в его репертуаре. У Фирмена, решительно лучшего из его поставщиков, он встречает Каролину Дюпон, исполнявшую роли субреток в Комеди-Франсез. Она как раз добилась своего бенефиса и попросила Александра написать что-нибудь специально для нее. Ну как откажешь «самой дерзкой из Мартин, которых мне когда-либо приходилось видеть», «с ее смеющимися розовыми губами и безупречно белыми зубами» и с этой ее постоянной припиской в конце писем в качестве формулы вежливости «Вся ваша»? Поэтому в припадке щедрости, делающей ему честь, Александр обещает ей не просто сценку, но целую одноактную комедию, рассчитывая потратить на это один-два дня. Идею дарит Эжен Дюрьё: молодой человек ухаживает одновременно за теткой и за племянницей. Тетку считают вдовой, хотя на самом деле ее муж путешествует. Естественно, возвращается. Серия недоразумений. Ревность. Молодой человек женится на племяннице. Почему бы и нет, при условии, что играть-то будут отличные актеры. Александр поручает Дюрьё разработать сценарий вместе с Анисе Буржуа. Затем втроем они кроят и нумеруют сцены. Наконец, Александр в одиночку делает окончательный вариант, в то время как под его окнами в сторону кладбища Монпарнас тянется бесконечная процессия из похоронных дрог.

Мадемуазель Марс согласна сыграть молодую лже-вдову, это как раз ей по возрасту, и «она была не прочь со мной помириться <…>. Она аккуратно является на репетиции, несмотря на холеру, и с помощью этой одноактовки ей удается привести меня в такое бешенство, как если бы мы работали над пьесой из пяти актов. Каждый день она находила что исправить: я брал пьесу домой и исправлял». Зато с Анаис Обер, племянницей, никаких проблем. Монроз играет мужа, Каролина Дюпон — горничную, как и было задумано, а Менжо — молодого ловеласа. На премьере 4 апреля в зале, пахнущем хлоркой и камфорой, не более пятисот человек. «Город был во власти ужаса, на улицах вспыхивали мятежи», — отмечает в своем отчете «la Gazette de France». Успех средний. «Менжо, попав под проливной дождь, встряхиваясь, возвращался, в замок.

— Ну и погода! — говорил он, — во мне воды, как в

разбавленном для школьников вине!

Кто-то из зрителей свистнул; видимо, хозяин школьного интерната».

На расстоянии, уже в «Мемуарах», юмор снимает горечь от свистка. В момент же происходящего Александр так удручен, что отказывается быть названным в качестве автора после спектакля, как это было принято[122]. Впрочем, и другие театры не в лучшем положении, в том числе и театр Гареля. Однако, неистощимый на идеи, он заполняет газеты рекламой: «Не без удивления замечено, что театральные залы — единственное из общественных мест, где, вне зависимости от количества зрителей, не случилось ни одного заболевания холерой. Сей НЕОСПОРИМЫЙ факт мы передаем ученым для исследования». Поскольку залы продолжают пустовать, его не могут обвинить в лживой рекламе. Он холоден с Гюго после провала «Марион Делорм». Он изводит Александра предложениями перестроить «Нельскую башню», в которой содержится «мысль, способная взбудоражить весь Париж». Александр не соглашается, однажды этот сюжет ему уже предлагал Роже де Бовуар, а в другой раз Анри Фуркад, брат директора школы в Виллер-Котре. Пока что он занят подготовкой материалов к своему исследованию «Галлия и Франция», на которое ставит куда больше, чем на исторические сцены в «La Revue de Deux Mondes».

«Холера шла своим ходом; но мы научились свыкаться и с холерой». Светская жизнь продолжается. Каждый вечер Александр и Белль принимают друзей — Листа, Гюго, Пьера Колена, Огюста де Шатийона, Буланже, Анри Фуркада, Корделье-Делану. «Иногда уговаривают Гюго почитать стихи; Лист, который никогда ни минуты не заставляет себя упрашивать, изо всех сил барабанит по клавишам скверного пианино, которое он бранит, усердно добивая». И как раз в конце одного из таких приемов Александр почувствовал вдруг легкое дрожание в ногах, потом во всем теле, потом озноб. Белль и горничная теряют самообладание. Он просит обмакнуть в эфир кусочек сахара и дать ему. Он слабеет на глазах, ложится. Горничная, вместо сахара, приносит ему стакан, на две трети наполненный эфиром. Не соображая, что делает, он залпом выпивает содержимое стакана и засыпает мертвым сном. «Когда я открыл глаза, я обнаружил себя в паровой бане, которую при помощи трубы устроил мне под одеялом мой доктор, в то время как добрая моя соседка через простыню прикладывала мне грелку с углями». Несколько дней он был совершенно разбит, потом могучая натура его взяла верх, он выздоровел. Статистически у него был один шанс из двух не умереть от сухой холеры, и однако излечением своим он был

обязан не случаю, а использованию оригинальной терапии — «эфиризации».

Для Гареля холера — только пугало, которое, кстати, теряет силу, «он не окупал своих расходов», следовательно, момент был благоприятен, чтобы нанести решающий удар и вернуть публику в театр. И Александр тем с большим вниманием слушает компаньона Мадемуазель Жорж, что не чувствует пока в себе сил возобновить свои исторические изыскания по поводу Галлии и Франции. Плохо то, что на руках у него нет ничего готового. Разумеется, «голова у писателя редко когда бывает совсем уж пустой, в одном из ящичков этой великолепной мебели, именуемой мозг, всегда имеется две-три идеи в ожидании окончания инкубационного периода, необходимого каждой из них, чтобы выжить. К несчастью, а возможно, и к счастью, ни одна из этих идей не была готова вылупиться, и каждой требовались долгие месяцы вынашивания, дабы их явление в мир не сочли выкидышем». Гарель снова заговаривает с ним о «Нельской башне» некоего молодого человека по имени Фредерик Гайарде. Речь идет «о рукописи, содержащей некую идею, [которая, однако] не выражена драматически, в диалоге». Жанен пытался это сделать, но не сумел, он хоть и потрясающий критик, но не драматург.

Александр знал театральный нюх Гареля. Формально он еще сопротивляется, еще чувствует себя усталым, что неудивительно, поскольку его по-прежнему лихорадит. Последнее обстоятельство кажется в высшей степени неправдоподобным: одна из принципиальных примет холеры — как раз резкое снижение температуры, много ниже тридцати шести градусов, откуда и паровая баня, которую ему прописали. Обсуждение низменных материальных условий. Гарель считается собственником драмы по договору, который он подписал с Гайарде и Жаненом. Поскольку последний вышел из игры, Александр просто заменит его без всяких проблем. Возвратившись из Тоннера, с похорон отца, Гайарде будет как нельзя более счастлив приобрести нового гениального соавтора. Ошибка Александра была в том, что он поверил Гарелю на слово. Что касается прав, то в театре «Порт Сен-Мартен» авторы получали тогда семьдесят франков от сбора с каждого спектакля, то есть делили пополам. Александр от своей половины отказывается в пользу Гайарде. Для себя он требует применения прежних своих договорных отношений, по которым получает десять процентов с ежедневной выручки, плюс сорок франков на билеты. Таким образом, в случае успеха, он зарабатывает много денег, а в случае провала — ничего. Гарель согласен на все, даже на то, чтобы Александр не ставил под

пьесой своей подписи. Эта бестия директор не только сплутует с данным Александру словом, но и Гайарде не заплатит ту часть, которую ему так щедро уступил Александр.

С рукописью он знакомится во втором ее варианте, то есть с поправками Жанена. «Первый поразивший меня недостаток произведения состоял в том, что пьеса, начинаясь со второй картины, вводила персонажей, совершенно не известных, без всякой экспозиции и характеристик». Он продолжает чтение. Да, Гарель прав, идея есть, но не так надо бы ее подать. «Что было для меня очевидно как самая суть драмы, так это борьба между Буриданом и Маргаритой Бургундской, между авантюристом и королевой, один во всеоружии своего гения, другая во всемогуществе своего положения». За исключением тирады о *знатных дамах,* целиком взятой из рукописи Жанена, Александр лихорадочно переписал всю пьесу, лежа в кровати, как это бывало всегда, когда он работал для театра.

Легенде было угодно, чтобы Маргарита Бургундская, супруга Людовика X Сварливого, предавалась оргиям в компании со своими сестрами, под вуалями, как и она сама, в Нельской башне. После свидания они убивали и сбрасывали в Сену их ночных любовников. Что произошло и с Буриданом, согласно Франсуа Вийону, чьи источники информации не заслуживают доверия. В действительности, отважному капитану удалось бежать, сразу после того, как несчастный умирающий Филипп д'Олней открыл ему, что под маской скрывалась Маргарита. Буридан потирает руки. Ибо у него с королевой общее богатое прошлое. Он был ее любовником, от него она родила близнецов, именно он убил их будущего деда, чтобы Маргариту не заперли в монастыре. Со своей стороны, юная мать поручает своему приспешнику убить младенцев. К счастью, приспешник не чужд чувству жалости, и младенцы выживают под именами Филипп и Готье д'Олней, о чем Маргарита, естественно, ничего не знает. К несчастью, иначе она не дала бы ходу своему ужасающему кровосмесительному влечению к Филиппу. Брат его Готье появляется, чтобы отомстить. Буридан шантажирует Маргариту, и вот он уже министр. Он посылает Готье в Нельскую башню и тогда же узнает, но слишком поздно, что близнецы д'Олней — его собственные сыновья. Он торопится в Нельскую башню: увы, судьбе угодно, чтобы его сын был умерщвлен стражей своей негодной матери. Однако порою преступления и в этом мире так просто не сходят с рук: король приказывает арестовать всех, вне зависимости от положения и звания, кто находился в ту ночь в Нельской башне. Маргарита и Буридан заключены в тюрьму.

Мелодрама? Разумеется, но не в большей и не в меньшей

степени, чем история некоего типа, который убивает своего отца, женится на своей матери и вырывает потом себе глаза. И тоже произведение искусства. Мощная, упругая проза, вкрапленные в вереницу ужасов безумно смешные сцены, дьявольский ритм, динамичность и неожиданность развязок, заставляющие забыть о неправдоподобии, филигранные реплики, к чему лишать себя удовольствия, даже если оно чуть подпорчено назначением на главные роли мадемуазель Жорж и Бокажа, в отсутствие Фредерика Леметра, покинувшего тогда Париж из-за холеры. Написанная менее чем за две недели, пьеса репетировалась по мере поступления готового текста, настолько Гарель был уверен в огромном успехе. В день окончания «Нельской башни» Александр написал любезное письмо Гайарде, что, конечно же, надо было сделать раньше:

«Господин Гарель, с которым я уже давно имею дело, попросил меня дать ему *несколько советов* по поводу *вашего* сочинения, которое он хочет поставить.

Я с удовольствием воспользовался этой возможностью способствовать появлению на театре молодого собрата, коего я не имею чести знать, но которому от души желаю успеха. Я устранил все препятствия, которые могли бы возникнуть у вас на пути вашего первого сочинения к репетициям, и *ваша* пьеса в нынешнем ее виде представляется мне предназначенной для успеха.

Нет никакой необходимости, сударь, повторять, что вы остаетесь *единственным* автором, что мое имя *произнесено не будет,* и что в случае несоблюдения этого условия я бы изъял из сочинения все, что имел удовольствие добавить.

Если вы рассматриваете то, что я для вас сделал, как услугу, то позвольте мне ее вам *оказать,* но ни в коем случае не *продать*».

К черту любезности, Гайарде срочно возвращается в Париж. Несогласие полное, он отвергает версию Александра, пусть играют только его текст, ведь его приняли и без переделок Жанена. Встреча втроем у Гареля. Гайарде требует остановить репетиции. Гарель смотрит на него с доброй улыбкой:

«Вам это не удастся; *я изменю заглавие, и я ее сыграю;* вы можете обвинить меня в подделке, воровстве, плагиате — все, что угодно. Вы добьетесь лишь тысячи двухсот франков возмещения убытков. Если же мы получим ваше разрешение, то ваш заработок составит уже двенадцать тысяч франков».

Александр плохо переносит эти хищнические способы воздействия. В это дело он вошел с добрыми намерениями, а теперь выглядит как сообщник Гареля, обирающий дебютанта.

Поэтому яростные упреки Гайарде в свой адрес он воспринимает тем более болезненно. Страсти разгораются и приводят спорящих на грань дуэли. Теперь Гарель берет на себя роль доброго малого. Он «вмешался, успокоил обоих, повел Гайарде подписывать соглашение, по которому стороны признают свое соавторство в написании «Нельской башни». Каждый оставляет за собой право в Полном собрании своих сочинений приписывать авторство себе одному. Пьеса должна быть сыграна и напечатана за подписью господина Гайарде; однако Гарель настоял, чтобы после его имени шли звездочки, скрывающие анонима».

29 мая 1832 года, в день премьеры, Александр ужинает у Одилона Барро. Политик разливается соловьем, ужин тянется медленно. Александр обменивается понимающими взглядами с мадам Барро, «молоденькой и очаровательной» и кроме того, «оригинальный ум — вещь редкая у женщин». Ей удается устроить так, что из-за стола все трое направляются в сторону «Порт Сен-Мартен». Спектакль уже начался, Бокаж как раз произносит тираду о *знатных дамах* <…>. «Они богохульствуют, ведут странные и чудовищные речи; забыли о скромности и стыдливости; забыли и небо, и землю. Это знатные дамы, весьма знатные дамы! — говорю я вам».

«Зал был возбужден. Пахло большим успехом; он витал в воздухе; все им дышало.

Конец второй картины имел потрясающий эффект. Буридан, прыгающий из окна в Сену, Маргарита, открывающая свое окровавленное лицо и восклицающая [в адрес сына]: «Взглянуть тебе в лицо и после умереть, ты говоришь? Пусть будет, как ты хочешь… Взгляни и умри!» — все это захватывало и пугало! И когда после всей этой оргии, побега, убийства, этого смеха, заглушенного стонами, после того, как один прыгнул в реку, другой — безжалостно убит своей августейшей любовницей, слышался беззаботный и монотонный крик ночного сторожа: «Три часа ночи; все спокойно; спите, парижане!», зал взорвался аплодисментами».

О чем мог думать Александр, в то время как нарастал успех «Нельской башни», а в тот же час в своей мансарде накануне спровоцированной дуэли Эварист Галуа вместо завещания, в знаменитом своем *Письме к Огюсту Шевалье,* излагал некоторые гениальные результаты своих исследований? Довольствовался ли он своим новым триумфом? Подумывал ли уже о новых литературных жанрах? Подводил ли итоги прошедшим семнадцати месяцам, принесшим рождение дочери, признание сына, отход от политики? Семь пьес меньше чем за полтора года, пять — под его подписью, две — анонимных, конечно,

неравнозначны, но, по крайней мере, три из них — новаторские, и это даже слишком много для противников литературной плодовитости. В первой половине XIX века, как и сегодня, собратья по перу и критики, которых вовсе не смущает плодовитость многочисленных художников и композиторов, кривятся, если профессиональный автор без состояния, без субсидий, без синекуры и премий, не имеющий полной власти в газете, в академии или жюри, или в издательстве, «пишет слишком много» в сравнении с их собственными ограниченными возможностями. Вместо того, чтобы судить каждое произведение как самостоятельную ценность, они выносят моральный вердикт всему творчеству в целом, а легкость и удачливость в творчестве приравниваются к проституции или к саморекламе, «его имя мелькает повсюду». Скандальные газетенки, специализирующиеся на сплетнях, посредственные или вовсе никакие театрики, желчные критики, то есть талантливые, но завистливые друзья заставляют Александра слишком дорого платить за то, что он, по определению Мишле, являет собой «природную силу».

Гарель вплоть до наших дней мог бы возглавлять национальное рекламное ведомство. На следующий день после премьеры «Нельской башни» он расклеивает афиши, в которых авторы значатся не как было договорено: «Господа Гайарде и ***», а как «Господа *** и Гайарде». Узнавший об этом и крайне недовольный, Александр спешит к Гарелю и застает там судебного исполнителя с вызовом в коммерческий суд. Гарель, конечно, на седьмом небе, пусть он проиграет процесс на первой же инстанции, а потом и апелляцию, но зато какая реклама! Александр настаивает на выполнении первоначально взятых обязательств. Но Гарель не торопится подтвердить свою готовность. Пока что он информирует Александра, что Жорж желает его видеть. Ей надоело играть королев, тем более еще несколько сот представлений ей придется выходить в роли Маргариты Бургундской, и она прекрасно представляет себя в роли женщины из народа, без бархатного платья и без единого брильянта. За сим следует вполне миленький флирт в ее комнате, и будто бы скорее огромная, чем величественная, актриса показала Александру «кое-что столь прекрасное, что мне понадобилось более четверти часа, чтобы вернуться в гостиную»:

«Я поспешил опуститься перед ней на колени и, целуя ей руки, произнес:

— Ну скажите, Жорж, разве не посмеются над нами потомки, узнав, что мы пробыли друг подле друга и при этом те самые крючковатые атомы, о которых говорит Декарт, совершенно бездействовали?

— Замолчите, животное! И ступайте со всеми этими глупостями к вашей Дорваль.

— Ах! Дорваль… Бедняжка Дорваль, вот уже целый век, как я ее не видел!

— Вот как! Вы же живете с нею дверь в дверь[123].

— Именно так! Прежде меж нами была лишь дверь! А теперь — стена.

— Юбочник!»

Нарушив столь сладостное «наедине», является Гарель, чтобы зачитать коммюнике Гайарде для прессы, в котором этот последний объявляет себя единственным автором «Нельской башни». 1 июня появляется ответ Гареля: «Целиком в части стиля и на девятнадцать двадцатых, по крайней мере, в части композиции пьеса принадлежит знаменитому соавтору, который по особым причинам не хотел бы себя обнаруживать после столь значительного успеха.

От примитивного произведения г-на Гайарде не осталось ничего или почти ничего. Вот, что я утверждаю, и что в случае необходимости покажет сличение представленной рукописи с рукописью г-на Гайарде». Но гораздо важнее в тот момент случившаяся смерть генерала Ламарка, одного из лидеров «Движения» в Палате, находившегося со времени отрешения от прав Лаффита в весьма умеренной оппозиции «Сопротивлению» Тьера, Гизо и покойного Перье. 2 июня похороны Эвариста Галуа на кладбище Монпарнас — повод для внушительной республиканской демонстрации. Александра там нет. В тот же день газеты публикуют новую реплику Гайарде, который ограничивается тем, что приводит письмо, в котором Александр вежливо сводит на нет свой вклад в создание пьесы. Удар точен, и за ним следуют недоброжелательные комментарии прессы, особенно в «Corsaire». Александру хотелось бы сохранить в этом деле нейтралитет, но на этот раз он выходит из себя и устраивает грандиозный скандал в помещении газеты, едва не вызвав на дуэль директора Вьенно. «Плюс к тому, со времени приступа холеры я находился в состоянии крайней слабости, ничего не ел, и каждый вечер у меня поднималась температура, что страшно портило мне настроение». Но, конечно, не в те вечера, что он обедал у Барро, или ухаживал за мадемуазель Жорж у нее в комнате. Однако его раздражение против Гайарде — истинная правда, отсюда и публичный ему ответ:

«Прежде всего позвольте поблагодарить вас, сударь, за публикацию моего письма господину Гайарде во вчерашнем номере вашей газеты.

Она станет для публики доказательством деликатности,

которую я старался внести в свои отношения с этим молодым человеком; однако эта деликатность, как видно, была неправильно понята; впрочем, те два разговора, которые у меня с ним состоялись, показали, что он и не в состоянии ее оценить.

Но как же г-н Гайарде, по крайней мере, не предвидел, что обнародование моего письма вынудит меня ответить, что этот ответ будет для него невыгоден и что для него поиски смешного с фонарем в руках непременно окажутся более удачными, чем для Диогена? Так вот ответ, который он вынудил меня написать:

Рукописи г-на Гайарде я не читал; [только рукопись Жанена] рукопись эта лишь на мгновение вышла из рук г-на Гареля и тотчас же в них и вернулась; дело в том, что, согласившись написать сочинение с известным сюжетом и названием, я опасался влияния ранее сделанной работы, опасался потерять воодушевление, столь необходимое, чтобы закончить начатое.

Теперь, поскольку г-н Гайарде считает, что публика еще недостаточно погрузилась в это ничтожное дело, пусть он позовет трех литераторов-арбитров *по своему выбору,* пусть он предстанет перед ними со своей рукописью, а я со своей; и пусть они решат, с какой стороны исходит деликатность, а с какой — неблагодарность.

Будучи верным до конца тем условиям, которые я добровольно принял на себя в письме, написанном г-ну Гайарде, прошу вас, господин редактор, не называть меня и здесь, как не назвал я себя и на афише.

АВТОР рукописи «Нельская башня».

Гайарде не стал прибегать к арбитражу, предложенному Александром. Он выиграет свой процесс в коммерческом суде, «но, как того и желал Гарель, весь Париж знал, что я участвовал в «Нельской башне». Того же 4 июня — маленький рецидив шуанства. Высадившись 28 апреля у Марселя и не сумев поднять Прованс, герцогиня Беррийская отправляется в Вандею. Восстание там назначено на 24 мая, что очень смущает легитимистов парижских салонов во главе с тремя их вождями — Берье, Гид де Нёвилем и чрезмерно осторожным автором «Гения христианства», который не слишком торопится быть скомпрометированным в авантюре, обреченной на поражение. Берье посылают к герцогине, чтобы добиться отмены приказа. Перенос даты с согласия бывшего военного министра супер-короля Бурмона. Власти предупреждены о просочившихся слухах. Поэтому, когда в ночь с 3 на 4 июня несколько сот шуанов собрались у Клиссона, их там уже поджидали орлеанистские войска. Краткие стычки, конец восстания, начало героико-бурлескной эпопеи герцогини[124]. Несколько месяцев она будет скрываться. Выданная, арестованная

в ноябре Дермонкуром, бывшим адъютантом Генерала, перевезенная в Блэй, она окажется беременной, и это при том, что бедный ее супруг был убит тому назад уже лет двенадцать, но здесь, дорогие читатели, мы как будто слишком забегаем вперед.

5 июня рано утром Александр снова надевает свою форму лейтенанта артиллерии Национальной гвардии, он больше не капитан в этом корпусе, восстановленном в апреле 1831 года, три месяца спустя после его роспуска королем-грушей. Семья Ламарка назначила его комиссаром для организации похорон генерала. В этом качестве он должен «предоставить артиллерии то место, которое она должна занимать за катафалком», распорядитель похорон своего рода, о чем свидетельствует его «трехцветный шарф с золотой каймой», по которому его и узнают. В восемь часов он стоит в очереди, чтобы возложить «лавровую ветвь, святую воду на тело» Ламарка. Потом выходит, садится в кафе у своего друга Гиро-сына, заказывает шоколад.

«Я был страшно слаб после холеры; я потерял всякий аппетит и едва ли съедал унцию хлеба за день», то есть тридцать один грамм, как раз, стало быть, столько, сколько съел он за столом у Барро. Он тоже озабочен. Через Бастида, Этьена Араго и Годфруа Кавеньяка он знает, что «правительство ждет только случая показать свою силу; в результате, вместо того, чтобы опасаться бунта, его желают», даже ценой провокации. Поэтому двадцать четыре тысячи солдат и муниципальная гвардия — на военном положении, как в резерве, в казармах, так и на позициях, в стратегически важных пунктах. «Но столько пыла было в молодых головах этих политиков, входивших в республиканскую партию, что, когда огниво касалось кремня, необходима была искра, которая должна была зажечь порох в пороховнице, чтобы все взлетело на воздух».

Грозное небо, удушающая жара. В половине двенадцатого, в тот самый момент, когда похоронные дроги усилиями тридцати впряженных в них молодых людей сдвигаются с места, разражается страшная гроза. Во главе кортежа вечный Лафайет, на лице которого слезы смешиваются с дождем, «рядом с ним человек из народа, орденоносец Июля, и время от времени, когда становится скользко, генерал опирается о его руку. <…> После депутатов и генералов идут изгнанники из всех стран» — поляки, итальянцы, немцы, испанцы, португальцы. Артиллеристам приказано было явиться с заряженными карабинами. Александр в качестве комиссара был вооружен лишь саблей, которую он вынул из ножен. Пятьдесят тысяч человек следуют с траурной процессией, не считая зрителей на тротуарах.

Проходят мимо Мадлен, вступают на улицу Мира, первый

инцидент происходит на Вандомской площади, где агент-провокатор пытается отклонить движение процессии от маршрута, чтобы заставить ее совершить крут у колонны, воздвигнутой во славу Великой Армии. Небольшое замешательство перед гвардейским постом: отдадут ли солдаты честь покойному? Отдают, кортеж продолжает свой путь. На террасе аристократического кружка на улице Шуазель пусто, только прекрасное легитимистское белье присутствует на спектакле. Фитц-Джеймс, герцог в своем государстве и, кстати, близкий друг Александра, отказывается обнажить голову. Град камней вынуждает его ретироваться как можно скорее. На бульваре, который ведет к «Порт Сен-Мартен», полиция заготовила целую серию провокаций, и Александр вынужден спасать от суда линча муниципального сержанта, который только что ранил прохожего. «С этого момента в общем сознании воцаряется уверенность в скорой и кровавой драке.

И в самом деле, казалось, все призывало к оружию: барабанная дробь, жалобные вздохи тамтамов, колыхание знамен всех стран как символ непрекращающейся борьбы за свободу против рабства, учащающиеся возгласы, всякий раз приобретающие все более угрожающий характер и отдаляющиеся по смыслу от «Слава генералу Ламарку!», все, что возносилось с земли, все, что нисходило с небес, все, что витало в воздухе, побуждало дух к опасной экзальтации». Ближе к площади Бастилии человек шестьдесят студентов Политехнической школы присоединяется к артиллеристам. Комендант Школы запретил им выходить из здания, но они оттолкнули его и ушли. При их появлении музыка заиграла Марсельезу. «Невозможно даже представить себе тот энтузиазм, с которым толпа восприняла эту возбуждающую мелодию, вот уже год как запрещенную. Пятьдесят тысяч голосов подхватило хором: «К оружию, граждане!» На Аустерлицком мосту воздвигнут помост, «оттуда должны были произноситься прощальные речи. После них тело генерала Ламарка должно было продолжить свой путь в департамент Ланды — к месту погребения, а кортежу надлежало вернуться в Париж».

Уже три часа дня, и у Александра сосет под ложечкой. Он предлагает двум артиллеристам пойти перекусить, пока будут говорить речи, на набережной Рапе он знает хороший ресторанчик. Этьен Араго удивлен его уходом. Александр дрожит от истощения, но готов пожертвовать едой, если Революция начнется именно в эту минуту. Араго считает, что, если она начнется, то продлится достаточно долго, чтобы Александр сумел догнать ее до десерта. Но на самом деле Александр не шутит. «Я

был так слаб, что вынужден опираться на руку одного из моих спутников, а входя в ресторан, чуть было не потерял сознание». Ему дали напиться воды со льдом. Он пришел в себя. Вслед за этим аперитивом, а также закусками и прочими блюдами, трое посетителей принялись за «гигантскую рыбину под винным соусом, обязательное горячее блюдо для обедающих по местным правилам». Очевидно, не следовало бы слишком настойчиво рекомендовать медицинскому корпусу подобное жаркое в качестве основного блюда для пациента с явными признаками послехолерных осложнений, особенно если температура каждый вечер повышенная, если слабость его не оставляет и на протяжении многих дней он не ест ничего, кроме тридцати граммов хлеба в качестве дневной нормы. Но надо сказать, что приготовление[125] подобного медикамента не составляет особого труда и отвечает строжайшим диетическим требованиям:

«Возьмите одного карпа из Сены, одного угря, одного линя, одного окуня; нарежьте их кусками. Приготовьте медную кастрюлю, предварительно слегка почистив дно. Нарежьте две большие луковицы кружками, сверху положите рыбьи головы, а затем для придания вкуса — крупную соль, перец, хороший букетик трав и несколько зубчиков чесноку; залейте все двумя бутылками Нарбоннского вина и поставьте на сильный огонь; как только начнет закипать, добавьте стакан коньяку, подожгите; приготовьте штук двадцать-тридцать маленьких луковиц и слегка потушите их на сковородке с небольшим количеством масла, как только они подрумянятся, бросьте их в кастрюлю; из четверти масла, смешанного с двумя ложками муки, сделайте маленькие фрикадельки, переложите ими рыбу и, встряхивая кастрюлю за ручку, смешайте все вместе; выложите вашу рыбу, украсьте гренками и дюжиной креветок, сваренных в рейнском вине, и подавайте горячей».

Снова для сведения медицинского корпуса: в тех редких случаях, когда жаркого из рыбы оказывается недостаточно, чтобы поставить больного на ноги, можно прибегнуть к еще более радикальной терапии: начать постреливать неподалеку от него. Сначала Александр подумал, что то салют в честь генерала Ламарка. Он поднимает за него тост, возможно даже, что не водой со льдом. Но выстрелы продолжаются, и тогда он выбегает на улицу, взбирается на тумбу и видит, что толпа движется по направлению к Аустерлицкому мосту. Наспех расплачивается за обед, бежит к мосту и присоединяется к толпе своих. «Шум перестрелки вернул мне силы».

У заставы Берси мужчины, одетые в блузы и полные оптимизма, рассказывают нашим троим артиллеристам: «Они

начали стрелять в народ, артиллеристы ответили, папаша Луи-Филипп спрятался — не найти, Республика провозглашена!» В действительности началось все с провокатора, который потрясал красным знаменем, в то время как двое других попытались сбросить генерала Эксельмана в Сену. В тот самый момент драгунский полк как раз, подобно смерчу, выскочил из казарм Селестен. Этьен Араго и Гинар прерывают речи возгласами «Да здравствует Республика!». Толпа вторит им, но лишь человек тридцать артиллеристов идет за Араго и Гинаром.

Выстрелы слышатся то там, то здесь. Александр не знает, как поступить, а между тем центральные и восточные кварталы Парижа покрываются баррикадами. Он проходит через площадь Бастилии, занятую регулярными войсками. Бульвары практически безлюдны. На углу улицы Менильмонтан стоит баррикада под охраной одного-единственного артиллериста — Шарля Сешана. Товарищи его пошли пообедать к Бастиду, среди них — Пешё д'Эрбенвиль, убийца Эвариста Галуа. Участие в построении баррикады не означает необходимости в дальнейшем ее оборонять. Александр и не собирается составить компанию своему другу и продолжает путь. Бульвар на уровне Фобур Сен-Мартен перегорожен линейными войсками. К ним в качестве «любителя» присоединился Грий де Бёзлен, бывший коллега Александра по четвертой батарее во время процесса над министрами супер-короля, тот самый, что демонстративно рвал республиканскую прокламацию. Александр, следовательно, должен был бы его остерегаться, но нет, он продолжал продвигаться вперед, сделав приветственный жест рукой в знак того, что узнал Бёзлена. На что тот прикладывает ружье к щеке, стреляет в Александра, но промахивается.

Александр спасается в крытом проходе, ведущем к театру «Порт Сен-Мартен». Ударом ноги вышибает дверь. На шум прибегает Гарель. Александр в ярости. Он хочет взять из реквизита ружье, чтобы убить Грий де Бёзлена. Гарель боится, что тогда в случае репрессий подожгут театр. Александр отказывается от идеи ружья и требует взамен пистолеты, которые он одолжил для второго спектакля «Ричарда Дарлингтона» (мы помним, что на первом спектакле пистолеты Делафоса не сработали). Александр на эти пистолеты полагается даже больше, чем на пистолеты Меннесона, так как «это не только дорогие пистолеты, но еще и подарок герцога Д…», здесь ставим многоточие, дабы сохранить инкогнито Фердинанда. Гарель не видит никакой разницы между выстрелом из ружья и выстрелом из пистолета и приказывает реквизитору пойти и хорошенько спрятать подарок герцога Д… Итак, кроме сабли, у Александра нет никакого

оружия. Сомнительно однако, чтобы он пошел на столь самоубийственный поступок, как выстрел в Грий де Бёзлена на виду у целого войска, даже если бы и нашел настоящие боеприпасы в театральном реквизите.

Он поднимается на третий этаж, разглядывает бульвар через слуховое окно. Грий де Бёзлен по-прежнему красуется среди солдат. «Я бесился, что не имею даже духовой трубки». За неимением стрелы, он мог бы использовать свою саблю в качестве дротика. Галопом скачет драгун. Мальчишка бросает в него камень. «Но женщина — скорее всего мать ребенка — появляется, неслышно подкрадывается сзади к мальчишке и, схватив его за ворот, отвешивает ему сильнейшую оплеуху». Александр качает головой: без участия женщин всякое движение обречено на поражение. Наблюдение, подтверждающее верность его политического анализа, согласно которому сложившаяся ситуация не является революционной. Более того, крайне левые республиканцы устремляются прямо в ловушку, расставленную для них королем-грушей, и несколько сотен молодых людей, присоединиться к которым Александр вовсе не торопится, поплатятся за это жизнью. Хорошо знавший его Жюль Леконт скажет о нем: «Человек разума, а не сердца»[126]. Что верно, но только не по отношению к дружбе и любви. Как же в конкретной ситуации примирить глубокое несогласие с предпринятыми действиями и верность людям, которые их предприняли? Неудовлетворительное состояние здоровья — прекрасное алиби, чтобы, оставаясь на расстоянии от действий, отдавать должное людям.

Шум в фойе театра. Человек двадцать республиканцев проникли сквозь вышибленную Александром дверь в театр и требуют ружей из реквизита. У Гареля в запасе не меньше сотни, но ведь все это стоит денег и каких! Александр приходит ему на помощь, чувствуя за собой силу власти похоронного комиссара. Хорошо, пусть каждый возьмет по ружью. Кого убьют, с того взятки гладки, но живые должны будут ружья вернуть. Согласны? И чтобы избежать новых революционных требований подобного же рода, на двери мелом пишут: «Оружие отдано», что можно толковать и как отдано добровольно, а не взято силой врагами Республики, и как его отсутствие на складе театра. Само собой разумеется, что в случае поражения восстания надпись мелом легко стирается.

Гарель, который таким образом смог сохранить четыре пятых своего арсенала, преисполнен благодарности. Он ведет Александра в квартиру к Жорж. Она испускает крик, увидя его в столь компрометирующем мундире артиллериста. Она не

выпустит его в этой одежде, которая может стоить ему жизни, надо непременно послать кого-нибудь к нему домой за нейтральным костюмом. Если бы не Жорж, Александру это даже в голову бы не пришло. Театральный служащий, таким образом, отправлен к Александру на дом. Вскоре без всяких приключений он возвращается с вполне буржуазным одеянием, в квартале все спокойно. Александр избавляется от своей опасной формы, откланивается и направляется в особняк Лаффита. Он приходит туда одновременно с Лафайетом. Выход благородного старика изумителен:

«— Ну как, генерал, — кричали ему со всех сторон, — чем вы заняты?

— Господа, — отвечает он, — ко мне явились какие-то смельчаки и воззвали к моему патриотизму.

— Что же вы им ответили?

— Я ответил: «Дети мои, чем больше дырок в знамени, тем больше и славы! Найдите мне место, где можно было бы поставить мне стул, чтобы я дал себя убить».

Легендарная смерть, и История вспомнит об этом с волнением. В настоящий момент молодые люди рассеялись по городу, но, увы, все поиски их были тщетны, в тот вечер в Париже не нашлось ни одного свободного стула. Возможно, что в гостиной Лаффита Лафайету предложили все же кресло. После этой героической интермедии разговоры возобновились. Совершенно очевидно, что реформаторы-орлеанисты из «Движения» — противники революционных республиканцев. Александр уходит. Шум перестрелки, в центре идут бои. Куда идти, к друзьям или в постель? «Я был безоружен», и речи не могло быть, чтобы либо Гарель не дал ему что-нибудь, либо дома, где всякий национальный гвардеец должен был хранить свое оружие, у него не оказалось бы ни охотничьего ружья, ни военного карабина. «И потом я еле стоял на ногах, я весь горел в жару. Я сел в кабриолет и приказал отвезти меня домой.

Поднимаясь по лестнице, я потерял сознание, и меня в глубоком обмороке нашли между вторым и третьим этажом». Что это было, мнимый соматический эффект, придуманный двадцать лет спустя, когда писались «Мемуары», или же натуральный обморок — под влиянием противоречивых чувств, имевших место 5 июня? Нам известны случаи, когда Александр по своей воле мог вовремя заболеть, например, в Виллер-Котре, в результате любовной досады, но об обмороках и речи никогда не было.

За исключением горсточки артиллеристов, примкнувших к повстанцам, Национальная гвардия ревностно исполняла свою роль преторианской гвардии при короле-груше. Ночью

большинство баррикад было блокировано. К утру 6 июня оставалось лишь два очага сопротивления: Фобур Сент-Антуан с пространством вокруг Ратуши, а также улицы Сен-Мартен и Сен-Мерри. Александр направляется сначала на улицу Пирамид к Бернару де Ренн, потому к Этьену Араго, который только что переехал из дома, где жил Александр. Оба друга живы и здоровы. Араго едва успел ускользнуть с баррикады на улице Менильмонтан, но и Пешё д'Эрбенвиль как будто тоже не погиб. Александр и Араго спешат в «National». Новости противоречивы: улица Сен-Мерри то ли еще держится, то ли уже пала. Этьен Араго решает пойти посмотреть собственными глазами, кто пойдет с ним? Александр не колеблется ни минуты: «Я умирал от желания, но едва мог двигаться».

Что не помешало ему, однако, размеренным шагом добраться до Лаффита. Там уже вовсю шло собрание. Лишь меньшинство хотело выразить свои верноподданнические чувства королю-груше, осудив восстание, большинство же не пало до такой степени трусости и предпочитало просить лишь о милосердии к пленным и раненым. С этой миссией решено было отправить трех человек — Франсуа Араго, Одилона Барро и Лаффита. Во время совещания именитых деятелей Движения Александр ждал во дворе вместе с математиком и астрономом Савари. «Мы были очень близки во взглядах, и так как наша республика не была похожа на республику в общем понимании этого слова, встречаясь, мы в тот же миг вцеплялись друг в друга, чтобы строить наши утопии». Итак, только что Александр произнес ключевое слово: его республика — это идеал, которого достичь невозможно.

Во дворе появляется Франсуа Араго. Александр и Савари направляются к нему, чтобы узнать о результатах совещания. Их беседу приводит в своей «Истории десяти лет» Луи Блан: «Выйдя во двор, Араго встретил там г-на Савари и г-на Александра Дюма, ученого и поэта; страшно увлеченные друг другом, они не сразу узнали о том, что только что произошло у г-на Лаффита, продолжали свои страстные речи, полные горечи, утверждая, что Париж только и ждал сигнала к восстанию и что все они виноваты перед своей страной в готовности депутатов дезавуировать усилия народа». Не в первый и не в последний, к сожалению, раз интеллектуалы, по собственной воле отстранившиеся от участия в революции, оплакивают ее провал по вине других.

«— Ну что, — спросил Франсуа Араго, — еще не конец?

— Нет, — ответил человек из народа, оказавшийся поблизости и прислушивавшийся к нашему разговору, — слышен

набат церкви Сен-Мерри, *а раз больной хрипит, стало быть, еще не умер».*

Однако агония была недолгой, 6-го во второй половине дня «люди из монастыря Сен-Мерри пали, но пали героями, как и должно было быть», — пишет Александру Этьен Араго под впечатлением постановления о приводе. Добропорядочные буржуа из Национальной гвардии сбрасывали раненых с крыш и из окон или же приканчивали их, растягивая удовольствие. Здоровых пленников они долго истязали при помощи штыков, прежде чем расстрелять. В своем высшем милосердии король-груша мог бы гордиться своей «любимой гвардией».

Александр отдает последний долг замученным. На этот раз рискуя самым серьезным образом, ибо уже в начале следующего года он без колебаний заявит в своих «Впечатлениях о путешествии в Швейцарию»: «Но есть и другие, сударыня, для кого честь Франции священна и они не желают, чтобы ее марали; для кого данное слово свято и они не могут без содрогания видеть, как оно нарушается, даже если это слово короля, данное народу; чей благородный и всеобъемлющий союз распространяется на каждую страдающую страну, на каждую пробуждающуюся нацию; они проливали свою кровь в Бельгии, в Италии, в Польше и вернулись, чтобы пасть или оказаться схваченными в монастыре Сен-Мерри: речь идет о пуританах и мучениках, сударыня. Настанет день, когда не только вспомнят о тех, кто сослан, не только откроют темницы тех, кто пленен, но и разыщут тела павших, чтобы возвести им гробницы. Единственное, в чем можно их упрекнуть, так это в том, что они опередили свое время, родившись лет на тридцать раньше».

Речи как нельзя более несоответствующие окружающей политической и моральной атмосфере, в том числе и в литературной среде, в результате чего у Александра появится несколько новых могущественных недоброжелателей. В своих «Мемуарах» он дает высказаться более подробно одному из уцелевших в аду Сен-Мерри, тогда четырнадцатилетнему подростку, вроде Фабрицио при Ватерлоо. Самое впечатляющее в этом свидетельстве парижского мальчишки не столько жестокость, проявленная по отношению к республиканцам, сколько безумный героизм самих республиканцев. Так, на вершине каждой баррикады, презирая пули, стоял человек, размахивающий красным знаменем. Если его убивали, тотчас на его место вставал другой и так до конца. Чтобы войти в состояние такой экзальтации вплоть до самозабвения, какой же степени отчаяния должны были достичь эти молодые люди?!

До крайности недовольный собой на следующий день после

восстания, когда оказалось, что многие из друзей-республиканцев погибли, другие в тюрьме или в бегах, дело с Гайарде продолжается, желчные статьи по-прежнему выходят, сохраняя имидж тяжело больного и в то же время неся бремя семейной жизни с Белль и встречаясь украдкой с Идой Феррье, Александр испытывает лишь одно желание — бежать из Парижа, этой бойни, полной трупов расстрелянных революционеров и погибших от холеры. Однако это невозможно, так как он должен закончить «Сына эмигранта», пьесу, которую пишет для Жорж, чтобы она сыграла там женщину из народа. И главным образом ему нужно примириться с самим собой. Соответственно он пытается убедить себя, что 5 и 6 июня был весьма серьезно скомпрометирован. «В форме артиллериста меня видели и узнали на бульварах». Подавляющее большинство артиллеристов не участвовало в восстании, их форма не была запрещена, и если бы после похорон Ламарка Александр снял свою, то речь могла бы идти скорее об оскорблении общественной морали. «Я раздавал оружие в театре «Порт Сен-Мартен». Но за ним как будто никто не следил, и в любом случае Гарель мог бы засвидетельствовать, что он не то чтобы «раздавал» его ружья, а, напротив, сохранил четыре пятых его арсенала. «Я был предупрежден адъютантом короля, что вероятность моего ареста всерьез обсуждалась; мне советовали на два-три месяца уехать за границу и лишь потом вернуться в Париж: к моему возвращению все бы уже утихло». Но чтобы осуществить столь внезапный отъезд, ему понадобилось пятьдесят пять дней.

К счастью, юмор входит в свои права. «9 июня я прочел в легитимистском листке, что был схвачен с оружием в руках, судим по делу о монастыре Сен-Мерри военным судом в ту же ночь и расстрелян в три часа утра. Они оплакивали преждевременную смерть молодого драматурга, подававшего такие большие надежды!

Новость носила столь правдоподобный характер, детали моей казни, во время которой, кстати, я держался необычайно мужественно, были так обстоятельны, сведения происходили из столь надежного источника, что в какой-то момент у меня возникли сомнения. Я стал себя ощупывать». После чего он пишет автору несколько благодарных слов. Нодье, знавший осторожность Александра и прекрасно понимавший, что Александр не дал бы себя увлечь движению, которое он не одобрял, прислал ему письмо: «Только что я прочел в газете, что вы были расстреляны 6 июня в три часа утра. Соблаговолите сообщить, помешает ли это вам прийти завтра пообедать в Арсенале с Доза, Тэйлором, Биксио, то есть все с теми же нашими

друзьями. Ваш старый добрый друг Шарль Нодье, который будет счастлив случаю узнать у вас новости о загробном мире».

Идея «Сына эмигранта» принадлежала Анисе Буржуа. Александр в одиночку написал первые три акта и вместе с Буржуа — остальные. Результат он находит «отвратительным». Так ли это? Пьеса никогда не была издана, и лишь четвертый акт фигурирует в биографии Александра, но в Библиотеке Арсенала можно познакомиться с копией рукописи, некогда принадлежавшей Вертею, секретарю Гареля[127]. Даже если принять, что данная копия, предназначенная для постановщика или для актеров, представляет собой один из вариантов по отношению к оригинальному тексту, все равно нельзя не поразиться той неистовой силе, мощи, которые делают из «Сына эмигранта» шедевр мелодрамы, такого же уровня, как «Нельская башня». Как и в случае с «Ричардом Дарлингтоном», речь идет о пьесе политической, посвященной не тому, как происходят выборы в Англии, а полному разложению аристократии во Франции. Из ненависти к народу некий маркизик-эмигрант вступает в австрийскую армию. Затем случайно ночной порой оказывается в постели жены французского оружейника, живущего в Швейцарии. От этого противоестественного союза рождается мальчик. Позднее у него появится сводный брат. Каков отец, таков и сын. Законный сын оружейника — славный малый, а сын аристократа — мерзавец. В то время как маркизик, уже предавший родину, становится доносчиком при Людовике XVIII, сын его обирает собственную мать, а потом становится вором и убийцей. Оба встречаются в одной тюрьме на короткое время. Первый должен отправиться на каторгу, второй — на эшафот. В последней сцене хороший сводный брат должен по приказу матери наблюдать через окошечко казнь, что очень тяжело переносит. Занавес падает на моральном комментарии тюремного привратника: «Алле, оп!.. Вот и еще один для Кламарского кладбища!»

Именно сюжет, а не литературные качества пьесы возмутил и публику, и критику. С Гарелем как бы то ни было договорились, что имя Александра названо не будет. Он готовится к путешествию. «Мне всегда очень хотелось посетить Швейцарию. Это великолепная страна, хребет Европы, источник трех великих рек, текущих на север, восток и юг нашего континента. Потом, это республика, и, ей Богу! как бы мала она ни была, я ничего не имею против того, чтобы увидеть республику». Книгоиздателю Гослену он предлагает изложить свои впечатления от Швейцарии в двух томах. Гослен отказывает, считая, что «Швейцария — страна банальная, о которой нечего уже больше написать; все там

уже были». Тем не менее Александр запасается бумагой и чернилами. От Гареля он получает три тысячи франков вознаграждения за «Сына эмигранта» плюс вексель на две тысячи франков. 21 июля он уезжает вместе с Белль[128] в качестве некой подпольной пассажирки, которую он ни разу не упомянет в своих рассказах, как будто путешествовал один. После Вандеи он снова идет по следам Генерала, командовавшего армией в Альпах.

Три месяца странствий по воле своей фантазии в швейцарских, французских, итальянских Альпах, вдоль рек, озер и лугов, по широким дорогам и узким горным тропинкам. «Путешествовать — значит жить во всей полноте этого слова; значит забыть прошлое и будущее ради настоящего; значит дышать полной грудью, радоваться всему, предаваться творчеству как настоящему твоему делу, искать в земле никем не тронутые залежи золота, а в воздухе — никем не виданные чудеса; значит идти вслед за толпой и подбирать в траве жемчуг и брильянты, которые она, невежественная и беззаботная, принимала за снежные хлопья и капельки росы.

Разумеется, все сказанное мною правда. Многие прошли до меня там, где я прошел, и не увидели того, что я увидел, и не услышали тех рассказов, что были поведаны мне, и не вернулись, наполненные теми тысячами поэтических воспоминаний, которые ноги мои высекали из почвы, с большим трудом расчищая порою пыль ушедших лет»[129].

Со времен Руссо дорожные рассказы вошли в моду. Однако написанные Александром «Впечатления от путешествия в Швейцарию» заставляют вспомнить не о туристических путеводителях, заполоненных бесконечными описаниями природы и развалин, а также трезвых и отвлеченных рассуждений, никак не обнаруживающих живую душу рассказчика (чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать «Путешествие из Парижа в Иерусалим» смехотворного Шатобриана), но о Гейне и его «Reisebilder» (что можно перевести скорее как «Образы», а не «Картины путешествия», хотя Гейне настоял на сохранении немецкого названия во французском издании). У того и у другого писателя тот же пыл, та же радость, та же ясность, то же чувство братства к людям, та же высокая цель и та же политическая независимость в сочетании с уничтожающим юмором, характерным для обоих. Александр, конечно же, знал Гейне, который с мая 1831 года жил в Париже, сотрудничал в нескольких литературных изданиях и которого наперебой зазывали парижские салоны. И, кстати, как бы мог он не заметить того, кого их общий друг Теофиль Готье описал следующим образом: «Прекрасен, как сама красота, нос несколько еврейский

[само собой]; представьте себе помесь Аполлона с Мефистофелем»[130]. И хотя нигде и никогда он не упоминал ни автора, ни его произведения, совершенно немыслимо, чтобы Александр не испытал влияния «Reisebilder», уже широко известного во Франции. Тем не менее есть принципиальная разница между двумя произведениями: Александр изъясняется прозой, а Гейне прежде всего великий поэт.

В путешествии Александр одержим, как он заявляет, «страстью задавать вопросы». Он хочет все увидеть, узнать обо всех местных достопримечательностях, традициях и людях. Он исследует библиотеки и расспрашивает жителей. Если он хочет, например, рассказать о битве при Грансоне, где швейцарцы одолели Карла Смелого, так отправляется на место действия со старинными летописями в руках, чтобы проверить содержащиеся в них топографические указания. Так появились его исторические новеллы «Храбрый Жан» и «Гильом Тель», образцы жанра. Прошлое снабдило его также множеством легенд. Ему удается их собрать, так как он умеет слушать, но, кроме того, и денег не жалеет. Один старый перевозчик очень удивился, когда он предложил ему пять франков в обмен на подлинную историю Понтия Пилата: «Что же вы делаете с этими историями, если покупаете их за этакую цену?»

В числе прочих посещает он новаторский Институт педагогики для глухих и слепых детей и образцовую тюрьму. Между делом узнает, что девиз Конфедерации — «Один за всех и все за одного», то есть тот, что наивно приписывают его собственной фантазии в «Трех мушкетерах». Несмотря на свою склонность к головокружениям, смело лезет в гору вместе с проводником Габриелем Пэйо: воля должна возобладать над телесным недугом. Он выигрывает конкурс по стрельбе в тире. В охоте на серну он равен Генералу. Ему пошли на пользу суровые уроки, преподанные Морисом, молодым гостиничным слугой. Дело было в Бексе, кантон Вале, куда они прибыли с Белль. Уже поздно, к ужину подали восхитительную форель. Александр заказывает такую же на завтрак. Хозяин постоялого двора будит Мориса и велит ему взять нож и фонарь, чтобы идти на рыбалку. Александр заинтригован.

«— Ну что, вы идете? — говорит мне Морис, видя, что я намерен идти за ним.

— Конечно, — отвечаю. — Такая рыбалка представляется мне весьма оригинальной…

— Ну да, — бормочет он сквозь зубы, — уж так оригинально посмотреть, как бедный малый будет шлепать по пояс в воде, вместо того чтобы в такой-то час спать, зарывшись по горло в

сено. Хотите тоже нож и фонарь? Тоже порыбачите, и будет еще оригинальней».

Морис идет слишком быстро. Александр запутывается в натянутой цепи, растягивается, чертыхается. «Морис осмотрел мои раны, выслушал стенания и, когда я перестал отряхивать пыль с одежды и извлекать не менее чем дюжину камешков, впившихся в виде мозаики в мои ладони, произнес:

«— Вот что значит ходить на рыбалку в половине десятого ночи».

Они приходят к оврагу, в глубине которого стремительно несется поток. Морис начинает спускаться, но у Александра закружилась голова, и Морису приходится его поддерживать. Морис заходит по пояс в воду. Александр пробует воду рукой и восклицает: «Но она ледяная!» Морис пожимает плечами: пусть даже он заболеет воспалением легких и умрет от этого, как его предшественник, но он состоит при гостинице рыбаком, и ему полагается удовлетворять любой каприз клиента. Александр пускается в рассуждения об удовольствиях, которые доставляют охота и рыбная ловля. Морис не возражает и прерывает его лишь один раз: удовольствие для тех, кто удит и охотится для себя.

«Я уронил голову на грудь, не отрывая глаз от человека, который только что, и не подозревая об этом, опустил такой веский аргумент на чашу весов человеческой справедливости. Среди гор, в Альпах, в стране вечных снегов, орлов и свободы начался без всякой надежды на выигрыш процесс тех, кто ничем не владеет, против тех, кто владеет всем».

Из уважения к себе подобному Александр входит в поток вслед за молодым человеком. Форель устремляется к свету фонаря. Морис оглушает ее ударами ножа. Александру кажется, что и он в состоянии сделать то же. Он берет фонарь, рыба приближается, и он наносит ей «удар, способный расколоть бревно.

Бедная тварь распалась пополам.

Морис берет ее в руки, рассматривает и с презрением выбрасывает в реку со словами:

— Она опозорена».

Кроме всего прочего, Александр подхватывает насморк. Все действительные и выдуманные истории он записывает каждый вечер, сидя в ванной: «Ванна служила мне рабочим кабинетом, в ней я вел свои каждодневные записи, и я бы не рискнул утверждать, что блаженное состояние, в котором я пребывал, предаваясь этому занятию, не оказало влияния на то доброжелательное отношение к людям и восхищение всем сущим, которое я обнаруживаю и сегодня в моем альбоме от первой до

последней страницы».

Путешествие — это еще и встречи. Парижские знакомые в затерянном в горах постоялом дворе странным образом воссоздают некий светский салон. Порою целые космополитические группы путешествующих терпят бедствия: «Когда мы принялись сортировать эту смесь, оказалось, что она состоит из десяти американцев, одного немца и одного англичанина, все в самом плачевном состоянии, ибо американцев выловили из озера, немца — из-под снега, а англичанин, зацепившись за ветку, висел на дереве над пропастью глубиной в тысячу футов». Был еще молодой художник из Парижа, которого Александр назовет Альфред де Нерваль (не путать с Жераром!), который путешествовал с таинственной молодой дамой, пораженной неизлечимой болезнью. Видимо, она напомнит ему ту молодую новобрачную, которую Александр провожал на корабль, направляющийся в Гваделупу. Поэтому он назовет ее Полиной и сделает героиней романа, носящего это имя, тем самым выполнив некогда данное обещание.

Еще одна встреча — с беднягой англичанином, сто тысяч ливров годового дохода, находящимся в состоянии глубокого сплина по причине болезненной застенчивости. Чтобы узнать его историю, Александр спаивает его, при этом составляя ему компанию. Попутно следует заметить, что Александр, который нередко признается, что не курит и испытывает отвращение к алкоголю, в Швейцарии весьма охотно позволяет себе и сигару, и вишневую водочку. Трагедия англичанина оказывается уморительной до колик[131]. Он безумно влюблен в дочку соседа-баронета, и тот однажды приглашает его в гости. Баронет страдает от подагры, и скромник начинает с того, что ломает ему пальцы на ногах. Дальше — больше: он опрокидывает на бесценный ковер чернильницу, пытается промокнуть пятно своим носовым платком, при этом садится на кошку, стоически переносит раны от ее острых когтей и выходит победителем из схватки с этим любимым домашним животным, удушив кошку. За столом он выливает на себя суп, роняет соусник, начинает жадно есть пудинг в тот самый момент, когда его поджигают, выплевывает кусок, залпом опрокидывает стакан водки, думая, что это вода, закашливается, обильно срыгивает, обильно же потеет, вытирает потное лицо носовым платком, черным от свежих чернил. После всего этого ему не остается ничего другого, как бежать в Швейцарию и заключить там самоубийственное пари: он спустится на лодке по рейнским водопадам.

Другая чудесная новелла, вплетенная во «Впечатления», — история Алкида Жоливе[132], парижского коммивояжера и

бонапартиста, которого по первому знакомству Александр счел вульгарным. Жоливе спровоцировал некоего англичанина на дуэль с невероятно жесткими условиями: противники должны были идти друг другу навстречу с двумя пистолетами в руках и стрелять в любое время, как им заблагорассудится. Невозможно не процитировать Александра, свидетеля этой дуэли: «Что до меня, то я, как зачарованный, не мог оторвать взгляда от этого молодого человека, в котором еще накануне вечером видел лишь комедианта плохого вкуса, а сейчас следил за ним так, как если бы это был мой друг. Он откинул волосы назад, и лицо его потеряло обычное для него выражение банальной шутки; его черные глаза, красота которых открылась мне лишь теперь, были отважно устремлены прямо на противника, приоткрытые уста позволяли видеть яростно сжатые зубы. Походка больше не казалась вульгарной: он шел выпрямившись, с высоко поднятой головой, и опасность придавала ему некую поэтичность, которой ранее я не мог в нем и заподозрить. Между тем расстояние между ними стремительно сокращалось; оба шли размеренным и твердым шагом. Когда оставалось не более двадцати шагов, англичанин делает свой первый выстрел. Как будто облачко набежало на чело его противника, однако он продолжал идти вперед. В пятнадцати шагах англичанин сделал свой второй выстрел. Алкид как будто бы пошатнулся, но продолжал идти вперед. По мере того как он приближался, его бледнеющее лицо принимало ужасающее выражение. Наконец, он остановился в одном туазе, не больше; однако ему этого показалось мало, и он сделал еще шаг, и потом еще один. Зрелища этого невозможно было вынести.

— Алкид! — крикнул я ему, — вы что, собираетесь убить человека? Стреляйте в воздух, черт побери! В воздух!

— Легко вам советовать, — отвечал коммивояжер, распахивая сюртук и показывая свою окровавленную грудь, — не вам ведь всадили две пули в живот.

При этих словах он вытянул руку и в упор выстрелил в лоб англичанину.

— Все равно, — сказал он, присаживаясь на разбитый обелиск, — моя песенка спета; но, по крайней мере, я убил хоть одного из этих разбойников-англичан, виноватых в смерти моего императора!..»

Эпилог счастливый: проезжая через то же место, Александр нашел Жоливе оправившимся от ран и рассчитывающим в скором времени на брак с дочкой трактирщика. На этот раз Александр быть свидетелем отказался:

«— Никак не могу, друг мой. Разве я знаю, где окажусь через

три недели. В Швейцарии мне осталось пробыть не больше полутора месяцев, меня отзывают во Францию. У меня не так, как у вас: образцы моих драм за границей не держу, сбываю их на месте, дома».

Случались также и встречи, которые Александр не прочь был бы и спровоцировать. Он вбил себе в голову, что непременно должен познакомиться с демократичным автором «Гения христианства», которым безмерно восхищается, и это его право. Уже несколько месяцев Шатобриан живет в уединении в Швейцарии, бесповоротно решив вернуться во Францию только в том случае, если герцогиня Беррийская будет арестована, то есть довольно скоро. Он знал Александра по имени — и не только как преуспевающего драматурга, но и как бывшего директора «Психеи», которой когда-то не пренебрегал в качестве автора. В Люцерне он остановился в «Отеле орла»; вопреки его взглядам, нелегко все же вообразить его в «Отеле голубки» и еще в меньшей степени в гостинице «Голубок». Итак, Александр появляется в этом достойном отеле. Ему сообщают, что Шатобриан в данный момент кормит своих курочек. Александр предполагает, что тот занялся фермерством, но свою визитную карточку все же оставляет и вскоре вознагражден письмом с приглашением отобедать. Он отправляется с бьющимся сердцем, краснея, заикаясь от волнения, примерно так, как когда-то перед визитом к Тальма, посвятившим его в поэты; ныне он хочет быть большим писателем, и вот он уже в процессе переиздания своего былого творения: «Клянусь честью, я хотел бы пасть на колени перед этим человеком, до такой степени я находил его великим и в то же время простым!..» Ему удалось вовремя себя сдержать.

Шатобриан освободился от всего — от людей и от идей, сторонником которых он себя считал. «Я пребывал в уверенности, что г-н Шатобриан рассматривал отныне партию, к которой принадлежал, как погубленную, видел будущее в республиканском образе мыслей общества, но оставался тем более верен своему делу именно потому, что полагал его не столько стоящим, сколько обреченным». Александр заметил ему, что он — как раз и есть республиканец, хотя и сам того не знает. Не до такой степени, поскольку у Шатобриана случались и проблески трезвости во взглядах на политику. Вместе они вышли пройтись по городу. Мимо памятника, воздвигнутого в память о швейцарцах, защищавших Тюильри 10 августа 1792 года. Только вот для Шатобриана это хорошее воспоминание, а для Александра:

«— Беда лишь в том, что пролитая за монархию кровь была куплена у республики, и гибель швейцарской гвардии была по

существу аккуратной платой по векселю».

На памятнике выбиты имена солдат, павших в тот день. Александр задает каверзный вопрос: какие дворянские имена могли бы фигурировать на подобном же памятнике, будь он поставлен во Франции? Шатобриан вздыхает:

«— Ни одно, — говорит он.

— Можете вы это понять?

— Отличнейшим образом: мертвые не дают себя убить».

И ему трудно возразить. Они вступили на мост над одним из рукавов озера. «Г-н Шатобриан достал из кармана кусок хлеба, положенный туда за обедом, и начал крошить его в озеро; тотчас с дюжину водяных курочек отделились от камышового островка и спешно бросились оспаривать друг у дружки еду, приготовленную для них в этот час рукой, написавшей «Гения христианства», «Мучеников» и «Историю последнего из Абенсераджей»[133]. К счастью для них, водяные курочки в принципе читать не умеют. «Со временем полученное мною впечатление все разрасталось, и я никогда больше не пытался свидеться с г-ном Шатобрианом из страха, что он окажется не таким, каким я его тогда увидел, и что эта перемена нанесет удар по тому религиозному чувству, которое я к нему питал». Вот причина, по которой через несколько лет божественный автор «Гения христианства» станет свидетелем на свадьбе у Александра в мэрии, а не в церкви.

Порою реальная действительность настигает Александра. Он читает в швейцарской газете сообщение об осуждении на смерть двух республиканцев, захваченных в Сен-Мерри. Муки совести, отвращение, усталость. «О! Когда же будет закрыта эта книга [расчетов, «в пользу смерти, ведущаяся между народом и королевской властью»] и брошена со словом «свобода» на печати в могилу последнего мученика?

Я шел, и эти мысли волновали мне кровь, я шел, не замечая ни времени, ни расстояния, видя вокруг себя кровавые сцены июля и июня, слыша крики, пушечные и ружейные выстрелы; я шел, как тяжело больной, поднявшийся с постели и бредущий в бреду в сопровождении призраков своей агонии». Пошел дождь, тишина. Совсем молоденький юноша Франческо подходит к нему и предлагает свои услуги в качестве гида. Александр нанимает его и в последующие недели проникается к нему почти отцовскими чувствами. И еще не наступил час их мучительного расставания, когда Александр оставляет однажды свою визитную карточку в замке Араненберг, недалеко от Констанца. Здесь в изгнании живет Гортензия де Богарне, дочь Жозефины, ставшая герцогиней де Сен-Лё, экс-королева Голландии, после того как против своей воли была выдана своим отчимом Наполеоном за Луи Бонапарта, вместе с которым они произвели на свет Наполеона III Малого. Кстати, Александр не упускает случая повстречаться с этим молодым человеком и пожать ему руку[134].

Болезненная застенчивость Александра Великого известна. Стоило ему войти в парк Араненберг, как он уже «скорее расположен вернуться назад, чем продолжать мой путь». Вдруг на повороте в аллею замечает он Гортензию и ее отпрыска. «Первым моим движением было обратиться в бегство; но было слишком

поздно, меня заметили». Он приближается смиренно, еле сдерживая себя, чтобы не упасть на колени, кланяется. Целует руку, получает приглашение на ужин, ликует, теперь он не бедный сирота, которого из милости принимают в замке, теперь он известный писатель, одно имя которого открывает ему все двери. Гортензии сорок девять лет, она неплохо сохранилась, не стоит описывать в высшей степени уважительные ухаживания Александра. На десерт объявляют мадам Рекамье. Он трепещет, «еще одна королева, королева красоты и разума», и доказательство тому — в числе других — ее любовные связи с Бенжаменом Констаном и Шатобрианом. Сколько же лет ей может быть? «Держу пари, что не больше двадцати пяти», на самом деле — тридцать с небольшим, «правда, я видел ее только вечером, в черном платье, голова и шея под вуалью того же цвета» и при выигрышном для нее свете свечей. Уже ребенком Александр умел нравиться пожилым дамам, он простирает руки, умоляя Гортензию сесть за пианино и спеть романсы, музыку к которым сочинила она сама, она обладала этим небольшим светским талантом и не слишком заставила себя упрашивать. Александр никак не хочет спуститься на землю: помните, тот, который вы написали по просьбе вашей матери, когда император уже обдумывал свой развод с нею? Печальное воспоминание, Гортензия осушает слезу, плохо то, что у нее случаются провалы в памяти. Но не у Александра, старшая сестра часто пела ему этот романс когда-то, и, кроме того, как всегда, он серьезно подготовился к визиту и вот уже декламирует вслух вирши, которые играют роль слов романса. Гортензии удается преодолеть волнение:

«Она пробежалась пальцами по клавишам, послышалась жалобная прелюдия, потом она запела, вкладывая в пение всю душу, и с тем же самым акцентом, с которым, должно быть, пела она и Наполеону.

Не думаю, чтобы кто-нибудь испытал то же, что я, в тот вечер».

Еще раз спасибо, что пришли, надо бы еще увидеться, хотя бы раз, почему бы вам не прийти завтра утром позавтракать вместе с нами, Александр не может отказать. Прогулка перед завтраком, Гортензия повисла у него на руке. Она спрашивает о парижских новостях. Он рассказывает об июньских волнениях, он их видел собственными глазами, но не участвовал, будучи сторонником «республиканского образа мыслей общества», а от «республиканцев-революционеров» он отошел. Гортензия плохо понимает эти нюансы. Тогда он дает ей урок республиканской типологии. Первая категория — социалисты, или «республянцы»,

это невежды и безумцы. «Правительство делает вид, что страшно их боится, и очень бы рассердилось, если бы их не было, так как их теории — это колчан, из которого оно берет свои стрелы». Затем следуют «республиканисты», которые хотели бы применить для Франции «швейцарскую, английскую и американскую конституции», не понимая в «своем искусственном применении, что народная конституция может лишь тогда оказаться действенной, когда рождается из географической ситуации, следует из национальности народа и гармонически сочетается с его нравами».

Есть еще и другие, полагающие, что мнение — это не что иное, как васильковый сюртук, жилет с широкими лацканами, развевающийся галстук и остроконечная шляпа; крикуны и пародисты, они провоцируют мятежи, но остерегаются принимать в них участие, возводят баррикады, но умирать на них предоставляют другим, компрометируют друзей, но скрываются, как будто скомпрометировали их самих; так вот эти — тоже еще не республиканцы, а «республикеты». Возможно, что здесь Александр дает портрет Пешё д'Эрбенвиля, но уж точно, что он годится и для Жюля Леконта, который вскоре перевернет всю жизнь Александра.

«Истинные республиканцы» — это «пуритане и мученики», убитые или захваченные в Сен-Мерри, и похвальное слово которым, произнесенное Александром, мы только что цитировали. Он ими восхищается, но в их число больше не входит. Он перестал быть врагом правительства, не принимая его, но и не отвергая, просто терпит. Гортензии кажется, что с подобными убеждениями он, должно быть, считает Наполеона тираном. Но все гораздо сложнее. Александр охотно берет на себя функции педагога, когда речь идет об экс-королевах. Конечно, для Франции Наполеон был «человеком реакционным», но «всюду, где он прошел, он посеял зерна революции», отсюда ее всходы повсюду в Европе одновременно с национализмом. Гортензия возобновляет попытку: а если бы герцог Рейхштадский не умер меньше чем три месяца назад, был ли у него хоть малейший шанс заменить однажды своего отца? Александр непреклонен:

«— По моему мнению, сударыня, у таких людей, как Наполеон, нет ни отца, ни сына; они рождаются, подобно метеоритам, предрассветным утром, освещают небо своим стремительным росчерком вдоль горизонта и теряются в вечерних сумерках».

Гортензия, однако, настойчива: стало быть, ее собственному сыну никогда не быть у власти? Предположим, что он об этом

мечтает, какой же совет мог бы дать ему Александр? Вернуться к реальности. А если он будет настаивать? Ответ Александра, якобы данный тогда, сентябрьским днем 1832 года, или пусть даже написанный год спустя, все равно поразителен с точки зрения точности политического анализа и удивительного чувства Истории:

«— В таком случае, сударыня, я посоветовал бы ему добиться прекращения ссылки, купить землю во Франции, стать депутатом и попытаться силой своего таланта расположить в свою пользу большинство Палаты, дабы она воспользовалась им, чтобы сместить Луи-Филиппа, и выбрала бы его королем».

За исключением нескольких деталей сценарий этот осуществится. Другой сценарий, не менее симптоматичный, был разработан Александром в Рейшенау, в кантоне Граубюнден, король-груша был там учителем в коллеже, после того как в 1793 году вместе с Дюмурье перебежал на сторону врага, но все же не до такой степени, чтобы служить в австрийской армии. Теперь того коллежа уже не существовало. Осматривая его руины, Александр, конечно же, думает о Фердинанде. Он посылает ему письмо. Предназначенное для публикации, оно написано в высшей степени почтительно. Тем не менее сразу же невольно выдает тайную мечту Александра: «Вы тот, кто будет с трона, на который вы однажды взойдете, одной рукой касаться дряхлой монархии, а другой — юной республики». Александр вне всякого сомнения считает себя готовым помочь в ампутации правой руки. Продолжение истории не менее интересно, он просто-напросто предлагает Фердинанду восстановить коллеж, чтобы принимать туда «сыновей изгнанников <…>, каковы бы ни были их убеждения и родина, что бы им ни угрожало — гнев ли народа или ненависть королей». Конечно, Франции в тот момент не угрожала никакая новая революция, но про остальную Европу этого никак нельзя сказать: «Было ли еще когда-нибудь, чтобы так сотрясались троны и чтобы по большим дорогам встречалось столько низложенных путников? Теперь вы видите, монсеньор, что непременно должны основать однажды приют, пусть он примет королевских сыновей, отцы которых не смогут, как ваш, преподавать в Рейшенау».

Но может быть самое плодотворное впечатление, вывезенное Александром из путешествия по Швейцарии, то, что он получил неподалеку от Интерлакена, на постоялом дворе Шварцбах, где у Вернера происходит действие его самой знаменитой драмы «Двадцать четвертое февраля», написанной в 1809 году. Это роковая, в духе античной трагедии история крестьян, содержащих постоялый двор. Сын точит свою косу. Отец бранит невестку. Сын

приканчивает отца. Со временем он и сам становится отцом. Жена его сворачивает шею курице. Подражая матери, маленький сын душит сестренку. Отец его проклинает, точно так, как когда-то его отец проклял его самого. Сын покидает дом. Постоялый двор пустеет, родители в долгах, на грани разорения. Инкогнито возвращается сын, он богат. Чтобы завладеть его деньгами, отец его убивает. Само собой, что все злодейства происходят аккуратно 24 февраля. Следует заметить, что изложение Александром этой драмы, куда более развернутое, само по себе представляет леденящую кровь новеллу, строгую и лаконичную[135].

Александр приезжает на этот постоялый двор. Маленький мальчик ножом делает ямки в снегу. Рядом маленькая девочка наблюдает за его действиями. Нож уже здесь, видно, и коса неподалеку; чтобы не дать свершиться проклятию, тяготеющему над этими швейцарскими атридами, Александр поспешно разоружает мальчишку, который принимается плакать. Внутри гостиницы все осталось по-прежнему, точно, как написано в «Двадцать четвертом февраля», и Александр пытается отыскать следы крови на полу. Появляется хозяин, весьма жизнерадостный. Александр отдает ему нож, пеняя ему за неосторожность. Тот удивлен. Александр произносит вещие слова: 24 февраля. Хозяин взрывается, он сыт по горло, его просто изводят этим февралем, с тех пор как этот жалкий поэт, пробыв здесь ровно столько, чтобы написать свою мерзопакостную пьесу, превратил порядочный дом в разбойничий притон.

Тогда же, пока еще десятки тысяч человек не устремились в замок Иф, на экскурсию в камеру Эдмона Дантеса, Александр придумывает некий гастрономический розыгрыш. В одном из трактиров он слышит рассказ об охотнике, наполовину съеденном медведем. В своих «Впечатлениях» он с необычайной правдивостью повествует, как лакомился бифштексом из медвежатины и вдруг узнал, что поглощает при этом и человеческую плоть. Успех книги поверг в отчаяние хозяина трактира, которому десятки туристов начали заказывать блюдо, отсутствующее в меню. Вслед за тем Александр совершает первое свое насилие над Историей. Внебрачным сыном от этого соития становится прекрасный рассказ о семидесятилетием старике Жаке Бальма, проводнике из Шамоникса, который в 1786 году, за год до Сосюра, совершил вместе с доктором Паккаром восхождение на Монблан. Согласно версии Александра, Бальма первым достиг вершины, Паккар же — позднее, и тем хуже для него. Бальма таким образом вошел в легенду. Ученой братии никак не удается эту версию опровергнуть. И, кстати, именно смертью Бальма,

сгинувшего во время поисков мифических золотых приисков, и смертью Пейо, проводника Александра к Морю льдов, обрываются «Впечатления о путешествии в Швейцарию».

Александр и Белль возвращаются в Париж. Эпидемия холеры идет на убыль, зато 11 октября образован кабинет министров во главе с Сулем, куда вошли Тьер в качестве министра внутренних дел и Гизо в качестве министра народного просвещения. Кроме того, поскольку Нидерланды по-прежнему не признают независимости Бельгии, Англия и Франция договариваются о праве на военное вмешательство, и Фердинанд берет на себя командование Северной армией, которая осаждает Антверпен. Только что умер Вальтер Скотт, а шестью месяцами раньше Гете. Александра тоже зачисляют в число умирающих авторов. «Сына эмигранта» сыграли в его отсутствие, и он вызвал всеобщее возмущение на премьере, закончившейся полнейшим провалом. По свидетельству Фредерика Леметра, игравшего роль сына, «самым грандиозным из всех провалов, которые мне случалось видеть. Публика свистела, вопила, на сцену летели стулья»[136]. В принципе фигурировать на афише должно было только имя Анисе Буржуа, и так было бы, если бы не пресловутая порядочность Гареля, в результате пресса набросилась на одного Александра. Для «Constitutionnel» «этот писатель на сей раз нашел свой интерес в самом преступлении, талант же его как будто окончательно иссяк». «Примеру «Constitutionnel» последовали все остальные газеты: они всласть надо мною потешились и своей добычи не упустили; от меня остались только рожки да ножки». Друзья от него отворачиваются, даже Гюго с ним холоден. За преступление против нравственности Верон, заказавший ему текст для «Revue de Paris», расторгает с ним договор. Внезапно потерявшие зрение директора театров перестают его замечать, и Гарель, разумеется, среди них, поскольку немало потерял в этой затее: не только затраченное на постановку, но и три тысячи вознаграждения Александру плюс вексель на две тысячи. «Таким образом, временно я от театра отказался».

К счастью, не от литературы. Он пишет новеллы, начинает писать «Впечатления о путешествии», которые выйдут в феврале 1833 года в «Revue de Deux Mondes». Из первых его исторических сцен, напечатанных в том же журнале, Анисе Буржуа и Локруа сделают инсценировку «Перрине Леклерк», финансовый успех которой компенсирует провал «Сына эмигранта». С легким сердцем Александр возвращается к «Галлии и Франции» как к «длинному введению» к другим историческим текстам, которое «содержит в себе наиболее важные факты нашей истории, начиная с обоснования германцев в Галлии до раздела ее между

Францией и Англией после смерти Карла Прекрасного»[137]. Само собой, что до того, как он замыслил свою книгу, Александр не знал ровным счетом ничего об этом почти девятивековом периоде истории, можно даже сказать, что он выбрал его в результате жеребьевки. Так как он не мог сочинить все сам, он начинает изучать «Историю Франции в вопросах и ответах», написанную неким аббатом и предназначенную для его коллег, «самым серьезным образом принимая во внимание заметки в жанре нижеследующих, заключающие каждую главу как некое поэтическое резюме:

> В год четыреста двадцатый первый царь наш Фарамон
> Издавал, и тем известен, свой салический закон.

Однажды в его кабинет, не постучав, входит Корделье-Делану. Александр быстро прячет учебник. Корделье-Делану хмурит брови, должно быть, что-то неприличное, пусть Александр немедленно покажет. В смущении запоздалый в развитии школьник подает ему книгу. Корделье-Делану пожимает плечами, право же, если Александр хочет всерьез заняться нашей древней историей, пусть лучше познакомится с «Письмами об Истории Франции» Огюстена Тьерри или с «Историческим опытом» Шатобриана, а потом уже обратится к источникам.

«— Каким источникам?

— Авторам периода падения — Жорнандесу, Зосиме, Сидуану Аполлинеру, Грегуару де Тур».

И, как послушный ученик, Александр следует советам своего ученого друга. Всегда интересно наблюдать за тем, как Александр прикидывается эдакой невозделанной, но необычайно плодородной почвой, готовой к посеву. Многие попадаются на эту удочку, хотя в других жанрах он предстает скорее терпеливым собирателем материалов в ригу — для исследования и использования. Несмотря на свои необычайные интеллектуальные способности, он пользуется методом проб и ошибок в большей степени, чем методом внезапного озарения. Девять лет прошло с тех пор, как Лассань составил для него обширную программу изучения истории. И он не пренебрег ею, напротив. Когда он еще работал в библиотеке герцога Орлеанского, мы видели, что он использовал ее и в своих личных целях, дабы осуществлять «с большим удобством, нежели в королевской библиотеке, мои литературные и исторические изыскания». И как он мог не знать в 1832 году знаменитые и страстные «Письма об Истории Франции», второе издание которых вышло четырьмя годами ранее, или же помпезные

«Исторические опыты», появившиеся год назад? Как раз по поводу последних невозможно себе вообразить, чтобы, направляясь в паломничество к своему живому богу в Люцерн, Александр не ознакомился бы предварительно с его последней книжкой.

В действительности, за долгие годы он собрал обширную документацию. Он долго обдумывал свои синтетические начинания и их возможную перспективу в будущем, прежде чем приступил к созданию нового жанра — на полпути от Истории к роману, — где История «истощает прошлое», а роман искажает Историю. «Единственным средством победить [эти «две ошибки»], было бы, по нашему мнению, сразу после выбора исторической эпохи внимательное изучение определяющих ее различных интересов — народа, дворянства и королевской власти; затем выбор среди главных действующих лиц каждого сословия тех, кто принимал активное участие в событиях, происходящих в произведении, над которым работаешь; тщательное исследование внешности, характера, темперамента этих персонажей, дабы, заставив их жить, говорить и действовать в этом тройственном единстве, стало бы возможным пробудить в них страсти, вызвавшие те катастрофы, что отмечены датами в исторической хронологии, и те поступки, которые могут заинтересовать лишь в том случае, если показать насущную в них потребность, по которой они и заняли место в хронологии»[138]. Следовательно, ведущая роль отводится не столько непосредственно тем, кого называют великими людьми, но, в противоположность Истории, основанной на событиях или на психологии, их взаимоотношениям с противоречивыми интересами различных социальных категорий, или классовой борьбой, как сказал бы кое-кто, в которых они одновременно являются представителями этих категорий, а также движущей силой и жертвами классовой борьбы.

Попытка не вполне удалась в «Галлии и Франции», которая и в самом деле представляет собой «длинное введение» к его будущим историческим опытам и первому изданию которой был предпослан следующий эпиграф: «Без ненависти и страха». Произведение это ценно главным образом своим эпилогом. Начав с нашествия Аттилы в 451-м, Александр останавливается на 1328-м, годе восшествия на престол Филиппа де Валуа, «кульминационной точке» монархии. Он осуществляет синтез античности в XIX веке, настаивая на трех ключевых персонажах: «Цезарь, *язычник,* подготовивший христианство; Карл Великий, *варвар,* подготовивший цивилизацию; Наполеон, *деспот,* подготовивший свободу». Июльскую революцию он представляет как «дочь 93-го», которой «оставалось уничтожить лишь остатки

аристократии». Поэтому «Луи-Филипп лишен был даже выбора между родовыми симпатиями и требованиями момента; на место пятидесяти тысяч аристократов Людовика XV он подготовил сто шестьдесят тысяч крупных землевладельцев и промышленников Реставрации; монархический свод еще на одну ступень опустился к народу, — на самую нижнюю, на последнюю». Вот почему в «дневном своем шатре» Луи-Филипп «последний из возможных королей этого рода». Александр предвидит таким образом, что на смену правлению крупной буржуазии придет правление средних и мелких собственников. С целью предотвратить новую жестокую революцию он предлагает «революцию парламентскую», которая состоит в постепенном снижении ценза как для избирателей, так и для избираемых, «до тех пор, пока избирателем не станет каждый пролетарий».

Стало быть, с учреждением всеобщего избирательного права «закончится парламентская революция. И тогда настанет время правительства, существующего в гармонии с потребностями, интересами и волей всего населения: как бы оно не называлось — монархическим ли, президентским, республиканским — что мне за дело! Да и неважно, ибо правительство будет состоять просто из должностных лиц, выбираемых, может быть, на пятилетний срок: наличие такого срока предоставляет нации наиболее спокойную форму правления, ибо те, кто доволен своими представителями, надеются их выбрать снова, а те, кто ими недоволен, имеют право их сместить»[139]. Избранным всеобщим голосованием королем или президентом может стать отнюдь не каждый гражданин: «Чтобы между ним и народом возникли симпатии, следует, чтобы его личное состояние не превышало их состояний в общем соотношении, тогда его интересы будут совпадать с интересами всех; следует также, чтобы его цивильный лист строго ограничивался лишь самыми необходимыми расходами, дабы удалить из его рук средства коррупции, с помощью которых он смог бы во время выборов своего преемника подкупить партию, воля которой не является более волей нации; таким образом, человек этот не сможет быть ни особой королевской крови, ни крупным землевладельцем».

Удивительное пророчество, которое, будучи опубликованным в июне 1833 года, должно быть, доставило массу удовольствия лишенному владений наследнику короля-груши и объясняет уже упомянутую выше ссору между Фердинандом и Александром во время восстания ткачей. Непонятно даже, что вызывает большее восхищение в этом эпилоге из «Галлии и Франции» — чувство Истории или размышления о демократии. Александр всегда опережает время, ведь сегодня, в конце XX века, во Франции все

еще семилетний срок избрания, и если претенденты на трон действительно не могут стать кандидатами в президенты, то по поводу крупных землевладельцев вопрос все еще оспаривается. Что до борьбы с коррупцией, то на ее эффективность можно будет надеяться лишь в третьем тысячелетии.

22 ноября играли премьеру драмы «Король забавляется». Александр на спектакле не был, «какой-то холод проник в мои отношения с Гюго; общие друзья почти нас поссорили». Вновь введена цензура, и на следующий же день Тьер запретил пьесу. Оппозиционная пресса и глазом не моргнула, вернее, «ненависть, которую испытывали к романтической школе, была столь велика, что это не столько делало правым правительство, сколько виноватым автора». Шестнадцатью днями раньше герцогиня Беррийская была арестована Дермонкуром в Нанте, где она скрывалась с июня месяца. Раб своего слова, доблестный автор «Гения христианства» вынужден положить конец своей ссылке. Он устремляется в Париж, чтобы обеспечить защиту герцогини, состояние здоровья которой в скверной тюрьме в Бле внушает серьезные опасения. Карлисты подают прошение, их газеты возмущаются, маркиз де Дрё-Брезе через Палату пэров запрашивает правительство. Тьер направляет двух медицинских светил — Ортила и Овити — осмотреть герцогиню, «с некоторого времени неважно себя чувствующую». И выясняется, что все как раз наоборот. Тьер дает просочиться счастливой вести, и ее обнародует республиканский «Corsaire». Немедленно же редактор статьи Эжен Бриффо вызван на дуэль и ранен на ней неким Барбо де ля Трезорьер — такое имя нелегко было бы придумать.

«Le Corsaire» настаивает на точности своей информации, которую используют также «La Tribune» и «Le National». Легитимистская «Revenant» вступает в полемику с «Tribune», журналисты которой посылают ей коллективный вызов. Далее все продолжает усложняться. Каррель из «National» получает картель от двенадцати карлистов, остается лишь выбрать из них себе противника. Толпа республиканцев охотно готова взять на себя одиннадцать остальных. Александр заверяет Карреля в своей моральной поддержке, однако он не слишком сочувствует этой «потасовке», находя «повод смехотворным». Каррель готов разделить это мнение, однако это не спасает его от серьезной раны, нанесенной Ру-Лабори. Дюпюитрен берет на себя заботы о нем, весь Париж навещает — Александр, Беранже, Лафайет, конечно, рыцарственный Шатобриан, которого всегда восхищала храбрость других, и Тьер, вполне довольный при виде своих политических противников, дерущихся друг с другом.

Чтобы отомстить за Карреля, его секунданты вызывают

секундантов Ру-Лабори. Еще двенадцать республиканцев вместе бросают вызов легитимистской прессе. Некий Ботерн в возбуждении тоже рвется в рукопашную и требует того же от Александра. Даже если он не, одобряет причин драки, совершенно немыслимо, чтобы Александра заподозрили в трусости. И пока Ботерн пишет свой вызов журналисту из «Quotidienne», он размышляет, с кем бы ему сразиться? Бошен, например, карлист и прекрасный друг в то же время, в настоящее время отдыхает за городом. Александр семь раз повернул в чернильнице перо: «Мой дорогой Бошен, если ваша партия так же глупа, как моя, и заставляет вас драться, прошу оказать предпочтение мне, кто всегда будет счастлив представить вам доказательства своего уважения за отсутствием доказательств дружбы». Получив послание, Бошен сумел прервать свой отдых лишь через десять дней, но с момента возвращения не было у него более срочного дела, чем встреча с Александром.

Ссора с Гюго как будто забывалась, и Александр присутствует на премьере «Лукреции Борджиа», неизвестно с Белль или с Идой. Решительно можно сказать: Гюго слишком много пишет! Тяжеловесная, напыщенная до смешного, его мелодрама не выдерживает никакого сравнения с «Нельской башней» и «Сыном эмигранта». Но что Гюго до этого строгого посмертного суждения, если вечером 2 февраля 1833 года ему устроили овацию, и хорошенькая актриса по имени Жюльетта Друэ играла не хуже, чем обычно. В последующие дни Тьер успокаивает бретёров способом превентивных арестов и помещением под полицейский надзор. Вслед за этим выздоравливает Каррель, который наносит визит Ру-Лабори и публикует письмо с похвальным словом его секундантам. Честь спасена, раздувшийся пузырь выпускает воздух, все дуэли аннулированы, а герцогиня Беррийская в мае родила. В ожидании родов она объявила о своем тайном браке с итальянским графом, который не сопровождал ее ни в Прованс, ни в Вандею. И если мальчик, которого она родила якобы от герцога Беррийского, после смерти последнего, был назван «дитя чуда», как назвать его маленькую сестричку, зачатую во время пребывания герцогини в Нанте, где она скрывалась под защитой шуана, своего доблестного телохранителя?

Лишенный дуэли, Александр, однако, вовсе не лишится существенных доходов, которыми будет обязан проделке герцогини. Кроме интервью с Дермонкуром, он сочиняет «Вандею» и «Мадам», которые выйдут в сентябре и будут иметь большой успех как у карлистской оппозиции, поскольку герцогиня предстает благородной и мужественной женщиной, так и у республиканской, поскольку Дермонкур выведен безупречным

рыцарем, а правительственный агент, префект Морис Дюваль — непопулярным мужланом. Поэтому «реальной пользой» от этого дела «оказалось сближение, не в смысле общности мнений, а в смысле взаимного уважения, между партией карлистов и партией республиканцев». Уважение, которое приведет кое-где к противоестественным избирательным блокам и обозначит разрыв между умеренными республиканцами и революционерами. Наконец, помимо солидного удовлетворения авторских прав, Александр получит еще в наследство от Дермонкура его секретаря Рускони. Дермонкур подал в отставку и просил Александра пристроить Рускони, дабы тот мог спокойно доживать свои дни. Александр ни в чем не мог отказать тому, кто никогда не переставал чтить память Генерала, отсюда в «Истории моих животных»[140] эта трезвая шутка: «Вот уже двадцать три года, как каждый день, за исключением дней моих отъездов за границу, я имею счастье видеть Рускони.

— Что же он у вас делает?..

На это вопрос было бы очень трудно ответить: все и ничего. Я придумал по этому случаю специальный глагол, весьма выразительный: он русконничает».

Король-груша дает в Тюильри костюмированный бал. Не получив приглашения, Александр пожимает плечами: он знает прекрасный выход из ситуации. Поскольку он намерен разослать не менее трехсот приглашений, а его собственная квартира невелика, он договаривается об использовании квартиры напротив, совершенно пустой, с абсолютно голыми стенами. Это не страшно, достаточно ведь предложить лучшим художникам бесплатно продемонстрировать здесь свой талант. Сисери, художник-декоратор из Оперы, принесет необходимые материалы — холст, краски, кисти. 27 марта, «за три дня до бала все были на своих местах: Альфред Жоанно набрасывал сцену из «Сен-Мара»; Тони Жоанно — из «Сир де Жиак»; Клеман Буланжер — из «Нельской башни»; Луи Буланже — из «Лукреции Борджиа»; Жаден и Декан работали вместе над «Дебюро», Гранвиль — над «Оркестром», Бари — над «Тиграми», Нантёй над дверными панно, где в двух медальонах были представлены портреты Гюго и Альфреда де Виньи». Достойное выражение признательности двум поэтам, залатавшим стихи в «Христине». Однако ни тот, ни другой на бал не пришли, Виньи не мог оставить тяжело больную мать, а Гюго неизвестно почему, скорее всего по причине гордой его обособленности, вопреки всем усилиям Александра с ним помириться.

Нарисовать панно обещал и Делакруа, но что-то запаздывал. Обеспокоенный Александр его теребит, но Делакруа появляется

лишь накануне бала — пообедать с Александром. Другие художники свой труд уже почти окончили, Делакруа осматривает работы как собрат, хвалит. За десертом он спрашивает у Александра, какой сюжет мог бы ему понравиться. «Король Родриго после битвы». Делакруа не видит здесь никаких сложностей. «И, не снимая узкого, облегающего черного сюртука, не засучив рукавов, не сняв манжет, не переодеваясь в блузу, Делакруа берет угольный карандаш, тремя-четырьмя штрихами набрасывает лошадь, пятью-шестью — всадника, семью-восьмью — пейзаж, вместе с мертвыми, умирающими и удирающими; затем, сочтя достаточными эти, никому, кроме него, непонятные заготовки, он берет кисти и начинает писать.

И в то же мгновение, как будто разорвалась завеса, и под его рукой появился сначала окровавленный всадник, истерзанный, израненный, едва влекомый своей лошадью, такой же окровавленной, истерзанной и израненной, не находящий опоры в стременах и сгорбившийся над своим копьем; вокруг него, впереди, позади — груды мертвых тел; на берегу реки раненые пытаются дотянуться губами до воды, оставляя за собой кровавые следы; на горизонте, насколько видит глаз, ужасное, жестокое поле боя; и над всем этим — заходящее за горизонт, утолщенный кровавыми испарениями, солнце, подобное раскаленному в кузнице щиту, и в голубом небе, по мере удаления принимающем неуловимый зеленый оттенок, розовые, как пух ибиса, облака».

Усилиями гениальных художников, дружбы и щедрости, о которых можно только мечтать сегодня, в конце второго тысячелетия, как же преобразилась эта квартира-музей! Дабы стол оказался на уровне оформления, Александр просит у папаши Кнута разрешения на охоту, и возвращается с нее с девятью косулями и тремя зайцами. Затем он приглашает трактирщика Шеве. «Надо было проделать торговый обмен»: одну косулю поменять на семгу, вторую — на «гигантский галантин», еще две «были зажарены целиком» и так далее. В день бала, «в семь часов явился Шеве с лососем в пятьдесят ливров, косулей, зажаренной целиком и помещенной на серебряное блюдо, как будто бы позаимствованное из буфета Гаргантюа, гигантским паштетом и со всем необходимым прикладом. Триста бутылок подогретого бордо, триста бутылок охлажденного бургундского, пятьсот бутылок замороженного шампанского».

В каждой квартире помещалось по оркестру, и было условлено, чтобы одновременно они исполняли одни и те же мелодии. Пора переодеваться. Александр надевает костюм эпохи Возрождения — и символ, и программа бала. Белль отвечает своему имени, как никогда, со своими черными волосами,

синими глазами, в бархатном платье с накрахмаленным воротничком и «в черной фетровой шляпе с черными перьями, как у Елены Фоурман, второй жены Рубенса» и последней. Бедняжка Белль думала таким образом закрепить свое положение последней спутницы Александра, еще не ведая, что этот роскошный праздник — его прощальный подарок.

Оставив в дураках короля-грушу, художественный, литературный и театральный мир устремляется к Александру. Тот, кто не захотел нарядиться в костюм, должен надеть хотя бы домино — нечто вроде пестрого платья с капюшоном. Включая политиков — Одилона Барро и вечного Лафайета, который рухнет на стул — о, нет, не для того, чтобы быть убитым, как собирался он сделать в июне прошлого года, но чтобы сыграть в экарте с Бошеном, переодетым в шуана, что вполне соответствует взглядам того, кого Александр так сердечно вызывал сразиться с ним на дуэли. Ни одного из друзей-республиканцев, даже как будто и Этьен Араго не пришел, хотя и был директором театра: был ли он вообще приглашен, не смог ли прийти или отказался? Зато целая толпа знаменитостей.

Из музыкантов[141] Россини в костюме Фигаро, Адан в костюме младенца, Циммерман, одетый кухаркой.

Скульпторы, художники, граверы — почти все моложе тридцати: Муан наряжен Карлом IX, Бари — бенгальским тигром, Этекс — андалузцем, Жиро — жандармом, Тони Жоанно — сиром де Жиаком, Альфред Жоанно — Людовиком XI в молодые годы, Луи Буланже — придворным короля Иоанна, Нантёй — солдафоном, Гендран — безумцем, Буасела — придворным Людовика XII, Шатийон — Сантинелли, Зиглер-Сен-Маром, Клеман Буланже — неополитанским крестьянином, Камил Рокплан — мексиканским офицером, Леполь — шотландцем, Гренье — моряком, Шенавар — Тицианом, Делакруа — Данте. Все станут участниками Салона 1833 года, и многие будут награждены.

Из издателей и главных редакторов: Эжен Дюверже — Ван Дейком, Ладвока — Генрихом II, Эдуард Фурнье — матросом, Бюлоз — в голубом домино, доктор Верон — в розовом домино.

Актеры Комеди-Франсез — мадемуазель Марс, Жоанни, Мишло, Манжо, Фирмен, мадемуазель Левер — все в своих костюмах из «Генриха III». Мадемуазель Жорж — в костюме крестьянки из Неттуно, мадам Парадоль — Анны Австрийской, мадемуазель Дипон — пастушки, Роза Дюпюи — леди Рочестер, Нобле одета Безумием, Леонтина Фей — албанкой, Корнелия Фалькон — Ребеккой, Дежазе — в костюме Дю Барри, Нурри — придворного аббата, Монроз — солдата Рюйтера, Бокаж — Дидье,

Фредерик Леметр — Робера Макера. Ида Ферье не упоминается, возможно, она там и была, как и Белль, которую Александр называет не иначе, как «хозяйка дома».

Разумеется, были и писатели: одетый магом Амадей Пишо, турком — Альфонс Руайе, тоже турком, но измирским — Шарль Ленорман, алжирским деем — Виктор Консидеран, русским — Поль де Мюссе, паяцем — Альфред де Мюссе; Эженн Сю был в фисташковом домино, Поль Лакруа — в костюме астролога, Петрюс Борель — члена Общества Молодая Франция, Франциск Мишель — бродяги. Несколько в стороне от других демонстрировал «соответствующее» поведение «меланхоличный неополитанский рыбак»[142] — Жерар де Нерваль, которого Александру недавно представил Теофиль Готье.

В виде бесплатного приложения — академик Пьер Франсуа Тиссо, у которого были объективные причины одеться больным. «Стоило ему войти, как тут же появился Жаден, наряженный факельщиком, мрачный, с траурным крепом на шляпе; он ходил за ним по пятам из залы в залу, довольствуясь тем, что через каждые пять минут повторял: «Я жду!»

Г-н Тиссо не выдержал и через полчаса уехал.

В какой-то момент присутствовало семьсот человек.

В три часа ночи поужинали. <…> Странная вещь! Еды и напитков хватило на всех.

Потом, после ужина бал продолжался, вернее, он начался.

В девять часов утра во главе с оркестром все вышли из дома и по улице Трех Братьев прошлись последним галопом, причем первая пара была уже у бульвара, в то время как последняя еще вертелась у сквера.

С тех пор я часто думал о том, чтобы дать второй подобный же бал, но мне всегда казалось, что это совершенно невозможно».

Прощальный подарок Белль и дорогим читателям, этот бал хронологически завершает «Мемуары». Александр не станет их продолжать, хотя и обещает это в конце тома. Желание вспомнить лишь о прекрасной эпохе революционного энтузиазма и бескорыстной дружбы и отказ выставлять напоказ раздоры и закат романтизма? Ощущение, что публику интересует больше рассказ о достижении известности, а не о попытках ее сохранить? Или просто-напросто поглощенность более доходной работой? Скорее всего, все вместе, и это очень жаль. Конечно, для описания последующей жизни Александра источников информации вполне достаточно, начиная с переписки, дорожных очерков, различных свидетельств, воспоминаний и автобиографий, но там уже не найдешь продолжения его анализа политических и культурных событий, а также его собственного видения своих произведений.

Хотя его искусство в отступлениях и ассоциативном мышлении таково, что «Мемуары» таят в себе истории, суждения и пояснения, касающиеся фактов, имевших место после 1833 года.

Так обстоит дело и с «Анжелой», которую он написал снова в соавторстве с Анисе Буржуа, но подписал один. На этот раз идея принадлежит ему самому и берет свое начало в его новелле «Кучер кабриолета», вышедшей годом раньше. Речь идет о буржуазной реалистической драме, то есть предвосхищении драмы натуралистической за двадцать лет до «Дамы с камелиями» его сына, что как нельзя более логично. Безудержный карьерист Альвимар использует «Лестницу из женщин» (таково первоначальное название пьесы) для своего социального восхождения. Он порывает с маркизой Эрнестиной, лишившейся влияния в результате последней революции, и соблазняет богатую наследницу Анжелу, в которую тайно влюблен доктор Мюллер, увы, чахоточный на последней стадии. Возникает графиня де Гастон, мамаша Анжелы. Альвимар бросает дочку, следует за мамашей в Париж, где она добивается для него посольства, а он собирается на ней жениться. Появляется беременная Анжела. Как и в «Кучере кабриолета», Альвимар отказывается искупить вину. Доктор Мюллер убивает его на дуэли и женится на Анжеле, после того как она разрешается мальчиком; в результате мальчик не такой уж незаконнорожденный и к тому же непременно станет врачом на смену доброму доктору ввиду его плачевного состояния здоровья. Находка Анисе Буржуа, так как именно он придумал «не Мюллера врача, но Мюллера чахоточного, то есть глубоко печальную линию произведения».

Александр написал «Анжелу» для Иды, полнота которой прекрасно годилась для финала драмы, проблема была в том, чтобы она не казалась толстой с самого начала. Альвимара должен сыграть Бокаж, тогда актер на жалованьи в Комеди-Франсез, пожелавший, чтобы пьеса была поставлена на сцене этого театра[143]. Александр же к этому вовсе не стремится. С одной стороны, он еще не забыл унижения, которым подвергла его мадемуазель Марс. С другой, на него оказывает постоянное давление Ида, вовсе не желающая упустить свою роль и не имеющая ни малейшего шанса получить ангажемент в Комеди-Франсез. И тут является Гарель в образе доброго гения и с крупным козырем на руках: если «Анжелу» отдадут ему, он возобновит и «Терезу», а теперь и джокер пошел в ход: он берет Иду в «Порт Сен-Мартен», в чем отказывал ей на протяжении больше года. По рукам ударили в июне. Бокаж вернется на Бульвары, «Анжелу» сыграют осенью или зимой, сразу после

«Марии Тюдор» Виктора Гюго.

Той весной 1833 года, если верить страстным письмам, которые Жорж Санд писала Мари Дорваль[144], обе женщины испытывают друг к другу великую любовь, над которой отчаянно потешались, пытаясь узнать, насколько она была платонической. Ангел Виньи, было, загрустил, и совершенно напрасно, Мари вовсе не собиралась с ним расставаться, как, впрочем, и со своим мужем Мерлем. Со своей стороны, Санд только что рассталась с Жюлем Сандо. Говорили, что она — любовница Гюстава Планша, опасного критика и литературного советника Бюлоза. В действительности, поскольку она вовсе не так сильно отличается от других, Санд пребывает в поисках родственной души, желательно мужской. Елейному Сент-Бёву она предлагает быть ее поставщиком, и он постоянно предлагает ей кого-то из имеющегося в наличии поголовья литераторов. Санд колеблется:

«Кстати, поразмыслив, я поняла, что не хочу, чтобы вы приводили ко мне Альфреда де Мюссе. Он слишком денди, мы друг другу не подойдем, и я хотела бы увидеть его не столько из интереса, сколько из любопытства. Полагаю, что удовлетворять всякое свое любопытство — не слишком осторожно, и лучше было бы повиноваться своим симпатиям. Вместо него хочу просить вас привести ко мне Дюма, в искусстве которого я нахожу душу, не говоря уже о таланте. У меня есть свидетельства его встречного желания, так что вам в разговоре с ним остается лишь сослаться на меня, но первый раз приходите вместе с ним, так как именно первая встреча для меня всегда определяющая».

Совершенно ясно, что Дюма ухаживал за Санд, и ей это не было неприятно. Вот и на картине Даноссера она изображена томной, и рука ее лежит на руке Дюма. Оба слушают Листа в компании с Гюго, Россини, Паганини и Мари д'Агуль. Это как раз та «первая встреча» в присутствии или в отсутствии Сент-Бёва. Что же происходит дальше? Александр сразу положил конец этим пробным флюидам, грозившим надолго его заполонить? Или же бежал от разрушительной страсти? От своих любовниц какое-то время он терпит все, включая их финансовые притязания, но при условии, что они не будут мешать его работе. Почуял ли он, что с такой женщиной, как Санд, ему будет нелегко сохранить неприкосновенность этой области? Как бы то ни было, но другим избранником для «первой встречи», совершенно сногсшибательной, стал Мериме. Санд не нашла ничего лучше, как рассказать об этом Мари Дорваль, ведь если хочешь сохранить тайну о чьем-то фиаско, не станешь же рассказывать о нем сердечной подруге?! Дорваль все рассказала Дюма, а тот якобы пустил по Парижу приписываемую Санд фразу: «Вчера

вечером поимела Мериме; не бог весть что». Слух, который нельзя проверить, но который мог бы сделать из Мериме смертельного врага Александру. Однако ничего подобного не произошло, напротив, их взаимное уважение непоколебимо. Тогда почему бы не прийти к обратному заключению: из мужской солидарности Александр встает на сторону Мериме против Анастасии-оскопительницы? Возможно, даже он и выразил в словах, которые нетрудно себе вообразить, свои впечатления от анестезирующего воздействия Санд, что могло ее еще больше обидеть.

Страшно сердита она и на Мари Дорваль. То ли 19, то ли 20 июня во время дружеского обеда сотрудников журнала «Revue de Deux Mondes» Санд совершенно случайно оказывается между Гюставом Планшем и Мюссе. Насмешник Александр следит за взаимными попытками соблазнения, предпринимаемыми той, которая не стала его любовницей, и тем, кто так и не стал ему другом, о чем он всегда «будет сожалеть». Опять-таки случайно в разговоре кто-то упомянул Мари Дорваль. Санд прямо-таки взрывается от возмущения. Александр резко ее обрывает. Всеобщее замешательство, смена темы беседы, дело временно замяли. 21-го Санд вызывает Александра на дуэль. Он пожимает плечами: с женщинами он не дерется, но зато готов сразиться с ее постоянным кавалером. Планш смело принимает вызов, но поскольку у него что-то с глазами, в ту же секунду решить проблему невозможно. Тем временем Санд начинает сожалеть о своей выходке против Мари. 22 июня она пишет ей письмо, дабы загладить язвительность своих высказываний: «Произнеся это, я рассердилась, во-первых, потому, что я так не думала <…>, а во-вторых, потому что решила, что Дюма непременно тебе это передаст и, разумеется, в искаженном виде»[145].

Санд часто встречается с Мюссе, это начало их связи, к чему ей теперь эта нелепая дуэль, и она оставляет выпутываться из нее самим дуэлянтам. Александр предлагает своему противнику достойный выход: он признает, что искал ссоры, если доблестный Планш подтвердит, что, не будучи любовником Санд, не может «отвечать ни за уже сказанное ею, ни за то, что она еще скажет». Каждому известно, что долго просить литератора что-то написать не приходится.

Выходит из печати «Галлия и Франция», расхваленная в «La Revue de Deux Mondes» и уничтоженная Гранье де Касаньяком в «l'Europe litteraire»[146]. Александр уезжает отдыхать к друзьям в Визий в департаменте Изер, неизвестно, с Белль или с Идой, но вряд ли в одиночестве: его невозможно представить себе без женщины в продолжении десяти недель. Снова горы стимулируют его к творчеству. Он продолжает писать «Впечатления о

путешествии», возможно, перерабатывает «Анжелу» и уже размышляет о «Венецианке», опять в сотрудничестве с Анисе Буржуа, но скрывая свое авторство, по крайней мере, снова существует договоренность об этом с Гарелем! У него появляется потребность определить свое место, в тридцать один год, по мере того как его талант проявляет себя все более разнообразно, создать нечто значительное и не обязательно для театра. В результате написана первая его автобиография «Как я стал драматургом», опубликованная в декабре 1833 года в «La Revue de Deux Mondes». В ней фигурируют уже темы из «Моих мемуаров»: бедное детство, трудовая юность, яростная борьба за выживание, образование, творчество, наконец, успех. И тон вырисовывается — чистый и часто ироничный. Это больше, чем набросок или канва, это вполне самодостаточный текст, если только не знать о его дальнейшем продолжении и развитии. Но между этой блестящей увертюрой и грандиозной оперой времени, которую представляют собой «Мои мемуары», пройдет почти двадцать лет, обычная для него медлительность в вынашивании жанра.

То же лето Гюго проводит в загородном доме Бертена, владельца «Journal des Debats», куда он ввел в качестве литературного хроникера Гранье де Касаньяка. В благодарность последний создает содержательный фельетон. Воскуряя фимиам Гюго, он последовательно уничтожает не только «Галлию и Францию», но все творчество Александра, обвиняя его в плагиате у Шиллера, Гете, Вальтера Скотта, Лопе де Вега и даже у «Эрнани» в «Христине», хотя она была написана двумя годами раньше. Бертен показывает статью Гюго, но, несмотря на свою ревность к Александру, которого общественное мнение полагает лучшим драматургом эпохи, несмотря на натянутость их отношений, Гюго по-прежнему считает соперника своим другом и не хочет, чтобы статья была напечатана.

Это следовало бы учесть, не будь и войны актрис, возникшей в «Порт Сен-Мартен», где приступили к репетициям «Марии Тюдор». На положении звезды там, конечно, Мадемуазель Жорж, но Гюго навязывает на вторую роль — Джейн Талбот — Жюльетту Друэ. Жорж хмурит брови по двум важным причинам: Жюльетга еще красивее, чем Ида Ферье, и играет еще хуже. Гарель раздувает ноздри: он чувствует приближение катастрофы, из-за Жюльетты «Мария Тюдор» потерпит крах, зато «Анжела» в силу ее новаторского звучания может принести кучу денег. Кроме того, он не любит, чтобы портили настроение Жорж, и тем хуже, если в результате поссорятся насмерть два лидера романтического театра: Париж обклеен афишами: «В театре «Порт Сен-Мартен»: смотрите «Марию Тюдор». В скором будущем — «Анжела». Этот

Гарель просто гений рекламы, ибо впервые директор театра объявляет о смерти спектакля, которого еще нет, и его замену следующим».

Гюго в ярости, статья де Касаньяка выходит. Александру было известно о ее существовании, но он раздосадован предательством друга, тем более что Гюго не только правил корректуру, но и немало способствовал тому, чтобы сделать статью еще более подлой. Однако посланное им письмо[147] в большей степени выражает печаль, чем гнев: «Мой дорогой Виктор, меня давно предупредили, что в «Journal des Debats» лежит статья, направленная против меня, и что якобы если вы и не принимали непосредственного участия в ее написании, то сделана она под вашим патронажем; я не поверил ни слову.

Сегодня мне принесли статью, чтобы я прочел ее собственными глазами, и, зная ваши тесные связи с г-ном Бертеном, должен признать, что не понимаю, каким образом статья, где речь идет обо мне, прошла без того, чтобы вас с нею не познакомили. Стало быть, вы о ней знали.

Что же я могу сказать вам, друг мой, кроме того, что я бы никогда не допустил, особенно накануне премьеры одной из моих пьес, чтобы прошла подобная статья в газете, где я имел бы такое влияние, как вы в «Debats», против не скажу моего соперника, но друга. Всегда ваш и вопреки всему».

Ледяной ответ Гюго. Да, Гранье де Касаньяк его друг, да, ему было известно о статье еще две недели назад, но вместо того, чтобы упрекать, Александр должен быть ему благодарен! Он конкретно не говорит за что, но подразумевается, что без него статья была бы еще хуже. И раз уж так сложилось, он собирается опубликовать письмо Александра и свой ответ. Напрасно Александр умоляет его воздержаться от этого шага, дабы не усугублять скандала, оба письма выходят в свет с припиской Гранье де Касаньяка, настаивающего на полном своем авторстве. Последнее никого не вводит в заблуждение. Гюго выступает в роли предателя, и публика ему за это отплатит, освистав «Марию Тюдор». Жюльетта Друэ в результате заболевает, и Гюго вынужден согласиться, чтобы ее заменила… Ида.

К счастью, Искусство, из-за которого порою ссорятся его творцы, умеет иногда обходить политические разногласия. Первый шпик Франции Тьер, самый маленький из «человечков, которые ею правят»[148], призывает к себе республиканца Александра. У этого карлика большие проблемы. Комеди-Франсез превратилась в музей, которым публика пренебрегает. Дабы вернуть театру жизнь, надо ставить там новые произведения. Желает ли Александр стать вместе с Гюго реаниматором? Почему

бы и нет, надо только сменить там древности, вроде Мадемуазель Марс, на «актеров, способных играть драму, — мадам Дорваль, Бокажа, Леметра». Карлик согласен на Дорваль, подумает насчет других, и, если Александр представит две новые пьесы — трагедию и комедию, Мари могла бы дебютировать в возобновленном «Антони». О, счастливое время, когда Культура непосредственно зависела от Внутренних дел, карлик отдавал распоряжения, а Жуслен де Ля Саль, новый генеральный директор Комеди-Франсез, подписывал в отсутствие Мари, уехавшей на гастроли, контракт с ее мужем Мерлем об ангажементе с 20 декабря. Было оговорено, что она дебютирует в «Антони».

Последний месяц года страшно перегружен. Александр не возобновил совместной жизни с Белль, он оставил ей квартиру на улице Сен-Лазар, а себе снял другую в том же квартале, в номере 30 по улице Блё, названной так в честь архитектора. Оборудует квартиру минимально, поскольку скоро явится Ида и обставит ее с роскошью, несколько кичливой. В декабре 1833 года репетиции «Анжелы» все еще продолжаются, торопливый роман Александра с Эжени Соваж, молоденькой актрисой из театра Гэте. Но главным образом замена нежной дружбы, которая связывала его с Мари Дорваль, на короткую, примерно двухмесячную, страсть, тем более волнующую, что она тайная, зависит от постоянных поездок Мари то в Руан, то в Бордо, куда он едет следом за ней, и, кроме того, молодая женщина мучается угрызениями совести из-за измены Виньи. Можно подумать, что она уступила Александру из благодарности за ангажемент в Комеди-Франсез. Но не исключено, что оба, испытывая на протяжении лет взаимное влечение друг к другу, почувствовали необходимость перейти к поступкам, прежде чем влечение иссякнет.

28 декабря «Анжела» приносит огромный успех. Напечатавшие отчет газеты хвалят актеров — Бокажа, Локруа, мадемуазель Верней и даже Иду, носовой тембр которой кажется подходящим для жалостной роли. По поводу же Александра «La Gazette des Theatres» от 29 декабря заявляет, что он «настоящий вождь современной драматургической школы»[149], специально для Гюго. «Вождя» чествуют, ему льстят, курят фимиам. Вот какой портрет написал Ипполит Роман в «Revue des Deux Mondes» 15 января[150]:

«Г-н Дюма — одно из самых любопытных воплощений нынешней эпохи. Страстный по темпераменту, инстинктивно лукавый, мужественный из тщеславия, добрый сердцем, слабый разумом, непредсказуемый в проявлении характера, это совершеннейший Антони в любви, почти Ричард [Дарлингтон] в амбициях, никогда Сантинелли в вопросах мести; суеверный в

мыслях, религиозный в писаниях, скептичный в разговоре; негр по происхождению и француз по рождению, он легок даже в своих самых необузданных устремлениях, кровь его — как лава, а мысль — как вспышка; существо никак не склонное к логике, наименее музыкальное из всех мне известных; обманщик, как и подобает поэтам, алчный в своем артистическом естестве и щедрый, потому что он поэт и артист; слишком либерал в дружбе, слишком деспот в любви; суетный, как женщина, твердый, как мужчина, эгоистичный, как Господь Бог; честный до нескромности, обязательный до безрассудства, забывчивый до беззаботности, бродяга духом и плотью, космополит во вкусах, патриот в воззрениях; богатый иллюзиями и капризами, бедный мудростью и опытом; веселый ум, злой язык, остроумный по всякому поводу; ночью — Дон Жуан, днем — Алкивиад; настоящий Протей, ускользающий от всех и от самого себя; столь же милый в недостатках, как и в достоинствах, более привлекательный в пороках, чем в добродетелях: вот вам г-н Дюма, такой, каким мы его любим, такой, каков он есть, или, по крайней мере, каким мне кажется в этот момент; ибо, вызывая его в памяти, чтобы написать портрет, я не смею утверждать, что, лицом к лицу с позирующим мне фантомом, я не нахожусь под неким магнетическим влиянием или магическим очарованием».

Обратная сторона медали: в то время как Бальзак, всего тремя годами старше Александра, начинает один за другим выпускать свои шедевры — «Евгению Гранде», затем — «Отца Горио», Александр оставляет лишь след в этом 1834 году. Две юмористические новеллы, пришедшиеся весьма кстати и предназначенные главным образом для детей, посредственная «Венецианка», сыгранная 7 марта и о которой все знали, что здесь он — соавтор Анисе Буржуа, достойная сожаления «Екатерина Говард», использовавшая мертворожденную «Длинноволосую Юдифь» 1829 года и справедливо оцененная Александром как «мало чего стоящая».

Зато жизнь его продолжает напоминать произведение искусства. Ида переезжает на улицу Блё. Нанимают нового лакея — Луи. Прежний Жозеф был несколько вороват. Александр давно хотел его уволить, потому что, «сменив мину, к которой мы привыкли, на такую, к которой вряд ли и привыкнуть-то можно, он стал еще неприятнее»[151]. Луи кажется более честным, но «это был бездельник; возвращаясь вечером домой, я иногда видел его пьяным, что объяснял он поисками забвения, поскольку утром следующего дня должен стреляться». И представить себе немыслимо, скольких пьяниц годами содержал Александр в слугах и секретарях. Только ли из привычки к «минам» или же

алкоголизм как-то его привлекал и он хотел понять причины его и воздействие на тех, кто разрушал себя таким образом наподобие некоего Альфреда де Мюссе?

В частности, Рускони так его донимал, что он вынужден был взять для него дублера — некоего Фонтена, гораздо менее симпатичного, если верить Иде Ферье[152]. Фонтен не только «русконничает» с таким же успехом, как его коллега, но оказывается еще и игроком, и жуликом. Пять лет потребуется Александру, чтобы от него отделаться, после того как тот оберет его на весьма значительную сумму. И здесь невозможно найти никакого иного объяснения, кроме слабости Александра к негодяям, особенно если они обаятельны, возможно, под воздействием воспоминаний о времени, когда он сам имел скверную репутацию в Виллер-Котре.

Связь Александра с Мари Дорваль закончилась как будто в начале февраля 1834 года. На смену ей приходит нежная дружба и верная преданность, что вызывает у Иды острую ревность — менее всего сексуального свойства (но не лишая себя, однако, удовольствия вызывать ее у Александра), скорее профессионального: одни, мол, годятся лишь для Бульваров, а других приглашают в Комеди-Франсез! И будут изнуряющие ночи «ссор и слез». Наутро «ссора прекращалась, но слезы продолжали течь»[153], разумеется, из глаз Иды. Между тем начало работы в Комеди-Франсез давалось Мари нелегко: ревность актеров во главе с мадемуазель Марс, роль в слезливой и малозначительной «Евгении», первой драме Бомарше. Александр спешит на помощь своей «Даме и подруге»[154], она будет дебютировать в «Антони» или в крайнем случае в другой новой пьесе, но ни в коем случае не в «Евгении», «которая не вызывает никаких вопросов, ибо не вызывает никакого интереса». И он всем своим весом наваливается на Жуслена де ля Саль, чтобы «Антони» начали репетировать в соответствии с их договоренностью и распоряжениями Тьера. В конце концов все устроилось. Мари соглашается сыграть 21 апреля «Связь», весьма посредственную пьесу Мазере и Ампи, до того как сможет на следующей неделе возобновить «Антони».

Всякие сообщества более чем в двадцать членов запрещены. Этот закон вызвал возмущение республиканцев. Общество Прав Человека поднимает в Лионе 9 апреля восстание, которое продолжается четыре дня. Париж принимает эстафету 13 и 14 апреля. Разумеется, Национальная гвардия верна королю-груше. В распоряжении Бюжо сорок тысяч человек, которые окружают и уничтожают восставших в квартале Сен-Мартен. 14-го утром солдаты, возвращающиеся с операции, подвергаются обстрелу из

дома 12 на улице Транснонен. Они уничтожают в этом доме всех, включая женщин и детей, сцена эта запечатлена во внушающей ужас литографии Домье. И мы напрасно будем ждать какого-либо протеста со стороны Александра. Самое большее — упоминание в «Моих мемуарах»: «Мы пережили волнения в Париже 13 и 14 апреля; с ними только что покончено вместе с восстанием членов Общества взаимопомощи в Лионе». Эти события плюс обсуждение бюджета в Палате еще больше подчеркивают заслуги страшно занятого карлика Тьера, принявшего Александра, опять-таки в связи с «Антони».

Недурно бы узнать, что же делал Александр 13 и 14 апреля? На этот раз он даже и не пытается, как в июне 1832-го, прикинуться больным, дабы не участвовать в действиях повстанцев. Он абсолютно с ними не согласен, о чем и говорит, и пишет. Плюс ко всему прочему, он еще и лейтенант в артиллерии Национальной гвардии, мобилизованной карликом, и вынужден занять свой пост. Смеем надеяться, что он не скомандовал открыть огонь по тем, чьим попутчиком был. Что, впрочем, все равно не исключило бы двойственности его позиции.

Например, в деле Брюйана[155], гусара, уроженца Виллер-Котре, Брюйан попытался поднять свой полк, не сумел и обратился в бегство. Он обнаруживает, что случайно унес с собой солдатскую кассу, суммой в двадцать франков. Да, он бунтовщик, но не вор, и Брюйан возвращается в казарму, чтобы вернуть деньги. Старший офицер пытается его арестовать, завязывается драка, в процессе которой Брюйан офицера убивает. Он осужден к смертной казни. Мэр и муниципальный совет Виллер-Котре обращаются к Александру с просьбой вмешаться и добиться помилования. Александр готов на все, чтобы спасти жизнь молодому республиканцу, даже на возобновление отношений с Фердинандом, который держит его на расстоянии после выхода «Галлии и Франции». Он оттачивает лучшее свое перо: «Мой принц! Знаю, что я потерял всякое право рекомендовать Вашему Высочеству что бы то ни было; но я не потерял права дать Ему возможность сделать доброе дело». И он коротко излагает суть дела, добавив в качестве формулы вежливости: «Примите сердечные уверения в почтении»[156]. И сердце Фердинанда растаяло, он посылает за Александром, принимает его так, как будто они «виделись лишь вчера», но ходатайствовать перед королем-грушей отказывается из соображений военной дисциплины. Александр страстно толкует ему о невменяемости, безумии Брюйана. Фердинанд позволяет себя растрогать, но с условием, что Александр добудет ему рекомендацию министра для подкрепления его демарша. Однако удача отвернулась от

Александра: с Тьером у него отношения натянутые, поскольку тот запретил «Антони». К счастью, он хорош с Гизо и немедленно отправляется в Министерство народного просвещения, докладывает о себе и получает аудиенцию: то было время, когда всякий добрый республиканец был запросто принят по одной только просьбе своей любым министром Его Величества. Гизо кое-что слыхал о Понтии Пилате, он составляет записку, в которой утверждает, что не видит ничего дурного в том, чтобы Фердинанд попросил помиловать Брюйана. Это не бог весть что, но Фердинанд довольствуется этим, и король-груша приказывает отложить казнь, которая будет плохо воспринята в его вотчине в Виллер-Котре. Фердинанд сообщает об этом мудром решении. Александр целует ему руку: «Ну и что из того, господа-пуритане! Я готов поцеловать любую руку, которая спасет жизнь человеческую.

Я плакал. Я смотрел на него сквозь слезы: у него у самого глаза были полны слез»[157]. Через восемь дней Брюйан был помилован, но он и в самом деле тронулся в рассудке. Фердинанд заплатил за его содержание в богадельне. После столь долгой ссоры и нового обретения друг друга на почве сердечности и человеколюбия отношения между двумя друзьями сердца останутся идиллическими.

Той же весной 1834 года Александр прячет у себя одного ссыльного республиканца, за которым гонится полиция. Речь идет на самом деле о Жюле Леконте, мелком воришке, который был за это справедливо осужден[158]. Рожденный в 1810 году, он как раз того же возраста, что Фердинанд и Мюссе. Должно быть, он и похож на Мюссе, поскольку не упускает возможности выдать себя за него. Стало быть, Александр очарован и этим двуполым персонажем, стройным, в светлых кудрях, бывшим моряком, претендующим на занятия литературой, живущим чем и как придется, одним из последних любовников вдовы Наполеона, затем лауреата премии Монсьон (sic) Французской Академии за свой опус «Дом заключения в Париже», и после пятидесяти лет большим любителем пудры и румян. В настоящий момент Александр абсолютно покорен этим маленьким Жюлем. Он заказывает ему фальшивый паспорт на имя Лёвена, и неизвестно, в курсе ли этого заимствования друг Адольф. Он кормит его, снабжает деньгами, одевает. В своем свидетельстве, к которому мы уже обращались в связи с Фонтеном, Ида рассказывает, что она даже вынуждена была из своего кармана оплатить счет портного в тысячу триста франков, поскольку очаровательный малыш Жюль любил щеголять также в форме морского лейтенанта с позументами и нашивками. Кроме того, Александр

отлично видит исчезновение на улице Бле кое-каких небольших предметов, вроде кинжала с ручкой из агата или античной камеи, но, как знать! Возможно, новый лакей, пьяница Луи, к тому же и вор, как его предшественник?

Александр не любит рано вставать. 28 апреля его будит сын и передает ему от Губо, директора пансиона, где он учится, номер «Constitutionnel». Александр знакомится с текстом, в котором правительство и дирекция изящных искусств подвергается яростным атакам за растрачивание народных средств, предоставленных для возобновления «Антони», «сочинения самого дерзкого и непристойного, какое только могло явиться в эти времена непристойности». И Же, автор статьи, и, кроме того, академик, депутат и докладчик о бюджете театров — «интеллократы» существовали уже и тогда — требует, чтобы Тьер запретил пьесу, предназначенную для «развращения молодежи». В поисках своей цикуты Александр-Сократ бежит в Министерство Внутренних дел. Ему даже и докладывать о себе не пришлось, вопреки своей занятости Тьер уже его ждал. Несчастный карлик, Же и его собратья Этьен, Вьяне располагают в Палате сотней голосов, и вопрос стоит так: либо «Антони» и бюджет не принимается!», либо «принимается бюджет, но не «Антони»!». Последователь Корнеля, Александр плевать на это хотел, он на Тьера в суд подаст вместе с Жусленом де ля Саль. Напрасно Тьер, чтобы его успокоить, предлагает ему возмещение ущерба и заказ на новую пьесу, этого как раз хватает, чтобы Александр хлопнул дверью у него перед носом, воскликнув: «Ну да! Чтобы вам отказали в бюджете на 1835 год? Благодарю».

Разумеется, Мари Дорваль принимает сторону своего «доброго пса». Она посылает Же розовый венок, вручаемый девушке за добродетель, поместив его в коробку, обвязанную белой шелковой лентой и с запиской следующего содержания: «Сударь, вот венок, брошенный к моим ногам в «Антони»: позвольте мне возложить его на вашу голову. Вы достойны этой чести». В процессе против Жуслена де Ля Саль было несколько слушаний в коммерческом трибунале — 2 июня, потом 30-го. В результате 14 июля Жуслену присуждено исполнение первоначального контракта или выплата Александру десяти тысяч франков штрафа и возмещения убытков. Жуслен подает апелляцию, но одновременно предлагает Александру полюбовное решение: шесть тысяч франков немедленно за отказ от «Антони». Со всеми своими паразитами, которых он должен содержать, Александр, естественно, предпочитает получить деньги немедленно.

Еще один процесс, практически одновременно с первым, но

на сей раз в ущерб Александру. У Шарпантье должно выйти полное собрание сочинений Александра, включая «Христину», права на которую принадлежали Барба[159]. Барба подает на Александра и Шарпантье в коммерческий суд. В первой инстанции оба жестоко наказаны. Они подают апелляцию. 2 июля приговор более милостив: если возмещение убытков Барба будет увеличено с тысячи двухсот франков до трех тысяч, плюс тысяча франков штрафа с Александра, конфискация издания Шарпантье произведена не будет. Этими юридическими распрями Александра буквально наслаждается сатирическая газета «l'Ours». В статье под заголовком «Алекс Дюма и издатель Барба» Александр представлен как «дворянин: граф, виконт или барон по крайней мере. Сойдет и виконт. В качестве дворянина г-н виконт Александр Дюма — самый отъявленный шалопай, какого можно только вообразить, ни заботы, ни трудов, человек праздников и удовольствий, сорящий золотом, вином и женщинами, донжуан, ловелас, фоблас, регент». Александр посылает вызов — драться на шпагах, «оружии дворянина» — главному редактору газеты Морису Алуа, но кого взять в секунданты? Конечно, Биксио, всегда хорошо иметь под рукой врача, можно Дермонкура, чтобы показать ему, что он — достойный сын Генерала, а почему бы не взять и третьего — Виктора Гюго, например: «Каковы бы ни были наши настоящие отношения, надеюсь, вы мне не откажете в услуге, о которой я вас попрошу. <…> Жду вас у себя в семь часов вечера. Дайте ответ подателю сего, чтобы я знал, могу ли рассчитывать на вас. И потом, знаете, возможно, это хороший предлог, чтобы еще раз пожать вам руку; говоря по чести, мне этого не хватает». Гюго далек от того, чтобы отвергнуть эту протянутую руку, тем более что обиды были нанесены Александру с его стороны, он немедленно прибегает к Александру, так было положено начало их примирению. Александр заплатит за него легкой раной в плечо.

Свои прекрасные отношения с Гизо Александр рассчитывал использовать не только для того, чтобы добиться нейтралитета министра Народного просвещения в деле гусара Брюйана: он хотел также, чтобы министерство оплатило ему задуманное путешествие вокруг Средиземного моря. Проект его обширен, серьезен, аргументирован, и Гизо как будто проявляет к нему интерес. Замена Суля Жераром на посту главы правительства 18 июля ничего не меняет, поскольку Гизо сохраняет свой портфель, и Александр может рассчитывать довести свое начинание до конца. 4 августа 1834 года мы видим его в вечернем костюме у герцогини д'Абрантес, которую он попросту называет своей «матушкой», вероятно чтобы утешить, видя, что Бальзак не

называет ее больше «моя душка».

Матушка, куда более аристократичная, чем полупарализованная Мари-Луиза, представляет его малозначительному барону времен Империи Тибо, известному, как мы помним, своей трогательной надгробной речью Генералу. Невозможно отказать себе в удовольствие предоставить ему описать эту сцену[160]: «У этого молодого человека заметил я кожу метиса, курчавую и густую шевелюру негра, своеобразные ногти, сплюснутые ступни; но был он высок и строен и физиономию имел довольно благородную; его серьезный, нежный и внимательный взгляд придавал ему некую вкрадчивость, проистекающую из меланхолического облика и особого выражения, свидетельствовавшего о доминирующей мысли и глубоком чувстве».

Впечатление, как видим, не «слишком благоприятное», что побуждает барона всячески превозносить Генерала. Александр светлеет: «Все, кто знал моего отца, говорят о нем с восхищением, поэтому память о нем — предмет моего поклонения». Представьте, негр, не лишенный чувств, и барон любезно расспрашивает его о роде занятий; ах, так это он и есть знаменитый драматург? Александр скромно подтверждает, но театра ему уже мало и сейчас он собирается предпринять «пятнадцатимесячное путешествие, чтобы подготовить военную, религиозную, философскую, нравственную и поэтическую историю всех народов, когда-либо живших по берегам Средиземного моря; к этому рассказу он думает добавить описание основных стран и городов, омываемых этим морем, — от Палестины до Геркулесовых столбов — и иллюстрировать свое описание сотней видов и пятьюдесятью виньетками». Барон поражен чем дальше, тем больше: но ведь на все на это нужны деньги! И да, и нет, исходя из того, что, кроме Александра, в состав экспедиции войдут еще лишь художник, скульптор, архитектор, врач и геолог, правительству достаточно дать каждому из них по десять тысяч франков на дорожные расходы. Ну и, конечно, судно с командой. И так как следует учитывать и непредвиденные расходы, необходим дополнительный кредит в сорок тысяч франков; эта сумма покроется, впрочем, подпиской на восемьсот экземпляров четырехтомного труда, который собирается написать Александр и который гарантирует правительству покрытие расходов последнего. Барон проглатывает слюну: и как же Александр думает «добиться этой тройной льготы»? Александр пожимает плечами: с помощью Луи-Филиппа, разумеется, что подразумевало Фердинанда. Барон на этот раз забывает проглотить слюну: негр, знакомый с королем?

Александра забавляет это недоумение:

«Я был библиотекарем герцога Орлеанского, когда случились июльские события; но мои принципы не позволили мне ни остаться при нем, когда он стал королем, ни даже увидеться с ним с тех пор. Будучи сыном генерала Республики, я республиканец».

Барон белеет: какова неблагодарность, «воспользоваться милостями принца, который его к себе приблизил, несмотря на цвет кожи, и теперь демонстрировать свое презрение к королю?» Богатый жизненный опыт позволяет Александру легко распознавать расовое пренебрежение, и он добивает барона. Да, министр побуждал его ходатайствовать персонально перед королем, и он, разумеется, отказался. Но в том случае, если он добьется полного удовлетворения своей просьбы, он согласен поступиться своими принципами и пойти поблагодарить короля. Барона чуть удар не хватил. Александр же лучезарно улыбнулся ему и объяснил, что путешествие в настоящий момент ему просто необходимо:

«Мне надо бы уехать из Парижа, а то женщины совершенно не дают мне возможности работать».

От этого барон так и не смог оправиться: «Готовый скорее пойти на операцию, совершенно противоположную той, что проделал Святой Дух, нежели произвести на свет черномазого, я не мог понять этих женщин, унижающихся до того, чтобы прерывать труды этого Александра Дюма, который, возможно, полагал себя Александром Великим в литературе, и в еще большей степени не мог понять, как мадам герцогиня д'Абрантес могла даже метафорически согласиться на то, чтобы он называл ее своей матерью».

«Le Musee des families», одна из многочисленных газет, основанных Эмилем де Жирарденом, опубликовала большую статью Гайарде об истории Нельской башни, где утверждалось, что она вдохновила его на его первую и лучшую драму. В комментарии после статьи утверждалось то же самое. Иначе говоря, Александр не имел к этому никакого отношения. Используя свое право на ответ, он подробно описывает историю создания пьесы и свой вместе с Жаненом вклад в нее. Попутно Гайарде предстает здесь в совершенно нелепом виде, до такой степени, что, рассердившись во время одной из репетиций, он выскочил на сцену и спросил, «намерены ли актеры начать репетицию его пьесы, или же его пригласили для того, чтобы показать драму другого автора». На это следует витиеватая и длинная реплика Гайарде о том, что Александр исправил лишь кое-какие мелочи, что он мошенник и вор, как и его приятель Гарель. Четверть века спустя Гайарде признает «значительную долю» Александра в «Нельской башне», но пока что они собираются драться на дуэли.

Встреча назначена на 17 октября 1834 года. Александру известно, что Гайарде упражняется в стрельбе из пистолета, оружия, в котором и сам Александр силен. Следовательно, он предлагает шпагу, которой владеет хуже, но получает отказ Гайарде. Секундантов назначают по жребию. Александру достаются Лонпре и Майан, «просто знакомые», а Гайарде — Сулье и Фонтан, «двое моих друзей», которых Александр ведет в тир, чтобы продемонстрировать свое мастерство. Вечером он составляет завещание, пишет своей матери, Мари-Луизе, разумеется, а вовсе не герцогине д'Абрантес. «Поскольку бедняжка знала, что я собираюсь отправиться в довольно длительное путешествие, я написал десятка два писем из разных городов Италии; если меня убьют, от нее скроют истину, время от времени передавая эти письма, как будто только что полученные, и она будет думать, что я по-прежнему жив».

17-го после завтрака Александр и его друзья отправляются в Сен-Манде, в самую чащу леса. Биксио уже там в своем обычном качестве доктора, но просвещенного, ибо он хотел проверить утверждение Мериме в «Этрусской вазе», вышедшей четырьмя годами раньше, будто бы «человек, сраженный пулей, прежде, чем упасть, странно поворачивается». Александр обещает ему сделать все возможное, чтобы Гайарде удовлетворил это законное научное любопытство. Подопытная свинка скоро появляется. «На нем был настоящий костюм для дуэли: сюртук, панталоны и жилет — все черное, без единого белого пятнышка на теле, включая и воротник рубашки». Добавим сумерки осеннего леса,

тоже не способствующие вознаграждению любознательности Биксио. Александр снова предлагает шпаги, Гайарде настаивает на пистолетах. Александр в такой ярости, что предлагает условия, аналогичные швейцарской дуэли Алкида Жоливе с англичанином: «Идти навстречу друг другу и стрелять, когда вздумается». Четыре секунданта на такую бойню не соглашаются. Противников расставляют в пятидесяти шагах друг от друга, каждый имеет право сделать пятнадцать шагов, две трости на земле обозначают границы, которые нельзя преступить. Любознательность Биксио неутолима: он хочет знать не только, поворачивается или нет сраженный пулей человек, но также, насколько пульс Александра передает степень его волнения. Александр не без удовольствия протягивает ему руку, и Биксио не фиксирует ни малейшего ускорения пульса.

Сулье трижды хлопает в ладоши. Гайарде бегом преодолевает расстояние до своей границы — трости. Александр идет вперед не спеша. Гайарде стреляет, мимо. Александр имеет право пройти еще пять шагов, «но моя совесть пригвоздила меня к земле, подсказывая, что я должен выстрелить в том направлении, откуда стреляли в меня». Гайарде стоит в профиль, защищая лицо пистолетом, направленным в небо. Не желая, чтобы его обвиняли, что он целился слишком долго, «я выстрелил почти наугад». Промах, но Александр непременно желает убить того, кто даже в глубине души не испытывает угрызений совести, он требует перезарядить пистолеты. Гайарде согласен, но секунданты протестуют. Александр снова предлагает шпаги. Но и на этот раз Гайарде уклоняется. Они расстаются. Биксио страшно разочарован. Ему так и не удалось узнать, «поворачивается ли сраженный пулей или раненный человек, прежде чем упасть. Придется поставить опыт на самом себе». В июне 1848-го Биксио в рядах сил порядка, пытающихся отбить Пантеон у восставших рабочих. Он получает пулю прямо в грудь. «Биксио трижды повернулся вокруг собственной оси и упал.

— В самом деле поворачиваешься! — произнес он.

Проблема была разрешена», наполовину. Биксио был только ранен и умер лишь в 1865 году, в своей постели, побывав администратором в «Credit mobilier» и организатором «академических обедов», названных так по составу участников этой обжираловки. Бывал там и Александр, но пусть успокоятся дорогие читатели, он так никогда и не стал членом Французской академии. Дуэль с Гайарде, во время которой он, первоклассный стрелок, не смог попасть в противника с расстояния в двадцать пять шагов, то есть с основной тренировочной дистанции, вызвала к жизни девятью годами позже прелестный эпизод в

«Жорже»[161]. Стрелок в тире одну за другой кладет пули в яблочко. Жорж высказывает мнение, что, если бы мишенью служил человек, подобного результата вряд ли можно было бы ожидать. За сим следует дуэль, и чемпион не попадает в Жоржа, который торжествует:

«Ну что я вам говорил, сударь, ведь я оказался прав, что, стреляя в человека, невозможно сохранять ту же точность попадания, как при стрельбе в тире».

И он отказывается использовать свой выстрел: он же спорил не о том, что попадет сам, а о том, что противник не попадет. В тот же самый день дуэли с Гайарде Александр уезжает в Руан вместе с Фонтаном и Дюпёти. Все трое избраны Обществом драматургов представлять указанное Общество на открытии памятника Корнелю. Александр произносит речь. Некий Пьер Лебрен вслед за ним выступает от имени Французской Академии. Стендаль читает речи обоих в «Le Journal des Debats», и его комментарий — образец лапидарности[162]: «Пьер Лебрен глупее, чем Александр Дюма».

На грандиозную экспедицию вокруг Средиземного моря Гизо, вошедший в Историю своим категорическим императивом: «Обогащайтесь!», дал в результате лишь пять тысяч франков, да и то в три приема, то есть как раз, чтобы доехать до Марселя, да и то совсем небольшой компанией. Зато, благодаря Фердинанду, «глава научной экспедиции» обильно снабжен рекомендательными письмами от Жерара, председателя Совета министров, Жакоба, министра военно-морского флота, и Риньи, министра иностранных дел[163]. Отъезд назначен на начало ноября, но отсутствие средств заставляет Александра отказаться от геолога, врача и пр. С ним едет только художник-пейзажист Годфруа Жаден и собачка Милорд, помесь терьера с бульдогом, страшный урод и истребитель кошек, что забавляет Александра, уже забывшего своего Мизуфа. Во Флоренции, если они туда доедут, к ним должен присоединиться художник Амори Дюваль, ученик Энгра. Забудут о существовании еще одного, подпольного пассажира, которого в своих рассказах о путешествии Александр не позволяет себе называть из вежливости. В Швейцарии в таком положении была Белль, теперь же — нет, не Ида, а шустрый маленький Жюль Леконт со своим фальшивым паспортом, так называемый республиканец, объявленный в розыск полицией разных стран и отправившийся раньше других, чтобы сбить с толку розыск. Александр и Жаден — об убийце Милорде мы больше не скажем ни слова — воссоединятся с ним в Фонтенбло. Там Леконт снова будет выдавать себя за Мюссе и даже читать его стихи во время роскошного банкета, который задаст местной

молодежи с размахом крупного сеньора. Александру не останется ничего другого, кроме как отдать кабатчику четыреста франков, отругать, заставить поклясться, что больше никогда ничего подобного, простить, вздохнуть, ах, Жюль!

«Предпринятое нами путешествие не было ни прогулкой светских людей, ни экспедицией ученых, но паломничеством художников. Мы не собирались нестись во весь опор в почтовой карете, не собирались зарываться в библиотеках, мы хотели побывать всюду, куда увлекали нас красивые виды, исторические достопримечательности, или народные традиции. В результате мы отправились в путь, не имея разработанного маршрута». На протяжении двух с половиной месяцев трое мужчин, не считая, ладно, назовем ее, собаки, были пусть не в лодке, но там, что в общем соответствует нынешнему Южному шоссе с некоторыми от него отклонениями.

Обязательная остановка в Лионе. Александр не любит этот город, еще сохранивший следы апрельского восстания: «улицы покорежены, дома порушены, мостовые в крови; и уже второй раз за три года возобновлялась эта ужасная борьба, набат которой еще и в будущем разбудит нас. К несчастью, не существует экономической борьбы, подобной мятежам политическим: в политике люди стареют, сознание успокаивается, притязания заживают; в экономике потребности всегда те же и обновляются всякий день, ибо речь идет не о торжестве социальных утопий, но об удовлетворении насущных физических потребностей. Закон не мешает ждать, а из-за отсутствия куска хлеба можно умереть».

Голодный рабочий класс, наглая и непросвещенная буржуазия, «настолько, что двух книжных лавок вполне довольно для удовлетворения нужд второй столицы королевства, а одного большого театра более чем достаточно для удовлетворения ее любопытства». И среди этой пустыни подруга и «собрат» Марселина Деборд-Вальмор, тайно сочиняющая стихи, в особенности те, что славят мучеников-повстанцев; намерение похвально. Александр умоляет Марселину показать ему стихи, она в конце концов соглашается. Он в полном восторге, без малейшей ревности, в поэзии присущие каждому таланты не засчитываются. Случайно оказывается, что в единственном большом театре играют «Антони». Александр никогда не устает смотреть любимую свою пьесу, тем более что здесь Адель играет необычайно хорошенькая Гиацинта Менье. Он возгорается, начинает за ней ухаживать, но тщетно. Последнее обстоятельство приводит его в недоумение. Он возобновляет попытки, забрасывает ее письмами. Он испытывает чувство, доселе ему не знакомое: «Гиацинта, голубушка, никогда бы не подумал, что

можно так осчастливить человека, отказав ему во всем <…>. Знайте, что вы осуществили мою давнишнюю мечту об особенной любви среди всех других, любви уединенной, при отсутствующем сердце, но не разуме — одной из тех привязанностей, к которым спешат издалека в момент великого горя или большого счастья».

Он рассказывает о своем разочаровании в Иде: «Вскоре я заметил, что ее любовь, столь же громоздкая, как и вмещающая ее фигура, была все же далека от того, чтобы соответствовать силе моих чувств. Гордость не позволяла мне отдавать более, чем мне возвращали, и я затаил избыток страсти в моей душе, я мечтал о путешествии, я вовлек правительство и не менее двух десятков государственных людей в предприятие, которое они полагали результатом глубокой художественной и национальной мысли, но которое на самом деле было ни чем иным, как разливом переполненного сердца. Будь я королем, я бы начал войну или завоевал какой-нибудь народ. И все лишь оттого, что грудь моей любовницы оказалась слишком мала, чтобы содержать в себе сердце».

Зная размеры Иды Ферье, можно только восхищаться необъятностью любви, на которую способен Александр. Но мы бы ошиблись, увидя в его письмах лишь классические уловки дамского угодника. На самом деле он не столько коллекционирует, сколько стремится к абсолюту. Мечтой его было соединить экстаз плоти с интеллектуальной страстью и каждодневно пребывать на этой вершине. Гиацинта — замужняя женщина, мать двоих детей, но типичная актерская амбициозность заставляет ее использовать Александра в карьерных целях. В следующем году он устраивает ей ангажемент в Руане, потом в 1836 году в Париже в театре Гэте, чем и объясняются ее письма к нему, все более жалобные по мере того, как он от нее отдаляется.

В Марселе Александра принимает один из больших его друзей Жозеф Мери, с которым он познакомился, когда работал над «Христиной». Весьма привлекательный персонаж, «такой же ученый, как Нодье; он поэт, как все мы вместе взятые, ленив, как Фигаро, остроумен, как… как Мери». Во времена Реставрации он в соавторстве со своим земляком Огюстом Марселем Бартелеми сочинял блестящие сатирические стихи против Бурбонов и их министров. Оба стали певцами Июльской революции, прежде чем оказаться в оппозиции. В 1831 и 1832 годах они издают «Nemesis», еженедельник, в котором воплотилась их полемическая ярость. Они ополчились в нем на всех сильных мира сего и, в частности, на Ламартина, который попытался отвечать им также в стихах, но не сумел соответствовать их остроумию. Пока что

Мери пишет в одиночку, его должность библиотекаря оставляет ему достаточно времени для досуга, и Александр и мечтать не может о лучшем чичероне. Прекрасно принятый, обласканный, при двух идущих из самых плохих его пьес — «Екатерина Говард» и «Карл VII», он чувствовал бы себя как нельзя лучше, если бы малыш Жюль Леконт не продолжал своих шалостей. Александр снова, в последний раз, оплачивает проказы, он вне себя, мошенник-жиголо холодно отвергнут.

Гизо не предоставил второй трети дотации, и Александр возвращается в Париж в середине января 1835 года за неимением денег. Ему надо пересмотреть финансовое оснащение экспедиции. Но есть и другая причина этого скорого возвращения: Фердинанд уезжает служить в Алжир, и кто знает, вернется ли он оттуда. Он будет легко контужен отскочившей пулей, затем в конце года возвращен на родину по болезни, точно неизвестно, какой именно, скорее всего, подобно большинству усмирителей Алжира, он подхватил амебную лихорадку.

Впечатления об этом первом путешествии на «Юг Франции» будут постепенно появляться в различных газетах между 1837 и 1840 годами, а отдельной книжкой выйдут только в 1841 году. Временной сдвиг между дневниковой записью и ее литературной отделкой объясняет отсутствие гармонического единства, присутствовавшего во «Впечатлениях о путешествии в Швейцарию» вместе с постоянной легкостью пера даже в трагических эпизодах. Здесь исторические эпизоды дидактичны и не так похожи на новеллы, они могут оборачиваться эрудированной болтовней по пустяковому поводу, как, например, в дискуссии с археологом вокруг триумфальной арки в Оранже. Но все же подлинный Александр Великий проявляется порой то в описании моста дю Гар, то в открытии Средиземного моря или первом знакомстве с рыбной похлебкой-буйабес в совершенно «гомеровском» изложении. Такого же свойства — не менее эпическая охота на синьгу в Беррском пруду или пастушеский праздник в Ниме в день клеймления быков, во время которого, мы вынуждены это констатировать, хотя все в нас этому противится, отвратительный Милорд оказался способным на героическое поведение и спас от бычьих рогов выбитого из седла всадника, что, однако, не помешает ему в будущем продолжить свое методичное истребление всех встречающихся на его пути кошек. Или же посещение Бука, городка между Кро и Камаргом, так и оставшегося преддверием рая. Три дома, два заколоченных, в третьем — постоялый двор. В этом месте Наполеон приказал построить город и порт. Инженеры, архитекторы создали проект, но им все и ограничилось. Тем не менее на указателях можно

было прочесть: «Большая, или Портовая улица», «Театр Ея Королевского Величества Марии-Луизы». Хозяин постоялого двора служит гидом. «В течение двух часов прогуливал он нас по четырем углам города и заставил посмотреть все — от боен до ботанического сада, рассказывая о каждом здании самым подробным образом и не пропустив даже фонтана».

Научная экспедиция, разумеется, предусмотрела остановку в Авиньоне. Ночь была темная, и кучер проехал город, не заметив его. Жандармы останавливают экипаж для проверки паспортов. Руководитель экспедиции отказывается их показать. Раз так, их заворачивают в Авиньон, и тут уж нет никаких проблем с жандармами, чтобы открыть им городские ворота. Их бумаги оказываются в полном порядке, и они могут остановиться в гостинице «Пале-Рояль». Александр просит номер третий, тот, где был убит маршал Брюн. Сразу же находит след от пули в стене напротив двери: значит, в самом деле здесь убит был его «крестный». Он ложится, но «как только погасили свет, я подумал, что, возможно, лежу как раз на той из двух кроватей, где лежал труп. От этой мысли волосы на моей голове зашевелились и на лбу проступил холодный пот: сердце мое забилось так сильно, что я слышал его удары. Я закрыл глаза, но заснуть не смог: все подробности кровавой этой сцены вставали предо мной. И комната, казалось, полна была призраками и отзвуками прошлого». Дабы отделаться от них, ему не оставалось ничего другого, кроме как расследовать подробные обстоятельства этого эпизода времен Белого террора и изложить их скупо и энергично.

Еще более удивительна история о святотатстве, совершенном им в Бо. От «старинного двора любви Прованса» остались лишь пустынные развалины. И вдруг звон колокола заставил Александра направиться к открытой церкви. Внутри лишь дюжина нищих вокруг тела девочки. Странная погребальная церемония без участия священника. Нищие несут гроб на кладбище. Александр их сопровождает. Женщины бросают в могилу полевые цветы. Александр отдает свой кошелек. «Один из нищих его взял и отдал матери, которая не стала меня благодарить, но лишь заплакала пуще». Александр возвращается в церковь, чтобы поразмыслить об увиденном. Наступает ночь, гид торопит его вернуться. «В момент, когда должен был я покинуть церковь, мной овладело желание унести что-нибудь отсюда. Так бывает всегда в минуты сильного волнения; как только мы оказываемся в его власти, нам хочется продлить мгновение и мы понимаем, что достичь этой цели можно лишь с помощью предмета, который напомнил бы о нем и тем оживил в памяти». Он замечает на алтаре фигурку святого, берет ее, снова ставит на место,

раздумывая о том, как примирить «желание с угрызениями совести». Денег у него больше нет, он занимает у гида десять франков и оставляет их в обмен на фигурку. Но «в душе [испытывает] ужас». Садится в экипаж, видит там свое ружье и опасается, как бы «тряска в кабриолете не вызвала самопроизвольного выстрела». Решает разрядить ружье в воздух — а вдруг ствол разнесет и ему оторвет руку? Он вынимает патроны. Решает идти пешком: дорога крутая, и экипаж может перевернуться в кювет. Ярко светит луна, они минуют заброшенное аббатство Монмажур, гид предлагает ему зайти во двор. Александр отступает: «Камень мог сорваться с высоты этих сводов и разбить мне голову». В Арле он запирается в своей комнате, достает фигурку из своей охотничьей сумки, ставит ее на комод, «и я прочел молитву, чего, надо признаться, давно уже со мной не случалось». На следующий день он переправляет святого в Париж. «Если бы пришлось мне сохранить его в багаже, я бы, скорее всего, не осмелился продолжить мой путь». Менее чем десятью годами раньше Карл X издал закон, по которому пожизненными каторжными работами каралось похищение предметов поклонения из церкви.

Смена интонации, и «Юг Франции» заканчивается «Охотой на шастра», мифическую птицу, история которой рассказана была Мери, а Александр преобразовал ее в потрясающую онирическую вариацию. Совершенно невозможно читать ее спокойно — смеешься до колик. Чтение, в которое надо погрузиться полностью, ни на что не отвлекаясь[164].

Прекрасный год 1835-й, мир в литературе, апогей романтизма. Бальзак публикует «Лилию в долине», Гюго — «Песни сумерек» и «Анжело», Мюссе — «Майскую ночь» и «Декабрьскую ночь», Виньи — «Неволю и величие солдата» и «Чаттертон». Кроме того, композитор Беллини, автор «Нормы», создает «Пуритан». В политике же, напротив, катастрофа. 28 июля шпик и провокатор Фьеши взрывает свою адскую машину, официально — по наущению Общества Прав человека, а на деле, осуществляя полицейскую провокацию. Восемнадцать человек убито, среди них — бывший президент Совета Мортье. Само собой разумеется, королевская семья чудом осталась в стороне. Де Брогли, новый глава правительства, четвертый за девять месяцев, и бессменный карлик пользуются этим для издания в сентябре законов против прессы, столь же репрессивных, как при Бурбонах. Отныне даже называть себя республиканцем считается преступлением, равно как и обсуждать права собственности. Всякое возбуждение «ненависти» против короля наказывается тюрьмой и непомерно высокими штрафами. Даже карикатуры

подвергаются цензуре и предварительному разрешению. Республиканские газеты «Tribune» и «Le Reformateur» так никогда от этого и не оправятся, и, по свидетельству Карреля, оппозиционная пресса будет вынуждена «подвергать себя самоцензуре»[165].

В марте открылся в Палате пэров нескончаемый (он продлится до января 1836) процесс ста шестидесяти республиканцев. Главным обвиняемым — братьям Кавеньяк — удастся с двадцатью четырьмя товарищами бежать из Сент-Пелажи через вырытый подкоп. Среди свидетелей защиты — Ламенне, Этьен Жозеф Гарнье-Пажес, Ледрю-Роллен, Огюст Конт, Каррель, Буонаротти, Распай, Барбес, Пьер Леру, Лазарь Карно-сын, Этьен Араго, Бланки, Жюль Фавр. Поскольку женщинам на слушание дела вход воспрещен, Жорж Санд присутствует в зале в мужском костюме, она в восторге от замечательного таланта адвоката Мишеля де Бурж. Академик и недавно избранный депутат от Севера Ламартин возмущен подобным процессом, он больше уже не легитимист, но еще и не республиканец, однако явно переходит в оппозицию. Виконт Виктор Гюго хранит спокойствие, он добивается звания Академика и уже подумывает о том, чтобы стать и пэром Франции. Александр также не протестует. Надо сказать, что он завален работой.

С момента возвращения в Париж он работает безостановочно. Возобновляется совместная жизнь с Идой, дает свои результаты связь с Гиацинтой Менье, заканчивается работа над «Изабеллой Баварской» на основе исторических сцен, опубликованных в «Revue des Deux Mondes», собирается сборник новелл «Воспоминания Антони», продолжается сотрудничество с Корделье-Делану в создании драмы «Кромвель и Карл I» для театра «Порт Сен-Мартен», и, как обычно, имя его в принципе упоминаться не должно. Кроме того, он пообещал Гарелю новую пьесу, под своим именем и, следовательно, совершенно новаторскую. Недавно он прочитал присланную Мериме его новеллу «Души чистилища, или два Дон Жуана», совсем иную, нежели у Тирсо де Молина, Мольера и Моцарта, версию. Этот Дон Жуан де Манара, в отличие от неисправимого Тенорио де Молины, доступен жалости, раскаянию, в сущности, добрый малый, вознагражденный финальным искуплением; спрашивается, с чего бы это Александр так заинтересовался подобным персонажем?

Оригинальность строится порою на возвращении к первоосновам. В процессе своих исторических изысканий Александр имел возможность изучить истоки французского театра, то есть религиозные мистерии, исполнители которых

быстро становились профессиональными актерами. Идея состоит в создании современной мистерии. И он вспоминает о «Вампире», пьесе, на которой он оказался соседом Нодье, только появившись в Париже, одиннадцать лет тому назад, и которая произвела на него тогда столь сильное впечатление «вмешательством высших и нематериальных существ в человеческую судьбу». Новелла Мериме могла бы дать интересную основу при условии перевода ее в область чудесного, да, но каким образом? «Я был поглощен мыслью, что смогу обрести мою фантастическую драму лишь с помощью звуков какой-нибудь музыки. Я попросил у друга моего Циммермана билеты в Консерваторию и там, в уголке ложи, рядом с тремя незнакомыми людьми, с закрытыми, как у спящего, глазами, убаюканный до полузабытья Бетховеном и Вебером, я за два часа нашел основные сцены моей драмы». Осталось их только написать. В июне это будет сделано, он будет собой недоволен и снова окажется неправ. «Дон Жуан де Манара, или Падение ангела», написанный почти целиком в прозе, только ангелы говорят стихами, хорошими или дурными, не столь важно, представляет собой мощное произведение, столь же не признанное, как «Сын эмигранта».

Александр не отказался от идеи путешествия вокруг Средиземного моря. Гизо отказал ему во второй и третьей части дотации по мелочной причине, что якобы он «не осуществил путешествия, на которое эти деньги были ему предоставлены[166]. Он пожимает плечами: была бы идея, а деньги всегда можно раздобыть. Ему и надо-то всего сто тысяч франков. Стало быть, достаточно создать акционерное общество из ста человек по тысяче франков с каждого и вернуть им затем эти деньги с процентами после будущей продажи его впечатлений о путешествии, выпустив их огромным тиражом, но по умеренной цене, дабы «они оказались доступны каждому». Издатель Друо де Шарльё как будто заинтересовался, но до того, как речь зашла об акционерах: конечно же их нелегко было найти. Тогда Александр договаривается с Пишо, директором «La Revue britannique». Сколько он собрал, в точности неизвестно. По свидетельству Иды Ферье, «сумму, достаточно значительную», которая и пять лет спустя окажется невыплаченной до конца. Совершенно очевидно, что он занял деньги у друзей и собратьев по перу. Жерар де Нерваль, который как раз проматывал доставшееся ему от деда по материнской линии наследство в эфемерном «Monde dramatique», кажется, совершенно спятил: он подписывается на акцию в тысячу франков под залог написанных на эту сумму статей, которые «будут посвящены специально театру». Гюго даст лишь двести пятьдесят франков, он то ли больше ограничен в средствах, то ли

труднее с ними расстается.

Настоящий охотник всегда тщательно готовится к открытию сезона. Так же обстоит дело и с профессиональным путешественником. Александр запасается путеводителями, описаниями, маршрутами, рекомендательными письмами. Он встречается с Беллини, уроженцем Сицилии и почти ровесником Александра, который хочет ему рассказать историю Паскаля Бруно, знаменитого в тех местах разбойника, но с условием, что после возвращения Александр напишет либретто для его новой оперы. Сделка заключена. Отъезд из Парижа 12 мая[167]. Официальный состав «научной экспедиции» не изменился: Александр, ужасный Милорд и Жаден, который должен сделать зарисовки на сумму в две тысячи пятьсот франков. Но на этот раз подпольная пассажирка — Ида. Она либо сама почуяла, либо была предупреждена, возможно, Леконтом, что во время последнего путешествия Александр влюбился в Гиацинту Менье. И теперь она намерена не отпускать его ни на шаг. Опережая события, мы можем себе позволить улыбнуться ее наивности.

В Марселе он вновь встречается с Мери и вместе с ним посещает Замок Иф. Александр надолго задерживается в камере, где был заключен Мирабо по приказу своего отца, «это карцер, отличающийся от других камер только тем, что там еще темнее», идеальное место, чтобы засадить туда на четырнадцать лет невиновного, например, некоего Эдмона Дантеса.

Посещение тулонской каторги. Александра знают повсюду. Его окликает один жизнерадостный каторжник, как оказалось, бывший слуга Мадемуазель Марс, осужденный на десять лет за кражу брильянтов актрисы, а ныне сделавший себе здесь состояние на перепродаже всяких мелких предметов, изготовляемых каторжниками на досуге. Александр возмущается такой эксплуатацией нищеты:

«— И вы, разумеется, зарабатываете на них вдвое?

— Что делать, сударь, я популярен, надо этим пользоваться; господин отлично знает, что популярность на пустом месте не возникает».

Философия, которую Александр способен понять. Директор каторги дал в его распоряжение лодку с двенадцатью каторжниками-гребцами. Александр необычайно высоко оценивает их достоинства. «Нет лучших слуг, чем каторжники. За их пунктуальность отвечает палка, и если бы не внешний вид, я бы желал никогда не иметь других слуг». Он остается в Тулоне около месяца, как раз, чтобы закончить «Дон Жуана де Манара». Заодно он использует свои материалы, чтобы компенсировать тысячу франков Жерару де Нервалю, откуда и появляется

«История старинного французского театра. Мистерия о страстях», отлично оплаченная статья. Новый отъезд, экскурсия на остров Святой Маргариты. Александр записывает «девять методов», касающихся идентификации человека в железной маске; в «Виконте де Бражелоне» он выберет восьмую гипотезу, ту, что предполагает в таинственном узнике брата-близнеца Людовика XIV.

В пути Александр проникается симпатиями к приветливому молодому человеку по имени Луэ, путешествующему в милой компании и тем не менее скучающему. Луэ просит разрешения умножить «научную экспедицию». И с легкостью его добивается, тем более, что его однокашником в лицее Генриха IV был Фердинанд. Александр особенно счастлив узнать, что, вопреки официальным биографиям, делавшим из принца гениального первого ученика, он в действительности был лентяем, еще одна черта, сближающая его с Александром. Они прибывают за границу, Ницца, Монако, Генуя. «С Шиллером в руках» Александр спешит на могилу Фиеско, вдохновившего его на драму, отвергнутую Комеди-Франсез. Репутация опасного автора анархических пьес — «Антони», «Ричарда Дарлингтона», «Сына эмигранта» — бежит впереди него, и король Сардинии выдворяет его из Генуи. Отплытие в Ливорно, все страдают от морской болезни, кроме Милорда, который часто проявляет себя, как настоящий морской волк.

Три недели, а вовсе не «Год во Флоренции», как будет указано через шесть лет в названии книги, описывающей путешествие из Марселя в столицу Тосканы, — опять эта вечная склонность Александра к преувеличениям! Но дни его насыщены тем не менее сбором материалов для двух, по крайней мере, будущих произведений. С одной стороны, данных о долгой гражданской войне гвельфов и гибеллинов, в которой принимал участие Данте. Попутно нельзя не заметить, что у этого последнего была «смуглая кожа, а волосы и борода — курчавые», что смутно кого-то нам напоминает, притом что, будучи представленным потомкам рода Данте, Александр нашел их «сильно выродившимися». С другой стороны, история Лоренцино, из которой Мюссе год назад сделал «Лоренцаччо», а Александр в своей собственной драме 1842 года извлечет совершенно иной сюжет.

В Риме посол Неаполя отказывает сыну Генерала во въезде в свое королевство под лживым предлогом, что Александр — республиканец. Напрасно Александр будет потрясать бесчисленными рекомендательными письмами министров-орлеанистов, посол настоит на запрещении. Дополнительный

повод совершить паломничество в места, где Генерал находился в заключении и чуть не был отравлен. Александр посещает Римскую художественную школу, директором которой был тогда Энгр. Один из ее воспитанников, художник Гишар, хороший друг Александра, берется договориться с Энгром о командировке на Сицилию и в Калабрию, Получив нужную бумагу, Гишар идет со своим паспортом в посольство Неаполя и получает там визу, и вот уже, как в романе, подпольным путешественником становится Александр.

Чтобы написать «Сперонара» и «Капитана Арену», достаточно воспользоваться однажды услугами этого судна и этого капитана. Экипаж состоял из девяти матросов и одного юнги. «То были бравые сицилийцы в полном смысле этого понятия, то есть низкорослые, крепкие, смуглые, с арабскими глазами, ненавидящие калабрийцев, своих соседей, и презирающие неаполитанцев, своих хозяев». Среди них выделялись особой силой лоцман Нунцио и весельчак Пьетро, «неистовый плясун». Стоило кому-нибудь из товарищей затянуть тарантеллу, как Пьетро немедленно оставлял свои занятия. Он «начинал отбивать ритм, качая головой вправо и влево, и щелкать пальцами, как кастаньетами. На пятом или шестом такте чудодейственная мелодия производила свое действие; видимое волнение овладевало Пьетро, все его тело приходило в движение, как прежде руки; он поднимался сначала на одно колено, потом на оба, потом в полный рост. Затем какое-то короткое время он раскачивался справа налево, но не отрывая ног от земли. И вдруг, как если бы пол постепенно начинал нагреваться, отдергивал от него одну ногу, потом другую и, наконец, испустив один из своих возгласов, которые мы обозначали как выражение радости, начинал знаменитый национальный танец; вначале движения его были медленны и равномерны, но, постепенно убыстряясь под воздействием музыки, превращались в конце концов в бешеную пляску наподобие джиги. Тарантелла кончалась лишь тогда, когда танцор в изнеможении падал без сил после последнего антраша, венчавшего всю эту хореографическую сцену».

В Альпах Александр подружился с монтаньярами, то же произошло и с моряками. Он опишет их иногда с легкой иронией, но чаще — с глубоким пониманием и сочувствием. 23 августа отплытие в направлении Сицилии. На набережной Ида машет платочком. Она остается, опасаясь морской болезни, и Александр легко сумел уговорить ее не выходить в эту жару из неаполитанской гостиницы, тем более что она абсолютно спокойна за своего мужа, поскольку калабрийки и сицилианки живут под строгим наблюдением, а привлекательность

Александра для красивых молодых людей имеет чисто эстетическое свойство.

Полный штиль. Жаден курит трубку, Милорд скучает: на борту ни одной кошки. Александр добивается от капитана Арены истории про шрам, пересекающий его грудь. Причина — удар ножом, но при обстоятельствах, совершенно не вероятных. Лоцман Нунцио предвидит мистраль, встреча которого с сирокко даст хорошенькую бурю. Начинается гроза, шквал обрушивается на судно. Александр, Жаден и Милорд прячутся в единственной каюте. Внезапно «сперонар так накренился на левый борт, что, не в силах удержаться на поверхности под углом в сорок-сорок пять градусов, я покатился на Жадена». Крен в противоположную сторону, на правый борт, и «Мария теряет равновесие, которое с трудом ухитрялась сохранять на своем матрасе, и, скользя по полу, как по скату крыши, оказалась в моих объятиях».

О, да, дорогие читатели, вы правильно прочитали, и Жаден не сменил пол, и звали его не Мария, а Годфруа, и речь идет вовсе не о гомосексуализме. Просто буря все смешала, в том числе и две версии того, что во время этой бури произошло, версию, рассказанную в «Сперонаре», и версию «Любовного приключения». И теперь необходимо вернуться назад, чтобы понять, что именно произошло. 23 августа сперонар снимается с якоря. Ида на набережной машет платочком, она абсолютно спокойна за Александра, он отправляется в серьезной компании с Жаденом, мерзким Милордом и молодой парой, намеренной обвенчаться в Палермо: композитором Анри де Рюольц-Моншалем, большим другом Александра, и певицей Каролиной Унгер, которая после своего триумфа в «Норме» в Неаполе намерена воспользоваться пребыванием на Сицилии, чтобы выступить и там. Александр был уже представлен в Париже той, кого в «Любовном приключении» называет Марией. Короткая встреча, красноречивые взгляды, и она уехала. И снова он ее встретил уже обрученной. Теснота на борту маленького судна лишает возможности шумных излияний чувств, но это и не нужно: они друг друга понимают без слов. И вот мистраль встречается с сирокко, буря, шквал, пассажиры прячутся в единственную каюту. Рюольцу плохо, он выходит на палубу — облегчить душу, судно наклоняется, Каролина скатывается в объятия Александра, Жаден исчезает или закрывает глаза, а глупый Милорд скулит, сам не зная почему.

Наутро море спокойно, и ветер несет сперонар в сторону Мессины. В каюте спит Рюольц, отдыхая после бурной ночи. На мостике Александр и Каролина дают друг другу клятву. Она собирается во всем признаться Рюольцу, расторгнуть помолвку и

отослать его обратно в Неаполь. Она же продолжит путь в Палермо, чтобы спеть там в Опере, там они и встретятся с Александром. В Мессине Жаден заболевает. Александр остается с ним. Каролина уезжает с Рюольцем. Сперонар дрейфует у берегов Сицилии, череда ландшафтов, людей, историй и легенд. В Катании визит к отцу Беллини, который счастлив узнать последние новости о своем знаменитом сыне. Восхождение на Этну. Открытие повсеместной нищеты, еще более ужасной, чем где бы то ни было. «Настоящий голод — с криками страдания, хрипами непрестанной агонии; голод, втрое ускоряющий старение юных девушек, и в возрасте, когда повсюду в мире женщина хороша собой, сициалианка уже превращается в развалину». Стоянка в Агридженто, Александр томится по Каролине слишком сильно, он покидает судно, не дожидаясь, пока оно дойдет до Палермо, и укорачивает путь до столицы верхом на муле по западной оконечности острова. Ему рекомендуют надежного проводника, «замиренного разбойника», вполне приспособленного к переговорам по поводу транзитных пошлин со своими бывшими товарищами. Через три дня Александр прибывает к месту назначения без особых происшествий. «Говорят: увидеть Неаполь и умереть. А надо: увидеть Палермо и начать жить».

Он встречается с Каролиной. Рюольц возвращается в Неаполь, она свободна. Она «обещала мне месяц счастья в прекраснейшей стране в мире; но он продолжался двумя неделями больше». «Целых полтора месяца два человеческих существа представляли собой единое целое — одно сердце, общее дыхание». В этом состоянии возбуждения, на веки вечные, решен вопрос о будущем браке и отъезде Александра. Каролина остается, у нее еще несколько спектаклей в Опере. Приходит сперонар. Александр всходит на борт. Душераздирающее прощание. Ветер стихает. Судно лежит в дрейфе. Александр по-прежнему в состоянии потрясения от прошедших недель: «Я провел одну из тех восхитительных ночей, когда в полную силу наслаждаешься всеми чудесами природы: высокое небо, прозрачное море, роскошное, полное звезд, ароматы взморья и прилива, трепетанье невидимого вокруг реального; казалось, все разом соединилось, дабы заставить меня забыть о том, что я только что потерял, или же, напротив, осознать, что лишь потерянного мне недостает для полного и исключительного счастья».

Утром в лодке приплывает Каролина, она наделяет экипаж холодным мясом, вином. Матросы устраивают праздник, танцуют, Каролина поет, последняя ночь любви. Поднимается ветер, лодке пора возвращаться в порт. Александр смотрит, как удаляется от

него Каролина, стоящая во весь рост на корме и простирающая к нему руки. «Никогда больше я не видел ее, и вот уже двадцать лет миновало с тех пор, но никогда ни малейшая тень не омрачала великолепия этих полутора месяцев, проведенных в Палермо». Само собой разумеется, он не даст хода проекту супружества, несмотря на все более отчаянные письма, которые она будет ему посылать. Кое-кто скажет, и первая — Каролина, что он подпал под власть Иды. Но сказать так — значит вовсе его не знать. Дабы сохранить нетронутой чистоту этой пламенной любви и дабы красота ее не поблекла в прозе будней, ему было необходимо разорвать с Каролиной навсегда, потому что подобная история «только раз случается в жизни».

Живя в Палермо, Александр не только наслаждался любовью, вином и свежей рыбой. Он, кроме того, покупал, в буквальном смысле этого слова, страшные истории у одного известного сводника. Пополняя их запас и в других местах. Однажды он обедал с вице-королем, один из сыновей которого исполнял обязанности супруга при герцогине Беррийской. Сей достойный муж только что прибыл, чтобы присутствовать на похоронах маленькой девочки, родившейся во время пленения герцогини в Бле, то есть ребенка, которого он зачал на расстоянии. Александр, конечно же, не упускает возможности нанести почтительный визит в часовню, где крестили Фердинанда, который в это время усмирял Алжир, и мы уже знаем, с каким результатом, и просит Жанена тщательно зарисовать это историческое место. Но наиболее сильное впечатление — от посещения «сумасшедшего дома», открытого филантропом бароном Пизани. Этот сторонник прогресса упразднил палки и цепи. В терапевтических целях он занимается со своими пациентами ручным трудом, музыкой, танцами и психодрамой. И хотя Александр и утверждал, что «одно из зрелищ, которое я менее всего могу выносить и от которого более всего страдаю, это зрелище безумия», но на самом деле безумие его зачаровывает, как в Палермо, так и во Франции, где он бывал в Шарантоне. Мы видим, как он на равных с больными становится участником их бреда. Например, пациенту, который воображал себя Данте и у которого были проблемы с написанием «Ада», он подсказал несколько стихов. Генерал страдал маниакально-депрессивным психозом, как в будущем будет страдать и сын Александра, сам же он ускользает от настоящего безумия с помощью легкой прививки мании величия, свойственной, разумеется, каждому писателю, но у него достигшей степени гениальности. Отсюда эта ненасытная потребность в активных действиях, в путешествиях, в женщинах, в творчестве и разнообразии жанров.

В самом деле, стоило исчезнуть Каролине, как, заполняя «пустоту, оставленную в самом центре мысли моей этой белой и призрачной фигурой беглянки Нормы», он принимается за работу, за прежнее свое дело как противоядие против печали. Когда он прибывает в Мессину, план «Пола Джонса» уже готов[168]. И пока из-за встречного ветра сперонар остается на приколе, Александр на пляже, «в трех лье от Сциллы и неподалеку от пучины Харибды» за восемь дней сочиняет драму. Вернувшись в Неаполь, он пройдется по тексту рукой мастера, прежде чем прочесть его (с огромным успехом) тенору и композитору Луи Дюпре, знаменитой Малибран и… Рюольцу, который не слишком на него сердит!

А пока что он осматривает Калабрию, попадает в землетрясение и под проливные дожди. В Баусо, деревне Паскаля Бруно, он собирает о жизни разбойника дополнительные сведения плюс к тем, что дал ему Беллини. Ему показывают разрушенный дом Бруно. А дальше, наверху, на стене, окружающей замок барона, железную клетку, в которой находится «череп, выбеленный тридцатью пятью годами солнца и дождей; это череп Паскаля Бруно». Новое расследование в Пиццо, где был расстрелян Мюрат. Александр записывает все, уверенный, что это ему непременно понадобится. В Вене он узнает о внезапной смерти Беллини. Он в шоке: «Я вспоминал его прекрасные белокурые волосы, его ласковые глаза, его меланхолическое выражение; я снова слышал, как он говорит со мной по-французски, так скверно и с таким очаровательным акцентом». Он перечитывает его материалы о Паскале Бруно, из несостоявшейся оперы родится превосходный роман.

Вернувшись в Неаполь в начале ноября, Александр и Жаден простились с матросами сперонара, они прожили вместе почти три месяца, «к моменту прощания все стали нашими друзьями; принимая жалованье, капитан плакал; плакали и матросы, получая свои чаевые, и мы, пусть Бог мне простит! как ни старались с помощью отчаянных усилий сохранить достоинство, плакали тоже».

Те два дня, что Александр провел в Неаполе, вдохновят его семь лет спустя на создание настоящего шедевра — «Корриколо», так называлась повозка с лошадью, на которой он объезжал город и его окрестности. Он нанял ее для себя одного, хотя в принципе это общественный транспорт, который «может взять от двенадцати до пятнадцати человек».

«Прежде всего и почти всегда в середину садится толстый монах, образуя центр человеческой общности, влекомой корриколо, подобно этим круговоротам из душ людских, которые

видел Данте, следуя за стягом в круге первом. На одном колене держит он какую-нибудь свеженькую кормилицу из Аверсы или Неттуно, а на другом какую-нибудь хорошенькую крестьяночку из Баколи или Просиды; по обе стороны от монаха, между колесами и каретным кузовом стоя располагаются мужья этих дам. Позади монаха на цыпочках возвышается хозяин, или возница упряжки, левой рукой держа вожжи, а правой длинный хлыст, с помощью которого достигает он одинаковой скорости каждой из двух своих лошадей. За ним, в свою очередь, группируются, подобно лакеям из хорошего дома, два-три лаццарони, которые запрыгивают, спрыгивают, сменяют друг друга, постоянно обновляясь, причем, никому и в голову не приходит спрашивать у них плату в обмен на оказанную услугу. На обеих оглоблях помещаются двое мальчишек, подобранных на дороге Торре дель Греко или Пуццоле, сверхштатные чичероне по древним достопримечательностям Геркуланума и Помпей, незарегистрированные гиды по развалинам Кум и Байи. Наконец, под осью экипажа, между колесами, в сетке с большими ячейками, раскачивающейся из стороны в сторону и снизу вверх копошится нечто бесформенное, которое смеется, плачет, вопит, стонет, поет, зубоскалит, и которое невозможно даже и различить в пыли от лошадиных копыт: это трое-четверо детей, неизвестно кому принадлежащих, неизвестно куда направляющихся, неизвестно чем живущих, оказавшихся там неизвестно как и неизвестно почему там остающихся».

И весь этот толстый, в пятьсот страниц, том — в том же духе. Потому что Александр влюбился в город. Если «Флоренция — край удовольствия, Рим — край любви», то Неаполь — «край ощущений». Оттенки цветов, запахов, кишение улочек, анекдоты, описания и новеллы чередуются в ошеломляющем ритме. Никогда еще не демонстрировал Александр такого таланта рассказчика, такого юмора и такой словесной акробатики.

«Во Франции ходят в театр, чтобы себя показать; в Неаполе идут в Оперу, чтобы наслаждаться». Программа, от которой Александр вовсе не намерен отказаться, тем более что в Опере репетируют «Лару» добрейшего Рюольца, и есть подозрение, что, не женившись на Каролине, он лишь вздохнул с облегчением, настолько дружба его к счастливому сопернику оказалась непоколебимой. Александр, король и его двор присутствуют на премьере. Сразу после их появления оркестр начинает увертюру. Публика имеет право аплодировать только после короля. В настоящий момент король озабочен тем, чтобы засечь в зале своих офицеров, пришедших в цивильной одежде, чтобы подвергнуть их за это аресту. В результате первый акт прошел без

единого аплодисмента. «Рюольц решил, что опера провалилась, и бежал». Доницетти побежал вслед — утешать. Наконец, «Его Величество соединило ладони. Зал испустил истошный крик: то было обретенное разом тремя тысячами человек дыхание». С этого момента успех «Лары» шел по нарастающей. В конце Дюпре и Таккинарди, «брюнетка, поющая светло», выводят за руку застенчивого Рюольца на авансцену. Александр оценивает триумф своего «товарища» как знаток: «Никаких видимых изменений в нем не произошло, и все же это был совсем другой человек: он больше себе не принадлежал; он был продан публике за венки и аплодисменты; теперь он стал рабом каприза, моды, кабалы; он начнет воспринимать свое имя в отрыве от своей личности, как плод, оторванный от стебелька. Тысячи голосов рекламы раздерут его по кусочкам и рассеют по миру; и отныне уже не в его власти, даже если он этого захочет, вернуть имя себе, спрятать, притушить в частной жизни».

Экскурсии в Помпеи и Геркуланум вместе с Дюпре и Малибран, новый урожай материалов для будущих романов, любовь адмирала Нельсона и Эммы Лионна, история Нерона, «этого возжелателя невозможного», стало быть, великого предка Александра, который арестован полицией по доносу некоего неаполитанца, мелкого филера-маркизика, с которым он когда-то встречался в Париже. Вмешательство посла Франции графа Беарна, Александр освобожден и выслан. Научная экспедиция отправляется в Рим, где ее руководитель рассчитывает удовлетворить последнее свое желание, прежде чем вернется в Париж: завоевать папу Григория XVI, «необычного верховного жреца, о котором говорили: вино и женщины были его евангелием; а скипетр его — топор палача». Сразу по приезде он подает прошение об аудиенции и в ожидании ее отправляется на дилижансе в Чивитавеккья. Увы, дорогие читатели, в декабре 1835 года не консула Анри Бейля едет он повидать, а знаменитого разбойника. И в то время как он расспрашивает этого интересного персонажа в его тюрьме, неподалеку оттуда Стендаль только что прервал работу над «Люсьеном Лёвеном» и приступил к «Жизни Анри Брюлара».

Поскольку со времен Монтескьё папа воспринимался как старый идол, обожаемый по привычке, Александр при его появлении пал ниц. Григорий XVI протянул ему руку, «я же порывался поцеловать ему ногу: папа улыбнулся», отечески его поднял. Блестящее начало, «правители, как женщины, они всегда испытывают определенное удовольствие при виде производимого ими эффекта». Они беседуют обо всем и ни о чем, о гениальном авторе «Гения христианства», об обожаемом Фердинанде, от

которого Григорий XVI ожидает большего, чем даже король-груша, правда, неизвестно, чего именно, о миссионерах-мучениках в Индии, Китае, в Тибете, и еще о том, Александр никогда об этом не думал, что «театр — это тоже плоть, откуда может снизойти слово Божие». Александр поражен: Его Святейшество и вправду «читает в самой глубине [его] сердца», ибо уже давно задумал он создать эквивалент «Полиэвкта» или «Аталии» с целью показать на парижской сцене мученичество еще более ужасное, чем пережитое миссионерами в Китае. Григорий XVI как будто заинтересовался:

«— И как же будет называться ваше произведение?

— «Калигула».

Сюжет, столь глубоко религиозный, что на следующий же день Александр был арестован двумя карабинерами, препроводившими его вплоть до границы папского государства.

Париж 1836-го, министры грабят страну, на их места берут таких же, и все повторяется, в феврале во главе правительства Тьер сменяет Де Брогли, уступив затем место Моле и Гизо в сентябре. Но так или иначе легитимистская оппозиция в полном развале с момента смехотворной эпопеи с герцогиней Беррийской. Бонапартистов как бы больше не существует, и будущий Наполеон Малый потерпит крах 30 октября в своей попытке поднять страсбургский гарнизон. Революционеры были укрощены расстрелом и тюрьмой. Умеренные республиканцы живут в режиме самоцензуры со времен сентябрьских законов о прессе. Король-груша и луи-филипповская буржуазия торжествуют на фоне биржевой игры, скандалов с финансами и недвижимостью, самостийной индустриализации. Нищета рабочих «достигает предела», как сообщает префект полиции, процент самоубийств среди них возрастает с пугающей скоростью. В ряду прочего доклад комиссара полиции района Попинкур свидетельствует: «Даже представить себе невозможно, какие лишения испытывают рабочие. Они продали или заложили все свое имущество, даже орудия труда. Лишенные жилья, проданного за ничтожную цену, они ютятся в страшной тесноте в самых дешевых ночлежках. Они по уши в долгах, кредит их исчерпан»[169].

И, однако, потребность в чтении неуклонно растет. Конечно, закон Гизо 1833 года поместил начальное образование целиком под контроль духовенства, но вместе с тем, сделав начальное и среднее образование обязательным в каждом округе и коммуне, он заставил в значительной степени отступить неграмотность. При Реставрации безграмотными были две трети взрослого населения, В 1848 году окажется, что шестьдесят пять процентов

новобранцев умеет читать, и этот процент грамотности мужского населения на самом деле гораздо выше, поскольку молодые буржуа как правило уклоняются от призыва, покупая себе замену. Отсюда процветание читальных залов, и Александр покупает один из них для матери своего сына Лауры Лабе, которая, следовательно, расстается со своим швейным делом, Другой характерный признак — появление новой прессы в результате упрощения типографской техники. В 1836 году Дютак основал «Le Siecle», которая за несколько месяцев наберет тридцать тысяч подписчиков. В то же время Жирарден начинает издавать «La Presse», получившую в рекордно короткие сроки двадцать тысяч читателей. Новые газеты стоят в два раза дешевле старых, благодаря огромному тиражу и предоставлению места для платной рекламы. И, разумеется, они не занимаются политикой, разве что биржевой.

Несмотря на очевидную оригинальность сюжета, несмотря на музыку Луи Александра Пиччини, в то время весьма известного композитора, автора более чем двухсот опер и комических опер, несмотря на исполнение Бокажем главной роли, «Дон Жуан де Манара» с треском провалился 30 апреля. Проницательный Гарель приписывает этот провал тому факту, что пьеса содержала стихи. «Не так много», — оправдывался Александр, но Гарель был тверд: «Как бы мало их ни было, они испортили все сочинение»[170]. И чего не сказал любезный Гарель, но что прекрасно знал Александр, явление Иды в роли Доброго Ангела, такого бесплотного, что дальше некуда, спровоцировало хохот всего зрительного зала. Критика сорвалась с цепи. Эстафету приняла молва. «Я был не то чтобы банален, я устарел, и, более того, просто умер». Гарель чувствует конъюнктуру и теперь уже отказывается ставить «Пола Джонса», хотя прежде дал свое согласие.

Александр размышляет, как отплатить с лихвой тем, «кого неспособность к творчеству заставила заниматься критикой»?[171] Фредерик Леметр дает ему «Кина» Теолона и Курси. Довольно бесцветную драму, хотя игравший ее знаменитый английский актер, три года назад умерший в нищете, был личностью яркой, страстной, яростной, чрезмерной во всех своих проявлениях, то есть такой же, как Александр и Леметр. Александр сохраняет основу пьесы, обогащает интригу, переписывает все диалоги, включая в них едкую сатиру на критиков, и подписывает одну из лучших своих пьес. А Леметр с триумфом играет главную роль в «Кине, или Гении и беспутстве», таково программное название пьесы, 31 августа в театре Варьете. На этот раз критика вынуждена обратить на спектакль внимание и отдать должное как

актеру, так и автору.

Но все это уже не так важно теперь, когда у Александра есть своя собственная трибуна. В конце июня Жирарден предложил ему место хроникера в «La Presse», чтобы рецензировать спектакли двух театров — Комеди-Франсез и «Порт Сен-Мартен»[172]. Плюс фельетон в утреннем воскресном номере «для написания исторических сцен, которые последовательно представят самые значительные для Истории Франции правления, начиная с Филиппа Валуа», то есть речь шла о продолжении «Галлии и Франции». Условия заслуживают упоминания: франк за строчку в рецензиях, франк двадцать пять сантимов за исторические фельетоны. Сразу же Александр снова завоевывает первенство в создании нового жанра: «La Presse» начала выходить, и я придумал для нее роман-фельетон.

Правда, первый опыт был не слишком удачным. Жирарден дал мне лишь один фельетон в неделю, и я дебютировал «Графиней де Солсбери», не самой лучшей своей вещью.

Роман мог бы состояться, имей я фельетон каждый день.

Раз в неделю он не имеет никакого смысла.

Но тем не менее другие газеты усвоили этот новый способ публикации».

Было бы слишком смело считать «Графиню де Солсбери» романом. На самом деле это последовательно соединенные, расписанные в лицах и упрощенные исторические факты, но типографическое расположение текста со всей очевидностью свидетельствует, что Александр быстро научился гнать строки. Финансовый подход может у кого-то вызвать улыбку, однако он обусловил самую концепцию романа, навязав стиль менее компактный, более описательный, то есть более удобочитаемый, как и более современный, чем частично и можно объяснить объем будущих больших произведений Александра.

Первый номер «La Presse» датируется 1 июля 1836 года. Уже на следующий день Александр рассуждает в газете «Об аристократической трагедии, буржуазной комедии и народной драме». Не следует вводить читателя в заблуждение: на сей раз Александр не выступает основоположником новых теорий, особенно тех, что противопоставляют буржуазную литературу пролетарской, скорее наоборот. Показав, что Расин и Корнель — выразители абсолютной монархии в театре, Александр ведет начало появления народа на французской сцене с «Фигаро» Бомарше. С приходом Революции народ осознает силу своей власти. «Ибо он добивается законов не только защищающих, но и агрессивных; ибо он знает, что перевеса в три голоса ему достаточно, чтобы пало правительство, а трех солнечных дней —

чтобы пала династия». Возврат к прежнему порядку при Реставрации его обескураживает, он уходит из театров, пока не вовлечет его в свою бездну романтическая революция. Но только «поставленная цель остается далеко позади: народ требовал, чтобы его пустили в театр, а ему позволили театр завоевать; вместо того чтобы предоставить ему разумную долю участия в действии, все вершилось произвольно им одним. <…> Стремились к достижению свободы, а пришли к распущенности». Следовательно, «народу и драме в 1836 году для упрочения их могущества остается осмелиться сделать лишь одно: как можно меньше осмеливаться».

И вот вам победитель литературного Вальми, превратившийся не в предателя, наподобие Дюмурье, но в маршала Империи, вроде Келлермана. И это обуржуазивание театра вписывается в долгосрочную стратегию. Возвращение успеха после «Кина», позиция влиятельного критика в «La Presse» — необходимые предварительные этапы, прежде чем он вместе с Гюго сможет создать второй Французский театр, насущную необходимость которого Александр провозгласит 25 сентября. «Умерла ли трагедия вместе с Тальма?» — спросит он в декабре, намереваясь ее воскресить, ведь не просто так почтительно пообещал он Папе «Калигулу».

Умеренность позиции еще и потому, что, если хочешь получить субсидируемый властями театр, не следует эти власти отпугивать. Он на правильном пути. Если ему по-прежнему не удается добиться расположения короля-груши, благосклонность королевы Марии-Амалии не заставляет себя ждать. По приезде из Италии в начале года он дарит ей рисунок Жадена, представляющий часовню в Палермо, где был крещен Фердинанд. Как это мило, и Александр становится вдвойне желанным гостем. Мария-Амалия вздыхает, по секрету, ее старший сын внушает ей опасения. С момента его возвращения из Алжира она не узнает своего санитарного репатрианта. Он, всегда такой разумный, такой аккуратный, Александр поддакивает, теперь пустился во все тяжкие, достаточно на лицо посмотреть, на глаза в пол-лица, если так дальше пойдет, он вконец подорвет свое здоровье. Александр разделяет сей пессимистический настрой. И хуже всего то, что прежде такой послушный, теперь он совершенно не слушает мамочку и даже отца! Александр потрясен. Мария-Амалия умоляет его вмешаться, он ведь лучший друг Фердинанда и имеет на него влияние, единственный, кого послушается наследник престола. И Александр обещает невозможное. Небольшой заговор с хирургом Фердинанда Паскье, достаточно будет припугнуть недостойного молодого человека туберкулезом.

Александр берет на себе сообщение этой страшной новости. Содержание его письма нам неизвестно, но Фердинанд его советам последовал, отправившись путешествовать в Германию подальше от папочки и мамочки.

Весьма серьезное происшествие на какой-то момент нарушает новое восхождение Александра к успеху. В высшей степени современные хищнические методы Жирардена вступают в противоречие с кодексом чести журналистов старой школы, наблюдающих внезапный отток своих подписчиков и снижение розничной продажи своих газет. «Le National» Карреля — не последняя, кто упрекнет в этом «La Presse». За сим последует дуэль на пистолетах. Жирарден ранен, Каррель — смертельно. До конца верный своим убеждениям, он наотрез откажется от священника и потребует гражданских похорон. Огромная толпа идет за его гробом. Александр — с низко опущенной головой. Как совместить проявление солидарности с главой умеренных республиканцев и сохранение своего места критика в «La Presse»? Со смертью в душе он умокнул перо в чернильницу и сочинил свой следующий фельетон, и тот, у кого всегда чистая совесть, подсказал ему первые слова.

Ида царит хозяйкой на улице Блё. Конечно, она — собственница и ревнивица, мучает Александра, чтобы он устроил ей ангажемент в Комеди-Франсез, но зато она взяла на себя заботу о двоих детях и умеет принимать гостей. Среди последних постоянно бывает Жерар де Нерваль, которому Александр присвоил прекрасное звание «человек сказок». Скорее всего своими странными историями Нерваль привлек к себе маленькую Мари, девочку, не слишком избалованную от природы; не зная никаких близких, кроме кормилиц, она сразу же привязалась к толстой Иде с ее внешностью доброй матушки. Зато с младшим Дюма, упрямым, золотушным, у нее отношения самые скверные. Чтобы утешить сына, Александр страшно его балует и тайком удирает повидаться с Виржинией Бурбье, возвратившейся из Санкт-Петербурга. Снова изнуряющие сцены с Идой и посланный в утешение Александру 18 сентября карцер на две недели, за то, что он постоянно пропускал дежурства в гвардии.

В тюрьме он начинает писать «Мои невзгоды в Национальной гвардии». Страшно смешно он рассказывает о всех своих расходах на различные виды гвардейской формы — конника, простого артиллериста, капитана, лейтенанта. Попутно отдает дань уважения Бастиду и Кавеньяку, принявшим его в четвертой батарее, «как братья; поэтому и к ним сохранил я братскую привязанность», как бы в уплату за свое отступничество от республиканцев. Июньские мятежи 1832 года он представляет

здесь в версии, более соответствующей действительности. Приступы послехолерных осложнений, мучительная лихорадка, остаются и страшный голод, и то самое рыбное блюдо матлот, гремят выстрелы, будучи офицером, он спешит в свой корпус, в него стреляет Грий де Бёзлен, он укрывается в театре «Порт Сен-Мартен», «десять минут спустя я вышел через черный ход и отправился к г-ну Лаффиту».

Параллельно он продолжает выяснять отношения со своими собратьями критиками. «Один, скорее продажный, чем злобный, взял за правило не испытывать ни дружбы, ни ненависти; его хвалы и поношения тщательно пронумерованы: на всех висят этикетки», это про Шарля Мориса. «Другой, напротив, скорее злобный, чем продажный: он желчен по причине озлобленной немощи, экстравертного гнева, прогорклой ненависти; он хотел быть литератором, но смог стать лишь бумагомарателем», здесь мы узнаем Гюстава Планша. «Третий не продажен и не зол, он капризен, и не спонтанно, не будем заблуждаться на этот счет, а по расчету. <…> Лишенный истинного воображения, он придумал себе формальное; видя, что мысль от него ускользает, он поспешает за ней со стилем», и тут, вне всякого сомнения, речь идет о Жюле Жанене.

Весьма приятная тюрьма, на самом деле комната вполне комфортабельная, защищающая от всех докучных, от любителей автографов, авторов в поисках издателей и соавторов. Дверь открывается лишь для тех, которых «рад принять». «И еще время от времени для ангела, который является, вопреки страже и решеткам, освещая вашу тюрьму небесным светом любви». По идее речь должна бы идти о Добром Ангеле с тяжеловесным полетом — Иде. Рассудку вопреки мы можем предположить и другую кандидатуру — Виржинию Бурбье. Однако возможно, что они являлись просто по очереди. Среди других визитеров, принимаемых с радостью, Нерваль, тогда безумно влюбленный на расстоянии в Женни Колон, «насмешницу с прекрасными зубами, певицу с хрустальным голосом, художницу с золотыми волосами», большую приятельницу Александра, которая «никогда не была для меня никем иным, кроме как приятельницей»[173]. Александр и Нерваль работают вместе над либретто оперы «Пикилло» на музыку Ипполита Монпу и с главной партией для Женни Колон, отличный путь для Нерваля к ее сердцу. «За эти пятнадцать дней тюрьмы, где мы сидели взаперти по пять-шесть часов наедине друг с другом, я сумел по достоинству оценить чарующую природу Жерара и поразительную легкость Монпу.

Жерар начал с того, что принес мне некий сюжет из индийского театра, стало быть, совершенно не приемлемый для

нашей сцены, с которой он никак не связан ни по сути, ни по форме. <…> Я попытался материализовать эту поэзию, неуловимую, как воздух, затем я перенес персонажей из Индии в Испанию. Забрав из рук Жерара все, что касалось прозы, я оставил ему только область поэтического», весьма разумное распределение обязанностей. Выйдя из тюрьмы, Александр с радостью отрекомендовывает Жерара Женни: «Подумайте только, ведь не каждый день у ваших ног увидите вы поэта, который на пяти языках — греческом, латыни, немецком, арабском и персидском — сможет сказать: «Я вас люблю», и который никогда не осмелится сказать вам это по-французски». Но Женни не оказалась полиглоткой, и Жерар навсегда остался при ней «в роли любовника-созерцателя». «Пикилло» сыграют в следующем году, опера будет иметь «очень средний успех», и Жерар вскоре растратит на цветы для Женни всю свою долю авторских прав.

«Г-н Дюма судит о равных себе, но ими не судим. Это громкое имя звучит сегодня в театриках, где играют водевили, тогда как прежде заставляло содрогаться от аплодисментов самые большие парижские сцены. Г-н Дюма как будто стремится к тому же, что и г-н Скриб; он больше не пишет драм, а только водевили, либретто комических опер, переделки других пьес»[174]. Это отрывок из «Писем о французских писателях» малыша Жюля Леконта, он же граф Ван Анжельгом, заочно осужденный за мошенничество, сбежавший в Брюссель, где теперь выдает себя за большого сатирического поэта Огюста Барбье, «Ямбы» которого читает наизусть любому встречному грамотному английскому туристу, когда хочет его соблазнить. Опубликованные в Бельгии, письма эти переизданы в Париже в «Le Cabinet de lecture», где редактор — Балатье. Волнения среди затронутых в «Письмах» писателей. Алфонс Карр посылает к Балатье своих секундантов. Добродушный вопреки всему Роже де Бовуар откликается репликой в том же «Cabinet de lecture»: «Граф Жюль Ван Анжельгом написал такого рода памфлет против всей литературы, что следует задать себе вопрос, не являются ли случайно все литераторы Парижа его кредиторами <…>. Он пачкает Александра Дюма, который оплачивал ему месяцы его путешествий и не раз закрывал глаза на исчезновение принадлежавших ему сапог, которые юный Ван Анжельгом носил из уважения к автору «Антони»[175]. Александр до ответа ему не снизошел. Он работает не покладая рук. В 1837 году у него в работе два романа и трагедия.

Калигула дал своей лошади звание консула. В цирке Лорана Франкони имеется ученая лошадь по имени Адольф. Анисе Буржуа предлагает Александру написать «Калигулу»[176], где

главным персонажем был бы Адольф. Мысль интересная, и не исключено, что религиозностью своей понравится Папе. Но через десять дней Адольф ломает ногу, его пристреливают, и мысль повисает в воздухе. Между делом Александр приходит к выводу, что для цирка ему следует написать не буффонаду, а большую трагедию, о которой он мечтает со времен Италии, которая сделает из него классика романтизма и в перспективе сможет развязать новое сражение за «Генриха III». Анисе Буржуа уклоняется, и его можно понять: Александр решил, что пьеса должна быть в стихах. Но в конце концов они получились не такими уж плохими, возможно, Нерваль оказал ему ту же услугу, что некогда Гюго и Виньи для «Христины»?

Износившийся автор снова почуял попутный ветер в парусах. Комеди-Франсез спрашивает, на каких условиях согласен он вернуться в отчий дом. «Пять тысяч франков вознаграждения и ангажемент для актрисы, в которой я заинтересован». Увы, речь идет не о Виржинии, вернувшейся в Санкт-Петербург, а о пузатенькой Иде, которая получает роль в амплуа героини лишь на шесть месяцев: хитрецы из Комеди-Франсез тоже не лыком шиты. Фердинанд возвращается из Германии влюбленным. Порою государственные интересы не вступают в противоречие с чувствами, ибо Елена Мекленбургская-Шверинская хороша собой, образована и очень любит Гюго. Единственная загвоздка в том, что она протестантка. Либерала Фердинанда это не смущает: свадьба будет отпразднована по обряду двух религий. В Палате пэров это вызовет парламентский запрос с позиций католицизма от Дрё-Брезе. Фердинанд с самой любезной из своих улыбок ответит на это, что свобода вероисповедания гарантирована Хартией, и что он не видит причин, по которым должен быть исключенным из завоеванных прав; этот молодой человек становится от часа к часу все более интересным. Церемония назначена на 30 мая. Александр, разумеется, приглашен. В качестве свадебного подарка Фердинанд дарит ему орден Почетного легиона, а Гюго получит в легионе офицерский чин. По поводу Гюго Фердинанд специально консультировался с Александром: что ему подарить в благодарность за сборник стихов, который тот только что послал будущей герцогине Орлеанской, табакерку или перстень с брильянтами? Александр ласково качает головой: «Так поступил бы любой другой принц и сам монсеньор герцог Орлеанский, но мой герцог Орлеанский — не такой, как все, он — единственный».

Фердинанд с этим согласен, но что же дальше? Картину Делакруа, у Александра их три, и было бы справедливо, чтобы у Гюго была хотя бы одна. Фердинанд предоставляет ему полную

свободу выбора. Александр думает о «Марино Фальеро», произведении, столь подробно описанном критиками, что Делакруа не мог его продать. Теперь он страшно привязался к картине и вовсе не хочет ее лишаться, разве что Александру отдаст за тысячу франков или Фердинанду за три тысячи, поскольку оба сумеют и оценить картину по достоинству, и сохранить, но никому другому, будь то даже Гюго, он ее не уступит. Напрасно Александр поднимал цену — до восьми тысяч франков, Делакруа стоял на своем. Какой подарок в результате получил Гюго, неизвестно. Король-груша не забыл о письме своего бывшего сверхштатника с просьбой об отставке, он вычеркнул его имя из представленных к ордену Почетного легиона. Александр не сносит обиды и предупреждает Фердинанда, что на свадьбу не придет. Из солидарности такое же решение принимает и Гюго. Фердинанду так же необходимо присутствие на свадьбе Александра, как его жене — присутствие Гюго, и теперь он уже больше не тушуется перед своим отцом, как когда-то. В результате он вырывает у отца необходимое решение, и маркиз Дюма-Дави де ля Пайетри становится кавалером. Великолепный прием в Версале, Александр и Гюго щеголяют на нем в форме офицеров Национальной гвардии. Народные увеселения в Париже. На Марсовом поле несколько человек погибает в давке[177]. Узнав об этом, будущая королева Франции восклицает:

«Как во время праздников Людовика XVI. Какое страшное предзнаменование!»

Даже очень большому поэту нелегко заниматься стихосложением в парижской суете, поэтому Александр с удвоенной радостью принимает приглашение Фердинанда провести с ним лето в Компьене. Останавливается он не в замке, где слишком шумно, а поблизости — у вдовы егеря, прямо в лесу. Место «называлось Сен-Корнель, для трагедии, как мы видим, имелся прекрасный покровитель!» Работает он упорно, прерываясь лишь для ужинов в замке или для охоты с последующими завтраками на траве. Фердинанд просит его однажды разрезать фазана. Александр уклоняется, обязанность ношения острого оружия по праву принадлежит хирургу Паскье. Фердинанд поражен точностью замечания. Паскье приступает к операции, и «он не сделал бы лучше, будь фазан пациентом, а нож — хирургическим». Фердинанд тоже смотрит на процедуру с улыбкой, но внезапно — неудержимая серия ассоциаций, выброс воспоминаний об осаде Антверпена или об алжирской войне, он вздрагивает:

«Подумать только, что это животное однажды и меня так же

расчленит, как расчленяет теперь фазана!»

И так оно и случится. Существует, таким образом, еще одна точка соприкосновения между Александром и Фердинандом: оба достаточно точно предсказывают будущее. К концу сентября работа над «Калигулой» закончена. Александр рассчитывает «на деньги мне на зиму». Он читает пьесу репертуарному Комитету, получает единодушное одобрение, пьеса обладает определенными достоинствами, и, возможно, возместит пять тысяч франков авторского гонорара, плюс расходы на постановку, пять декораций, сто шестьдесят костюмов, двадцать три актера, огромная массовка. Александр хочет, чтобы колесница Калигулы была запряжена четверкой белых лошадей. Пайщики Комеди-Франсез вне себя от возмущения, по их мнению, «Комеди-Франсез не постановочный театр», и это неизменно. Александр бушует, угрожает процессом, пытается договориться, «и в колесницу Калигулы впрягаются женщины, что имело совершенно иной моральный смысл».

Взвинченная атмосфера во время премьеры 26 декабря, — вот что омолодило театр на восемь лет. Все места раскуплены за два месяца вперед, охрана усилена, у входа продаются памятные медали в честь этого исторического вечера. Появление Орлеанской четы, более красивой и молодой, чем та, что присутствовала на премьере «Генриха III». Александр дарит герцогине свою рукопись с рисунками Доза и Буланже. На следующий день он получит в обмен бронзу Бари. Что касается издания пьесы, то оно выйдет с посвящением «незнакомцу, присутствовавшему на премьере», даже самый искушенный республиканец не смог бы более ясно назвать наследника трона.

Приличный текст, роскошная постановка, в роли Калигулы — Лижье, Мессалины — Александрина Нобле, игравшая с чуть заметным английским акцентом в честь Шекспира, конечно, достойное распределение других ролей. Конечно, вполне можно было бы обойтись без Иды в роли Стеллы, христианской девственницы шестнадцати лет, которую Калигула велел похитить, а потом убить, поскольку она слишком сильно ему сопротивлялась. Та, которая получит прозвище «прекраснозадая мученица», говорит в нос, путается в своем длинном платье и несколько раз чуть было не падает под громкий смех всего зала. Клака довершает провал Иды. Александр заплатил главному клакеру по обычному тарифу, плюс дополнительно за каждую тираду Иды, однако полученные последними предписания от актеров оказались слишком противоречивыми: те, кто занят в спектакле, требуют аплодисментов, те же, кто не занят, свиста, и не так-то легко осуществлять одновременно оба действия и таким

образом выполнять все полученные заказы.

Критика разделилась на друзей и врагов Александра. Враги берут верх. Жанен, не забывший своего портрета, написанного Александром в «Моих невзгодах в Национальной гвардии», ведет себя так оскорбительно, что Александр посылает ему секундантов. Вызов, не имевший никаких последствий, так как Жанен от дуэли уклонится. Есть еще приятельницы Александра, враги или платонические соперницы Иды. Такова красавица Дельфина де Жирарден, собрат Александра по перу в газете своего мужа, написавшая под псевдонимом «виконт де Лоне» остроумнейшие «Парижские письма». Как актрисе Иде никогда уже не возродиться после следующей характеристики: «Возможно ль при такой-то талии выступать в амплуа инженю? <…> Полнота мадемуазель Иды в роли юной, мечтательной и сентиментальной девицы, всегда одетой в белое, застенчивой девственницы с легкой поступью, ускользающей от подлого похитителя, ангела и сильфиды, которой не хватает лишь крыльев, возмутительна и смехотворна. Надо быть, по крайней мере, транспортабельной, если рассчитываешь, что тебя будут похищать каждый вечер».

После двадцати представлений пьесу снимают с афиши. За всей этой возней скрыто начало романа Александра в 1837 году с двумя значительными произведениями.

Итак, за три года до «Коломбы» Мериме, в конце января в «La Presse» опубликован «Паскаль Бруно»[178], история кровной мести между семьей Бруно и семейством графа Кастель Нуово. Граф изнасиловал мать Паскаля. Отец убивает графа. Его арестуют, казнят и голову в железной клетке выставят в деревне Баузо. Паскаль готов отказаться от мести за своих родителей, если ему позволят взять в жены камеристку Джеммы, графской дочери. Но Джемма отказывает Паскалю и выдает камеристку замуж за слугу вице-короля, своего любовника. В день свадьбы появляется Паскаль, убивает жениха, невеста сходит с ума, он забирает череп своего отца, ночью пробирается в спальню Джеммы и бреет ей голову и брови. То время, пока волосы отрастут вновь, то есть год, она должна провести в монастыре. Паскаль вместе с молодым арабским корсаром Али, которому он спас жизнь, уходит в маки. Враг богатых, благодетель бедных, настоящий Робин Гуд. Чтобы его поймать, войска сжигают деревни, где у него есть сообщники. Тогда он сдается, чтобы прекратить резню. Джемма торжествует. Паскаль казнен, голова его выставлена в Баузо на месте отцовской. Вице-король входит в спальню к своей любовнице. В полутьме кажется, будто она спит. Он привлекает ее к себе, и голова Джеммы катится на землю. «На следующий день

у окна нашли ятаган Али».

Менее лаконичная и динамичная, менее совершенная по мастерству, но в высшей степени сложная, «Акте»[179] — это первый исторический роман Александра, напечатанный в октябре — декабре в «La Revue et gazette musicale de Paris». В году 57-м после Рождества Христова у берегов Коринфа появляется судно. Кроме ручной тигрицы, с корабля сходят «прекрасный молодой человек лет двадцати семи-двадцати восьми, белокурый, с голубыми глазами и золотистой бородкой» и юноша «примерно на десять лет моложе», чья свежесть «щек устыдила бы любую женщину с прекрасным цветом лица, а его кожа, прозрачная и лишенная волос, могла бы поспорить в тонкости с кожей самых сладострастных дочерей изнеженных Афин». Нет, речь идет не о негативном портрете Александра и не о двойнике Фердинанда, но о Нероне и о Спорусе-Сабине, гермафродите. Нерон прибыл инкогнито — принять участие в играх. Он выиграет в борьбе, в гонках на колесницах и в стихосложении. Нежная Акте становится его любовницей, и он увозит ее в Рим. Она становится объектом ревности гермафродита, который предстает перед нею то Спорусом, то якобы его близнецом Сабиной. Мать Нерона Агриппина раскрывает Акте истинную сущность своего отпрыска, который, в свою очередь, рассказывает ей, что его мать отравительница и распутница, которая пыталась затащить его к себе в постель. В ужасе Акте бежит и встречает апостола Павла, вместе с которым прячется в катакомбах, а потом ее бросают на съедение диким зверям в цирке, но, к счастью, тигрица Нерона замурлыкала у ее ног. Нерон приказывает убить мать. Вместе со Спорусом-Сабиной подходит к трупу, обнажает его и испытывает вдруг «странное ощущение», «постыдное и кровосмесительное сожаление».

«Спорус, — говорит он, — а я и не знал, что она была так красива».

Ему не остается ничего другого, кроме как с большой помпой жениться на Спорусе-Сабине, поджечь Рим, бежать от мятежа в Гальбе, приказать вольноотпущеннику зарезать себя, а гермафродит при этом будет вопить, выплескивая, наконец, свою ненависть к тому, кто унижал и калечил его. Странный роман, не слишком известный, и тридцать семь лет спустя вдохновивший Генрика Сенкевича на многие сцены в «Камо грядеши?» Двуполость, инцест, изнасилование, кастрация, убийство, брачный ад, кто смог бы после этого утверждать, что писание не есть очищение от страстей?

notes

Примечания

1

Victor Emmanuel Wilson, *le General Alexandre Dumas, soldat de la Liberte,* Editions Quisqueya-Quebec, 1977, p. 28.

2

Andre Maurois, *les Trois Dumas,* Paris, Hachette, 1957, p. 13.

3

Если время упразднения чина бригадира в смысле командующего бригадой известно в точности, то архивы сухопутной армии не обладают никакой информацией для определения нового чина и лишь ограничиваются следующими указаниями: «Нынешний бригадир, соответствующий для кавалерии капралу от инфантерии, появляется во время Революции и не имеет ничего общего с бригадиром прежнего режима». (Из письма полковника Поля Гожака, начальника архива сухопутной армии, от 20.01.1992.) Новый чин мог, следовательно, появиться как в конце 1789-го, так и в 1790 или 1791 году, но совершенно очевидно его существование в 1792-м.

4

Хронология военной карьеры Генерала составлена Доминик Фреми и Клод Шопп в *Quid do Dumas,* см. Mes Memoires d'Alexandre Dumas, Paris, Robert Laffont, Bouquins, 1989, tome II, pp. 1266–1268.

5

Письмо Генерала с подтверждением новой отставки в *Quid de Dumas,* opuscite, p. 1267.

Idem, p. 1268.

7

В *Mes Memoires*, Paris, Robert Laffont, Bouquins, 1989, 2 tomes Александр пишет: «Отец мой начинал заболевать раком желудка, естественный результат отравления мышьяком, который ему дали». Медицине того времени это представлялось возможным, медицине сегодняшней — весьма спорным. Гораздо более правдоподобным диагнозом, учитывая психологический строй характера Генерала, представляется язва. Тем более, что клиническая картина последних месяцев его жизни развивается именно в этом направлении: никаких потерь ни в силе, ни в генеральской стати, никакого заметного похудания. Приведшая же к смерти анемия как раз и явилась следствием прободения язвы.

Trois Dumas, opus cite, p. 28.

le General Alexandre Dumas, soldat cle la Liberte, opus cite, p. 248.

10

Charles Glinel, *Alexandre Dumas et son oeuvre,* Reims, Michaud, 1884, p. 12.

11

L. Henry Lecomte, *Alexandre Dumas (1802–1870). Sa vie intime. Ses oeuvres,* Paris, Taillandier, 1904, p. 265.

12

Claude Schopp, *Alexandre Dumas le genie de la vie,* Paris, Mazarine, 1985, p. 10.

13

Alexandre Dumas et son oeuvre, opus cite, p. 20.

14

Об этом непременно надо прочесть в *Mes memoires,* opuscite, tome I, pp. 141–145. А затем вернуться к началу тома: и тогда уже невозможно оторваться до самого конца второго тома.

Quid de Dumas, opus cite, p. 1164.

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, p. 13.

17

В *Mes memoires,* opus cite, tome I, выдержки из *Memoires da general baron Thiebault,* Приложение II, pp. 1120 и 1121.

18

Эти даты взяты из *Quid de Dumas,* opus cite, p. 1178, а не из *Mes Memoires.*

19

Клод Шопп, точность источников которой неоспорима, относит этот эпизод не к 1812-му, а к 1814 году. Но предпочитаем следовать драматургии, выстроенной Александром в его «Мемуарах».

Midi de la France, Paris, Francois Bourin, pp. 171–179.

21

У Александра «Желтый карлик». В Примечаниях и вариантах к 1 тому «Мемуаров» Пьер Жоссеран на стр. 1160 уточняет, что газета перестала выходить: «Та самая, которую, по словам Дюма, основал в Бельгии де Риббен вместе с Арно и Кошуа-Лемером усилиями общества защиты от мракобесов, называлась «Беглый желтый карлик».

22

«Последние письма Якопо Ортиса» Уго Фосколо, которые он переведет в 1839 году.

23

В «Моих мемуарах» этот эпизод не фигурирует, а между тем он весьма важен. Обнародовал его Пайе. Смотри: Пумероль А. Новое о юности Александра Дюма, *Bulletin de la societe historique regionale de Villers-Cotterets,* annee 1905, pp. 34–44.

24

Этой гипотезы придерживается *le Quid de Dumas,* opus cite, p. 1289.

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, p. 53.

26

Источник: Предисловие Фернанды Бассан к *Theatre complet,* Paris, Lettres Modernes, Minard, 1974, tome I, p. 74.

27

Из Предисловия Александра к своему переводу «Айвенго», edition Le Vasseur des Oeuvres completes, Paris, 1907, volume 9, p. 5.

28

Фернанда Бассан пишет, что рукопись осталась у Адольфа де Лёвена. На первой странице рукой последнего внесено уточнение: «Во время одного из путешествий в Париж он [Александр] передал эту пьесу мадемуазель Левек, известной мелодраматической актрисе, заинтересованной в руководстве театра Амбигю, которая прислала ему следующий официальный ответ: «В настоящий момент и т. д…» Позднее Адольф отдал рукопись младшему Дюма, который подарил ее муниципальной библиотеке города Дьеппа, где она и находится до сей поры и где с ней можно ознакомиться. Написана она каллиграфическим почерком. Правила пунктуации соблюдены, и все заглавные буквы на своих местах, чего мы уже не встретим в рукописях Александра, когда он станет профессиональным писателем. Впервые «Айвенго» сыгран 14 мая 1966 года в театре Казино города Дьеппа, а напечатана пьеса впервые в издании *Theatre complet,* осуществленном Фернандой Бассан в 1974 году.

29

Julien Cain et collaborateurs, *Nouvelle Histoire de France,* Paris, Taillandier, 1907, volume 26, pp. 3266–3267.

30

На самом деле *Han d'Island* вышел 8 февраля 1823 года, а «Расин и Шекспир» 8 марта. «Новые поэтические размышления» выйдут 27 сентября 1823-го. Цитата из Стендаля взята из тома 37 Полного собрания его сочинений, Geneve, Cercle du bibliophile, 1970, p. 39.

31

В высшей степени невероятно, чтобы «строжайшие указы», запрещающие магазинам работать по воскресеньям, позволили бы торговлю напитками и функционирование театров в тот же самый Господний день. К тому же Клод Шопп (opus cite, p. 69) указывает, что «Вампира» играли лишь в мае 1823-го, то есть месяц спустя после того, как Александр начал работать в секретариате герцога Орлеанского. Впрочем, это неважно: рассказывая о своей юности, Александр всегда отдает предпочтение удовольствиям перед работой.

32

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 26, p. 3239.

33

Отрывок из свидетельства о рождении младшего Дюма. Pierre Josserand, Notes et variantes du volume I des *Memoires,* opus cite, p. 1179.

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 26, p. 3294.

les Manages du Pere Olifus, Paris, edition Le Vasseur cite, volume 17, p. 116.

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, p. 88.

Idem, p. 86 et p. 89.

38

Эта цитата взята из «Как я стал драматургом» (edition du *Theatre complet* par Fernande Bassan, tome I, opus cite, p. 55) и относится, следовательно, к 1833 году. В «Моих мемуарах» Александр о «Гракхах» не упоминает.

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 26, p. 3295.

40

Примечания и варианты Пьера Жоссерана к тому I «Моих мемуаров», стр. 1187. Брошюра Вилленава произвела на Александра столь незабываемое впечатление, что в «Мемуарах» он называет ее «Донесение о гибели ста тридцати двух жителей Нанта»!

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, p. 95.

Idem, p. 97.

43

Henri Clonard, *Alexandre Dumas,* Paris, Albin Michel, 1955, p. 105.

Idem, pp. 105 et 106.

Idem, p. 106.

Idem, pp. 107 et 108.

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, p. 98.

les Trois Dumas, opus cite, p. 74.

49

В разных источниках указываются разные даты: Анри Клуар и Андре Моруа называют 12 сентября, Клод Шопп — 23 сентября. Но результат в обоих случаях был один и тот же.

50

«Смерть Сарданапала» датируется то 1828 годом (как, например, в Энциклопедическом Словаре Ларусса), то 1827-м (как, например, в «Новой истории Франции»), а во Всемирной Энциклопедии (издания 1975 года) утонченность датировки доходит до того, что под репродукцией указан 1828 год, а в тексте — 1827-й. Зато все биографы Делакруа, в частности, *Tout l'oeuvre point de Delacrois* de Luigina Rossi Bortolatto, Flammarion, 1975, p. 95, сходятся на 1827 годе. К тому же полотно фигурирует в Livret de Salon 1827–1828. Делакруа прислал его из Лондона, где он тогда находился, вместе с одиннадцатью другими своими работами. Александр прекрасно запомнил на этом Салоне 1827 года Буланже, Сент-Эвра и Делакруа (см. «Как я стал драматургом», opus cite, p. 56). Однако, если названия картин первых двух художников он указывает точно, то у Делакруа он называет «Резню на Хиосе», на самом деле относящуюся к 1824 году. Зато в «Моих мемуарах» (глава CCXX) он верно относит «Сарданапала» к третьему возобновлению Салона в 1826-м, что уже недалеко от 1827-го.

51

Источник (также, как и письма Александра Тэйлору): Fernande Bassan, Presentation du' *Theatre complet,* opus cite, tome I, p. 274.

Mes Memoires, tome I, pp. 875–878.

53

Настоящая хронология «Христины» составлена на основании архивов Комеди-Франсез Фернандой Бассани Сильвией Шевале в книге *Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise,* Paris, Lettres Modernes, Millard, 1972, pp. 11–22.

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, p. 112.

55

Предисловие к пьесе «Генрих III и его двор» в *Theatre complet,* opus cite, p. 463.

В «Жаке Простаке» Александр совершенно определенно говорит об этом феномене трех братьев-королей, трижды завершающих династии.

57

Отрывок из еженедельника «Монте-Кристо» от 21 января 1858-го, приведенный Фернандой Бассан в *Theatre complet,* tome I, p. 439.

Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise, opus cite, pp. 23–45.

59

В *Quid de Dumas* (opus cite, p. 1270) представлена другая версия: Мари-Луиза познакомилась со своим внуком Александром — сюрпризом Александра-«отца» в своей квартире на улице Мадам, дом 7, которую снял для нее Александр после успеха «Генриха III». Вполне возможно. Однако весьма сомнительно, чтобы Александр привел к ней сына, предварительно ничего не сказав ей о его появлении на свет. Либо же то был лучший способ вызвать новый, и на сей раз смертельный удар.

60

Датированное 17 июня 1829 года, оно имеет целью снова ходатайствовать о предоставлении места библиотекаря. В частности, Александр напоминает герцогу Орлеанскому: «Накануне представления «Генриха III» я имел честь видеть Ваше Высочество и выразить Ему свои надежды на успех — не столько ради успеха как такового, сколько ради возможных изменений моего положения при Нем». В книге: *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, p. 130.

Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise, opus cite, p. 38.

62

Письмо Мелании Вальдор в книге *Alexandre Dumas*, opus cite, p. 110.

63

В этой главе хронология путешествий Александра взята из *Quid de Dumas,* opus cite, p. 1203, а не из «Мемуаров».

Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise, opus cite, p. 17.

65

Сравните с примечанием 60.

Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise, opus cite, p. 17.

67

Это стихи Виктора Гюго («Лучи и тени»).

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 26, p. 3302.

Quid do Dumas, opus cite, p. 1294.

Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise, opus cite, p. 20.

Кроме креста Воинов Июля и Почетного легиона, он получит еще (см. об этом в *Alexandre Dumas. Sa vie intime. Ses oeuvres,* opus cite, p. 49; *Quid de Dumas,* opus cite, p. 1196) в 1837 году Бельгийский крест, в Испании в 1839-м станет рыцарем Ордена Изабеллы Католической и командором Ордена Карла III в 1846-м, к чему следует присовокупить Орден Густава Ваза (Швеция) в 1840-м, Большой Крест ордена Святого Людовика — из Луго в том же 1840-м, нидерландский Орден Льва в 1849-м и Орден Нишан-Тунисский в 1846-м. Александр) необычайно дорожил этой наградой, изобилующей драгоценными камнями, и вынужден был заложить ее, чтобы заплатить за похороны Мари Дорваль.

Trois Dumas, opus cite, p. 76.

73

«Изучение головы по шишке» в книге *«Propos d’art et de cuisine»,* edition Le Vasseur citee, volume 24, p. 39.

Александр Дюма «О Жераре де Нервале. Новые мемуары», предисловие и подготовка текста Клод Шопп, Editions Complexe, Bruxelles, 1990, p. 194.

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 26, p. 3306.

76

Пьер Жоссеран (Примечания и варианты к тому I «Моих мемуаров», opus cite, p. 1202) точно указывает дату этой пародии — 26 марта 1830-го, что внушает доверие к тезису о рекламном буме перед премьерой «Христины». С другой стороны, Шарль Глинель (*Alexandre Dumas et son oeuvre,* opus cite, p. 261) и Фернанда Бассан (Предисловие к *Theatre complet,* tome II, fascicule 6, p. 27) называют датой пародии 26 апреля, что представляется утверждением более логичным, но менее смелым.

Femantle Bassan, Presentation de *Christine, ou Stockholm, Fontainebleau et Rome,* Lettres Modernes, Minard, Paris, 197.5, tome II, fascicule 6, pp. 26 et 27.

Quid de Dumas, opus cite, p. 1295.

79

Письмо Мелании Вальдор в книге *Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise,* opus cite, p. 48. Хронология, касающаяся различных стадий одобрения «Антони», репетиций и спектаклей, дается по этой же книге, см. стр. 48 и дальше.

Nouvelle Histoire do France, opus cite, vol. 26, p. 3310.

Idem, p. 3312.

Idem, p. 3317.

Idem, p. 3317.

Idem, p. 3317 и 3318.

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, pp. 173 et 174.

Nouvelle Histoire de France, opus cite, p. 3318.

Alexandre Dumas. *Sa vie intime. Ses oeuvres,* opus cite, p. 241.

les Trois Dumas, opus cite, p. 87.

89

Это тот маршрут, который дает Александр Дюма в своих «Мемуарах». В *Le Quid de Dumas,* opus cite, p. 1203 он выглядит иначе: Анже, Нант, Клиссон, Торфу. Но как сказал Александр по другому поводу (на первой странице книги «Из Парижа в Кадикс»), путешествие — это «эпистолярная свобода, почти безграничная»…

90

У Клод Шопп (opus cite, pp. 181–182) другая версия: не из Анже, а из Ля Жарри Александр ходатайствовал и добился помилования вандейцу, который пришел благодарить его коленопреклоненным, но будто бы вовсе не был ему проводником ни до, ни после поездки к Мелании. Но так или иначе, а существо дела не меняется: вандеец избежал каторги, благодаря Александру, а этот последний живым и невредимым добрался до Ля Жарри.

Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise, opus cite, p. 50.

les Trois Dumas, opus cite, p. 88.

93

Цит.: Francois Daumas, *La Civilisation de l'Egypte pharaonique,* Paris, Frthaud, 1067, p. 384.

Alexandre Dumas, opus cite, p. 113.

Quid de Dumas, opus cite, p. 1293.

96

Письмо Мелании Вальдор от 6 октября 1830 г. в книге *Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise,* opus cite, p. 51.

97

Александр Дюма, «Г-н герцог и г-жа герцогиня Орлеанские» в книге: *les Morts vont vite,* edition Le Vasseur citee, volume 24, p. 17.

98

Эта формула принадлежит Одилону Барро, см. *Nouvelle Histoire de France,* opus cite, volume 27, p. 3346.

Idem, pp. 3331 et 3332.

Idem, p. 3349.

101

При Луи-Филиппе должности унтер-офицеров и офицеров Национальной гвардии вплоть до капитана были выборными. Король назначал лишь старших офицеров, выбирая каждого из десяти предложенных. См.: *Nouvelle Histoire de France,* opus cite, volume 27, p. 3339.

102

Femande Bassan, Presentation du *Theatre complet,* opus cite, fascicule 8 (tome II), p. 306.

103

Сведения о продолжении и окончании распрей, связанных с постановкой «Антони» в Комеди-Франсез, почерпнуты в книге *Alexandre Dumas pere et la'Comedie-Francaise,* opus cite, pp. 52 et 53.

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 27, p. 3350.

105

Сведения о детстве младшего Дюма почерпнуты в книге «Три Дюма», opus cite, pp. 104–133.

106

Georges Soria, *Grande histoire de la Commune,* Paris, Robert Laffont-CIub Diderot, 1970, volume 3, p. 361.

107

Impressions de voyage en Suisse, Paris, Francois Maspero-La Decouverte, 1982, volume I, p. 36.

Alexandre Dumas, «Post-scriptum» a l'edition *d'Antony*.

Alexandre Dumas et son oeuvre, opus cite, p. 296.

Yves Lemoine et Pierre Lenoel, *les Avenues de la Republique, Souvenirs de Francois-Vincent Raspail,* Paris, Hachette, 1984, p. 173.

111

Encyclopaedia Universalis, Grand Larousse encyclopedique, Biographie universelle ancienne et moderne, Encyclopoedia Britannica, etc.

Encyclopoedia Universalis, opus cite, volume 4, p. 192.

113

Le Grand Dictionnaire de la cuisine, Paris, Henri Veyrier, 1973, p. 557.

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, p. 206.

115

Примечания и варианты ко второму тому «Моих мемуаров», opus cite, p. 1126.

Souvenirs de Francois-Vincent Raspail, opus cite, p. 188.

117

Ссора эта признана в качестве таковой лишь после выхода «Галлии и Франции» (июнь 1833). См.: «Г-н герцог и г-жа герцогиня Орлеанские», article cite, p. 22.

118

Александр Дюма: «Альфред де Мюссе», в книге *les Morts vont vite,* edition Le Vasseur citee, volume 24, pp. 62–83. Цитаты, касающиеся Мюссе, извлечены из этой статьи. Письмо, в котором Мюссе говорит о «нашей старой и вечно молодой дружбе», фигурирует в «Переписке (1827–1857)», Paris, Mercure de France, 1907, p. 241.

119

Journal intime Антуана Фонтане цитируется в «Трех Дюма», opus cite, p. 116.

120

Alexandre Dumas, *Impressions de voyage en Suisse,* opus cite, volume II, p. 258.

121

Reginald Hael et Pierrette Methe, *Dictionnaire Dumas,* Montreal, Guerin, 1990, p. 829.

Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise, opus cite, p. 78.

123

По сведениям Франсиса Амбриера, Мари Дорваль переехала в дом 44 на улице Сен-Лазар лишь в середине апреля 1833 года. См. Francis Ambriere, *Mademoiselle Mars et Marie Dorval au theatre et dans la vie,* Paris, Seuil, 1992, p. 276.

124

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 27, pp. 3357 et 3358.

Le Grand Dictionnaire de la cuisine, opus cite, p. 36.

126

Jules Lecomte, *Lettres de Van Engelgom,* reedition de 1925, Paris, Boissard, p. 117.

127

Резюме трех первых актов и полностью весь четвертый акт были опубликованы в книге: L. Henry Lecomte, *Alexandre Dumas. Sa vie intime. Ses oeuvres.* Рукопись «Сына эмигранта» хранится в библиотеке Арсенала в Отделе театральных искусств, Fonds Rondel, m. 484.

Quid de Dumas, opus cite, p. 1203.

129

Цитируются «Впечатления о путешествии в Швейцарию» в издании Francois Maspero-La Decouverte, Paris, 2 volumes, 1982.

Encyclopoedia Universalis, opus cite, tome 11, p. 265.

Impressions de voyage en Suisse, opus cite, tome II, pp. 116–160.

Idem, tome II, pp. 70–91.

133

Точное название: *Les aventures du dernier Abencerage.*

134

В книге «По Швейцарии» Александр «молодого человека» не называет, но напоминает об этом рукопожатии с Наполеоном Малым в письме к нему от 10 августа 1864 года, в котором протестует против запрещения «Парижских могикан» (См. Alexandre Dumas. Sa vie intime. Ses oeuvres, pp. 69 et 70.

135

Impressions de voyage en Suisse, tome I, pp. 366–372.

Alexandre Dumas. Sa vie intime. Ses oeuvres, opus cite, p. 172.

137

Предисловие к «Галлии и Франции», издательство Le Vasseur citee, volume 8, p. 4. Это Предисловие написано уже после того, как вышло первое издание (июнь 1833), так как Александр объявляет в нем: «Впрочем, именно эту задачу ставили мы перед собой четырнадцать лет назад, когда впервые опубликовали <… > «Галлию и Францию». Таким образом, Предисловие написано в 1847 году, хотя и существует лишь в издании 1852 года.

Gaule et France, p. 4.

139

Этот пассаж о пятилетнем сроке президентства и следующая за ним цитата о личности президента фигурируют в издании «Галлии и Франции» 1833, Paris, Urbain Canel et Alphonse Guyot, pp. 374 et 375. Однако в последующих переизданиях 1852, 1854, 1855, 1862, 1863 годов и в издании Le Vasseur 1907-го этого текста уже нет. Его упразднение объясняется тем, что Александр не мог предвидеть столь неожиданного поворота Истории, в результате которого Вторая Империя оказалась между двумя республиками.

140

Histoire de mes betes, edition Le Vasseur citee, volume 20, p. 30.

141

Классификация гостей Александра соответствует приведенной в *Quid de Dumas,* opus cite, p. 1147.

142

В «Моих мемуарах» Жерар де Нерваль в числе гостей не упоминается. Зато он есть в книге *Sur Gerard de Nerval. Nouveau Memoires,* opus cite, p. 58.

143

По поводу «Анжелы» см.: Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise, opus cite, pp. 82 et 83.

144

Об отношениях Мари Дорваль и Жорж Санд более подробно можно справиться, в частности, у Henri Guillemin, *la Liaison Musset-Sand,* Paris, Gallimard, 1972, pp. 41 et 42; Andre Maurois, *Lelia ou la vie de George Samd,* Paris, Hachette, 1968, pp. 170–175; Francis Arnbriere, *Mademoiselle Mars et Marie Dorval au theatre et dans la vie,* opus cite, pp. 259 et 260. Относительно неудавшейся дуэли между Александром и Гюставом Планшем см.: Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, pp. 247–250.

Mademoiselle Mars et Marie Dorval au theatre et dans la vie, opus cite, p. 275.

146

По поводу статей Гранье де Касаньяка о «Галлии и Франции» и о последовавшей вслед за ними ссоре между Александром и Виктором Гюго см.: *Alexandre Dumas et son oeuvre,* opus cite, p. 325; *Alexandre Dumas. Sa vie intime. Ses oeuvres,* opus cite, p. 219;*les Trois Dumas,* opus cite, pp. 135–137; и более подробно: *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, pp. 251–255.

147

Alexandre Dumas. Sa vie intime. Ses Oeuvres, opus cite, pp 219 et 220.

Gaule et France, opus cite, p. 55.

Alexandre pere et la Comedie-Francaise, opus cite, p. 84.

Alexandre Dumas. Sa vie intime. Ses oeuvres, opus cite, p. 258.

Impressions de voyage en Suisse, opus cite, tome II, p. 373.

152

Письмо Иды Феррье к Доманжу в книге: Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, pp. 320 et 321.

153

Письмо Александра к Гюго после их примирения отклоняло приглашение со следующим объяснением: «Не знаю почему, но все вообразили, будто у вас я должен встретиться с мадам Дорваль». Следует также описание сцены. См.: *Mademoiselle Mars et Marie Dorval au theatre et dans la vie,* opus cite, p. 302.

Idem, pp. 283 et 284. Письмо Александра Мари Дорваль.

155

К этому делу Александр возвращался в своих текстах множество раз. Нигде он не дает его точной даты, разве что косвенно упоминая о ней в *Sur Gerard de Nerval. Notiveaux Memoires,* opus cite, p. 225 в связи с похоронами Фердинанда, умершего в 1842 году. В тот день хирург герцога напомнил Александру о въезде Фердинанда в Париж, «ровно двенадцать лет тому назад», во главе гусарского полка. «Четыре года спустя, напомнив ему о том элегантном мундире, что он носил тогда, я спас с его помощью жизнь одному солдату этого полка, приговоренному к смертной казни», что отсылает нас к 1834 году. Решение Брюйана было вынесено, должно быть, в мае или в июне, после запрещения «Антони» Тьером 28 апреля. Если бы это было раньше, Александр обратился бы с ходатайством к карлику, а не к Гизо, с которым он связан тогда проектом своего путешествия по Средиземноморью. Наконец, в отчете об одном из путешествий в *Midi de la France* (осень 1834-го) упоминается та же дата, хотя месяцем ходатайства перед Фердинандом назван октябрь.

Les Morts vont vile, edition Le Vasseur citee, volume 24, p. 22.

Idem, p. 24.

158

Источники: введение Анри д'Альмерея к «Письмам Ван Анжельгома», opus cite, pp. 11–43 et *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, pp. 270, 271, 277, 320, 347.

159

Относительно процесса и последовавшей дуэли см.: *les Trois Dumas,* opus cite, pp. 136 et 137. *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, pp. 263–265.

Mes Memoires, tome I, Appendice II deja cite, pp. 1120 et 1121.

161

Alexandre Dumas, *Georges,* Paris, Gallimard-Folio, 1974, pp. 113–119.

162

Stendhal, «Journal 1834» in *Oeuvres intimes,* Paris, Bibliotheque de la Pleiade, 1982, tome 2, p. 219.

163

Другие источники, кроме *le Midi de la France,* Paris, Francois Bourin, 1991, p. 407, предисловие Клод Шопп, где содержатся сведения не только о самом путешествии, продолжавшемся сначала ноября 1834-го до середины января 1835-го, но и о любовном приключении в Лионе с Гиацинтой Мёнье, суть следующие: *les Trois Dumas,* opus cite, p. 137, *Alexandre Dumas,* opus cite, pp. 197–206, *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, pp. 269–275, *Quid de Dumas,* opus cite, pp. 1206 et 1207.

«Охота на невинность», in *Midi de la France,* opus cite, pp. 337–407.

165

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 27, pp. 3360–3362.

166

Относительно подготовки к этому новому путешествию см.: *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, pp. 275–277.

167

Об этом новом путешествии, которое продлится до конца декабря 1835 года, свидетельствуют следующие источники: пять книг Александра: «Один год во Флоренции», Paris, Francois Bourin, 1091, 271 p., предисловие Клод Шопп; «Сперонар», Paris, Desjonqueres, 1988, 429 p.; «Капитан Арена», edition Le Vasseur citee, volume 22, pp. 3–69; «Корриколо», Paris, Desjonqueres, 1984, 517 p., предисловие Жан-Ноэль Шифано; «Любовное приключение», Paris, Plon, 1985, 300 p., предисловие Доминик Фернандес, подготовка, публикация текстов и примечания Клод Шопп; предисловие Александра к «Капитану Полу», edition Le Vasseur citee, volume 14, pp. 5–11; преамбула Александра к «Паскалю Бруно», edition Le Vasseur citee, volume 20, pp. 3–5; *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, pp. 277–289; *Quid de Dumas,* opus cite, pp. 1207–1209.

168

Драма «Пол Джонс» была, таким образом, написана в 1835 г. В своем предисловии к роману под названием «Капитан Пол», переработке той же пьесы, датируемой 1838 годом, Александр указывает, что в поисках материалов о Поле Джонсе, моряке и герое романа Фенимора Купера, он совершил путешествие от Нанта до Лорьяна, как раз «между представлениями «Христины» и «Антони» (edition Le Vasseur citee, volume 14, p. 6). Это путешествие, стало быть, должно было иметь место в августе или сентябре 1830-го, либо до встречи с Меланией Вальдор в Ля Жарри, либо, что более вероятно, после нее, что следует и из «Моих мемуаров», в которых именно к этому моменту относит он свою встречу с Полиной, безутешной юной новобрачной, отправляющейся в Иль на корабле, носящем ее имя. Клод Шопп (см. *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, p. 129), напротив, датирует это путешествие в Лорьян маем 1829-го, то есть между представлением «Генриха III» и «Христины». Мы не отдаем предпочтения ни той, ни другой версии.

169

Nouvelle Histoire de France, opus cite, volume 27, p. 3405.

170

В Предисловии к «Капитану Полу», opus cite, p. 6. Здесь же Александр говорит о своем изобретении романа с продолжением (роман-фельетон).

171

Александр Дюма, «Кин, или Гений и беспутство», Paris, Gallimard, 1987, p. 245.

Alexandre Dumas le genie de la vie, opus cite, pp. 291 et 292.

173

Цитаты, касающиеся Жерара до Нерваля, Женни Колон и опоры «Пикилло», взяты из *Sur Gerard de Nerval. Nouveaux Memoires,* opus cite.

Lettres de Van Engelgom, opus cite, p. 113.

Idem, introduction, p. 22.

Источники, касающиеся «Калигулы»: Alexandre Dumas, *Souvenirs dramatiques,* edition Le Vasseurs citee, volume 24, pp. 48–50; Madame Emile de Girardin (le Vicomte de Launay), *Lettres parisiennes,* Paris, Librairie Nouvelle, 1856, tome I, pp. 224 et 225; *Alexandre Dumas et son oeuvre,* opus cite, pp. 343–348; *Alexandre Dumas pere et la Comedie-Francaise,* opus cite, pp. 87–99; *Alexandre Dumas le genie de la vie,* opus cite, pp. 297–301.

177

Grand Dictionnaire Larousse universel du XIX siecle, reimpression de l'edition de 1866–1879, tome 11, 2-e partie, p. 1484.

178

Alexandre Dumas, *Pascal Bruno,* edition Le Vasseur citee, volume 17, pp. 3–25.

179

Alexandre Dumas, *Acte,* Paris, Presses Pocket, 1990, 251 p., вступление, примечания, комментарии и указатель Клод Азиза.